ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№5
2025

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.05.2025 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Проблема ценности жизни в молодежной среде: философские, психологические и юридические аспекты. Литяйкина О.Г., Печаткин А.С., Никишова Н.В. **4**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Теоретико-методологические основы исследования политических технологий лоббизма. Васильева Т.А., Коптелева О.А., Найдин Я.Ю., Мандрица А.В., Казанцев М.А.. **11**

Правовой статус политических партий: сравнение моделей в разных странах. Виноградов М.П., Хабибулин А.Г. **14**

Научная дипломатия в Российской Федерации: концептуальные основы и институциональное развитие. Инякина А.Д. **18**

Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах. Куровский С.В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. **24**

Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования. Куровский С.В., Мишин Д.А., Лебедев С.Г. **31**

Современные методы скрытого управления сознанием и поведением людей в политической среде. Мищук А.Ю. **38**

Трансформация молодежных организаций парламентских политических партий РФ после выборов Президента 2024 года. Нечай Е.Е., Мандрица А.В., Карасев М.И., Казанцев М.А., Литвиненко Д.В. **44**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Многосторонние механизмы управления Северным морским путем: потенциал формирования новой модели международного сотрудничества с участием азиатских стран. Сенаторова П.А. **49**

Теория секьюритизации и экологические угрозы: расширение понятийной рамки безопасности. Тихонова В.В. **55**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Развитие современной китайской политической системы в условиях цифровизации. Бай Етун **61**

Трансформация Калининградской области в рамках региональной политики Российской Федерации. Попихин Д.Д. **65**

Санкционная политика и Калининградская область. Попихин Д.Д. **68**

Трансформация международных позиций России вследствие развития отношений с Китайской Народной Республикой. Рожков И.О. **71**

Формы интеграции в современном миропорядке. Рожков И.О. **75**

Многовекторность внешней политики стран Центральной Азии: баланс интересов в условиях геополитической конкуренции. Саидов Б.С. **78**

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Гибридные войны и их влияние на общественное сознание: олимпийские игры как арена международных отношений. Зверева М.О., Бистрина М.Г. **84**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Особенности проведения выборов в России и за рубежом с использованием системы электронного голосования. Родионов В.А., Сацкевич Т.К. **87**

Структура и порядок формирования Государственного Совета Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. Арснукаева Р.С.-М. **92**

Правовые аспекты регулирования электронного голосования в Российской Федерации: современные вызовы и проблемы. Васильева Т.А., Карасев М.И., Терешина А.Н., Файзулина А.А., Едич Г.С. **99**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подозрительные сделки с неравноценным встречным предоставлением: проблема правоприменения. Алексеева Е.А. **102**

Проблема правового регулирования различных информационных ресурсов, содержащих сведения о земле и земельных участках. Алексеенко Н.А. **108**

Становление и развитие авторского законодательства в Российской Федерации: проблемы в современных реалиях. Афанасьева М.П., Бабанова О.И. **114**

Правовое обеспечение цифровой трансформации в градостроительстве в Российской Федерации. Золотухина М.С. **118**

Правовые средства осуществления прав кредиторов в процедурах банкротства. Ишбаев Е.В. **122**

Бенефициар в корпоративном праве: актуальные проблемы и вопросы. Карпенко О.Д., Дюльгяров О.В. **127**

Административный порядок защиты прав заемщика по договору потребительского кредита (займа). Кузнецов Н.С. **132**

Институт беспошлинной торговли товарами. Михайленко Н.Е. **136**

Сравнительный анализ моделей общественного контроля (США, Китай, Франция) и перспективы развития российского законодательства. Мусаев И.С. **140**

Трансформация институтов гражданского права в цифровую эпоху: российский опыт. Новиков С.А. **147**

Искусственный интеллект в здравоохранении: публично-правовые аспекты. Романец Е.А. **152**

Цифровая экономика как объект научного анализа. Хаминский Р.А. **160**

Правовая квалификация административных правонарушений в области таможенного дела в условиях цифровизации. Эльбиков Б.А. **164**

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовые барьеры и криминогенные риски в трансграничном обороте ювелирных изделий: казахстанско-российский контекст. Нурпеисова В.А. **168**

Формы судебной защиты в цифровой среде: проблемы и тенденции правоприменения. Рыженков Р.А. **173**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие. Коваленко М.С. **180**

Искусственный интеллект: правовые основы, риски и перспективные направления использования при производстве следственных действий. Тайтубаева Л.М. **184**

Дисциплинарный проступок как основание привлечения к дисциплинарной ответственности: понятие, состав, особенности. Шестакова Т.А. **190**

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Некоторые вопросы при реализации специальных знаний в деятельности адвоката: особый статус экспертизы; проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела; экспертиза как специфическое следственное действие. Минеев М.А. **197**

Contents

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE
The problem of the value of life among young people: philosophical, psychological and legal aspects. Lityaykina O.G., Pechatkin A.S., Nikishova N.V. **4**

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES
Theoretical and methodological foundations of the study of political lobbying technologies. Vasilyeva T.A., Kopteleva O.A., Naidin Ya.Yu., Mandritsa A.V., Kazantsev M.A. **11**
Legal status of political parties: comparison of models in different countries. Vinogradov M.P., Khabibulin A.G. **14**
Scientific diplomacy in the Russian Federation: conceptual foundations and institutional development. Inyakina A.D. **18**
Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G. **24**
Digital technologies in the public administration system as a reform tool. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G. **31**
Modern methods of hidden control of consciousness and behavior of people in the political environment. Mishchuk A.Yu. **38**
Transformation of youth organizations of parliamentary political parties of the Russian Federation after the 2024 Presidential elections. Nechay E.E., Mandritsa A.V., Karasev M.I., Kazantsev M.A., Litvinenko D.V. **44**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
Multilateral mechanisms for managing the Northern Sea Route: potential for forming a new model of international cooperation with the participation of Asian countries. Senatorova P.A. **49**
Theory of securitization and environmental threats: expanding the conceptual framework of security. Tikhonova V.V. **55**

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS
Development of the modern Chinese political system in the context of digitalization. Bai Etong **61**
Transformation of the Kaliningrad region within the framework of the regional policy of the Russian Federation. Popikhin D.D. **65**
Sanctions policy and the Kaliningrad region. Popikhin D.D. **68**
Transformation of Russia's international positions due to the development of relations with the People's Republic of China. Rozhkov I.O. **71**
Forms of integration in the modern world order. Rozhkov I.O. **75**
Multi-vector foreign policy of Central Asian countries: balance of interests in the context of geopolitical competition. Saidov B.S. **78**

CONFLICT STUDY
Hybrid wars and their impact on public consciousness: the Olympic Games as an arena of international relations. Zvereva M.O., Bistrina M.G. **84**

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
Features of holding elections in Russia and abroad using the electronic voting system. Rodionov V.A., Satskevich T.K. **87**
Structure and procedure for forming the State Council of the Russian Federation: constitutional and legal analysis. Arsnukaeva R.S.-M. **92**
Legal aspects of regulating electronic voting in the Russian Federation: modern challenges and problems. Vasilyeva T.A., Karasev M.I., Tereshina A.N., Faizulina A.A., Edich G.S. **99**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
Suspicious transactions with unequal consideration: the problem of law enforcement. Alekseeva E.A. **102**
The problem of legal regulation of various information resources containing information about land and land plots. Alekseenko N.A. **108**
Formation and development of copyright legislation in the Russian Federation: problems in modern realities. Afanasyeva M.P., Babanova O.I. **114**
Legal support for digital transformation in urban planning in the Russian Federation. Zolotukhina M.S. **118**
Legal means of exercising creditors' rights in bankruptcy proceedings. Ishbaev E.V. **122**
Beneficiary in corporate law: current problems and issues. Karpenko O.D., Dyulgyarov O.V. **127**
Administrative procedure for protecting the rights of a borrower under a consumer credit agreement (loan). Kuznetsov N.S. **132**
Institute of duty-free trade in goods. Mikhailenko N.E. **136**
Comparative analysis of public control models (USA, China, France) and prospects for the development of Russian legislation. Musaev I.S. **140**
Transformation of civil law institutions in the digital age: Russian experience. Novikov S.A. **147**
Artificial intelligence in healthcare: public law aspects. Romanets E.A. **152**
Digital economy as an object of scientific analysis. Khaminsky R.A. **160**
Legal qualification of administrative offenses in the field of customs in the context of digitalization. Elbikov B.A. **164**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
Legal barriers and criminogenic risks in cross-border circulation of jewelry: Kazakh-Russian context. Nurpeisova V.A. **168**
Forms of judicial protection in the digital environment: problems and trends in law enforcement. Ryzhenkov R.A. **173**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Victimological aspects of preventing violent crimes committed against persons administering justice. Kovalenko M.S. **180**
Artificial intelligence: legal basis, risks and promising areas of use in investigative actions. Taitubaeva L.M. **184**
Disciplinary offense as a basis for bringing to disciplinary responsibility: concept, composition, features. Shestakova T.A. **190**

CRIMINALISTICS. FORENSIC EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES
Some issues in the implementation of specialized knowledge in the activities of a lawyer: special status of expertise; conducting an examination before initiating a criminal case; examination as a specific investigative action. Mineev M.A. **197**

Проблема ценности жизни в молодежной среде: философские, психологические и юридические аспекты

Литяйкина Ольга Геннадьевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт, АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», mosmco@mail.ru

Печаткин Александр Сергеевич
кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт, АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации» (филиал), a.s.pechatkin@ruc.su

Никишова Наталья Валерьевна
кандидат философских наук доцент, кафедра гражданских и уголовно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт, АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», nikishova.2011@mail.ru

Авторами статьи рассматриваются ключевые вопросы формирования ценности жизни у современной молодежи. В статье раскрываются философские, психологические и юридические аспекты данной проблемы.
Исследование включает анализ различных подходов к пониманию ценности жизни, влияние философских концепций на молодежное мировоззрение, а также психологические аспекты формирования жизненных ценностей. В статье также рассматриваются юридические аспекты, касающиеся защиты жизни и прав молодежи.
Результаты исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ, направленных на формирование у молодёжи осознанного отношения к ценности жизни. Они также могут быть полезны для семейных и социальных институтов, стремящихся создать благоприятные условия для развития молодёжи. В юридической сфере данные выводы могут способствовать совершенствованию законодательства, направленного на защиту прав молодёжи и укрепление её правового положения.
Ключевые слова: ценность жизни, философские концепции, психологические теории, социальные факторы, психоэмоциональное состояние, кризисы идентичности, правовая защита молодежи.

Введение

Проблема ценности жизни у молодежи становится все более актуальной в условиях современного общества, где молодое поколение сталкивается с множеством вызовов и изменений. Вопрос о том, как молодежь воспринимает и осмысливает свою жизнь, требует комплексного подхода, включающего философские, психологические и юридические аспекты. В условиях глобализации и быстрого развития технологий ценность жизни может восприниматься по-разному, что порождает необходимость в глубоком анализе этой проблемы.

Цель данной статьи заключается в исследовании влияния философских концепций, психологических теорий и юридических норм на формирование ценности жизни у молодежи. Важно понять, как различные подходы и факторы влияют на восприятие жизни, а также выявить возможные пути решения проблем, связанных с этой темой.

Ключевыми персонами, влияющими на формирование ценности жизни, являются философы, психологи и юристы, чьи идеи и работы способствуют пониманию этой сложной проблемы. Например, классические философские взгляды на жизнь, такие как экзистенциализм и утилитаризм, могут служить основой для анализа современных молодежных ценностей. Психологические исследования, в свою очередь, помогают понять, как социальные факторы и кризисы идентичности влияют на восприятие жизни. Юридические аспекты, касающиеся прав молодежи, также играют важную роль в формировании их отношения к жизни.

Актуальность данной темы для России и мира обусловлена необходимостью защиты прав молодежи и формирования здорового мировоззрения, что особенно важно в условиях социальных и экономических изменений. Вопросы о том, как улучшить правовую защиту жизни молодежи и какие рекомендации можно предложить для различных сфер общества, становятся все более значимыми.

В рамках исследования можно попытаться решить задачи, такие как анализ влияния философских и психологических факторов на восприятие ценности жизни, изучение действующего законодательства в области защиты прав молодежи и разработка рекомендаций по улучшению правовой защиты. Дополнительные вопросы, которые могут

быть рассмотрены, включают: Как современные философские течения влияют на молодежное мировоззрение? Какие психологические модели наиболее эффективно объясняют восприятие ценности жизни? Каковы основные проблемы в реализации прав молодежи в современном обществе?

Таким образом, данное исследование направлено на глубокое понимание проблемы ценности жизни у молодежи, что позволит выявить ключевые аспекты и предложить практические рекомендации для улучшения ситуации в этой области. Основная часть работы будет посвящена детальному анализу философских, психологических и юридических аспектов, влияющих на восприятие ценности жизни у молодежи.

Материалы и методы

Классическая философия уделяет значительное внимание вопросу ценности жизни, рассматривая его через призму этики, морали и стремления к самосовершенствованию. Сократ, один из основателей западной философии, утверждал, что ценность жизни заключается в познании и самосовершенствовании. Его знаменитое изречение «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить» подчеркивает важность рефлексии и стремления к истине как основополагающих элементов достойного существования. Платон, ученик Сократа, развивал эту мысль, утверждая, что истинная ценность жизни заключается в стремлении к идеалам и добродетели. В его концепции «мира идей» человек должен ориентироваться на вечные и неизменные ценности, такие как истина, красота и добро, что формирует основу для развития моральных принципов. Изучение ценностей в науке имеет богатую историю. Так, еще задолго до второй половины XX века начали формироваться терминология и складываться «философия ценностей» (аксиология) (Козов, 2008. 3 с.). Это свидетельствует о глубоком интересе философов к вопросам, связанным с ценностью жизни и моральными аспектами человеческого существования.

Классические философские идеи продолжают оказывать влияние на современное мировоззрение молодежи, особенно в контексте этического поведения и стремления к самосовершенствованию. Учения Сократа и Платона находят отражение в образовательных системах и культурных практиках, где акцентируется важность критического мышления и морального развития. Например, идеи о стремлении к добродетели и идеалам мотивируют молодежь к поиску смысла жизни и определению своих жизненных целей. Эти философские взгляды способствуют формированию у молодых людей осознания важности этических норм и ответственности за свои поступки, что особенно актуально в условиях современного общества, сталкивающегося с множеством моральных и социальных вызовов.

Рассмотрим вопрос влияния современных философских течений и их влияние на молодежное мировоззрение.

Постмодернизм, представляющий собой философское течение, существенно влияет на восприятие ценности жизни современными молодыми людьми. Это направление акцентирует внимание на плюрализме, относительности истины и субъективности восприятия, что привлекает молодежь своей гибкостью и возможностью самовыражения. Исследование Pew Research Center показывает, что 72% молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет считают развитие индивидуальной свободы важным, что свидетельствует о влиянии постмодернистских идей. В условиях постмодернизма молодежь переосмысляет традиционные ценности и ищет новые формы идентичности, что приводит к разнообразию взглядов на смысл и ценность жизни. Актуальность материалов по теме «Ценностные трансформации современной молодежи» подчеркивает важность понимания ценности жизни у молодежи (Александров, Балтян, 2015, с. 3).

Экзистенциализм, подчеркивающий индивидуальную свободу и ответственность, продолжает играть важную роль в формировании мировоззрения молодежи. Работы Жана-Поля Сартра и Альбера Камю остаются популярными, особенно в контексте поиска смысла жизни. Молодежь, сталкиваясь с неопределенностью современного мира, находит в экзистенциальной философии ответы на вопросы о свободе выбора, ответственности за свои действия и поиске аутентичности. Эти идеи способствуют развитию критического мышления и осознанию значимости личных решений в контексте жизненных ценностей.

Этика и философия устойчивого развития становятся все более актуальными для молодежи, отражая их стремление к заботе о будущем планеты и общества. Согласно отчету ООН за 2023 год, более 60% молодежи считают, что вопросы экологии и устойчивого развития являются ключевыми для их будущего. Эти идеи находят отклик в философских концепциях, подчеркивающих важность гармонии между человеком и природой, а также долг перед будущими поколениями. Молодежь активно принимает эти принципы, что отражается в их участии в экологических инициативах и поддержке устойчивых практик.

Остановимся на сравнительном анализе философских концепций.

Классические философские концепции, такие как взгляды Аристотеля на добродетельную жизнь, подчеркивают важность гармонии и баланса в жизни человека. Эти идеи основываются на стремлении к достижению высшего блага через развитие моральных и этических качеств. Современные философские течения, например, экзистенциализм Жан-Поля Сартра, акцентируют внимание на индивидуальной свободе и ответственности, что отражает изменившиеся условия и ценности современного общества. Сравнительный анализ этих подходов показывает, что классические концепции ориентированы на универсальные идеалы, тогда как современные философии больше фокусируются на индивидуальных переживаниях и личном выборе. Это различие

отражает изменение акцентов в восприятии ценности жизни в зависимости от исторического контекста.

Философские идеи, как классические, так и современные, играют значительную роль в формировании мировоззрения молодежи. Например, согласно исследованию Pew Research Center, более 70% молодежи считают, что философские и духовные ценности играют важную роль в их жизни. Классические концепции, такие как учения Аристотеля о гармонии, способствуют осознанию важности баланса между личными и общественными интересами. Современные идеи, включая постмодернистские и экзистенциальные, акцентируют внимание на уникальности каждого человека и важности личного выбора. Это разнообразие философских взглядов позволяет молодёжи формировать более комплексное и адаптивное мировоззрение.

Практическое применение философских концепций в современном обществе проявляется в их использовании для решения актуальных социальных и личностных проблем. Например, идеи устойчивого развития и экологической ответственности, основанные на этических принципах, становятся основой для образовательных программ и общественных инициатив. Концепции индивидуальной свободы и ответственности, развиваемые в экзистенциализме, помогают молодёжи справляться с жизненными вызовами и принимать осознанные решения. Важно отметить, что «проблемы социализации школьников раскрываются в исследованиях И.С. Кона, А.В. Мудрика, Д.И. Фельдштейна и др. В них подчеркивается необходимость согласования усилий различных социальных институтов общества в процессе успешного воспитания личности» (Акимова, 2006. 3 с.). Таким образом, философские идеи продолжают оказывать влияние на общество, предлагая ценностные ориентиры и инструменты для самореализации.

Остановимся на психологических теориях и моделях восприятия ценности жизни.

Одной из ключевых психологических теорий, рассматривающих формирование ценности жизни, является теория самоактуализации Абрахама Маслоу. Согласно этой теории, ценности жизни у индивида формируются на основе удовлетворения базовых потребностей, таких как физиологические, потребности в безопасности, принадлежности и любви, уважении и самореализации. Маслоу утверждает, что только при достижении высших уровней пирамиды потребностей человек начинает осознавать и ценить свою жизнь в полной мере. Стремление к самореализации становится важным аспектом формирования жизненных ценностей, особенно среди молодежи, находящейся на этапе активного поиска смысла и целей в жизни. Важным дополнением к этой теории является волонтерство, которое, как отмечает Акимова, представляет собой процесс вовлечения в неформальную общественную деятельность людей разного социального статуса и возраста. Это вовлечение основывается на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества. Участие в волонтерских инициативах может не только удовлетворять социальные потребности, но и углублять понимание ценности жизни, что особенно актуально для молодого поколения.

Формирование восприятия ценности жизни у молодежи можно рассматривать через призму влияния семьи и ближайшего окружения. Исследование 2024 года, проведенное Американской психологической ассоциацией, показало, что 78% молодых людей признают значительное влияние семьи на формирование их жизненных ценностей. Это подчеркивает важность социальных связей в развитии ценностных ориентиров. Семейные традиции, поддержка и общение способствуют осознанию молодежью важности их жизни и окружающего мира. Вместе с тем, в сознании молодежи возрастает значение неформальных межличностных отношений, что подтверждает «противоречивый подход к институтам социального контроля» (Савчук, 2019. 9 с.). Модели формирования ценностей жизни, таким образом, тесно связаны с социальным окружением и культурным контекстом, в котором находится молодежь.

На психоэмоциональное состояние молодежи существенное влияние оказывают социальные факторы.

Социальное окружение играет ключевую роль в формировании психоэмоционального состояния молодежи. Взаимодействие с семьей, друзьями, одноклассниками и другими людьми оказывает значительное влияние на восприятие мира молодыми людьми. Исследования показывают, что поддержка со стороны близких людей может не только снизить уровень стресса, но и способствовать формированию позитивных жизненных установок. Однако негативное окружение, такое как токсичные отношения или давление со стороны сверстников, может стать источником тревоги и депрессии.

Медиа и технологии оказывают значительное влияние на психоэмоциональное состояние молодежи. Социальные сети, в частности, стали неотъемлемой частью жизни молодых людей, создавая как возможности для самовыражения, так и источники стресса. Согласно исследованию Pew Research Center, 70% подростков считают социальные сети важным источником стресса из-за давления сверстников и страха упустить что-то важное. Кроме того, постоянное сравнение с идеализированными образами в медиа может вызывать чувство неполноценности и снижать самооценку.

Экономические и культурные факторы существенно влияют на формирование психоэмоционального состояния молодежи. Экономическая нестабильность, безработица и отсутствие перспектив могут вызывать у молодых людей чувство неопределенности и тревоги. Исследование Gallup показало, что 45% молодежи связывают свое психоэмоциональное состояние с экономической нестабильностью и недостатком уверенности в будущем. С другой стороны, культурные различия и дискриминация могут стать источником стресса, особенно в

многонациональных сообществах. Козов отмечает, что изменения в обществе актуализируют проблему изучения особенностей развития материальных ценностей в молодежной среде (Козов, 2008, с. 3). Таким образом, для понимания психоэмоционального состояния молодежи необходимо учитывать комплексное воздействие как экономических, так и культурных факторов.

На восприятие жизни огромное влияние оказывают кризисы идентичности. Кризисы идентичности представляют собой сложный процесс, через который проходит личность в определенные периоды жизни. Согласно теории психосоциального развития Эрика Эриксона, кризис идентичности является ключевым этапом подросткового возраста, когда индивид сталкивается с необходимостью определения своей роли в обществе и осознания собственной уникальности. Этот процесс включает в себя осмысление своих ценностей, убеждений и целей, что делает его важным элементом формирования личности. С другой стороны, как замечает Виктор Франкл, «человек не избавлен от того, чтобы сталкиваться со своей ограниченностью, которая включает то, что я называю трагической триадой человеческого бытия, а именно, – болью, смертью и виной» (Франкл, 2019. 248 с.). Это утверждение подчеркивает, что кризисы идентичности могут быть связаны не только с поиском смысла и уникальности, но и с глубокими внутренними конфликтами и экзистенциальными вопросами, которые неизбежно возникают в процессе взросления. Таким образом, кризисы идентичности представляют собой многослойный феномен, включающий как внешние, так и внутренние аспекты, что делает их значимыми для понимания человеческого опыта.

Кризисы идентичности оказывают значительное влияние на психоэмоциональное состояние молодежи. Исследования показывают, что более 50% подростков переживают эти кризисы под воздействием социальных ожиданий и давления. Эти переживания могут сопровождаться чувством неопределенности, тревоги и даже депрессии. Однако поддержка со стороны семьи и общества играет важную роль в преодолении этих трудностей, способствуя восстановлению эмоционального равновесия.

Кризисы идентичности не только вызывают изменения в эмоциональном состоянии, но и играют ключевую роль в формировании жизненных ценностей. В этот период молодежь переосмысливает свои приоритеты и убеждения, что способствует более глубокому осознанию себя. Поддержка со стороны окружающих помогает молодым людям справляться с трудностями и формировать устойчивые ценности, которые будут определять их дальнейшую жизнь. Важно отметить, что «авторы выявили зависимости между аккультурационными стратегиями молодежи, их ценностными ориентациями и выбором будущей профессии» (Абрамова, Костюк, Гончарова, [б. г.]. 3 с.). Это подчеркивает, что процесс формирования идентичности неразрывно связан с профессиональными устремлениями и социальным окружением, что делает его многогранным и сложным.

Вопрос правовой защиты молодежи является ключевым аспектом в развитии современного общества. Молодежь, как социальная группа, обладает особыми потребностями и интересами, требующими специального внимания со стороны государства. В законодательстве многих стран, включая Россию, закреплены основные права молодежи, такие как право на образование, труд, медицинскую помощь и социальную защиту. Например, российское законодательство предусматривает гарантии для молодежи в области трудовых отношений, включая защиту от дискриминации на рабочем месте и обеспечение безопасных условий труда. Таким образом, законодательные нормы направлены на создание условий, способствующих всестороннему развитию молодежи и реализации ее потенциала.

Несмотря на наличие развитой законодательной базы, реализация прав молодежи в обществе сталкивается с рядом проблем. Например, высокий уровень безработицы среди молодежи, который в России в 2023 году составил 15,5% по данным Всемирного банка, указывает на недостаточную эффективность мер государственной поддержки. Кроме того, ограниченный доступ к качественному образованию, отмеченный в отчете ЮНИСЕФ за 2024 год, является еще одной значительной преградой на пути реализации прав молодежи. Эти примеры свидетельствуют о необходимости пересмотра и усиления механизмов внедрения законодательных норм, чтобы обеспечить реальную защиту и поддержку молодежи.

В современном законодательстве права молодежи занимают важное место, учитывая их значимость для развития общества. В соответствии с данными ООН, молодежь составляет около 1,2 миллиарда человек, что подчеркивает необходимость создания правовой базы, обеспечивающей их защиту и развитие. В России, где молодежь составляет около 20% населения, законодательство включает положения, направленные на защиту прав этой группы, такие как доступ к образованию, трудовые права и социальная поддержка. Однако важно отметить, что несмотря на наличие законодательных норм, их реализация требует постоянного анализа и усовершенствования.

Реализация прав молодежи, несмотря на существующую нормативную базу, сталкивается с рядом проблем. Одной из ключевых является ограниченный доступ к качественному образованию, что отмечает ЮНИСЕФ: в развивающихся странах до 70% молодежи испытывают это препятствие. В России также наблюдаются трудности с трудоустройством среди молодежи: уровень безработицы в 2024 году составил 15,5%. Эти факторы подчеркивают необходимость разработки механизмов, способствующих эффективному применению законодательных норм. В работе анализируется участие НПО в регламентации прав молодежи на международном уровне и оцениваются акты, принятые на международных конференциях. Это подтверждает эффективность участия НПО в обеспечении и защите прав молодежи (Гаранина, 2005, с. 17).

Реализация прав молодежи оказывает значительное влияние на их восприятие ценности жизни. Исследования показывают, что недостаточная защита прав приводит к социальной несправедливости и экономической нестабильности, что негативно сказывается на молодежи. Напротив, эффективная защита прав способствует их социальной интеграции и уверенности в будущем. Это подчеркивает важность комплексного подхода к правовой защите молодежи, включающего как законодательные меры, так и их практическую реализацию.

Основной проблемой в правовой защите жизни молодежи является недостаточная реализация существующих законодательных норм. Несмотря на наличие правовых актов, направленных на защиту прав молодежи, их практическое применение сталкивается с трудностями. Например, согласно данным ЮНИСЕФ, в 2024 году около 20% молодежи в возрасте 15-24 лет испытали нарушения своих прав в образовательной или социальной сферах. Эти факты подчеркивают пробелы в законодательстве и недостаточную эффективность механизмов его исполнения. Специализированные учреждения ООН выполняют свою основную функцию при регулировании прав и свобод молодежи, оставаясь в рамках своей компетенции (Гаранина, 2005. 17 с.). Таким образом, для улучшения ситуации необходимо не только усовершенствование законодательства, но и повышение эффективности его применения.

Для улучшения правовой защиты жизни молодежи необходимо пересмотреть существующие нормативные акты и разработать новые положения, учитывающие современные вызовы. В частности, важно усилить контроль за соблюдением прав молодежи в образовательной и социальной сферах. Принятие закона о поддержке молодежных инициатив в 2023 году в России стало положительным шагом. Вместе с тем, «права молодежи так и не стали объектом пристального внимания специалистов в области защиты прав человека, хотя значение роли молодежи в обществе гораздо возросло» (Рахматулин, 2023, с. 87). Таким образом, требуется дальнейшее развитие законодательства, направленного на защиту прав молодежи и предотвращение дискриминации.

Для успешного внедрения предложенных мер необходимо активное участие всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, образовательные учреждения и саму молодежь. Согласно исследованию Европейской комиссии 2024 года, участие молодежи в политических и социальных процессах способствует повышению эффективности реализации их прав. Организация образовательных программ и семинаров, направленных на повышение правовой грамотности молодежи, также может сыграть важную роль в улучшении ситуации.

Результаты

Философские подходы играют значительную роль в формировании мировоззрения молодежи, особенно в контексте осознания ценности жизни. Экзистенциализм, представленный работами Жан-Поля Сартра, акцентирует внимание на свободе выбора и ответственности за свои действия, что способствует осознанию молодежью своей роли в обществе и значимости собственной жизни. Эти идеи находят отклик среди молодых людей, стремящихся к самореализации и поиску смысла жизни. В этом контексте Поваренков отмечает, что «проблема ценности жизни у молодежи является важной темой, которая требует глубокого анализа и понимания в контексте философии, психологии и юриспруденции» (2018, с. 47). Таким образом, философия может служить важным инструментом для формирования позитивного восприятия жизни у молодежи.

Психология вносит значительный вклад в понимание ценности жизни у молодежи. Исследования показывают, что основными факторами формирования жизненных ценностей являются поддержка семьи, окружение и личный опыт. Данные Pew Research Center указывают на то, что для молодежи ключевыми ценностями являются семья и здоровье. Эти аспекты подчеркивают важность позитивного окружения и эмоциональной поддержки для развития у молодежи уважения к своей жизни и жизни других. При этом «социально-значимые ценности молодого поколения в значительной мере отличаются от представлений старшего», и для них остаются актуальными проблемы карьерного роста, получения жилья, организации активного досуга и др. (Попов, 2021. 2 с.). Такой комплексный подход к изучению жизненных ценностей молодежи позволяет учитывать как традиционные, так и современные аспекты их восприятия.

Юридические нормы играют ключевую роль в защите ценности жизни молодежи. В 2023 году более 70 стран приняли законы, направленные на защиту прав молодежи, включая право на образование и защиту от насилия. Эти меры способствуют созданию безопасной среды для молодежи, что, в свою очередь, укрепляет их уверенность в собственной значимости. Таким образом, правовая защита является неотъемлемым элементом формирования у молодежи понимания ценности жизни.

Интеграция философских, психологических и юридических подходов создает целостное представление о формировании ценности жизни у молодежи. Философия предоставляет концептуальные основы, психология раскрывает внутренние механизмы, а юридические нормы обеспечивают внешнюю защиту. Такой синтез способствует более глубокому осознанию молодежью своей значимости и ответственности. Копкарева отмечает, что «проблема ценностей является достаточно разработанной в социологии как в теоретическом, так и эмпирическом плане» (2008, с. 4), что подчеркивает важность комплексного подхода к решению этой проблемы.

Обсуждение.

Образовательная сфера играет ключевую роль в формировании ценностей у молодежи. Согласно данным ЮНЕСКО, программы, направленные на развитие критического мышления, существенно способствуют лучшему пониманию ценности жизни.

Введение в образовательные программы тем, связанным с этическими и философскими аспектами, помогает молодежи осознать значимость своей роли в обществе. Исследования показывают, что тип идентичности, определяющий выбор аккультурационных стратегий молодежи, влияет на содержание и характер ценностных ориентаций выпускников школ. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к образованию, который включает не только академические знания, но и развитие личностных качеств. При этом обучение навыкам эмоционального интеллекта и устойчивости к стрессу повышает способность молодых людей справляться с жизненными трудностями, что, в свою очередь, укрепляет их понимание ценности жизни.

Семья является основным источником поддержки и формирования жизненных ориентиров для молодежи. Исследования показывают, что участие родителей в жизни подростков и их поддержка значительно снижают вероятность рискованного поведения. Поэтому важно, чтобы родители активно участвовали в жизни своих детей, создавая атмосферу доверия и взаимопонимания. Организация семейных мероприятий и открытое обсуждение жизненных ценностей способствуют укреплению семейных связей и формированию у молодежи чувства безопасности и уважения к жизни.

Социальная политика должна быть ориентирована на поддержку молодежи и создание условий для их активного участия в жизни общества. Согласно отчету ООН, программы социальной поддержки и вовлечения молодежи в общественные инициативы способствуют укреплению их социальной ответственности и пониманию ценности жизни. Участие в деятельности молодежного объединения связано с проявлением социальной активности личности, что, в свою очередь, служит источником изменения ценностных ориентаций и формирует определенные стереотипы сознания и поведения [10]. Разработка и реализация программ, направленных на развитие лидерских качеств, участие в волонтерских проектах и социально значимых мероприятиях, помогут молодежи осознать свою роль в обществе и важность своей жизни.

Правовая система играет важную роль в защите прав молодежи и формировании у них чувства безопасности. Юридическая защита, включая право на образование и защиту от насилия, способствует формированию у молодежи уважения к ценности жизни. Важно совершенствовать законодательство, направленное на защиту прав молодежи, и обеспечивать его эффективное применение. Кроме того, необходимо проводить информационные кампании, разъясняющие молодежи их права и способы защиты, что укрепит их уверенность в правовой системе и обществе.

Заключение

Проведённое нами исследование позволило всесторонне рассмотреть проблему ценности жизни у молодёжи через призму философии, психологии и юриспруденции. Анализ философских концепций выявил, как классические и современные идеи формируют мировоззрение молодёжи и её отношение к ценности жизни. Психологические аспекты исследования показали, что социальные и внутренние факторы играют ключевую роль в формировании жизненных ценностей. Юридический анализ подчеркнул важность законодательной защиты прав молодёжи для укрепления её понимания ценности жизни.

Исследование выявило, что философские концепции, такие как экзистенциализм и постмодернизм, оказывают значительное влияние на восприятие молодёжью ценности жизни, формируя её мировоззрение. Психологические теории, включая теорию самоактуализации А. Маслоу, подчёркивают важность удовлетворения базовых потребностей и влияния социальных факторов. Юридические аспекты исследования подтвердили необходимость совершенствования законодательства для улучшения защиты прав молодёжи и укрепления её социального положения.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ, направленных на формирование у молодёжи осознанного отношения к ценности жизни. Они также могут быть полезны для семейных и социальных институтов, стремящихся создать благоприятные условия для развития молодёжи. В юридической сфере данные выводы могут способствовать совершенствованию законодательства, направленного на защиту прав молодёжи и укрепление её правового положения.

Для дальнейшего изучения проблемы важно углубить анализ влияния новых философских течений на восприятие ценности жизни молодёжью, исследовать влияние цифровых технологий и социальных сетей на формирование жизненных ценностей. В юридической сфере следует сосредоточиться на разработке рекомендаций по улучшению правовой защиты молодёжи в условиях глобальных изменений.

Литература

1. Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Влияние самоидентификации и ценностных ориентаций молодежи на выбор образовательных стратегий // [б. м.]. — [б. г.]. — [б. и.].

2. Акимова Е.В. Педагогическое волонтерство в деятельности детско-молодежных объединений: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — Рязань, 2006. — [б. с.].

3. Гаранина И.Г. Международно-правовые нормы по защите прав молодежи и их имплементация в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Казань, 2005. — [б. с.].

4. Козов И.В. Психологические условия социально направленного развития материальных ценностей молодежи: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. — Тамбов, 2008. — [б. с.].

5. Копкарева С. И. Особенности формирования правовых ценностей студенческой молодежи:

социологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Екатеринбург, 2008. — [б. с.].

6. М75 Молодежная среда – территория без экстремизма: материалы регион. студ. науч.-практ. конф., г. Ангарск, 12 апреля 2019 г. / отв. ред. Н. В. Савчук. — Ангарск: Изд-во АнГТУ, 2019. — 120 с.

7. Молодёжь и наука – шаг в будущее: сборник материалов IV региональной научно-практической конференции студентов профессиональных образовательных организаций Самарской области, посвященной двадцатилетию Некоммерческого частного учреждения профессионального образования «Колледж управления и экономики» / под ред. Т.С. Рахматулина. — Тольятти: НЧУПО «Колледж управления и экономики», 2023. — 205 с.

8. Попов Ю.А. Трансформация социально-значимых ценностей молодежи в сфере труда и занятости // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2021. — № 5. — С. [б. с.].

9. Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. А. Водяха. — Екатеринбург: [б. и.], 2019. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

10. Родина О.А. Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Екатеринбург, 2006. — [б. с.].

11. Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I.: материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, [19-20 ноября 2018 г.] / под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. — Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. — 353 с.

12. Ценностные трансформации современной молодежи государств – участников Содружества Независимых Государств. Сборник научных статей / Под редакцией А.А. Александрова и В.К. Балтяна. — М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. — 284 с.

The problem of the value of life among young people: philosophical, psychological and legal aspects

Lityaikina O.G., Pechatkin A.S., Nikishova N.V.
Russian University of Cooperation

The authors of the article consider the key issues of the formation of the value of life among modern youth. The article reveals the philosophical, psychological and legal aspects of this problem.

The research includes an analysis of various approaches to understanding the value of life, the influence of philosophical concepts on the youth worldview, as well as psychological aspects of the formation of life values. The article also discusses legal aspects related to the protection of the lives and rights of young people.

The results of the research can be used to develop educational programs aimed at forming a conscious attitude towards the value of life among young people. They can also be useful for family and social institutions seeking to create favorable conditions for the development of young people. In the legal field, these findings may contribute to improving legislation aimed at protecting the rights of young people and strengthening their legal status.

Keywords**:** the value of life, philosophical concepts, psychological theories, social factors, psycho-emotional state, identity crises, legal protection of youth.

References

1. Abramova M. A., Kostyuk V. G., Goncharova G. S. The Influence of Self-Identification and Value Orientations of Young People on the Choice of Educational Strategies // [b. m.]. — [b. g.]. — [b. i.].
2. Akimova E. V. Pedagogical Volunteering in the Activities of Children's and Youth Associations: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. — Ryazan, 2006. — [b. s.].
3. Garanina I. G. International Legal Norms for the Protection of Young People's Rights and Their Implementation in the Russian Federation: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Law. — Kazan, 2005. — [b. s.].
4. Kozov I. V. Psychological conditions of socially oriented development of material values of youth: Abstract of dissertation for the degree of candidate of psychological sciences. - Tambov, 2008. - [b. s.].
5. Kopkareva S. I. Features of formation of legal values of student youth: sociological analysis: Abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. - Ekaterinburg, 2008. - [b. s.].
6. M75 Youth environment - a territory without extremism: materials of regional. student scientific and practical. conf., Angarsk, April 12, 2019 / ed. N. V. Savchuk. - Angarsk: Publishing house of AnGTU, 2019. - 120 p.
7. Youth and Science – a Step into the Future: Collection of Materials of the IV Regional Scientific and Practical Conference of Students of Professional Educational Organizations of the Samara Region, Dedicated to the Twentieth Anniversary of the Non-Commercial Private Institution of Professional Education “College of Management and Economics” / Ed. T.S. Rakhmatulin. - Tolyatti: NCHUPO “College of Management and Economics”, 2023. - 205 p.
8. Popov Yu.A. Transformation of Socially Significant Values of Young People in the Sphere of Labor and Employment // Electronic Scientific Journal “Science Diary”. - 2021. - No. 5. - P. [b. p.].
9. Psychological Well-Being of a Modern Person: Materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference (March 20, 2019) / Ural. State Pedagogical University; Ed. S. A. Vodyakh. - Ekaterinburg: [b. and], 2019. — 1 electronic optical disc (CD-ROM).
10. Rodina O. A. Youth public associations in modern Russia: sociological analysis of efficiency: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. — Ekaterinburg, 2006. — [b. s.].
11. Systemogenesis of educational and professional activities. Part I.: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference, [November 19-20, 2018] / edited by prof. Yu. P. Povarenkov. — Yaroslavl: RIO YSPU, 2018. — 353 p.
12. Value transformations of modern youth of the member states of the Commonwealth of Independent States. Collection of scientific articles / Edited by A. A. Alexandrov and V. K. Baltyan. — M.: Moscow State Technical University. Bauman, 2015. - 284 p.

Теоретико-методологические основы исследования политических технологий лоббизма

Васильева Татьяна Александровна
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Коптелева Олеся Александровна
студент 4 курса кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета

Найдин Ярослав Юрьевич
студент 4 курса кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета

Мандрица Артём Валерьевич
студент 1 курса магистратуры кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Казанцев Марк Александрович
студент 1 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы исследования политических технологий лоббизма в современном обществе, с акцентом на российскую действительность. Авторы анализируют эволюцию лоббизма как институционального феномена, его профессионализацию и институционализацию, а также специфику функционирования в условиях слабой нормативной регулированности. Особое внимание уделено неформальным практикам лоббистской деятельности, таким как «закулисное взаимодействие», и их роли в процессе принятия государственных решений. Исследование подчеркивает парадокс лоббизма в России — его фактическую значимость при отсутствии правового признания.
Ключевые слова: лоббизм, политические технологии, институционализация, неформальные практики, GR-деятельность, нормативная регулированность, закулисное взаимодействие.

Введение

Политические технологии лоббизма на современном этапе следует рассматривать не только как инструмент влияния на государственные решения, но и как сложный институциональный феномен, встроенный в логику репрезентации интересов и перераспределения власти в постиндустриальных обществах. Лоббизм в этом контексте выступает как особая форма посредничества между различными социальными, экономическими и политическими группами, обеспечивающая легитимное участие негосударственных акторов в процессе выработки государственной политики. Их эволюция отражает общие трансформации политического управления и соотношения публичного и частного в политической системе. Лоббизм изменяется параллельно с институциональными реформами, цифровизацией управления и ростом значимости негосударственных структур. Новые формы лоббистской активности проявляются в усилении роли экспертных сообществ, аналитических центров и специализированных консалтинговых агентств, которые активно участвуют в формировании общественной повестки и политических решений, опираясь на данные, аналитику и стратегические коммуникации.

Лоббистские политические технологии

В условиях институциональной гибкости и сетевой децентрализации власти лоббистские технологии становятся неотъемлемой частью «мягкой инфраструктуры» политики, формируя каналы влияния, которые часто не попадают под действие формализованных процедур, но оказывают существенное влияние на принятие решений. Эти технологии включают в себя широкий спектр методов: от скрытого информационного сопровождения и организации публичных кампаний до непосредственного взаимодействия с должностными лицами через официальные или неформальные каналы. Влияние лоббизма проявляется также в правотворчестве, когда через участие в разработке нормативных актов осуществляется формирование выгодной нормативной среды для определённых интересов [1, С.54].

Кроме того, современный лоббизм характеризуется институционализацией и профессионализацией. Появление ассоциаций лоббистов, этических кодексов, реестров и механизмов прозрачности свидетельствует о попытке встроить эту деятельность в правовые рамки. В то же время границы между легитимным лоббизмом и коррупцией остаются размытыми, что требует чёткой нормативной дифференциации и эффективного институционального контроля [6, С.49].

Следует подчеркнуть, что лоббизм в российском политико-правовом контексте до настоящего вре-

мени не получил ни однозначного институционального признания, ни устойчивого нормативного регулирования, что предопределяет его пребывание в зоне нормативной неопределённости и полупрозрачной функциональности. Российская модель лоббистской деятельности демонстрирует устойчивое укоренение вне правового поля, будучи адаптированной под специфику внутреннего политического устройства, где отсутствует реальное разделение властей в западном понимании и где принятие решений подвержено влиянию факторов, выходящих за пределы формальных процедур. Несмотря на отсутствие легального статуса, лоббизм продолжает активно воспроизводиться как политическая технология, скрытно интегрированная в процесс выработки и принятия управленческих решений [3, С.43].

На фоне сложившихся условий российская лоббистская практика всё чаще приобретает черты теневого института, функционирующего посредством неформальных каналов взаимодействия между экономическими, политическими и бюрократическими субъектами. Д. В. Логвиненко в своих исследованиях справедливо указывает на специфическую форму лоббизма в России, которую он характеризует как институт «закулисного взаимодействия». По его мнению, основными субъектами в такой системе выступают не только традиционные группы интересов, такие как крупный бизнес, корпорации или отраслевые ассоциации, но и профессиональные медиаторы – посредники, обладающие доступом к административному ресурсу, информацией об актуальных политических конфигурациях и навыками стратегической манипуляции. Эти медиаторы не просто представляют интересы – они превращают доступ к органам власти в актив, который может быть конвертирован в политический или экономический капитал [3].

Принципиальное значение для научного анализа имеет разграничение между нормативной легитимностью лоббистской деятельности и её фактической функциональной эффективностью. Такая дихотомия позволяет лучше понять причины устойчивости неформальных лоббистских практик в условиях слабой институционализации. В рамках политологических концепций подчеркивается, что эффективность лоббизма определяется не столько правовым признанием, сколько способностью субъекта встроиться в сложную архитектуру принятия решений, используя персональные связи, патронажные отношения и кулуарные договорённости. Исследователи Н. Н. Меньшенина и М. В. Черноскутова особо акцентируют внимание на том, что в российской практике наблюдается трансформация GR-деятельности в инструмент легализации неформального влияния, при этом формальные механизмы взаимодействия с органами власти (публичные слушания, экспертные заключения, участие в рабочих группах) зачастую используются как фасад, скрывающий реальный механизм лоббистского давления. Авторы подчеркивают, что такие механизмы часто служат легитимации решений, уже принятых в результате неформальных переговоров и компромиссов между заинтересованными акторами [4, С.23].

Развитие лоббизма в России

Одной из важнейших тенденций развития лоббизма в современной России становится не только расширение палитры применяемых методов, но и смещение акцентов с традиционного government relations на более агрессивные формы воздействия, включая элементы политического PR, информационных кампаний, а в отдельных случаях – провокаций, направленных на целенаправленное дестабилизирование политико-административной среды. Л. Е. Ильичева обращает внимание на использование провокации как осознанной тактики, применяемой для разрушения существующего институционального равновесия. Провокация в этом контексте не является случайным действием – напротив, она тщательно сконструирована с целью спровоцировать предсказуемую реакцию со стороны власти или общества и тем самым создать условия, благоприятные для принятия нужного решения или делегитимации позиции оппонента [5]. Особенно востребованной такая стратегия становится в условиях скрытой конкуренции между ветвями власти, а также между формально подконтрольными, но де-факто автономными квазигосударственными образованиями, чьи интересы часто вступают в конфронтацию, не имея возможности быть выраженными в рамках официального дискурса.

Современные эмпирические исследования показывают, что российская политическая система, несмотря на декларируемую открытость и подотчётность, остаётся закрытой для публичного лоббирования в классическом западном смысле. В этих условиях усиливается значимость таких характеристик, как инсайдерский статус, принадлежность к административным кланам, наличие «входов» в исполнительную вертикаль. Это приводит к воспроизводству клиентелистских структур, где институциональный лоббизм подменяется системой неформальных обязательств, распределением ресурсов через непрозрачные каналы и отсутствием полноценного общественного контроля. Таким образом, в России складывается уникальная модель лоббистской активности, в которой эффективность определяется не институциональной прозрачностью, а способностью к интеграции в закрытые механизмы власти, часто в обход формальных процедур.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что лоббизм в российском контексте не только продолжает функционировать в условиях правового вакуума, но и формирует собственную логику воспроизводства, в которой слабо институционализированные формы давления на власть становятся нормой, а легальные формы – прикрытием. Это создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, публично осуждаются любые проявления лоббизма как коррупциогенные практики, с другой – на уровне повседневной политической деятельности они воспринимаются как неизбежный и даже необходимый элемент функционирования системы. Учитывая это, можно говорить о наличии устойчивого институционального дуализма, где де-юре отсутствующий институт де-

факто выполняет ключевые функции в процессе формирования государственной политики.

Следует особо подчеркнуть, что в российской политико-правовой действительности институт лоббизма до сих пор не подвергся полноценному институциональному оформлению, не нашёл закрепления в рамках кодифицированных нормативно-правовых актов и, как следствие, продолжает существовать в правовом вакууме. На протяжении нескольких десятилетий тема лоббизма периодически поднимается в экспертных кругах, однако инициативы по его легализации, включая проекты федерального закона «О лоббистской деятельности в органах государственной власти Российской Федерации», в том числе внесённые на рассмотрение Государственной Думы в 1990-х и 2000-х годах, так и не были приняты. Это свидетельствует не только о низкой политической воле по институционализации данной сферы, но и о глубинных структурных барьерах, мешающих её нормативному оформлению. Таким образом, лоббизм в России оказался в положении «невидимого института»: он активно функционирует, оказывает реальное воздействие на процесс принятия политических и управленческих решений, но при этом остаётся вне правового регулирования, что делает его недоступным для общественного контроля и юридической подотчётности. Российская модель лоббистской деятельности формировалась в особых политико-исторических условиях, на стыке позднесоветского наследия, олигархического капитализма 1990-х годов и формирующейся вертикали исполнительной власти начала 2000-х. Отсутствие реального разделения властей, институциональная слабость парламента, непрозрачность процедур принятия нормативных решений, а также высокая зависимость бюрократии от политических и экономических элит обусловили укоренение лоббизма вне рамок правового поля. В таких условиях произошло смещение акцента с открытых процедур представления интересов на неформальные практики, при которых ключевым ресурсом становится не аргументация позиций, а доступ к принятию решений, основанный на личных связях, корпоративной лояльности и использовании административного ресурса [1].

На фоне этих процессов лоббистская деятельность в России приобрела устойчиво латентный характер, представляя собой один из центральных элементов неформальной политики. По справедливому замечанию Д. В. Логвиненко, лоббизм в российском контексте следует рассматривать как институт «закулисного взаимодействия», в котором субъекты политического процесса действуют не в рамках формализованных норм, а через неофициальные каналы влияния, кулуарные договорённости и персонализированные отношения. Как подчёркивает Логвиненко в таких условиях традиционные группы интересов – бизнес-структуры, отраслевые ассоциации, финансово-промышленные группы – уступают значительную часть своих функций специализированным посредникам, обладающим уникальной компетенцией в сфере стратегического GR, пониманием логики принятия решений в исполнительной вертикали и доступом к ключевым акторам власти [3]. Эти медиаторы, часто действующие на стыке юридического консалтинга, политического PR и административного посредничества, играют роль трансляторов интересов, обладая способностью конвертировать доступ к власти в символический и материальный капитал. Их деятельность, будучи неформальной, тем не менее строго структурирована и подчинена внутренней логике системы, где ключевым ресурсом становится не юридическое основание, а персонализированное доверие и принадлежность к элитарным кругам.

Литература

1. Нестерчук О.А., Гришин О.Е. Технологии политической деятельности в условиях модернизации: приоритеты и эффективность // Человеческий капитал. – 2011. – № 1.
2. Гимазова Ю.В., Акимов Н.П. Проблемы и тенденции развития технологий лоббизма в России // Nauka-Rastudent.ru. – 2015. – № 10.
3. Логвиненко Д.В. Политические технологии лоббирования во взаимодействии групп интересов с российским государством // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 8.
4. Меньшенина Н.Н., Черноскутова М.В. GR как способ легитимации лоббистских коммуникаций // Политика и общество. – 2017.
5. Ильичева Л.Е. Провокация в системе политических технологий в сфере лоббистской деятельности // Провокация: экспертное измерение. – М., 2017.
6. Поваляева С.А. Личные политические бренды: как политики продают свой образ // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сб. избранных статей Всерос. науч.-практич. конференции, 30 мая 2022 года. – Санкт-Петербург: «НАЦРАЗВИТИЕ», 2022. – С. 46-51.

Theoretical and methodological foundations of the study of political lobbying technologies

Vasilieva T.A., Kopteleva O.A., Naydin Ya.Yu., Mandritsa A.V., Kazantsev M.A.
Far Eastern Federal University

The article examines the theoretical and methodological foundations of the study of political lobbying technologies in modern society, with an emphasis on Russian reality. The authors analyze the evolution of lobbying as an institutional phenomenon, its professionalization and institutionalization, as well as the specifics of its functioning in the context of weak regulatory framework. Particular attention is paid to informal lobbying practices, such as “behind-the-scenes interaction,” and their role in the process of making government decisions. The study highlights the paradox of lobbying in Russia — its actual significance in the absence of legal recognition.

Keywords: lobbying, political technologies, institutionalization, informal practices, GR activities, regulatory framework, behind-the-scenes interaction.

References

1. Nesterchuk O.A., Grishin O.E. Technologies of political activity in the context of modernization: priorities and efficiency // Human capital. - 2011. - No. 1.
2. Gimazova Yu.V., Akimov N.P. Problems and trends in the development of lobbying technologies in Russia // Nauka-Rastudent.ru. - 2015. - No. 10.
3. Logvinenko D.V. Political lobbying technologies in the interaction of interest groups with the Russian state // Society: politics, economics, law. - 2016. - No. 8.
4. Menshenina N.N., Chernoskutova M.V. GR as a way of legitimizing lobbying communications // Politics and society. - 2017.
5. Ilyicheva L.E. Provocation in the system of political technologies in the sphere of lobbying activities // Provocation: expert measurement. – M., 2017.
6. Povalyaeva S.A. Personal political brands: how politicians sell their image // National security of Russia: current aspects: collection of selected articles of the All-Russian scientific and practical conference, May 30, 2022. – St. Petersburg: "NATSRZAVITIE", 2022. – P. 46-51.

Правовой статус политических партий: сравнение моделей в разных странах

Виноградов Михаил Павлович
аспирант, Московский финансово-промышленный университет "Синергия", mixa-vinogradov@mail.ru

Хабибулин Алик Галимзянович
доктор юридических наук, профессор, Московский финансово-промышленный университет "Синергия",

Цель: Сравнительно-правовой анализ правового статуса политических партий в различных правовых системах с учетом политико-правовых особенностей конкретных государств.
Методы: В работе использованы методы сравнительного правоведения, системного и структурно-функционального анализа. Исследуются особенности правового регулирования статуса политических партий в странах с различными политическими режимами — демократическими, авторитарными и гибридными. Особое внимание уделено порядку регистрации партий, их организационно-правовой форме, источникам и механизмам финансирования, а также существующим формам государственного контроля и гарантиям деятельности партий в разных юрисдикциях.
Результаты: Выявлены как общие черты, так и различия в подходах к законодательному оформлению деятельности политических партий. Определены тенденции развития правового регулирования, а также обозначены наиболее эффективные элементы зарубежного опыта, которые могут быть адаптированы к условиям российской правовой системы.
Выводы: Наиболее перспективным направлением развития отечественного законодательства в сфере регулирования деятельности политических партий представляется заимствование и адаптация проверенных, успешно функционирующих правовых механизмов, разработанных и реализуемых в зарубежной практике. Такая адаптация должна осуществляться с учетом национальных особенностей, политико-правовой специфики и действующей правовой системы Российской Федерации. Использование эффективных правовых моделей из зарубежного опыта способствует не только повышению уровня институциональной устойчивости партий, но и укреплению их легитимности в глазах общества. Кроме того, это позволяет повысить прозрачность партийной деятельности, обеспечить справедливую конкуренцию между политическими силами и усилить контроль за соблюдением законодательства.
Ключевые слова: политическая партия, правовой статус, регистрация партий, партийное финансирование, сравнительное право, политический режим, государственный контроль.

Введение

Политические партии являются неотъемлемым институтом современного демократического государства, выполняя функции посредника между гражданами и властью. Их правовой статус определяет не только их внутреннюю структуру и деятельность, но и степень реального участия в политической жизни. В разных странах законодательное регулирование деятельности партий существенно различается: от либеральных моделей с минимальным государственным вмешательством до жёстко централизованных моделей, ограничивающих партийную конкуренцию.

Целью настоящей статьи является сопоставление различных моделей правового регулирования политических партий и выявление тенденций развития данной сферы права.

Актуальность

Политические партии играют ключевую роль в функционировании демократического государства, выступая посредником между обществом и властью. Однако правовое регулирование их деятельности существенно варьируется в зависимости от политического режима конкретной страны. В условиях глобальных вызовов, нарастающей политической поляризации и трансформации моделей партийной демократии анализ правового статуса политических партий приобретает особую значимость. Для России, находящейся в процессе поиска оптимальной модели партийной системы, особенно важно изучение зарубежного опыта с целью возможного заимствования эффективных правовых механизмов.

Научная значимость

Исследование вносит вклад в развитие сравнительно-правовой науки, расширяя понимание концептов «правовой статус политических партий» и «политическая конкуренция» в контексте различных правовых и политических систем. Анализируя модели регулирования партийной деятельности в демократических, авторитарных и гибридных государствах, статья позволяет выявить универсальные и специфические элементы правового регулирования, а также обосновать целесообразность их адаптации в национальной правовой системе. Полученные результаты способствуют более глубокому осмыслению механизмов институционализации партий и формирования устойчивой политической системы.

Методология

Методологическую основу исследования составляют методы сравнительного правоведения, а также системный и структурно-функциональный

анализ. Сравнение правовых моделей Германии, США и России позволяет комплексно подойти к изучению правового статуса политических партий, выявить как сходства, так и различия в подходах к регистрации, финансированию, контролю и гарантиям деятельности партий. Такой подход обеспечивает объективную оценку степени демократичности и эффективности партийных систем в разных странах и формирует основу для практических рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной сфере.

1. **Теоретико-правовые основы правового статуса политических партий**

Политическая партия в большинстве правовых систем определяется как добровольное объединение граждан, целью которого является участие в политической жизни государства, в том числе через участие в выборах. Правовой статус партии включает:

- правоспособность (право участвовать в выборах, учреждать СМИ, выдвигать кандидатов),
- обязанности (отчетность, соблюдение Конституции, запрет на экстремизм),
- гарантии (равный доступ к выборам, финансированию, средствам массовой информации).

Существуют различные классификации моделей партийного регулирования. По степени свободы политической деятельности можно выделить:

Либеральная модель (например, США, Великобритания) — минимум государственного вмешательства.

Регулируемая демократия (например, Германия, Франция) — наличие строгой законодательной базы, но в рамках демократических стандартов.

Авторитарная модель (например, Китай, Иран, Россия в определённые периоды) — жесткий контроль, ограниченное количество партий, часто подчинённых правящей элите.

2. **Регистрация и правосубъектность политических партий**

2.1. Германия

В Германии политические партии регулируются Основным законом (ст. 21) и специальным Законом о политических партиях (Parteiengesetz). Регистрация партий осуществляется Федеральной избирательной комиссией. Ключевыми требованиями являются:

- наличие устава и программы, соответствующих демократическим принципам;
- участие в политической жизни страны;
- внутренняя демократичность (например, выборность органов партии).

2.2. США

Американская модель отличается высокой степенью децентрализации и отсутствием единого закона о партиях. Регистрация партий происходит на уровне штатов. Партии — частные организации, хотя и выполняют общественные функции. Это объясняет отсутствие государственного финансирования, как в Европе.

2.3. Россия

Закон «О политических партиях» (№ 95-ФЗ от 2001 г.) детализирует требования к численности (не менее 500 человек), региональному представительству (не менее 40 регионов), уставу, программным целям. Государство оказывает влияние на процесс регистрации и функционирования партий через Минюст и Центральную избирательную комиссию. Правовая система позволяет регистрацию широкого круга партий, но часто ограничивает их деятельность на практике.

3. **Финансирование политических партий**

3.1. Государственное финансирование

В Германии партии получают финансирование из бюджета пропорционально набранным голосам на выборах, что призвано обеспечить равные условия. Государственные дотации сочетаются с пожертвованиями и членскими взносами.

3.2. США: частные пожертвования

Партии и кандидаты финансируются за счёт частных пожертвований. Существует жёсткая система контроля за нарушениями — через Федеральную избирательную комиссию (FEC). Ограничения направлены на предотвращение коррупции, но не исключают влияние крупного капитала на политику.

3.3. Россия: гибридная модель

Российское законодательство сочетает бюджетное финансирование (для партий, прошедших в парламент) и возможность получения частных пожертвований. Однако административные барьеры и ограниченность доступа к ресурсам снижают возможности оппозиционных партий.

4. **Государственный контроль и ответственность партий**

4.1. Германия

Государство может запретить деятельность партий, противоречащих Основному закону. Пример — запрет Национал-демократической партии Германии (NPD). Однако такие меры принимаются крайне редко и только по решению Конституционного суда.

4.2. США

Контроль ограничивается вопросами финансовой прозрачности и соблюдения выборного законодательства. Прямой запрет партий невозможен в силу первой поправки к Конституции, защищающей свободу ассоциаций.

4.3. Россия

В России Минюст осуществляет регулярный мониторинг деятельности партий. Возможны приостановка и ликвидация за нарушения. Примеры — исключение партий за недостоверные данные, недостаточное участие в выборах или нарушения законодательства.

5. **Влияние правового регулирования на политическую конкуренцию**

Уровень свободы, предоставляемой для осуществления партийной деятельности, оказывает непосредственное влияние на степень политического плюрализма, а также на эффективность функционирования всей политической системы государства. В условиях демократии действуют нормы правового регулирования, направленные на обеспечение равных возможностей для всех политических сил, создание условий для честной и открытой конкуренции между партиями. Напротив, в авторитар-

ных и недемократических режимах законодательство, регулирующее деятельность политических партий, зачастую становится средством давления, ограничения или даже устранения оппозиционных объединений, что негативно сказывается на политическом многообразии и подрывает принципы свободного волеизъявления граждан.

Заключение

Сравнительный анализ правового положения и организационно-правового статуса политических партий в различных государствах свидетельствует о том, что наиболее эффективной и сбалансированной является такая модель правового регулирования, которая одновременно обеспечивает широкие возможности для свободной политической деятельности партий и предусматривает наличие действенных механизмов государственного контроля за соблюдением ими законодательства и принципов демократического устройства. Подобный подход позволяет создавать условия для подлинной политической конкуренции, отражающей интересы различных социальных групп и обеспечивающей устойчивость политической системы.

Особое внимание в этом контексте заслуживает опыт европейских демократий, где сформировались правовые системы, ориентированные на высокий уровень институционализации партийной деятельности, а также на обеспечение справедливого и прозрачного распределения материальных, информационных и организационных ресурсов между политическими субъектами. Эти механизмы способствуют укреплению политического плюрализма и легитимности власти.

Американская модель, в свою очередь, иллюстрирует действенность механизма частного финансирования партий при условии жесткого и прозрачного контроля со стороны уполномоченных органов. Система отчетности и ограничений, действующая в США, позволяет поддерживать равновесие между свободой ассоциаций и недопущением чрезмерного влияния отдельных финансовых доноров на политический процесс.

В противоположность этим моделям, в странах с ограниченным политическим плюрализмом и элементами авторитаризма правовой статус политических партий нередко носит формальный характер. Несмотря на наличие законодательства, регулирующего партийную деятельность, в таких государствах часто отсутствуют реальные условия для свободной политической конкуренции. Доступ к выборам, финансированию, средствам массовой информации и другим ресурсам может быть избирательно ограничен, что приводит к монополизации политического пространства.

Учитывая изложенное, можно заключить, что для дальнейшего совершенствования национального законодательства о политических партиях целесообразно обращаться к лучшим зарубежным практикам, адаптируя их к особенностям национальной правовой системы. При этом важно сохранять баланс между гарантией свободы политических объединений и обеспечением их правовой ответственности перед обществом и государством. Такой подход позволит повысить прозрачность, открытость и конкурентоспособность партийной системы в целом.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. — М.: НОРМА, 2021. — 472 с.
2. Боботов С.В. Политические партии в системе конституционного права: опыт сравнительного анализа. — М.: Юридическая литература, 2018. — 336 с.
3. Грибанов В.П. Государственное регулирование политических партий: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 1. — С. 21–27.
4. Kelsen H. General Theory of Law and State. — Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 516 p.
5. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 349 p.
6. The Federal Election Commission. Campaign Finance Law. — Washington: FEC, 2023.
7. Основной закон ФРГ от 23 мая 1949 г. (Grundgesetz).
8. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. — 2001. — № 29. — Ст. 2950.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 528 с.

Legal status of political parties: comparison of models in different countries

Vinogradov M.P., Khabibulin A.G.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Objective: A comparative legal analysis of the legal status of political parties in various legal systems, taking into account the political and legal characteristics of specific states.

Methods: The study employs methods of comparative law, as well as systemic and structural-functional analysis. It examines the peculiarities of legal regulation of political parties' status in countries with different political regimes — democratic, authoritarian, and hybrid. Special attention is paid to the procedures for party registration, their organizational and legal forms, sources and mechanisms of financing, existing forms of state control, and guarantees of party activity in different jurisdictions.

Results: The research identifies both common features and differences in the legislative approaches to regulating the activities of political parties. It outlines trends in the development of legal regulation and highlights the most effective elements of foreign experience that can be adapted to the Russian legal system.

Conclusion: The most promising direction for the development of domestic legislation in the field of political party regulation appears to be the borrowing and adaptation of proven, effectively functioning legal mechanisms developed and implemented in foreign practice. Such adaptation should take into account national specificities, political and legal context, and the current legal system of the Russian Federation. The use of efficient legal models from international experience contributes not only to enhancing the institutional stability of parties but also to strengthening their legitimacy in the eyes of society. In addition, it helps to increase transparency in party activities, ensure fair competition among political forces, and reinforce compliance with legal standards.

Keywords: political party, legal status, party registration, party financing, comparative law, political regime, state control.

References

1. Alekseev S.S. General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1. — Moscow: NORMA, 2021. — 472 p.
2. Bobotov S.V. Political Parties in the System of Constitutional Law: An Experience of Comparative Analysis. — Moscow: Legal Literature, 2018. — 336 p.
3. Gribanov V.P. State Regulation of Political Parties: Constitutional and Legal Aspect // Constitutional and Municipal Law. — 2021. — No. 1. — P. 21–27.
4. Kelsen H. General Theory of Law and State. — Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 516 p.
5. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 349 p.

6. The Federal Election Commission. Campaign Finance Law. — Washington: FEC, 2023.
7. The Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (Grundgesetz).
8. Federal Law of July 11, 2001 No. 95-FZ "On Political Parties" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 29. — Art. 2950.
9. Khropanyuk V.N. Theory of State and Law. — Moscow: INFRA-M, 2022. — 528 p.

Научная дипломатия в Российской Федерации: концептуальные основы и институциональное развитие

Инякина Алена Дмитриевна
аспирант факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС, iniakina.alyona@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция концепции научной дипломатии в нормативно-правовой практике Российской Федерации. Анализируются ключевые документы, определяющие стратегические направления международного научно-технического сотрудничества, а также институты, ответственные за реализацию научной дипломатии. Особое внимание уделяется роли научной дипломатии в контексте национальных интересов и международного позиционирования России.
Большая роль в статье отведена исследованию концептуальных основ и институционального развития научной дипломатии в Российской Федерации и анализу эволюции данного понятия в нормативно-правовых документах, начиная с его первого официального закрепления в Стратегии научно-технологического развития 2016 года до более детализированного определения в Концепции международного научно-технического сотрудничества 2019 года. Особое внимание уделяется роли научной дипломатии в контексте национальных интересов и международного позиционирования России, особенно в условиях санкционного давления и необходимости технологического суверенитета.
В работе рассматриваются ключевые документы, такие как Концепция внешней политики РФ 2023 года и Стратегия научно-технологического развития 2024 года, которые отражают смену приоритетов — от открытости к сотрудничеству с незападными странами. Также исследуется институциональная структура научной дипломатии, включая роль Президента, Правительства, МИД, Министерства науки и высшего образования.
Ключевые слова: научная дипломатия, международное сотрудничество, стратегии Российской Федерации, институты управления.

Введение

Научная дипломатия как инструмент международного сотрудничества приобретает всё большее значение в условиях глобализации науки и технологий. В Российской Федерации концепция научной дипломатии была впервые формализована в 2016 году и получила дальнейшее развитие в последующих стратегических документах. Цель данной статьи — исследовать нормативно-правовые основы научной дипломатии в России, её институциональную структуру и роль в реализации государственной политики.

Методология исследования

В данной статье применяется комплексная методологическая база, что позволяет всесторонне изучить феномен научной дипломатии в Российской Федерации. Основными методами стали:

– Нормативно-правовой анализ:

Изучены ключевые стратегические документы (указы Президента РФ, постановления Правительства, концепции и стратегии), регулирующие научную дипломатию. Анализ включал выявление эволюции термина, целей и задач, а также институциональных механизмов реализации.

– Институциональный анализ:

Определены государственные органы и структуры, ответственные за научную дипломатию, их полномочия и взаимодействие. Использованы официальные положения о министерствах и ведомствах, а также проекты реорганизаций (например, создание нового департамента в МИД РФ).

– Сравнительный анализ:

Проведено сопоставление данных из документов разных лет (например, Стратегий национальной безопасности 2015 и 2021 гг.) для выявления динамики развития научной дипломатии.

– Контент-анализ:

Систематизированы упоминания научного сотрудничества в контексте внешней политики и национальной безопасности. Особое внимание уделено терминам "международное научно-техническое сотрудничество", "публичная дипломатия", "гуманитарное влияние".

Результаты исследования

Концептуальные основы научной дипломатии в РФ

В российской нормативно-правовой практике понятие «научной дипломатии» впервые вводится в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» 2016 года. Более подробно разберем данный документ дальше.[5]

Концепция международного научно-технического сотрудничества (МНТС) Российской Федерации, одобренная решением Правительства от 08 февраля 2019 года, развивает само понятие «научной дипломатии», дает определение и рамки применения.

Согласно Концепции 2019 года научная дипломатия – «это особая форма международного научно-технического сотрудничества, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учётом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами».[1]

Несмотря на то, что оформление концепции «научной дипломатии» в российской практике началось с Концепции МНТС 2019 года, данная форма межгосударственных отношений существовала и ранее, являясь, помимо прочего, одним из механизмов проведения государственной научной политики. Международному научно-техническому сотрудничеству уделялось внимание в документах, формирующих внешнюю политику государства, и до 2019 года.

Международное научное сотрудничество выделяется во всех основополагающих документах внешней политики России.

В первую очередь концепция внешней политики Российской Федерации утвержденная Указом Президента РФ от от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (далее - Концепция 2023)[8] рассматривает научное сотрудничество как важный инструмент укрепления международных связей и продвижения национальных интересов. Россия выражает готовность развивать научно-техническое взаимодействие с другими странами на взаимовыгодной основе, уделяя особое внимание сотрудничеству с государствами СНГ, БРИКС, ШОС, АСЕАН, а также с Африкой и Латинской Америкой, особенно с теми, кто не присоединился к антироссийским санкциям. Важным направлением является продвижение российских научных и образовательных проектов, включая экспорт образовательных услуг, привлечение иностранных студентов и учёных, а также поддержку русского языка как средства научной коммуникации. В условиях санкционного давления Концепция 2023 подчёркивает необходимость обеспечения технологического суверенитета через развитие собственных научно-технических возможностей и сотрудничество с не западными партнёрами, одновременно защищая критические технологии и интеллектуальную собственность. Россия намерена участвовать в глобальных научных инициативах, таких как климат, энергетика, медицина, космос и Арктика, в рамках многосторонних форматов, включая ООН, ЮНЕСКО и МАГАТЭ, но с учётом защиты национальных интересов. При этом критикуется политика дискриминации российских учёнов со стороны Запада, и заявляется о курсе на создание альтернативных научных альянсов. Таким образом, Концепция 2023 отражает стремление России к научно-технологической независимости, переориентации международного сотрудничества на дружественные страны и активному продвижению своих научных достижений в условиях геополитической конфронтации.

Стратегия научно-технического развития России, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», как уже упоминалось выше, впервые вводит понятие научной дипломатии в российскую практику. Среди основных направлений и мер реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации Стратегия определяет международное научно-техническое сотрудничество и международную интеграцию в области исследований и технологий. Одним из путей реализации этого предлагается развитие механизма научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии.

В качестве одной из основных задач, которую необходимо решить для достижения цели научно-технологического развития России, Стратегия 2016 выделяла необходимость способствования «формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия»[5, п. 29].

В целом, можно сказать, что приверженность принципам открытости науки, доступности информации и знаний, стремления к сотрудничеству проходит красной нитью через всю Стратегию 2016 года.

Пришедшая ей на смену Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. №145, [7] стала адаптацией политики к новым геополитическим реалиям с упором на безопасность и технологическую независимость.

Сравнительный анализ Стратегий научно-технологического развития России 2016 и 2024 годов показывает существенную эволюцию подходов в условиях изменившейся геополитической и экономической ситуации. Стратегия 2016 года носила более открытый характер с акцентом на развитие научной инфраструктуры, международное сотрудничество и баланс между фундаментальными и прикладными исследованиями. В отличие от нее, новая редакция 2024 года сделала решительный поворот в сторону технологического суверенитета, импортозамещения и безопасности. Особое внимание в новой стратегии уделено практическому внедрению разработок, цифровой трансформации науки и защите от

внешних угроз, что отражает необходимость адаптации к условиям санкционного давления. В международном же сотрудничестве Стратегия 2024 года указывает на приоритет «дружественных» стран. Сотрудничество теперь ориентировано в первую очередь на страны ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС и иные дружественные страны, не поддержавшие санкции.

Однако вторая стратегия, изданная в 2024 году, также продолжает обращаться к термину «научная дипломатия». Развитие «научной дипломатии, в том числе в рамках международных, национальных и профессиональных организаций, осуществляемой через представительство в таких организациях» [5, п. 32] отмечено в качестве пути формирования модели сотрудничества и интеграции в научно-технических областях в условиях внешнего давления, сохранение идентичности и повышение эффективности российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также не оставляет без внимания научную область, посвящая ей раздел «Научно-техническое развитие», включающий в себя пункты с 68 по 76. В целях достижения научно-технологического развития Российской Федерации Стратегия определяет в качестве одной из задач привлечение к работе в России ученых мирового уровня и молодых талантливых исследователей, создание и развитие на территории Российской Федерации центров международного сотрудничества в области науки и технологий. [6, п. 76 пп. 10] Стоит отметить, что предыдущая Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования определяла необходимость в активном развитии международных связей в области науки и образования, наращивание экспорта качественных образовательных услуг, прежде всего в государства - участники Содружества Независимых Государств, повышение привлекательности образования на русском языке на мировом рынке образовательных услуг. [9]

Институциональная структура научной дипломатии

К институтам государственного управления, которые имеют юридические и политические полномочия определять и устанавливать стратегическую и правовую основу научной дипломатии, а также осуществлять координацию деятельности в этой области, относятся:

- ***Президент Российской Федерации***, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства;

- ***Правительство Российской Федерации***, которое имеет согласно федеральному конституционному закону «О Правительстве Российской Федерации» полномочия как в области науки и образования, так и в области внешней политики и международных отношений [12];

- ***Министерство иностранных дел Российской Федерации***, которое осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации.[11] В реализации научной дипломатии в системе МИД также важную роль играет подведомственное Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Согласно «Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» взаимодействует в научной, образовательной и иных гуманитарных областях с российскими некоммерческими неправительственными организациями и религиозными организациями, с государственными и неправительственными структурами других государств, с международными и региональными организациями, а в сфере содействия международному развитию - с российскими и иностранными коммерческими организациями; содействует развитию научных связей между Российской Федерацией и другими государствами; участвует в планировании, организации и проведении научных акций Российской Федерации и т.д.[10]

В 2022 году также планируется создание нового, 43-го департамента в структуре центрального аппарата МИД России - Департамента по международному сотрудничеству в области культуры, науки, образования и спорта. Согласно пояснительно записке к проекту указа Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом», в компетенцию нового структурного подразделения войдут вопросы проведения единой государственной политики в области многостороннего гуманитарного сотрудничества, обеспечения гуманитарного влияния, продвижения позиций русского языка за рубежом, развития образовательных обменов, налаживания спортивного межгосударственного взаимодействия с акцентом на дипломатическую поддержку и координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти на этих направлениях. [2]

В рамках того же проекта имеется поправка подпункта о полномочиях МИД России. Теперь подпункт 6 пункта 6 Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации будет наделять Министерство полномочием участвовать в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения «многостороннего гуманитарного сотрудничества и обеспечения гуманитарного влияния» [2, п.6, пп. 6].

На данный момент согласно Федеральному порталу проектов нормативных правовых актов статус

проекта - «Завершение разработки проекта нормативного правового акта. Формирование окончательного варианта текста проекта нормативного правового акта».

- ***Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации***, которое осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, нанотехнологий, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности и т.д.[3] В полномочия Министерства входит также взаимодействие в установленном порядке с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями. Данное направление деятельности реализуется в первую очередь через Департаменте международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. [4] В рамках реализации Концепции МНТС Министерство науки и высшего образования отвечает за разработку стратегических, плановых и программных документов для обеспечения проведения информационных мероприятий в части деятельности атташе по вопросам науки и технологий за рубежом. [1]

Выводы

Научная дипломатия в Российской Федерации представляет собой важный инструмент международного сотрудничества, который сочетает научно-техническое взаимодействие с задачами внешней политики и национальной безопасности. Эволюция концепции научной дипломатии в России отражает адаптацию к изменяющимся геополитическим условиям, включая санкционное давление и необходимость технологического суверенитета.

Научная дипломатия в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся инструмент международного взаимодействия, который органично сочетает научно-техническое сотрудничество с задачами внешней политики и национальной безопасности. Концептуальное развитие научной дипломатии прошло несколько этапов: от первого официального закрепления в Стратегии научно-технологического развития 2016 года как элемента публичной дипломатии до более детализированного определения в Концепции международного научно-технического сотрудничества 2019 года, где она стала рассматриваться как система взаимодействия ученых, научных организаций и государственных структур. Особое значение приобрела Концепция внешней политики РФ 2023 года, в которой научное сотрудничество обозначено как ключевой инструмент укрепления международных связей, особенно с государствами, не поддержавшими антироссийские санкции, при одновременном акценте на защите технологического суверенитета и развитии альтернативных научных альянсов. Завершающим этапом концептуального оформления стала Стратегия научно-технологического развития 2024 года, сохранившая термин «научная дипломатия», но сместившая акцент на сотрудничество с дружественными странами в условиях внешнего давления.

Институциональная структура научной дипломатии в России включает многоуровневую систему государственных органов. Президент и Правительство РФ определяют стратегические направления развития, Министерство иностранных дел осуществляет координацию международного взаимодействия, включая планируемое создание специализированного департамента по гуманитарному сотрудничеству. Министерство науки и высшего образования курирует научные обмены и интеграционные процессы, а Россотрудничество занимается практической реализацией научно-образовательных проектов за рубежом. Такая разветвленная институциональная система позволяет комплексно подходить к реализации научно-дипломатических инициатив.

Анализ нормативных документов демонстрирует заметную смену приоритетов в области научной дипломатии. Если в 2016 году преобладал курс на открытость и международную интеграцию, то к 2024 году акцент сместился на технологическую независимость и сотрудничество преимущественно с незападными партнерами. Эта трансформация отражает ответ России на вызовы санкционного давления и глобальной конкуренции, сопровождаясь критикой дискриминации российских ученых на Западе и активным формированием альтернативных научных сетей.

Роль научной дипломатии в обеспечении национальной безопасности получила нормативное закрепление в Стратегии национальной безопасности 2021 года. Здесь она рассматривается как важный инструмент привлечения иностранных исследователей, защиты критических технологий и усиления влияния России через научно-образовательные проекты. В условиях геополитической турбулентности научная дипломатия становится не только средством международного сотрудничества, но и элементом "мягкой силы", способствующим укреплению позиций страны на мировой арене.

Таким образом, научная дипломатия в России продолжает развиваться, адаптируясь к изменяющимся внешним условиям. Ее дальнейшая эволюция будет зависеть от способности сочетать международное сотрудничество с защитой национальных интересов, развивать партнерские отношения с незападными странами и эффективно использовать научный потенциал для укрепления позиций РФ в мире. Сохраняя свою значимость как инструмент «мягкой силы», научная дипломатия одновременно становится все более важным компонентом технологического суверенитета и национальной безопасности страны.

Литература

1. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Решение Правительства РФ от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8-952 // Официальный сайт Министерства

науки и высшего образования Российской Федерации URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

2. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=118777 (дата обращения: 25.04.2025).

3. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 N 682 (ред. от 11.04.2025) "Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации" // Правовая база "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300363/4401b7bb2b3e14ecf58fdae3c8c498b841b6b2dc/ (дата обращения: 26.04.2025).

4. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2020 N 1271 (ред. от 03.11.2022) "Об утверждении Положения о Департаменте международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования Российской Федерации" // Правовая база "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404310/ (дата обращения: 26.04.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" от 01.12.2016 г. № 642 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2016 г. Ст. 0001201612010007

6. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Официальный сайт Администрации Президента России URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 11.04.2025).

7. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" // Официальный сайт Администрации Президента России URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 10.04.2025).

8. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Администрации Президента России URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 05.04.2025).

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Официальный сайт Администрации Президента России URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 11.04.2025).

10. Указ Президента РФ от 06.09.2008 N 1315 (ред. от 26.05.2022) "О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества" (вместе с "Положением о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству") // Правовая база "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/ (дата обращения: 21.04.2025).

11. Указ Президента РФ от 11.07.2004 N 865 (ред. от 17.04.2025) "Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации" // Правовая база "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19071/ (дата обращения: 21.04.2025).

12. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ "О Правительстве Российской Федерации" // Правовая база "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (дата обращения: 14.04.2025).

Scientific Diplomacy in the Russian Federation: Conceptual Foundations and Institutional Development

Inyakina A.D.
RANEPA

The article examines the evolution of the concept of scientific diplomacy in the legal and regulatory practice of the Russian Federation. It analyzes key documents defining the strategic directions of international scientific and technical cooperation, as well as the institutions responsible for the implementation of scientific diplomacy. Particular attention is paid to the role of scientific diplomacy in the context of national interests and international positioning of Russia.

A large role in the article is given to the study of the conceptual foundations and institutional development of scientific diplomacy in the Russian Federation and the analysis of the evolution of this concept in legal and regulatory documents, starting from its first official consolidation in the Strategy for Scientific and Technological Development of 2016 to a more detailed definition in the Concept of International Scientific and Technical Cooperation of 2019. Particular attention is paid to the role of scientific diplomacy in the context of national interests and international positioning of Russia, especially in the context of sanctions pressure and the need for technological sovereignty. The paper examines key documents such as the Russian Federation Foreign Policy Concept for 2023 and the Scientific and Technological Development Strategy for 2024, which reflect a shift in priorities from openness to cooperation with non-Western countries. It also examines the institutional structure of science diplomacy, including the role of the President, the Government, the Ministry of Foreign Affairs, and the Ministry of Science and Higher Education.

Keywords**:** scientific diplomacy, international cooperation, Russian Federation strategies, governance institutions.

References

1. The concept of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation. Decision of the Government of the Russian Federation of February 8, 2019 No. TG-P8-952 // Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (date of access: 04.04.2025).
2. On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of July 11, 2004 No. 865 "Questions of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation" and to the Regulation approved by this Decree // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=118777 (date of access: 25.04.2025).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.06.2018 N 682 (as amended on 11.04.2025) "On approval of the Regulation on the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid" // Legal database "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300363/4401b7bb2b3e14ecf58fdae3c8c498b841b6b2dc/ (date of access: 26.04.2025). 4. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 06.10.2020 N 1271 (as amended on 03.11.2022) "On approval of the Regulation on the Department of International Cooperation of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation" // Legal database "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404310/ (date of access: 26.04.2025). 5. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" dated 01.12.2016 No. 642 // Official Internet Portal of Legal Information. 2016. Art. 0001201612010007

6. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official website of the Administration of the President of Russia URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of access: 11.04.2025).
7. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // Official website of the Administration of the President of Russia URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (date of access: 10.04.2025).
8. Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" // Official website of the Administration of the President of Russia URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (date of access: 05.04.2025).
9. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Official website of the Administration of the President of Russia URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (date of access: 11.04.2025).
10. Decree of the President of the Russian Federation of 06.09.2008 N 1315 (as amended on 26.05.2022) "On certain issues of public administration in the field of international cooperation" (together with the "Regulations on the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation") // Legal database "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/ (date of access: 21.04.2025). 11. Decree of the President of the Russian Federation of 11.07.2004 N 865 (as amended on 17.04.2025) "Questions of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation" // Legal database "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19071/ (date of access: 21.04.2025).
12. Federal Constitutional Law of 06.11.2020 N 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation" // Legal database "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (date of access: 14.04.2025).

Институциональные основы и императивы современного государственного управления в российских регионах

Куровский Станислав Валерьевич
руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования», 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович
руководитель редакционно-издательского отдела, ООО «Высшая Школа Образования», 9651530@gmail.com

Лебедев Сергей Георгиевич
аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ, t1998sgl@gmail.com

Актуальность определяется существованием современных вызовов институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности, проблемами практического применения институциональных моделей в государственном управлении российских регионов, в том числе при выстраивании международных партнёрств в целях поддержания и укрепления внешнеполитических, внешнеэкономических и культурных связей. **Цель работы** – исследование институциональных основ и императивов современного государственного управления в российских регионах. **Методы исследования**: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, системный подход, концептуализация данных. **Основные результаты научного исследования:** выявлены современные вызовы институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности, обозначена необходимость внедрения принципов целеполагания и исторической преемственности в качестве основ институциональной среды современного государственного управления в российских регионах, рассмотрены институциональные модели международного партнёрства российских регионов как возможность выстраивания внешнеполитических, внешнеэкономических и культурных связей.

Ключевые слова: институциональная среда; институциональные основы регионального развития; государственное управление; российские регионы; международные партнёрства; стратегическое планирование; современные вызовы; управленческая практика.

Введение. Современные тренды реформирования отечественного государственного управления обусловлены созданием принципиально новой, качественной системы стратегического планирования. Данный аспект определяется трудно осуществимыми на практике и крайне противоречивыми процессами многоуровневого взаимодействия на региональном уровне. Сущность подобного взаимодействия зачастую обусловлена не правовыми нормами и положениями, которые могут быть проигнорированы в различных субъектах РФ. Последнее подтверждается практическим применением инструментария ручного государственного управления [1]. Помимо этого, создание совершенно новых институциональных основ современного государственного управления в российских регионах способствует потребности в формировании общенациональных требований, нормативных положений о мониторинге управленческих решений, принятых согласно трудно осуществимым на практике и крайне противоречивым процессам многоуровневого взаимодействия на региональном уровне. Об этом свидетельствуют результаты оценки результативности деятельности губернаторов субъектов РФ [2]: общий уровень эффективности регионального управления по итогам 2024 года сократился на 1,4 процентных пунктов, до 0,580, чему способствовало уменьшение балла по финансово-экономическому разделу параметров (на 3 процентных пункта), по социальному разделу параметров (на 1 процентный пункт), по политико-управленческому разделу параметров (на 0,2 процентных пунктов). Полученные результаты оценки результативности деятельности губернаторов субъектов РФ, регионального управления обусловлены следующим:

- политическая управляемость региональными территориями находится на относительно высоком уровне, чему также способствовали прошедшие в данном году выборы Президента РФ;
- возникновение новых императивов в социальной сфере российских регионов;
- возрастает роль финансово-экономических, бюджетных проблем на региональном уровне.

В целом, можно выделить императивы современного государственного управления в российских регионах:

1) децентрализация государственного управления в РФ, передача некоторой доли ответственности от федерального центра на уровень российских регионов;

2) применение телекоммуникационных, информационных и цифровых технологий в современном государственном управлении, что увеличивает информационную прозрачность и результативность деятельности служащих государственного сектора;

3) относительно высокая ориентированность на удовлетворение потребностей гражданского общества и национального населения за счёт обеспечения крайне высокой степени качества государственных услуг, расширения их доступности, уменьшения бюрократических барьеров при получении необходимых государственных услуг;

4) формирование и практическое осуществление антикоррупционных программ, увеличение роли этики среди служащих государственного сектора;

5) активизация моделей государственно-частного партнёрства (ГЧП) в контексте современного развития государственного управления в российских регионах.

В соответствии с указанными императивами современного государственного управления в российских регионах целесообразно сформировать институциональную основу, которая позволит выстраивать внешнеполитические, внешнеэкономические и культурные связи между территориальными единицами на основе внедрения принципов целеполагания и исторической преемственности и использования моделей международного партнёрства.

Современные вызовы институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности. В контексте данного научного исследования выделяются такие современные вызовы институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности [3-6], как:

- нет единых отраслевых и информационных стандартов определения и предупреждения рисков региональной экономической безопасности, учитывая влияние современных глобальных вызовов, что усложняет утверждение и выполнение управленческих решений в контексте обеспечения региональной экономической безопасности;

- увеличение социально-экономических, политических разрывов между российскими регионами в разрезе ключевых социально-экономических индикаторов, включая:

1) уровень денежных доходов граждан на региональном уровне;

2) объём валового регионального продукта (ВРП) на душу населения;

3) уровень качества жизни граждан на региональном уровне;

4) уровень бедности граждан на региональном уровне.

Актуализируются проблемы инфраструктурного, цифрового, ресурсного, социального дисбаланса, подразумевающие риски региональной экономической безопасности и целостности;

- недостаточное внимание уделяется государственным сектором научно-техническому и инновационному потенциалу, который обусловливает фактор экономического и социального роста;

- относительно высокая степень коррупции и криминализации в экономической, социальной и политической сферах;

- низкий уровень сбалансированности федерального и регионального бюджетов;

- нехватка финансовых вложений в сферы национальной реальной экономики, что определяется крайне высокими затратами регионального предпринимательства, неблагоприятным инвестиционным климатом, применением низкоэффективных правовых механизмов в сфере распоряжения и владения собственностью;

- слабый уровень цифровой и инновационной активности, отставание российских регионов в сфере формирования и интеграции перспективных, инновационных, цифровых технологий;

- недостаточный объём профессиональных компетенций, уровень профессиональной квалификации российских специалистов.

В современных условиях ключевым вопросом построения институциональной среды государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности выступает совершенствование уровня качества политических и экономических взаимодействий между государственными органами федерального и регионального уровня. Это также необходимо для увеличения результативности системы стратегического планирования на основе поиска научно-практических направлений государственного управления в российских регионах.

Этот процесс определяется не только практическим осуществлением концептуальной модели региональной политики, но и стремлениями формирования принципиально новых правовых требований и норм построения институциональной среды современного государственного управления в российских регионах.

На региональном уровне выбор между индикативным и директивным стратегическим планированием обусловлен не только объективными факторами закрепления в РФ институциональных норм, но и спектром возможностей выработки на региональном уровне институциональных норм и основ. Только существует различие между принятием выработанных институциональных норм и основ как необходимых в целях усиления социально-экономического положения и отрицанием институциональных норм и основ при формальном осуществлении нормативных требований. Однако в последнем случае собственные потенциальные возможности российскими регионами не реализуются.

Выявление целевых ориентиров в рамках государственного стратегического планирования подразумевает, что в ходе принятия значимых управленческих решений российские регионы самостоятельны и независимы. В современных российских условиях подобная институциональная модель, обусловленная самостоятельностью и независимостью российских регионов, требует создания чётких критериев институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности.

Любые преобразования правил создания национальной бюджетной системы способствуют формальному закреплению других институциональных основ в рамках развития хозяйственного и отраслевого комплексов, что создаёт инвестиционные потоки (объективные) и финансово обеспеченные региональные приоритеты функционирования (субъективные) как основы институциональной среды практического осуществления государственного управления в российских регионах.

Внедрение принципов целеполагания и исторической преемственности в качестве основ институциональной среды современного государственного управления в российских регионах. Методологический подход к обеспечению национальной экономической безопасности, практическое осуществление роли публичного сектора в государственном регулировании социально-экономических процессов, происходящих на региональных территориях, могут выступать основой институциональной среды, учитывающей ценности восприятия современным обществом практического осуществления задач на уровне российских регионов в условиях новой социально-экономической и управленческой реальности.

Комплексная основа анализа функциональных взаимосвязей аспектов публичного экономического регулирования, а также обеспечения региональной экономической безопасности способствует отражению принципов целеполагания и исторической преемственности в качестве основы институциональной среды современного государственного регулирования на уровне субъектов РФ. Посредством принципов целеполагания и исторической преемственности можно осуществить в управленческой практике государственного сектора научно обоснованные подходы к созданию и решению экономических, общественных задач региональной политики.

Вместе с тем в более ранних научно-исследовательских работах [7], [8] были обозначены концептуальные трудности реформирования отечественного государственного управления в соответствии с результатами исследования внешних и внутренних современных вызовов общенациональной безопасности, в частности, преобразования институциональной среды в международном экономическом сообществе, значимости рассмотрения в российской стратегии безопасности экономической составляющей институциональной среды современного государственного управления. Эти концептуальные трудности реформирования отечественного государственного управления являются весьма актуальными с теоретико-практической точки зрения в настоящее время. Тем не менее, создание институциональных основ социального восприятия научно-исследовательских результатов подразумевает их определенную систематизацию в условиях внедрения принципов целеполагания и исторической преемственности.

Значима не только систематизация научно-исследовательских результатов отечественной школы, а также работа по изучению содержания научно-исследовательских трудов как основы, определяющей историческую преемственность в ходе принятия важных решений в системе российского государственного управления на критически значимых развития. Вместе с тем это касается профессиональной подготовки и переподготовки служащих государственного сектора по специализациям государственного и муниципального управления. Также образовательную подготовку можно осуществлять в контексте отечественных конкурсов управления «Управляй» или «Лидеры России».

В современных условиях практического применения современных когнитивных и информационных механизмов, влияющих на социальное восприятие, общественное мнение, нужно сформировать такую институциональную среду, которая охватывает все уровни системы целеполагания. В таком случае практическое осуществление концептуальных основ обеспечения общенациональной безопасности будет обладать относительно высокой значимостью при решении экономических, политических, социальных, культурных проблем на региональном уровне.

Разработка целенаправленных, а не скоротечных управленческих решений, реализация целенаправленной работы, ориентированной на получение практико-ориентированного результата, которая объединяет элементы российского государственного управления в ходе поиска критически важных решений задач увеличения результативности участия государства, регионального социально-экономического развития в условиях современных глобальных и локальных вызовов институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности должна стать основой модели принятия решений в государственном управлении.

Это также подтверждается научно-практическими результатами, изложенными в источниках [9-11]. На данном этапе они стали образовательной и научной основой противодействия информационной пропаганды, психологически воздействующей на современное общество, искажающей историческую истину о достижениях реальных результатов российской экономической школы, а также о возможностях практического осуществления совершенно новых подходов к достижению целевых ориентиров общенациональной и региональной экономической безопасности.

На современном этапе в значительной степени осуществляется согласование федеральных и региональных механизмов обеспечения общенациональной и территориальной безопасности, стратегического планирования, исходя из институционализации параметров целеполагания практического осуществления макроэкономической, социальной политики в многоуровневой системе российского государственного управления. Посредством нормативных актов утверждаются принципы использования механизмов стратегического планирования, являющихся, в свою очередь, институциональной основой текущей социально-экономической модели,

формируются стратегические контуры институциональной среды на базе усовершенствованных правил взаимодействия региональных областей социального развития, экономической безопасности с федеральным уровнем. Это подтверждается результатами, отраженными некоторыми российскими исследователями, в частности, увеличение общенациональной и региональной экономической безопасности не представляется возможным без участия государственных органов федеральной власти [7], присутствует потребность в федерализации российского государственного управления на региональном и местном уровне, исходя из принципов сбалансированности и адекватности разграничений федеральных, региональных, местных полномочий [12].

Тем не менее, существуют риски практического осуществления указанных выше положений на уровне субъектов РФ, поскольку в таком случае нужно создать субфедеральный уровень в российском государственном управлении для более эффективного согласования принимаемых в контексте стратегического планирования управленческих решений, учитывая специфические характеристики использования нормативов обеспечения региональной экономической безопасности. Кроме того, задачи, решаемые в контексте обеспечения региональной экономической безопасности, целесообразно отразить в документах и актах по стратегическому планированию субъектов РФ.

Институциональные модели международного партнёрства российских регионов как возможность выстраивания внешнеполитических, внешнеэкономических и культурных связей. Активизация международного партнёрства российских регионов произошла в начале 2000-х гг. Именно на данном этапе у субъектов РФ увеличился социально-экономический потенциал к формированию и поддержанию международных партнёрств, а также оформились необходимые для этого политико-правовые основы деятельности.

Исходя из Концепции внешней политики [13], ключевые принципы использования институциональных моделей международного партнёрства российских регионов:

- равноправное и взаимовыгодное международное партнёрство с зарубежными странами;
- поддержание территориального суверенитета и независимости;
- транспарентность;
- прагматизм;
- предсказуемость;
- многовекторность международного партнёрства;
- расширение международного партнёрства на базе отсутствия дискриминации;
- отстаивание территориальных приоритетов без конфронтации.

При помощи международного партнёрства российских регионов можно решать перечисленные ниже задачи:

1) содействие территориальному экономическому и социальному развитию;

2) увеличение качества и уровня жизни граждан субъектов РФ;

3) улучшение информационного и управленческого взаимодействия между субъектами международного партнёрства;

4) укрепление и развитие дружественных связей с зарубежными странами на основе уважения;

5) создание добрососедских отношений, взаимопонимания и взаимного доверия;

6) формирование базовых условий для реализации совместных проектов в разрезе направлений международного партнёрства.

В государствах ближнего зарубежья международное партнёрство российских регионов осуществляется в соответствии со смешанной институциональной моделью (собственный отечественный опыт, лучшие практики азиатской и европейской институциональных моделях). В контексте российских условий применение европейской институциональной модели наиболее ярко проявляется в создании и успешном функционировании еврорегионов «Балтика», «Карелия», где также участвует РФ. Исходя из позиции российской и европейской стороны, подобные программы международного партнёрства территориальных единиц способствуют уменьшению разрыва в социально-экономических индикаторах, например, уровне жизни, бедности, экономического благополучия.

Как правило, азиатская институциональная модель международного партнёрства используется во взаимодействии российских регионов с Монголией, КНР, что формирует своеобразный внешнеполитический, внешнеэкономический и культурный треугольник. Внешнеполитические и внешнеэкономические взаимоотношения между КНР, Монголией и РФ, расширение условий международного партнёрства между данными государствами выступают основополагающим условием устойчивости функционирования азиатских макрорегионов. Вместе с тем присутствуют ключевые проблемы реализации международных взаимодействий между Монголией и КНР, РФ и КНР, в том числе наличие вероятности появления демографического давления на международное партнёрство с китайской стороны, некоторой стихийности в международных взаимодействиях РФ и КНР, трудности взаимодополняемости отраслевых секторов приграничных районов КНР и РФ [14]. При этом на сегодняшний день имеются перспективы использования азиатской институциональной модели международного партнёрства российских регионов с Ираном [15].

Отечественные институциональные модели к международному партнёрству российских регионов применяются во взаимодействии с Республиками Казахстан и Беларусь в контексте функционирования объединений СНГ и ЕАЭС. Помимо этого, субъекты РФ осуществляют на практике многовекторные стратегии международного партнёрства, в частности, для развития Арктической зоны, Каспийского региона. Подобные институциональные модели

международного партнёрства предполагают всесторонние взаимодействия в разных сферах регионального развития (внешняя политика, экономические отношения, культурные связи).

Хотя отечественный опыт международного партнёрства российских регионов разносторонний и долгосрочный, на данный момент не проработаны рекомендации для развития на региональном уровне институциональных моделей через призму расширения игроков и направлений международного партнёрства. Использование преимущественно государственного участия и концентрация на внешнеэкономических взаимодействиях уменьшает потенциал частных региональных акторов, которые могут выступать активными субъектами международного партнёрства.

В будущей перспективе представляется, что в условиях международных санкционных ограничений роль институциональных моделей международного партнёрства российских регионов будет повышаться при активном участии частных региональных акторов. Соответственно, нужно организовать дополнительные программы, способствующие увеличению информационной осведомленности и грамотности частных региональных акторов (субъектов негосударственного сектора) об институциональных моделях международного партнёрства, отечественном опыте и возможностях практической реализации международного партнёрства территориальных единиц.

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, в процессе научного исследования авторами были сделаны основные выводы:

1. В контексте данного научного исследования были выделены современные вызовы институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности. В современных условиях ключевым вопросом построения институциональной среды государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности выступает совершенствование уровня качества политических и экономических взаимодействий между государственными органами федерального и регионального уровня. Это также необходимо для увеличения результативности системы стратегического планирования на основе поиска научно-практических направлений государственного управления в российских регионах. Выявление целевых ориентиров в рамках государственного стратегического планирования подразумевает, что в ходе принятия значимых управленческих решений российские регионы самостоятельны и независимы. В современных российских условиях подобная институциональная модель, обусловленная самостоятельностью и независимостью российских регионов, требует создания чётких критериев институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности.

2. Содержание целевого результата не может быть размыто в восприятии общественностью регионального развития и обеспечения территориальной экономической безопасности. Процесс достижения намеченных целевых ориентиров необходимо конкретизировать через призму текущих результатов регионального экономического и социального развития. Практическое осуществление полученных в научно-исследовательских работах результатов, историческая преемственность лучшим практикам национальной системы государственного управления можно рассматривать в качестве основополагающих составляющих концептуальной модели консолидации социального восприятия задач и целей территориального развития в условиях современных вызовов институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности. Тем не менее, достижение намеченных целевых ориентиров обеспечения региональной экономической безопасности не представляется возможным без последующего развития политико-правовых, управленческих механизмов взаимодействия гражданского общества, государственного сектора и некоммерческих организаций в выявлении стратегических социально-экономических целей территориального развития на базе исторической преемственности во взаимосвязи с целеполаганием процессов институциональной среды. При этом целеполагание может представляться императивом институциональной среды, социального восприятия современных вызовов институциональной среды современного государственного управления в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности как значимого фактора усиления политико-правовых отношений между федеральным центром и субъектами РФ.

3. Потребность международного партнёрства российских регионов с зарубежными государствами обусловлена географическим расположением (соседством), компонентами народохозяйственного комплекса (транспортно-логистической инфраструктуры, линий электропередач), потребностью внешнеполитического позиционирования территориальных единиц для развития инновационного потенциала, кооперационных каналов научно-технической деятельности, а также потребностью поддержания культурных связей и традиций. Хотя в международных партнёрствах участвуют международные организации, фонды и транснациональные корпорации (ТНК), публичные институты также играют основополагающую координирующую, управленческую роль в региональном международном партнёрстве. В будущей перспективе представляется, что в условиях международных санкционных ограничений роль институциональных моделей международного партнёрства российских регионов будет повышаться при активном участии частных региональных акторов. Соответственно, нужно организовать дополнительные программы, способствующие увеличению информационной осведомленности и грамотности частных региональных акторов (субъектов негосу-

дарственного сектора) об институциональных моделях международного партнёрства, отечественном опыте и возможностях практической реализации международного партнёрства территориальных единиц.

Литература

1. Чазова И. Ю., Соломенникова С. И. Применение методов бережливого управления в органах государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – Т. 31. – №. 5. – С. 834-842.
2. XII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regcomment.ru/regions/rossiya/hii-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2024-godu/ (дата обращения: 09.05.2025).
3. Катонин С. А. Дифференциация регионов по уровню экономического развития: агломерационный аспект // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – Т. 1. – №. 4 (114). – С. 20-25.
4. Агафонов А. В. Развитие государственной поддержки молодежного политического лидерства: современные вызовы и перспективы // Управленческое консультирование. – 2024. – №. 4 (184). – С. 158-171.
5. Андреев Е. В., Полозков М. Г., Морозов Д. А. Инвестиции в человеческий капитал как фактор инновационного и экономического развития регионов России // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №. 3. – С. 99-106.
6. Трещевский Ю. И., Загорная Т. О., Малугина А. Г. Инновационное развитие российских регионов: экономический и институциональный контекст // Современная экономика: проблемы и решения. – 2024. – Т. 1. – С. 46-58.
7. Татаркин А., Романова О., Куклин А., Яковлев В. Экономическая безопасность как объект экономического исследования // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 78–89.
8. Rabkin S. V. Target-setting as an institutional imperative of public perception of new challenges to the economic security of the Russian Federation // Economic Security. – 2023. – Т. 6. – №. 1. – С. 93-110.
9. Караваева И. В., Лев М. Ю. Государственное управления в сфере национальной безопасности: актуальные проблемы экономической безопасности современной России (по итогам проведения Международной научно-практической конференции «VI Сенчаговские чтения: Экономическая безопасность России в новой реальности») // Экономическая безопасность. – 2022. – № 3. – С. 1109–1143.
10. Куровский С. В., Мишин Д. А., Шугаев М. О. Устойчивое развитие как ключевой тренд реализации международных инвестиционных проектов // Экономика строительства. – 2024. - № 10. – С. 326-330.
11. Мишин Д. А., Куровский С. В., Халафян А. А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. – 2024. - № 5 (80). – С. 77-81.
12. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Риски утраты оптимальной структуры российского местного самоуправления // Экономическая безопасность. – 2022. – № 1. – С. 45–60.
13. Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 09.05.2025).
14. Кибалина Н. С. Проблемы и перспективы программы создания экономического коридора «Россия–Монголия–Китай» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №. 3-4 (90). – С. 52-55.
15. Куровский С. В., Мишин Д. А., Толоконникова Е. В. Перспективные направления внешнеэкономических связей РФ и Ирана в условиях новой экономической реальности // Инновации и инвестиции. – 2025. - № 2. – С. 85-89.

Institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G.

LLC "Higher School of Education", Lomonosov Moscow State University

The relevance is determined by the existence of modern challenges to the institutional environment of modern public administration in Russian regions in the context of ensuring economic security, problems of practical application of institutional models in public administration of Russian regions, including when building international partnerships in order to maintain and strengthen foreign policy, foreign economic and cultural ties. The purpose of the work is to study the institutional foundations and imperatives of modern public administration in Russian regions. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, systems approach, data conceptualization. The main results of the scientific research: modern challenges to the institutional environment of modern public administration in Russian regions in the context of ensuring economic security are identified, the need to introduce the principles of goal-setting and historical continuity as the basis for the institutional environment of modern public administration in Russian regions is indicated, institutional models of international partnership of Russian regions are considered as an opportunity to build foreign policy, foreign economic and cultural ties. The practical significance of the study lies in the fact that the main results presented in this article can be used by government bodies at the federal and regional levels in the domestic governance system in order to improve the institutional mechanisms of management practices that have developed in Russian regions, as well as to increase the effectiveness of the strategic planning system at the regional level, and interactions within the framework of international partnerships.

Keywords: institutional environment; institutional foundations of regional development; public administration; Russian regions; international partnerships; strategic planning; modern challenges; management practice.

References

1. Chazova I. Yu., Solomennikova S. I. Application of lean management methods in government bodies // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". - 2021. - Vol. 31. - No. 5. - P. 834-842.
2. XII Rating of management efficiency in the constituent entities of the Russian Federation in 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://regcomment.ru/regions/rossiya/hii-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rossijskoj-federatsii-v-2024-godu/ (date of access: 09.05.2025).
3. Katonin S. A. Differentiation of regions by the level of economic development: agglomeration aspect // Universum: economics and jurisprudence. – 2024. – V. 1. – No. 4 (114). – P. 20-25.
4. Agafonov A. V. Development of state support for youth political leadership: modern challenges and prospects // Management consulting. – 2024. – No. 4 (184). – P. 158-171.
5. Andreev E. V., Polozkov M. G., Morozov D. A. Investments in human capital as a factor in innovative and economic development of Russian regions // Society: politics, economics, law. – 2025. – No.. 3. – P. 99-106.
6. Treshchevsky Yu. I., Zagornaya T. O., Malugina A. G. Innovative development of Russian regions: economic and institutional context // Modern economy: problems and solutions. – 2024. – Vol. 1. – P. 46-58.
7. Tatarkin A., Romanova O., Kuklin A., Yakovlev V. Economic security as an object of economic research // Voprosy ekonomiki. – 1996. – No. 6. – P. 78–89.

8. Rabkin S. V. Target-setting as an institutional imperative of public perception of new challenges to the economic security of the Russian Federation // Economic Security. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – P. 93-110.
9. Karavaeva I. V., Lev M. Yu. Public administration in the sphere of national security: current problems of economic security of modern Russia (based on the results of the International scientific and practical conference “VI Senchagov Readings: Economic Security of Russia in the New Reality”) // Economic security. – 2022. – No. 3. – P. 1109–1143.
10. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Shugaev M. O. Sustainable development as a key trend in the implementation of international investment projects // Construction Economics. – 2024. - No. 10. – P. 326–330.
11. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Khalafyan A. A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2024. - No. 5 (80). – P. 77–81.
12. Bukhvald E. M., Valentik O. N. Risks of losing the optimal structure of Russian local self-government // Economic Security. – 2022. – No. 1. – P. 45–60.
13. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 N 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation" [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (date of access: 09.05.2025).
14. Kibalina N. S. Problems and prospects of the program for the creation of the Russia-Mongolia-China economic corridor // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 3-4 (90). - P. 52-55.
15. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Tolokonnikova E. V. Promising directions of foreign economic relations of the Russian Federation and Iran in the context of the new economic reality // Innovations and investments. – 2025. - No. 2. – P. 85-89.

Цифровые технологии в системе государственного управления как инструмент реформирования

Куровский Станислав Валерьевич
руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования», 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович
руководитель редакционно-издательского отдела, ООО «Высшая Школа Образования», 9651530@gmail.com

Лебедев Сергей Георгиевич
аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ, t1998sgl@gmail.com

Актуальность определяется необходимостью совершенствования, реформирования традиционно существовавших основ российского государственного управления на основе цифровых технологий и решений. В современных условиях под цифровой трансформацией системы государственного управления необходимо понимать процессы оптимизации и автоматизации выполнения государственным сектором своих функций, осуществление которых не представляется возможным без интеграции телекоммуникационных технологий и сервисов. Результатом этого станет увеличение уровня качества российского государственного управления. **Цель работы** – сформулировать особенности интеграции и практического применения цифровых технологий как ключевого инструмента реформирования российского государственного управления. **Методы исследования**: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный анализ, структурный анализ, системный подход, монографический метод, концептуализация данных. **Основные результаты научного исследования:** приведены возможности и примеры цифровизации современного государственного управления в РФ; рассмотрены особенности практического осуществления национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в контексте цифровизации государственного управления в РФ; представлены особенности формирования эффективного цифрового правительства в РФ на основе внедрения и использования профессионально-компетентностных моделей.
Ключевые слова: цифровые технологии; современное государственное управление; административные и управленческие кадры; оптимизация и автоматизация; профессионально-компетентностные модели; бизнес-сектор и национальное население; предоставление государственных услуг.

Введение. На современном этапе отечественного развития интеграция цифровых технологий осуществляется на разных уровнях государственной, публичной, экономической, политико-правовой деятельности. Практическое применение телекоммуникационных и цифровых технологий в системе российского государственного управления способствует всестороннему контролю и охвату значительного объёма оказываемых бизнес-сектору и гражданскому населению государственных услуг, разных групп гражданского общества.

В условиях воздействия процессов цифровизации на внешнее пространство трансформируется содержание термина «государства», возникают иные понятия, в частности «государственный сервис», который представляет собой систему публичных цифровых институтов, которые оказывают бизнес-сектору и гражданскому населению электронные (цифровые) государственные услуги с использованием телекоммуникационных и цифровых технологий.

В конечном итоге, доля государств международного сообщества, успешно использующая телекоммуникационные и цифровые технологии в разных областях общественной, политической, экономической, публичной деятельности, включая и систему национального государственного управления, получает значимые конкурентные преимущества, а также крайне высокую лояльность гражданского населения.

Вместе с тем в настоящее время проявляется проблема цифрового разрыва систем государственного управления в разрезе государств международного сообщества, поскольку каждое из них имеет свой уровень использования цифровых технологий и цифровизации национальной системы государственного управления.

Для того чтобы решить указанную выше проблему, целесообразно на уровне международного сообщества сформировать рекомендации по успешной интеграции телекоммуникационных и цифровых технологий в процессы государственной деятельности; на уровне отдельного государства – исследовать текущее состояние цифровизации национальной системы государственного управления, трудности и риски успешной цифровой трансформации, создавать национальные программы управленческих действий для интеграции технологических инноваций в государственное управление, предоставлять на такие программы достаточное бюджетное финансирование [1].

Современное научно-исследовательское сообщество интересуют различные вопросы развития

государственного управления при применении телекоммуникационных и цифровых технологий. На уровне ООН на постоянной основе осуществляется исследование потенциала разных государств к использованию телекоммуникационных, электронных технологий в управленческой практике.

Исследователи О.Л. Алферов, Л.В. Ватлина, Л.А. Кравченко, И.А. Троян, М.В. Горячих, Г.В. Горелова, В.Н. Тюшняков, А.Г. Селезнев [2-6] анализируют проблемы политико-правового обеспечения практического применения электронных технологий в национальной системе государственного управления, интеграции технологических инноваций в многокомпонентную систему государственного управления, стратегического планирования в условиях воздействия происходящих на данном этапе процессов цифровизации.

В научно-исследовательской работе В.Г. Минашкина, П.Э. Прохорова приведены результаты современного состояния реализуемых процессов цифровой трансформации в публичном управлении, которое было проанализировано посредством статистических методов [7].

Проведенные на данный момент теоретико-методологические и эмпирические исследования охватывают разнообразные вопросы практического использования электронных, телекоммуникационных технологий в публичной системе управления. Тем не менее, цифровизация внешнего пространства развивается стремительно, соответственно, необходимо постоянно исследовать её специфические характеристики и особенности. Помимо этого, на уровне отдельной страны возможны собственные рекомендации практического использования и развития технологий цифровых процессов, осуществляемых в национальном государственном управлении.

Цифровизация современного государственного управления в РФ: возможности и примеры. Практическое применение в современном государственном управлении РФ цифровых, сквозных, облачных технологий как компонентов цифровизации способствует получению необходимого пула информационных данных, возникновению возможности эффективного и быстрого получения востребованной государственной услуги бизнес-сектором и национальным населением.

Цифровизация представляет собой совокупность общественных и публичных изменений, взаимосвязанных с интеграцией и практическим применением цифрового инструментария и цифровых технологий. На данном этапе цифровизация затрагивает разные области социальной, экономической, политической жизни, так как технологические инновации предоставляют субъектам разные возможности. В частности, в государственном управлении практическое применение цифровых решений способствует формированию благотворных условий получения национальным населением доступа к актуальным данным, своевременного получения востребованной государственной услуги. Цифровизация подразумевает эффективный управленческий инструмент, позволяющий увеличить уровень качества и результативности информационных данных, предоставляемых по запросу конкретного субъекта.

Цифровое управление в российском государстве связывается с развитием и функционированием электронного правительства. Данная концептуальная модель обусловлена совершением коммерческих и правительственных сделок (операций) через Интернет-сеть. Помимо этого, происходит информационный обмен между национальным населением и правительством, если классические методы государственного управления стали недоступны.

Специфические характеристики существования электронного правительства как инструмента реформирования современного российского государственного управления:

- обеспечение максимально эффективных взаимодействий при предоставлении государственных услуг между бизнес-сектором, национальным населением и государственным сектором;

- уменьшение государственного аппарата по причине планомерного перевода бумажного документооборота в цифровой формат, оказание публичных услуг с использованием онлайн-систем;

- развитие многофункциональных центров (МФЦ) как фундаментального решения использования возможностей электронного правительства в современной российской системе государственного управления.

При помощи МФЦ можно решить перечисленные ниже задачи функционирования электронного правительства:

1) увеличение уровня качества и доступности для бизнес-сектора и гражданского общества государственных услуг;

2) повышение результативности деятельности государственных организаций и ведомств;

3) возрастание информационной прозрачности и открытости государственной деятельности по отношению к гражданскому обществу и бизнес-сектору.

В четвёртом квартале 2024 года была разработана цифровая концептуальная модель российского государственного управления в условиях проактивного функционирования правительства. Компоненты цифровой концептуальной модели:

1) финансово-учётная система «Электронный бюджет» (управление федеральными и региональными инициативами, национальными программами и государственными проектами);

2) электронный документооборот (единое виртуальное пространство контроля и подготовки документов);

3) автоматизированная система «Управление» (автоматизированный анализ и цифровой мониторинг проектов по индикаторам достижения успеха по проектам, финансового обеспечения, деятельности проектного офиса);

4) цифровой сервис «Дашборд» (сбор актуальных информационных данных о выполнении федерального и регионального бюджетов, практическом осуществлении национальных программ, государственных проектов, формировании нормативных и законодательных актов).

Финансово-учётная система «Электронный бюджет» интегрирована с используемыми на федеральном и региональном уровнях IT-системами. Общая численность пользователей финансово-учётной системы «Электронный бюджет» - свыше 410 тыс. человек, включая 74 тыс. управленческих и административных кадров, реализующие функции управления национальными программами и государственными проектами.

Автоматизированная система «Управление» обладает более 60 интеграционными цифровыми сервисами с разными IT-системами федерального и регионального уровня. Общая численность пользователей автоматизированной системы «Управление» - 130 тыс. человек, включая 15 тыс. управленческих и административных кадров, реализующих проектную деятельность [8].

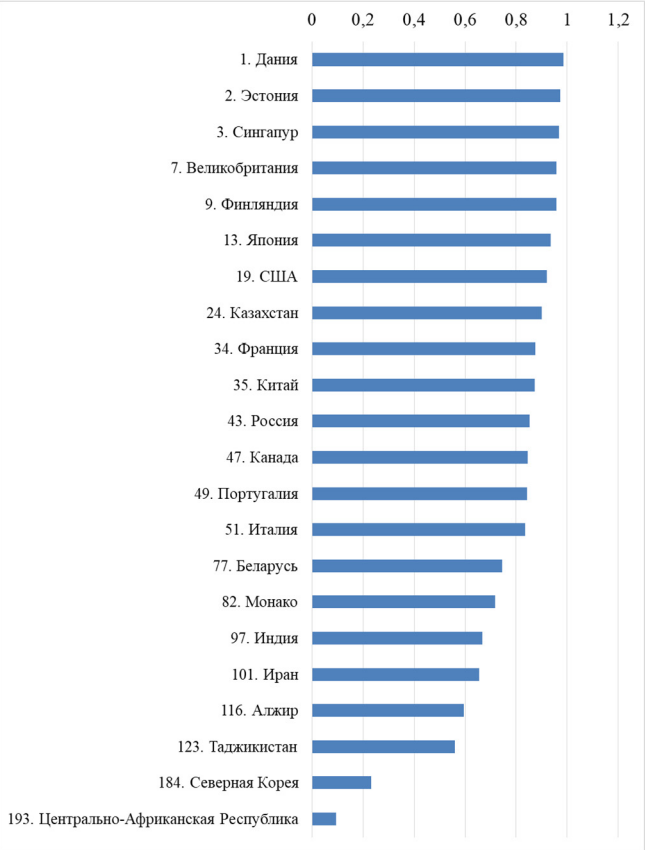

Рисунок 1 – Значение Индекса развития цифрового правительства некоторых государств из международного рейтинга
Источник: составлено авторами на основе [9].

Оценка практического осуществления национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в контексте цифровизации государственного управления в РФ. Ключевым индикатором практического применения цифровых технологий в государственной деятельности выступает Индекс развития электронного (цифрового) правительства, который был утвержден ООН (рисунок 1). Он призван исследовать потенциал государственных органов к практическому применению электронных технологий в целях оказания бизнес-сектору и гражданскому обществу государственных услуг. Индекс развития цифрового правительства формируется, исходя из нескольких параметров: уровень качества и степень охвата государственных онлайн-услуг, уровень развития инфраструктурных объектов, человеческий капитал.

Исходя из рисунка 1, в международном рейтинге Россия занимает 43 место (сентябрь 2024 года). Несмотря на достигнутый результат рейтинга, в РФ осуществляется масштабная работа по интеграции и практическому осуществлению телекоммуникационных сервисов, информационных, электронных технологий в системе российского государственного управления. Ключевые мероприятия цифровой трансформации национального государственного управления были изложены в содержании федерального проекта «Цифровое государственное управление», практическая реализация которого была завершена в декабре 2024 года в рамках действия национальной программы «Цифровая экономика РФ». Наряду с обозначенным федеральным проектом на протяжении 2018-2024 гг. осуществлялись меры в рамках таких федеральных проектов, как:

- кадры для цифровой экономики;
- цифровые технологии;
- искусственный интеллект;
- нормативное регулирование цифровой среды;
- IT-инфраструктура;
- информационная безопасность [10].

Все они в совокупности привели к цифровой трансформации национального государственного управления. Их выполнение планомерно способствовало становлению в российских условиях государственного сервиса, возникновению цифрового правительства. Тем не менее, наиболее важным из федеральных проектов стал проект «Цифровое государственное управление». Его индикаторы и значимые результаты систематизированы в таблице 1.

Таблица 1
Индикаторы и значимые результаты практического осуществления федерального проекта «Цифровое государственное управление»

Характеристика	Содержание	Фактическое состояние (на 2025 год)
Целевые индикаторы федерального проекта	Проактивное онлайн-предоставление государственных услуг	Да
	Работа 25 цифровых сервисов в разрезе общественно значимых ситуаций	20 цифровых сервисов в разрезе общественно значимых ситуаций
	89,7% документооборота государственных организаций и органов автоматизировано (внутреннего и межведомственного)	75,8% документооборота автоматизировано
	59,9% национального населения обладают цифровым профилем личности, цифровой квалифицированной подписью	76,9% национального населения обладают цифровым профилем
	Удельный вес цифрового документооборота между российскими гос-	70,6% цифрового документооборота

	ударственными органами и ведомствами ЕАЭС достигает 85%	
Значимые результаты практического осуществления рассматриваемого федерального проекта	Формирование цифровых супер- и моно-сервисов	Да
	Формирование российской системы цифрового управления массивами данных	Да
	Обеспечение инфраструктурного развития и эксплуатации инфраструктурных объектов в работе цифрового правительства	Да
	Формирование единого окна обратной связи от населения	Да
	Интеграция сквозных технологий в российскую систему государственного управления	Да
	Трансформация организационных и институциональных механизмов взаимодействий участников ЕАЭС и российских государственных органов	Да

Источник: составлено авторами на основе [11].

В соответствии с таблицей 1 можно наблюдать, что в современных российских условиях дублируются государственные услуги, оказываемые бизнес-сектору и национальному населению оффлайн и онлайн. Представляется, что в 2025-2026 гг. целесообразно осуществить полный переход на проактивное онлайн-предоставление государственных услуг с использованием телекоммуникационных сервисов. Поэтому нужно увеличить степень вовлеченности бизнес-сектора и национального населения, а также уровень их грамотности для наиболее эффективного перехода к цифровому формату взаимодействий с государственными органами и ведомствами.

Формирование эффективного цифрового правительства в РФ на основе внедрения и использования профессионально-компетентностных моделей. На цифровизации внешнего пространства в российском государственном управлении происходит планомерный переход от содержания управленческой практики как процесса выполнения управленческой функции государственными органами к смыслу государственного управления как сетевой модели взаимодействий государственного сектора, предпринимательства, национального населения.

Реформирование в современной России государственного управления в условиях интеграции цифровых технологий создаёт принципиально новую модель государственного управления. Тем не менее, итоговые результаты преобразований российской системы государственного управления при практическом использовании технологических инноваций, сквозных и платформенных решений являются неоднозначными. Ключевым препятствием формирования эффективного цифрового правительства в РФ выступает недостаток квалифицированных специалистов, обладающих профессиональными навыками в области Интернета вещей, телекоммуникационных сервисов, искусственного интеллекта, машинного обучения, сквозных технологий для наиболее эффективного практического осуществления национальных проектов (рисунок 2). Практическое применение обозначенных цифровых решений нужно для создания эффективной и высококачественной отечественной системы государственного управления.

В условиях новой политической, экономической, информационной реальности предъявляются значительные требования к профессиональным навыкам служащих государственного сектора, так как от степени их компетентности напрямую зависит уровень качества российского государственного управления [12].

Рисунок 2 – Ранжирование препятствий цифровизации российской системы государственного управления, %
Источник: составлено авторами на основе [13].

Соответственно, присутствует потребность в формировании эффективного цифрового правительства в РФ на основе внедрения и использования профессионально-компетентностных моделей.

Цифровизация российского государственного управления постепенно смещает на профессиональную квалификацию и компетенции служащих государственного сектора. Различные административно-управленческие процессы и задачи в перспективе будут решаться автоматизировано. Соответственно, осуществление задач будет проактивным, человеческий труд в российской системе государственного управления будет минимизирован, что способствует существенной концентрации административных и управленческих кадров государственного сектора на более сложных задачах и процессах. В частности, на таких процессах, где нужно использовать множественные либо индивидуальные процедуры для принятия эффективных решений, переговоры, в рамках которых осуществляются взаимодействия разных служащих государственного ведомства [14].

Можно отметить, что административный работник на данном этапе нуждается в наиболее глубоких

профессиональных навыках моделирования, программирования текущих ситуаций, процессов, либо в развитых научно-исследовательских компетенциях, включая навыки применения инструментов анализа огромных массивов информационных данных. Соответственно, целесообразно структурировать формы реализации профессиональных компетенций в разрезе административных и управленческих кадров российского государственного управления.

Индивидуальные профессиональные компетенции подразумевают наличие цифровой грамотности, потенциал служащих государственного сектора к оценке разных носителей информации. Дополнительно необходима информационная грамотность, которая предполагает, что административные и управленческие кадры обладают актуальными знаниями о потребностях субъектов в информационных данных, эффективно их применяют в целях решения возникших трудностей. Помимо этого, нужно свободное владение сквозными, платформенными решениями, технологическими инновациями, в том числе непредвзятое отношение служащих к практическому применению в государственной деятельности альтернативных технологий. Следовательно, возникнет возможность гибкого переключения между разными сервисами, приложениями, инструментами. Тем не менее, это предполагает цифровой потенциал к организации выполнения трудовых задач.

Одновременно с этим управленческие кадры в российском государственном управлении сталкиваются с особыми сложностями при выполнении трудовой деятельности, поэтому они должны уметь осмыслить реализуемые процессы через призму цифрового пространства. Нужно различать степень ответственности руководителей структурных подразделений публичных ведомств, которым в малом количестве нужны IT-знания, с коллективом специалистов, которым нужны специализированные IT-знания. Также служащие должны уметь выявлять стандарты цифровой этики. Предполагается, что управленческие кадры будут поддерживать цифровой формат выполняемой деятельности, в частности, домашний офис либо цифровое рабочее место. Необходим потенциал к совместному лидерству при практическом осуществлении национальных программ. Тем не менее, одной из значимых профессиональных компетенций выступает понимание служащим государственного ведомства технологических трендов в целях сокращения зависимости от IT-специалистов.

Административные кадры должны свободно владеть профессиональными компетенциями самоорганизации своей деятельности, это важно в условиях необходимости полного перехода к онлайн-обслуживанию бизнес-сектора и национального населения. При переходе к цифровым форматам выполнения административной деятельности нужно развивать коммуникативные компетенции, которые также востребованы в проектной команде, для практического применения новых способов проектного управления. Целесообразно административным кадрам чётко понимать перечень полномочий в рассмотрении достаточно сложных вопросов, использовать умения предоставления ответов на любые возникающие вопросы. По сравнению с управленческими кадрами административным работникам государственного сектора не нужны передовые цифровые технологии, практические знания для цифровизации государственного управления, так как они в наибольшей степени играют роль «коммуникаторов», «консультантов», «собеседников».

Выводы. Было определено, что в международном рейтинге развития цифрового правительства РФ занимает только 43 место. Несмотря на достигнутый результат рейтинга, в РФ осуществляется масштабная работа по интеграции и практическому осуществлению телекоммуникационных сервисов, информационных, электронных технологий в системе российского государственного управления. В современных российских условиях дублируются государственные услуги, оказываемые бизнес-сектору и национальному населению оффлайн и онлайн. Представляется, что в 2025-2026 гг. целесообразно осуществить полный переход на проактивное онлайн-предоставление государственных услуг с использованием телекоммуникационных сервисов. Поэтому нужно увеличить степень вовлеченности бизнес-сектора и национального населения, а также уровень их грамотности для наиболее эффективного перехода к цифровому формату взаимодействий с государственными органами и ведомствами.

Цифровизация российского государственного управления с течением определенного времени в будущем станет более заметной по своему влиянию. Стоит отметить, что планомерная цифровая трансформация способствует тому, что отдельные служащие государственного сектора откажутся от принятия субъективных управленческих решений, совершенствованию степени качества оказания бизнес-сектору и национальному населению публичных услуг, сокращению бюджетных затрат. В современных условиях под цифровой трансформацией системы государственного управления необходимо понимать процессы оптимизации и автоматизации выполнения государственным сектором своих функций, осуществление которых не представляется возможным без интеграции телекоммуникационных технологий и сервисов. Результатом этого станет увеличение уровня качества российского государственного управления.

Литература

1. Куровский С. В., Мишин Д. А., Корнилов С. А. К вопросу об учете результатов и затрат в системе исполнения бюджета города Москвы // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32. - № 2. – С. 211-218.

2. Алферов О. Л. Цифровые технологии в государственном управлении: правовые аспекты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: реферативный журнал. – 2021. – №. 3. – С. 220-228.

3. Ватлина Л. В. Цифровые технологии и модернизация государственного управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – №. 5 (125). – С. 88-93.

4. Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В. Цифровые решения в государственном управлении: тренды, возможности и ограничения // Информационное общество. – 2023. – №. 2. – С. 54-68.

5. Горелова Г. В., Тюшняков В. Н. Применение цифровых технологий в государственном и муниципальном управлении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2019. – №. 4 (250). – С. 134-145.

6. Селезнев А. Г. Государственное планирование и управление с использованием цифровых технологий // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7. – №. 4 (25). – С. 276-279.

7. Минашкин В. Г., Прохоров П. Э. Статистический анализ использования цифровых технологий в организациях: региональный аспект // Статистика и экономика. – 2018. – №. 5. – С. 51-62.

8. Цифровая трансформация госуправления (стратегическое направление) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/ Статья:Цифровая_трансформация_госуправления_(стратегическое_направление) #.2A_.D0.92.D0.B8.D1.86.D0.B5-.D0.BF.D1.80.D0.B5.D0.BC.D1.8C.D0.B5.D1.80_.D0.A0.D0.A4_.D0.94.D0.BC.D0.B8.D1.82.D1.80.D0.B8.D0.B9_.D0.93.D1.80.D0.B8.D0.B3.D0.BE.D1.80.D0.B5.D0.BD.D0.BA.D0.BE_.D1.83.D1.82.D0.B2.D0.B5.D1.80.D0.B4.D0.B8.D0.BB_.D0.B4.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.B6.D0.BD.D1.83.D1.8E_.D0.BA.D0.B0.D1.80.D1.82.D1.83_.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B8.D0.B7.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D0.B3.D0.BE.D1.81.D1.83.D0.BF.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F (дата обращения: 10.05.2025).

9. Рейтинг стран мира по Индексу развития электронного правительства (сентябрь 2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index (дата обращения: 10.05.2025).

10. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. Правительством Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. — Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

11. Паспорт Федерального Проекта «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/03/ pasport_cgu_dec2019.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

12. Мишин Д. А., Куровский С. В., Халафян А. А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. – 2024. - № 5 (80). – С. 77-81.

13. Куровский С. В., Мишин Д. А., Штыков Р. А. Задачи и методы формализации и оптимального управления цифровыми сервисами в компаниях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. – 2024. - № 10-2. – С. 39-45.

14. Боркова Е. А. Организационные аспекты реализации государственной политики устойчивого развития // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – №. 4. – С. 431-444.

Digital technologies in the public administration system as a tool for reform

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Lebedev S.G.
LLC "Higher School of Education", Lomonosov Moscow State University

The relevance is determined by the need to improve and reform the traditionally existing foundations of Russian public administration based on digital technologies and solutions. In modern conditions, the digital transformation of the public administration system should be understood as the processes of optimization and automation of the performance of functions by the public sector, the implementation of which is not possible without the integration of telecommunication technologies and services. This will result in an increase in the quality of Russian public administration. The purpose of the work is to formulate the features of the integration and practical application of digital technologies as a key tool for reforming Russian public administration. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative analysis, structural analysis, systems approach, monographic method, data conceptualization. The main results of the scientific research: the possibilities and examples of digitalization of modern public administration in the Russian Federation are provided; the features of the practical implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" in the context of the digitalization of public administration in the Russian Federation are considered; the features of the formation of an effective digital government in the Russian Federation based on the introduction and use of professional and competence models are presented. The practical significance of the study lies in the fact that the main results presented in this article can be used by government agencies to optimize and automate the processes of performing socially significant management functions by administrative and managerial personnel based on the integration and practical application of digital, end-to-end, platform solutions in modern public administration of the Russian Federation.

Keywords: digital technologies; modern public administration; administrative and managerial personnel; optimization and automation; professional and competence models; business sector and national population; provision of public services.

References

1. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Kornilov S. A. On the issue of accounting for results and costs in the Moscow city budget execution system // Economic development of Russia. - 2025. - Vol. 32. - No. 2. - P. 211-218.
2. Alferov O. L. Digital technologies in public administration: legal aspects // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series. 4, State and Law: abstract journal. - 2021. - No. 3. - P. 220-228.
3. Vatlina L. V. Digital technologies and modernization of public administration // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. - 2020. - No. 5 (125). - P. 88-93.
4. Kravchenko L. A., Troyan I. A., Goryachikh M. V. Digital solutions in public administration: trends, opportunities and limitations // Information society. - 2023. - No. 2. - P. 54-68.
5. Gorelova G. V., Tyushnyakov V. N. Application of digital technologies in state and municipal administration // Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economy. - 2019. - No. 4 (250). - P. 134-145.
6. Seleznev A. G. Public planning and management using digital technologies // Azimuth of scientific research: economy and management. - 2018. - Vol. 7. - No. 4 (25). - P. 276-279.
7. Minashkin V. G., Prokhorov P. E. Statistical analysis of the use of digital technologies in organizations: regional aspect // Statistics and Economics. - 2018. - No. 5. - P. 51-62.
8. Digital transformation of public administration (strategic direction) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.tadviser.ru/index.php/ Article: Digital_transformation_of_public_administration_(strategic_direction) #.2A_.D0.92.D0.B8.D1.86.D0.B5-.D0.BF.D1.80.D0.B5.D0.BC.D1.8C.D0.B5.D1.80_.D0.A0.D0.A4_.D0.94.D0.BC.D0.B8.D1.82.D1.80.D0.B8.D0.B9_.D0.93.D1.80.D0.B8.D0.B3.D0.BE.D1.80.D0.B5.D0.BD.D0.BA.D0.BE_.D1.83.D1.82.D0.B2.D0.B5.D1.80.D0.B4.D0.B8.D0.BB_.D0.B4.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.B6.D0.BD.D1.83.D1.8E_.D0.BA.D0.B0.D1.80.D1.82.D1.83_.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B8.D0.B7.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_.D0.B3.D0.BE.D1.81.D1.83.D0.BF.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F (access date: 05/10/2025).
9. Ranking of countries of the world according to the E-Government Development Index (September 2024) [Electronic resource]. - Access mode: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index (date of access: 10.05.2025).
10. The program "Digital Economy of the Russian Federation" [Electronic resource]: approved. by the Government of the Russian Federation dated

28.07.2017 No. 1632-r. - Access mode: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (date of access: 10.05.2025).
11. Passport of the Federal Project "Digital Public Administration" [Electronic resource]. — Access mode: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/03/pasport_cgu_dec2019.pdf (date accessed: 10.05.2025).
12. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Khalafyan A. A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2024. - No. 5 (80). - P. 77-81.
13. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Shtykov R. A. Tasks and methods of formalization and optimal management of digital services in companies // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Natural and technical sciences. - 2024. - No. 10-2. - P. 39-45.
14. Borkova E. A. Organizational aspects of the implementation of state policy on sustainable development // Creative Economy. - 2020. - Vol. 14. - No. 4. - P. 431-444.

Современные методы скрытого управления сознанием и поведением людей в политической среде

Мищук Александр Юрьевич
аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, info@bgu.ru

В статье рассматриваются современные методы скрытого управления сознанием и поведением людей в политической среде. Анализируются механизмы когнитивного воздействия, демонстрирующие, что только комплексное применение информационно-медийных, психолингвистических и цифровых технологий позволяет достичь долгосрочного изменения общественного сознания. Исследование раскрывает алгоритмическое управление информацией, таргетинг, дипфейки, НЛП, технологии социальной поляризации и ИИ как элементы единой системы когнитивного влияния.
Особое внимание уделяется тому, как современные технологии позволяют не только управлять содержанием информации, но и модифицировать саму структуру мышления аудитории, создавая новые модели восприятия политической реальности. Рассматриваются примеры практического использования этих методов в гибридных войнах, электоральных процессах и глобальном информационном противостоянии.
В заключении подчеркивается, что когнитивные войны стали возможны благодаря синергии различных технологий манипуляции, что требует разработки стратегий информационной безопасности и повышения уровня медиаграмотности общества.
Ключевые слова: скрытое управление сознанием, манипуляция общественным мнением, фрейминг, пропаганда, таргетинг, Big Data, дипфейки, алгоритмическое управление информацией, психолингвистические технологии, когнитивные войны, социальная поляризация, НЛП.

Актуальность исследования

Современные политические процессы всё чаще подвергаются скрытому влиянию со стороны различных акторов, использующих методы управления массовым сознанием и поведением людей. Развитие цифровых технологий, социальных сетей и искусственного интеллекта создало новые инструменты когнитивного воздействия, позволяющие формировать общественное мнение, манипулировать электоральными предпочтениями и изменять модели поведения граждан.

Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях глобальной информационной конкуренции, когда скрытое управление сознанием становится стратегическим инструментом геополитического влияния. Современные технологии позволяют не только воздействовать на содержание мыслей людей, но и формировать саму структуру их мышления. В докладе НАТО говорится о когнитивном доминировании как о новом стратегическом приоритете, что подтверждает факт переноса конфронтации из сферы вооруженных конфликтов в сферу информационно-когнитивного противостояния.

Сегодня борьба ведется не только за контроль над ресурсами и территориями, но и за умы людей – за то, какую идеологию, систему ценностей и мировоззрение они примут. Скрытые методы управления сознанием опираются на комплексное использование когнитивных, психологических и информационных технологий, что делает их особенно опасными и труднодоступными для выявления. Масштабное применение манипулятивных технологий в политической сфере угрожает национальной безопасности, подрывает доверие к институтам власти и способствует социальной дестабилизации. В связи с этим изучение современных методов скрытого управления сознанием и поведением людей в политической среде является не только актуальной, но и стратегически важной научной задачей, требующей глубокого анализа механизмов воздействия, оценки возможных угроз и разработки мер по их нейтрализации.

Цель исследования:

Исследование комплексного воздействия современных методов скрытого управления сознанием, доказательство того, что лишь их совокупное и синхронизированное применение позволяет достичь устойчивого когнитивного влияния. Особое внимание уделяется анализу механизмов, посредством которых информационные, психолингвистические и цифровые технологии не просто формируют общественное мнение, но и трансформируют когнитивные модели восприятия, создавая новые структуры мышления и поведения в политической среде.

Когнитивная война- это искусство использования технологических инструментов для изменения сознания людей-мишеней, которые часто не подозревают о любой такой попытке, как и те, кому доверено противодействие, минимизация или управление ее последствиями, чьи институциональные и бюрократические реакции слишком медленны или неадекватны (из доклада по когнитивным войнам Дю Клюзеля, НАТО).

Суть состоит в системном воздействии на сознание людей, образ их мыслей.

Согласно новой концепции НАТО, задача когнитивной войны – «взлом личности» с помощью использования «уязвимостей человеческого мозга» для последующего применения «социального инжиниринга» с целью переформатирования человека.

В долгосрочной перспективе (от одного до нескольких десятков лет) это перезагрузка исторического самосознания, системы образования и воспитания, базовых смыслов и целей общества. В том числе переписывание истории, разрушение традиций, укладов, веры (религии) и базовых ценностей.

В среднесрочной перспективе – реализация воздействие на нормы поведения, подрыв доверия к власти, раскол общества. Формирование «пятой колонны».

Обе технологии используют информационную и психоэмоциональную составляющие.

Информационная составляющая предполагает изменение содержания знаний, фактов и сведений. То есть дезинформирование, подмену понятий. Объектами воздействия являются: новости, аналитические и социологические данные, программы обучения в высших учебных заведениях и школе.

Психоэмоциональная составляющая применяет манипуляцию сознанием, настроениями и эмоциями, когда индивидууму, группам людей и обществу в целом опосредованно внедряются нужные настроения, оценки, мнения о чем-либо, о ком-либо, и все это принимается людьми неосознанно, без понимания сути.

Современные методы скрытого управления в рамках когнитивного воздействия можно классифицировать следующим образом. Информационно-медийные технологии манипуляции, психолингвистические технологии программирования, цифровые технологии управления сознанием. Все это является инструментами в когнитивной войне.

Рассмотрим подробней каждый из инструментов.

1.Информационно-медийные технологии манипуляции – это методы и стратегии, используемые для контроля общественного сознания через средства массовой информации (СМИ), социальные сети и цифровые платформы. Они направлены на изменение восприятия, убеждений и поведения людей без их осознания. Они включают в себя следующие элементы.

1.1Фрейминг - представляет собой когнитивный процесс структурирования информации, в ходе которого определённые аспекты реальности акцентируются, а другие маргинализируются или исключаются. Этот механизм широко используется в политике, медиа, рекламе и массовых коммуникациях для управления общественным восприятием и интерпретацией событий. Фрейминг является фундаментальной составляющей манипулятивных стратегий, поскольку позволяет контролировать контекст, в котором воспринимаются факты, формируя определённые убеждения, эмоциональные реакции и поведенческие модели.

1.2 Пропаганда в современных информационно-медийных технологиях манипуляции представляет собой целенаправленное влияние на массовое сознание посредством распространения определённых идей, взглядов и ценностей, выгодных субъекту воздействия. Она используется для формирования политических, идеологических, социальных и культурных установок у аудитории, создавая предсказуемые поведенческие модели.

С развитием цифровых технологий традиционные методы пропаганды (телевидение, радио, печатная пресса) эволюционировали в новые цифровые формы, включающие использование алгоритмов социальных сетей, манипуляцию с данными (Big Data), нейролингвистическое программирование и психологические воздействия через мультимедийный контент.

Основные особенности современной пропаганды можно отнести:

1. Контроль информационного пространства. Создание информационной повестки, в рамках которой доминируют только определённые нарративы. Исключение альтернативных точек зрения через цензуру, теневое ранжирование (shadow banning) и подавление независимых источников.

2. Использование эмоционального воздействия. Акцент на страх, ненависть, гордость, надежду как основные механизмы формирования массового сознания. Подавление рационального восприятия информации путём её упрощения.

3. Создание альтернативной реальности. Искусственное конструирование нарратива через дезинформацию и фальсификацию фактов. Формирование «чёрно-белой» картины мира (дихотомия «свой – чужой», «хороший – плохой»).

4. Алгоритмическая манипуляция и цифровая дезинформация Управление тем, какие материалы пользователи видят в социальных сетях и поисковых системах. Использование ботов, и автоматизированных систем для распространения пропагандистских сообщений.

1.3 Спин-докторинг — это специализированная PR-технология, направленная на управление восприятием событий и информации в медиапространстве с целью формирования благоприятного общественного мнения. Термин «спин-доктор» возник в американском политическом лексиконе в 1984 году и обозначает специалиста, который «раскручивает» или «корректирует» новости для достижения желаемого эффекта. [1].

Спин-доктора являются частью медиакоманды, их задачей становится изменение того, как публика воспринимает событие, к примеру, о депутате, или изменение ожиданий того, что может произойти, например, в результате действий политической парти.[2]

В контексте информационно-медийных технологий манипуляции, спин-докторинг включает в себя следующие ключевые аспекты:

1. Подготовка и организация событий: Спин-доктора не только интерпретируют происходящие события, но и активно участвуют в их организации, чтобы обеспечить благоприятное освещение в СМИ. Это может включать создание информационных поводов, пресс-конференций и других мероприятий, направленных на привлечение внимания медиа.

2. Корректировка и управление освещением: Если событие получило негативное освещение, спин-доктора стремятся изменить его восприятие, предоставляя альтернативные интерпретации, смещая акценты или вводя новые информационные поводы, которые отвлекают внимание от нежелательных аспектов.

3. Создание информационного вакуума: В отсутствие информации любое заявление клиента становится эксклюзивным и привлекает внимание СМИ. Спин-доктора могут использовать эту стратегию, чтобы контролировать поток информации и направлять его в выгодное русло.

4. Использование кризисного менеджмента: В ситуациях, когда события выходят из-под контроля, спин-доктора применяют методы кризисного менеджмента, направленные на минимизацию ущерба и восстановление репутации клиента. [3].

2. Психолингвистические технологии являются ключевым инструментом манипуляции сознанием и изменением поведения людей через язык, риторику и когнитивные механизмы восприятия. Они используются в политике, рекламе, пропаганде, средствах массовой информации и социальных сетях для подсознательного управления мнением аудитории, формирования эмоций и программирования социального поведения.

Методы психолингвистического воздействия основаны на изменении когнитивных структур, внедрении в сознание нужных установок и эмоциональной манипуляции через риторику, тональность, порядок слов, выбор терминологии, акценты и замалчивание информации.

2.1 Нейролингвистическое программирование (НЛП) — это методика, разработанная в 1970-х годах Ричардом Бэндлером и Джоном Гриндером, направленная на изучение связи между нейрологическими процессами, языком и поведенческими шаблонами, приобретёнными через опыт. Основная идея НЛП заключается в том, что, понимая структуру субъективного опыта человека, можно моделировать и изменять его поведение и мышление.[4]

В контексте политической манипуляции НЛП применяется для воздействия на массовое сознание с целью формирования определённых убеждений и поведения у электората. Политические деятели и их консультанты используют техники НЛП для создания эффективных коммуникационных стратегий, позволяющих влиять на восприятие и решения граждан.

Основные техники НЛП в политической манипуляции:

1. Якорение: Связывание определённых слов или жестов с позитивными или негативными эмоциями. Например, политик может использовать определённый жест при упоминании положительных аспектов своей программы, создавая у аудитории положительную ассоциацию.

2. Рефрейминг: Изменение контекста или интерпретации события для изменения его восприятия. Например, экономические трудности могут быть представлены как «временные трудности на пути к процветанию».

3. Метамодель: Использование специфических вопросов для выявления скрытых предположений или ограничений в мышлении аудитории, позволяя направлять их мысли в нужное русло.

4. Милтон-модель: Применение расплывчатых и многозначных выражений, позволяющих каждому человеку интерпретировать сообщение по-своему, что создаёт ощущение согласия с оратором.

5. Визуализация: Создание ярких образов в сознании аудитории для усиления эмоционального отклика и запоминания ключевых сообщений.[5].

2.2. Технологии социальной поляризации представляют собой методы, направленные на искусственное разделение общества на противоборствующие группы по различным признакам — политическим, идеологическим, этническим, религиозным или социальным. Целью таких технологий является усиление конфликтов и напряжённости внутри общества, что делает его более управляемым и податливым внешнему влиянию.

В контексте манипуляции политическим сознанием, технологии социальной поляризации используются для формирования и закрепления в массовом сознании определённых стереотипов и предубеждений. Это достигается через механизмы стереотипизации, социальной категоризации и социальной атрибуции. Создаются и внедряются социальные мифы, которые утверждают интересы манипуляторов, влияя на восприятие и поведение различных групп населения. [6].

Применение технологий социальной поляризации в политике может привести к углублению общественных разломов и политических конфликтов, что делает общество более уязвимым к манипуляциям и снижает его способность к консолидации перед внешними и внутренними вызовами.[7]

3.Цифровые технологии управления сознанием представляют собой совокупность методов и инструментов, использующих искусственный интеллект, алгоритмы социальных сетей, Big Data и автоматизированные системы для контроля над информационными потоками. Эти технологии активно применяются в политической борьбе, информационных войнах, предвыборных кампаниях, маркетинге и массовой коммуникации.

Основная цель цифровых манипуляций — незаметное влияние на убеждения, поведение и мировоззрение аудитории. В отличие от традиционных методов пропаганды, цифровые технологии позво-

ляют персонализировать воздействие, создавая индивидуализированные сообщения для различных сегментов населения.

3.1 Алгоритмическое управление информацией представляет собой механизм скрытого влияния на общественное сознание через цифровые платформы, такие как социальные сети, поисковые системы и новостные агрегаторы. В основе этого процесса лежит использование алгоритмов, которые анализируют предпочтения пользователей и формируют индивидуальную информационную среду, контролируя, какие новости и материалы будут доступны аудитории.

Современные социальные сети, такие как Facebook, Twitter, YouTube и TikTok, а также поисковые системы, включая Google и Bing, используют сложные алгоритмы для фильтрации и персонализации контента. Эти алгоритмы не просто подстраивают выдачу информации под интересы пользователей, но и могут активно продвигать определённые нарративы, ограничивая доступ к альтернативным точкам зрения. Это создаёт эффект так называемых «информационных пузырей» (filter bubbles) и «эхокамер» (echo chambers), в которых пользователи сталкиваются только с теми мнениями и фактами, которые подтверждают их существующую точку зрения, что снижает уровень критического мышления и делает их более восприимчивыми к манипуляциям.

Другим важным аспектом алгоритмического управления информацией является явление «shadow banning» (теневая блокировка), когда контент определённого пользователя или группы становится менее видимым в социальной сети без явного уведомления. Это широко применяется для подавления оппозиционных или неудобных для власти мнений. Например, в 2020 году Twitter и Facebook активно применяли теневую блокировку в отношении материалов, связанных с президентскими выборами в США, ограничивая распространение определённых публикаций и помечая их как «спорную информацию».

Также алгоритмы активно используются в новостных агрегаторах и поисковых системах. Google и Яндекс, например, ранжируют новостные статьи в выдаче, формируя общественное восприятие актуальных событий. Изменяя параметры поисковой выдачи, можно искусственно повысить популярность определённых материалов и сделать незаметными другие, изменяя баланс общественного мнения.

Таким образом, алгоритмическое управление информацией является мощным инструментом манипуляции сознанием, позволяя незаметно формировать политические предпочтения, управлять восприятием новостей и контролировать информационные потоки. В современных условиях этот механизм становится ключевым элементом информационных войн и борьбы за влияние в цифровом пространстве [8]

3.2 В современном цифровом обществе технологии обработки больших данных и таргетинга играют ключевую роль в формировании и манипуляции общественным сознанием. Анализируя обширные массивы информации о поведении, предпочтениях и социальных связях пользователей, организации могут внедрять определённые нарративы, влияя на восприятие и поведение целевых аудиторий.

Большие данные (Big Data) представляют собой обширные и сложные наборы данных, которые невозможно эффективно обработать традиционными методами. С развитием цифровых технологий сбор данных о пользователях стал повсеместным, включая информацию о посещённых веб-сайтах, активности в социальных сетях, покупательских предпочтениях и даже геолокации. Анализ этих данных позволяет выявлять скрытые закономерности и предсказывать поведение людей, что открывает широкие возможности для таргетированного воздействия.

Таргетинг — это стратегия, направленная на идентификацию и воздействие на конкретные сегменты аудитории, основываясь на их демографических, поведенческих и психологических характеристиках. Микротаргетинг идёт ещё дальше, позволяя создавать индивидуализированные сообщения для узких групп или даже отдельных лиц. Используя данные о предпочтениях и поведении пользователей, можно формировать контент, который максимально резонирует с их убеждениями и эмоциями, что повышает эффективность воздействия.[9]

3.3 Боты — это программные алгоритмы, имитирующие деятельность реальных пользователей в цифровом пространстве. Они применяются для автоматизированного взаимодействия в социальных сетях, на форумах, в мессенджерах и других онлайн-платформах. В контексте информационных войн и манипуляции сознанием боты используются для создания искусственного общественного мнения, распространения выгодных нарративов и подавления альтернативных точек зрения.

Боты способны выполнять широкий спектр задач: публикация сообщений, комментирование, лайки, репосты, распространение хэштегов, участие в опросах. Современные технологии машинного обучения и искусственного интеллекта позволяют ботам вести осмысленные диалоги, адаптироваться к контексту обсуждений и даже генерировать «живые» комментарии, что затрудняет их выявление.

3.4 Deepfake— это технология, использующая искусственный интеллект для создания фальсифицированных, но реалистичных аудио- и видеоматериалов, где человек изображён совершающим или говорящим то, чего он на самом деле не делал. Эти технологии основаны на генеративно-состязательных нейронных сетях, которые обучаются на больших объёмах данных для создания убедительных подделок.[10].

Использование дипфейков в информационно-медийных технологиях манипуляции представляет серьёзную угрозу для общества. Они могут применяться для дискредитации политических деятелей, распространения дезинформации и подрыва доверия к официальным источникам. Например, в 2019 году было распространено фальшивое видео со спикером Палаты представителей США Нэнси Пелоси, где она казалась невнятно говорящей, что создало впечатление её некомпетентности. [11].

Распространение дипфейков осуществляется через социальные сети и электронные СМИ, что позволяет быстро охватить широкую аудиторию. Это усиливает их воздействие на общественное мнение и способствует манипуляции сознанием людей. Кроме того, дипфейки могут использоваться в кибератаках, создавая ложные заявления от имени государственных деятелей или организаций, что может привести к политическим и экономическим кризисам.[12].

Применению любого из данных инструментов, предшествует этап анализа общества, на которое придется воздействовать. Последовательность анализа можно описать следующим образом.

1. Детальное изучение сегмента (региона, социальной группы и т.д.). Традиции, культура, религия, привычки, интересы, инфоповоды и реакция на них, история, герои, проблемы, ожидания и т.д..
2. Создание информационных ресурсов, замаскированных под «местные» и/или приобретение в собственность существующих информационных ресурсов.
3. Оценка сил и средств
4. Составление плана выполнения задания (замысел)

На кого ориентировано воздействие (человек, социальная группа), какие инструменты будут применены, прогноз последствий их использования, имеющие информационные ресурсы, сроки выполнения.

5. Подготовка информационного продукта.

Это может быть пост, видео, зачастую постановочные.

6. Привлекаемые силы и средства

Какие организации создают продукт, в какой части. Через кого пойдет распространение.

7. Первичный информационный вброс.
8. Анализ реакции, фиксация результата.
9. Повторный вброс, основанный на оценках эмоциональной реакции.

Как видно из представленного алгоритма, он сродни боевому приказу, отдаваемому на поле боя, что косвенно подтверждает его применение как нелетального средства ведения боевых действий.

Применение этих методов в изоляции может давать лишь краткосрочный эффект, тогда как их системная интеграция создаёт устойчивые когнитивные модели, способные формировать долгосрочные социальные установки и программировать общественные реакции. Использование алгоритмического управления информацией в сочетании с политическим таргетингом позволяет не только донести до аудитории нужное сообщение, но и встроить его в определённый контекст, усиливающий эмоциональное восприятие. Поддержка этого процесса через ботов, создаёт иллюзию общественного консенсуса, а технология дипфейков позволяет полностью нивелировать границу между реальностью и манипулятивным контентом.

В результате современные когнитивные войны выходят за рамки классической информационной борьбы. Если ранее информационное воздействие было направлено на изменение того, что человек думает, то сегодня технологии позволяют менять сам способ мышления, его когнитивную структуру. Это достигается за счёт переформатирования категориального аппарата, внедрения новых смысловых конструкций и программирования эмоционально окрашенных реакций. В этом контексте когнитивное противостояние становится не просто инструментом политической борьбы, а фундаментальным способом переконфигурирования общественного сознания и моделирования альтернативных социальных реальностей.

Таким образом, будущее политических процессов во многом будет определяться эффективностью интеграции когнитивных технологий в стратегии информационного воздействия. Это создаёт необходимость глубокой научной рефлексии, разработки механизмов противодействия манипуляциям и формирования новой культуры информационной безопасности, направленной на защиту когнитивного суверенитета общества.

Литература

1. Спин-доктор // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спин-доктор (дата обращения: 06.06.2025).
2. Федорченко, Н. В. PR-технология спин-докторинга / Н. В. Федорченко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 1. – С. 85–94. – URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/424/422 (дата обращения: 06.06.2025).
3. Спин-доктор // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спин-доктор (дата обращения: 06.06.2025).
4. Нейролингвистическое программирование // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейролингвистическое_программирование (дата обращения: 06.06.2025).
5. Пилипенко А. В. Использование приемов нейролингвистического программирования в общественно-политическом процессе // СМИ (медиа) и массовые коммуникации. 2016. № 2. С. 45–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-priemov-neyrolingvisticheskogo-programmirovaniya-v-obschestvenno-politicheskom-protsesse/viewer (дата обращения: 06.06.2025).
6. Захаров О. В. Политическое манипулирование как технология управления поведением электората // Труды Ассоциации содействия образовательным реформам. 2009. № 3. С. 106–114. URL: https://pub.asobr.org/wp-content/mag/trudy/03_2009/12.pdf (дата обращения: 06.06.2025).
7. Пропаганда в эпоху информации: стратегии манипуляции масс-медиа в мировой политике // Научный альманах. 2024. № 2. URL: https://na-journal.ru/2-2024-stroitelstvo-arhitektura/9317-propaganda-v-ehpohu-informacii-strategii-manipulyacii-mass-media-v-mirovoj-politike (дата обращения: 06.06.2025).
8. Косоруков А. А. Алгоритмы поисковых машин и социальных сетей как фактор становления

цифровой публичной сферы // Политика и общество. 2019. № 2. С. 25–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-poiskovyh-mashin-i-sotsialnyh-setey-kak-faktor-stanovleniya-tsifrovoy-publichnoy-sfery (дата обращения: 06.06.2025).

9. Володенков С. В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 2. С. 149–164. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-sotsialnym-povedeniem-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy/viewer (дата обращения: 06.06.2025).

10. Панасенко А. В. Технологии Deepfake как угроза информационной безопасности // Anti-Malware.ru. 2020. 8 апр. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat (дата обращения: 06.06.2025).

11. Аферы с дипфейками: в чем их опасность? // Институт законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан. 2024. 2 марта. URL: https://illp.uz/аферЫ-с-дипфейками-в-чем-их-опасность/ (дата обращения: 06.06.2025).

12. Дипфейки и информационная война: как новые технологии меняют правила игры // Human Constanta. URL: https://humanconstanta.org/dipfejki-i-informaczionnaya-vojna-kak-novye-tehnologii-menyayut-pravila-igry/ (дата обращения: 06.06.2025).

Modern methods of covert control of consciousness and behavior of people in the political environment

Mishchuk A.Yu.
Baikal State University

The article considers modern methods of hidden management of consciousness and behavior of people in the political environment. The mechanisms of cognitive influence are analyzed, demonstrating that only complex application of information-media, psycholinguistic and digital technologies allows to achieve long-term changes in public consciousness. The study reveals algorithmic information management, targeting, dipfakes, NLP, social polarization technologies and AI as elements of a single system of cognitive influence.

Special attention is paid to how modern technologies allow not only to manage the content of information, but also to modify the very structure of the audience's thinking, creating new models of perception of political reality. Examples of practical use of these methods in hybrid wars, electoral processes and global information confrontation are considered.

The conclusion emphasizes that cognitive wars have become possible due to the synergy of various manipulation technologies, which requires the development of information security strategies and increasing the level of media literacy of society.

Keywords: Covert mind control, public opinion manipulation, framing, propaganda, targeting, Big Data, dipfakes, algorithmic information management, psycholinguistic technologies, cognitive warfare, social polarization, NLP

References

1. Spin Doctor // Wikipedia: the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спин-доктор (date of access: 06.06.2025).
2. Fedorchenko, N. V. PR technology of spin-doctoring / N. V. Fedorchenko // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. - 2013. - No. 1. - P. 85-94. - URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/424/422 (date of access: 06.06.2025).
3. Spin Doctor // Wikipedia: the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Спин-доктор (date of access: 06.06.2025).
4. Neuro-linguistic programming // Wikipedia : the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейролингвидическое_программировка (date of access: 06.06.2025).
5. Pilipenko A. V. Using neuro-linguistic programming techniques in the socio-political process // SMI (media) and mass communications. 2016. No. 2. P. 45–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-priemov-neyrolingvisticheskogo-programmirovaniya-v-obschestvenno-politicheskom-protsesse/viewer (date of access: 06.06.2025).
6. Zakharov O. V. Political manipulation as a technology for managing the behavior of the electorate // Proceedings of the Association for Assistance to Educational Reforms. 2009. No. 3. Pp. 106–114. URL: https://pub.asobr.org/wp-content/mag/trudy/03_2009/12.pdf (accessed: 06.06.2025).
7. Propaganda in the information age: strategies for manipulating the mass media in world politics // Scientific almanac. 2024. No. 2. URL: https://na-journal.ru/2-2024-stroitelstvo-arhitektura/9317-propaganda-v-ehpohu-informacii-strategii-manipulyacii-mass-media-v-mirovoj-politike (date of access: 06.06.2025).
8. Kosorukov A. A. Algorithms of search engines and social networks as a factor in the formation of the digital public sphere // Politics and Society. 2019. No. 2. P. 25–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-poiskovyh-mashin-i-sotsialnyh-setey-kak-faktor-stanovleniya-tsifrovoy-publichnoy-sfery (date of access: 06.06.2025).
9. Volodenkov S. V. Manipulation of social behavior in the digital environment // Discourse-Pi. 2020. Vol. 17. No. 2. Pp. 149-164. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-sotsialnym-povedeniem-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy/viewer (date of access: 06.06.2025).
10. Panasenko A. V. Deepfake technologies as a threat to information security // Anti-Malware.ru. 2020. April 8. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat (date of access: 06.06.2025).
11. Deepfake scams: what is their danger? // Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan. 2024. March 2. URL: https://illp.uz/аферЫ-с-дипфеках-в- чем-их-опасность/ (date of access: 06.06.2025).
12. Deepfakes and information warfare: how new technologies are changing the rules of the game // Human Constanta. URL: https://humanconstanta.org/dipfejki-i-informaczionnaya-vojna-kak-novye-tehnologii-menyayut-pravila-igry/ (date of access: 06.06.2025).

Трансформация молодежных организаций парламентских политических партий РФ после выборов Президента 2024 года

Нечай Екатерина Евгеньевна
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Мандрица Артём Валерьевич
студент 1 курса магистратуры кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Карасев Михаил Игоревич
студент 1 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Казанцев Марк Александрович
студент 1 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Литвиненко Даниил Валерьевич
студент 4 курса кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В статье рассматриваются процессы трансформации молодежных организаций парламентских политических партий Российской Федерации в постэлекторальный период после президентских выборов 2024 года. Особое внимание уделяется изменению структуры, форматов взаимодействия с молодежью, а также политическим стратегиям, применяемым для расширения влияния на молодёжную аудиторию. Анализируются кейсы молодежных крыльев партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия — За правду», выявляются тенденции институционализации, цифровизации и идеологической переориентации молодежных движений. В работе используются методы сравнительного анализа, кейс-стади и элементы контент-анализа официальных и медиаресурсов.
Ключевые слова: молодежные организации, политические партии, парламентские партии, президентские выборы 2024 года, политическая социализация, электоральная кампания, трансформация, молодежная политика, Россия, ЛДПР, Единая Россия, КПРФ, СРЗП.

Политическая активность молодежи в современной России все чаще становится предметом пристального внимания как со стороны государственных институтов, так и со стороны парламентских политических партий. Молодежные организации партий играют ключевую роль в формировании кадрового резерва, политической социализации, мобилизации электората и формировании лояльного гражданского актива. Особенно ярко эти процессы проявляются в контексте избирательных кампаний, когда молодежные структуры становятся инструментом продвижения партийных интересов на «низовом» уровне.

Выборы Президента Российской Федерации в 2024 году стали важной вехой не только для всей политической системы страны, но и спровоцировали определенные изменения в структуре, повестке и деятельности молодежных организаций парламентских партий. Под влиянием новых общественно-политических вызовов, цифровизации, изменения запроса со стороны молодежи, а также необходимости адаптации к новым форматам коммуникации, данные организации начали трансформироваться — как институционально, так и идейно.

Цель настоящего исследования — выявить и проанализировать трансформации молодежных организаций парламентских политических партий Российской Федерации после выборов Президента в 2024 году. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- охарактеризовать состояние молодежных организаций до 2024 года;
- проанализировать их участие в президентской кампании;
- выявить изменения, произошедшие в их структуре, риторике и формах деятельности после выборов;
- дать сравнительный анализ трансформаций по партиям;
- определить проблемы, вызовы и перспективы дальнейшего развития.

Объектом исследования выступают молодежные организации парламентских партий РФ (Единая Россия, ЛДПР, КПРФ, СРЗП), а предметом — их институциональные и содержательные изменения в поствыборный период 2024 года.

Методологическая основа исследования включает институциональный подход, элементы сравнительного анализа, а также методы контент-анализа и кейс-стади. Эмпирическую базу составляют программные документы молодежных организаций, медиаматериалы, экспертные оценки, а также данные

наблюдений за деятельностью молодежных структур в период 2023–2025 годов.

Научная новизна работы заключается в систематизации и сравнительном анализе трансформационных процессов внутри молодежных организаций парламентских партий в поствыборный период, что ранее не получило должного освещения в научной литературе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке стратегий партийного молодежного строительства, а также в процессе политического консультирования и подготовки кадров для молодежных общественно-политических структур.

Изучение молодежных организаций в рамках партийной системы требует комплексного подхода, объединяющего как институциональные, так и социокультурные аспекты. В политологической науке молодежные организации партий рассматриваются не только как кадровый резерв и механизм идеологической социализации, но и как самостоятельные субъекты, способные формировать альтернативную политическую повестку в рамках партийной структуры.

С точки зрения институционального подхода, молодежные организации функционируют как подконтрольные дочерние структуры политических партий, обеспечивающие мобилизацию молодежного электората, проведение кампаний «на местах» и легитимацию партийной деятельности через образовательные и гражданские инициативы. Теория политической мобилизации акцентирует внимание на способности молодежных организаций вовлекать молодых граждан в политические процессы, адаптируя партийную идеологию под молодежный язык, ценности и форматы общения.

Также важен конструктивистский подход, в рамках которого рассматриваются процессы формирования молодежной идентичности и политической лояльности в условиях конкуренции между государственными и негосударственными каналами влияния. Сюда относятся теории политической социализации, а также концепции неоинституционализма, позволяющие объяснить эволюцию молодежных структур под воздействием внешних (электоральных, цифровых) и внутренних (партийных) факторов.

Методология исследования основана на контент-анализе программных документов и медиаматериалов, сравнительном анализе структуры и риторики молодежных организаций, а также кейс-анализе конкретных региональных и федеральных кампаний.

До президентских выборов 2024 года молодежные организации четырех парламентских партий — «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – За правду» — функционировали в условиях относительной стабильности и политической предсказуемости. Их основными задачами были участие в избирательных кампаниях, организация патриотических акций, образовательных форумов и иных форм гражданской активности.

- **Молодая Гвардия Единой России (МГЕР)** оставалась наиболее ресурсной и институционально развитой молодежной структурой. Она имела широкую региональную сеть, государственную поддержку и активно взаимодействовала с такими платформами, как «Россия — страна возможностей» и Российское движение детей и молодежи.
- **Комсомол (ЛКСМ) при КПРФ** сохранял традиционную идеологическую ориентацию, опираясь на марксистско-ленинскую риторику. Его активность ограничивалась в основном митингами, памятными акциями и просветительскими проектами.
- **Молодежь ЛДПР** отличалась акцентом на публичные акции, яркие медиа-кампании и харизматичное лидерство, традиционно строившееся вокруг фигуры Владимира Жириновского, а впоследствии — Леонида Слуцкого.
- **Молодежные структуры СРЗП** («Молодежь СР») демонстрировали низкий уровень организационной активности и слабую идентификацию с партийной идеологией, выступая скорее как формальные подразделения.

Основные проблемы на этом этапе включали: низкую самостоятельность молодежных организаций, отрыв от реальных запросов молодежи, недостаточную цифровую активность и зависимость от указаний «старших товарищей» в партийной иерархии.

Выборы Президента РФ в 2024 году стали важным этапом политической мобилизации, в котором молодежные организации парламентских партий оказались ключевыми исполнителями на местах. В условиях возросшей конкуренции за внимание молодежного электората, структуры партий начали адаптироваться к новым запросам:

- Усилилась цифровая активность: молодежные организации активно использовали Telegram, TikTok, YouTube и VK для продвижения контента, ориентированного на молодежь.
- Акцент сместился с формальных мероприятий на интерактивные и развлекательные форматы: квесты, челленджи, стримы с участием блогеров и депутатов, киберспортивные турниры.
- Произошло обновление повестки: акцент на «здоровом патриотизме», волонтёрстве, борьбе с буллингом, экологии и цифровом суверенитете.
- Идеологическая риторика стала гибче: от прямого цитирования партийных документов молодежные активисты переходили к языку мемов, сторителлинга, визуальной агитации.
- Укрепилось взаимодействие с государственными структурами, в том числе через проекты «Большая перемена», «Движение первых» и «Росмолодёжь.Гранты».

Президентская кампания стала для молодежных организаций своеобразным «стресс-тестом», выявив как потенциал роста, так и институциональные ограничения. Увеличилась численность участников молодежных инициатив, а также возник запрос на кадровое обновление и расширение сферы влияния внутри партий.

Поствыборный период 2024 года стал своеобразным триггером для обновления молодежных организаций всех парламентских партий Российской Федерации. Это обновление касалось как организационной структуры, так и повестки, каналов коммуникации и идеологического наполнения.

Молодая Гвардия Единой России (МГЕР) сделала акцент на усилении вертикали управления, введении оценки эффективности региональных координаторов и формировании собственной кадровой школы. Была проведена частичная ротация активистов, приоритет получили участники с опытом работы в проектах «Россия – страна возможностей» и «Движение первых».

Молодежное крыло **ЛДПР** сосредоточилось на усилении цифрового присутствия и визуальной идентичности. Стали активно применяться инструменты кратких видеороликов, мем-контента и прямых эфиров в социальных сетях, а также значительно расширена сеть региональных телеграм-каналов, координируемых из центра.

Союз молодёжи КПРФ сосредоточился на просветительской работе и усилении идеологической составляющей. Ведётся активное взаимодействие со студенческой средой, проходят семинары по политической теории, истории и экономике, создаются клубы марксистской направленности при университетах.

Молодёжное отделение **Справедливой России – За правду** провело ограниченную реорганизацию, при этом фокус был сделан на усиление гуманитарной повестки, участие в правозащитных и социальных инициативах. Однако в целом динамика обновления оказалась менее заметной, чем у других партий.

Анализ поствыборной трансформации молодежных организаций показывает разную степень зрелости, гибкости и адаптивности к текущим политическим и технологическим условиям.

Так, **Единая Россия** через МГЕР демонстрирует системный подход, основанный на вертикальной интеграции с государственными институтами и высокой степенью институционализации. Это проявляется в тесной связи с национальными молодежными программами, активной грантовой деятельности и привлечении лояльных молодых кадров к участию в выборах и проектах в регионах.

ЛДПР в большей степени полагается на харизматичный стиль лидерства, эпатаж и быстрое реагирование на повестку. Молодёжные структуры партии гибко подстраиваются под информационные тренды, эксплуатируют хайп-темы, работают на повышение вовлеченности молодёжи через юмор и визуальные образы, при этом не теряя связи с партийным ядром.

КПРФ стремится к сохранению идеологической целостности и преемственности. Молодежное крыло партии сохраняет устойчивую леворадикальную риторику, делая упор на системную критику социально-экономической модели, патриотизм и историческую память. Однако в вопросах формы и коммуникаций КПРФ проигрывает более медийным структурам.

Справедливая Россия – За правду демонстрирует ограниченную активность в молодежной политике. Организация слабо представлена в цифровой среде, а инициативы носят скорее эпизодический и гуманитарный характер. Основная проблема – отсутствие устойчивой идеологической модели и недостаточная кадровая работа.

В процессе трансформации молодежных структур партийной системы выявляется ряд общих проблем:

1. **Формализм и имитация активности**. Часто мероприятия проводятся ради отчётности, а не ради реального вовлечения молодёжи в политику.
2. **Ограниченная автономия**. Молодёжные организации во многом зависимы от решений старших коллег в партии, что ограничивает возможность экспериментировать и предлагать нестандартные решения.
3. **Слабое соответствие актуальной молодёжной повестке**. Традиционные формы работы и идеологическая риторика часто не находят отклика у современных молодых людей, особенно в условиях цифровой среды и горизонтальной культуры коммуникации.
4. **Неравномерность развития по регионам**. Существует дисбаланс между активными субъектами РФ и территориями, где работа молодежных организаций носит номинальный характер.

Однако при всех трудностях можно выделить и перспективные направления развития:

- **Институционализация и карьерные лифты**: участие в молодежных организациях может стать площадкой для профессионального и политического роста молодых людей, формируя «социальный лифт» внутри партий.
- **Цифровая трансформация**: переход к работе через платформенные решения, развитие собственных медиастратегий, формирование сообществ вокруг конкретных проектов способны оживить интерес молодежи.
- **Сетевое партнёрство с государственными и негосударственными структурами**: открывает новые ресурсы и каналы взаимодействия, расширяет сферу влияния молодежных структур.
- **Перепрошивка идеологического содержания**: молодежные крылья могут стать проводниками обновлённого партийного языка, адаптированного к ценностям нового поколения, не теряя при этом связи с базовой программой партии.

Таким образом, трансформация молодежных организаций после выборов 2024 года отражает общие тенденции политического процесса в России: стремление к модернизации форм, удержание контроля со стороны партийного центра и попытки встроиться в логики государственной молодежной политики. Вопрос об их будущем значении будет зависеть от способности партий дать молодежи не только роль «массовки», но и реальный субъектный статус в политике.

Молодежные организации играют ключевую роль в выстраивании электоральных стратегий парламентских партий, особенно в пред- и поствыборный период. После выборов Президента РФ в 2024 году

эта роль усилилась, поскольку партии стремились адаптировать свои подходы к новым требованиям избирательной кампании, в том числе на муниципальном и региональном уровнях.

Во-первых, молодежные структуры стали каналом мобилизации молодых избирателей. Через сетевую активность, молодежные креативные проекты, работу с блогерами и микровлиянием в соцсетях они формируют доверие к партии у аудитории до 30 лет.

Во-вторых, именно молодежные активисты стали «лицом партии» на локальных мероприятиях, форумах, волонтёрских акциях и в работе с гражданским обществом. Их активность позволила расширить базу сторонников, создать образ «партии, открытой для молодёжи».

В-третьих, молодежные организации стали полигоном для тестирования новых агитационных и PR-инструментов. Партийные штабы всё чаще опираются на цифровую аналитику, поведенческое таргетирование и «мемную» культуру, где именно молодежные активисты выступают креаторами.

Таким образом, после выборов 2024 года молодежные крылья начали играть всё более самостоятельную роль в реализации электоральной стратегии партий, отчасти сместившись из декоративной функции в область политической пользы и технологической эффективности.

Трансформация молодежных организаций после выборов проходила на фоне нарастающего влияния внешнеполитических вызовов. Усиление конфронтации с Западом, информационная напряженность, внимание к теме патриотизма и мобилизационной риторике — всё это отразилось и на молодежной политике партий.

Первое направление влияния — усиление патриотического воспитания. Все парламентские партии усилили акценты на темах исторической памяти, государственной идентичности, роли России в мировой политике. Молодежные крылья проводят мероприятия, приуроченные к памятным датам, работают со школьниками, участвуют в программах "Движения первых", "Большой перемены" и других государственных платформах.

Второе направление — активизация антикризисной и мобилизационной риторики. В молодежных организациях усилилась поддержка инициатив, связанных с участием в гуманитарной помощи, волонтёрстве, поддержке семей участников СВО, проведении акций общественной солидарности.

Третье направление — международное позиционирование. Некоторые молодежные структуры (в первую очередь, от ЛДПР и КПРФ) усилили взаимодействие с молодежными организациями дружественных государств — Китая, Индии, стран СНГ, ведут участие в международных форумах БРИКС, ШОС и проводят собственные дипломатические инициативы.

Таким образом, внешнеполитический контекст оказал не только мобилизующее, но и структурообразующее влияние на повестку и деятельность молодежных организаций, усилив их значимость в системе партийной работы.

Заключение

Трансформация молодежных организаций парламентских политических партий РФ после выборов Президента 2024 года представляет собой комплексный процесс, затрагивающий как внутреннюю структуру и содержание работы, так и внешние стратегии и публичную коммуникацию. Изменения стали ответом на несколько ключевых вызовов: политическую конкуренцию за молодежь, необходимость модернизации форматов и усиление влияния внешней и внутренней политической повестки.

Молодежные организации в новых условиях перестают быть лишь «младшими партнерами» партийной системы. Они становятся полноправными субъектами, влияющими на имидж, электоральную мобилизацию, цифровую повестку и формирование будущих кадровых резервов.

Однако дальнейшее развитие зависит от способности партий предоставить молодежным структурам большую автономию, ресурсы и возможность участия в принятии решений. В противном случае существует риск возвращения к формализму и утраты интереса молодёжи к политике как к инструменту реальных изменений.

Таким образом, будущее молодежных организаций будет определяться не только конъюнктурой и партийной стратегией, но и тем, насколько они смогут стать пространством инициативы, смысла и подлинного гражданского участия.

Литература

1. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета», N 106, 15.06.2002

2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О молодежной политике в Российской Федерации // СПС «Консультант-Плюс»

3. «Молодая Гвардия Единой России» запустила проект «Наставник Z» в 13 регионах – Единая Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://er.ru/activity/news/molodaya-gvardiya-edinoj-rossii-zapustila-proekt-nastavnik-z-v-13-regionah (дата обращения: 30.04.2025).

4. «Молодая Гвардия» запустила федеральный проект «ПолитЗавод» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

5. «ПОЛИТШКОЛА Молодёжи СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» – ПОЛИТШКОЛА МСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://msr-politschool.ru (дата обращения: 30.04.2025).

6. URA.RU. «Новые люди» подвели итоги четвертого сезона программы «Я в деле»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aeda3a0j.xn--p1ai/, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

7. В ЛДПР обучают молодежь навыкам взрослой самостоятельной жизни – ЛДПР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

https://ldpr.ru/event/421069 (дата обращения: 30.04.2025).

8. В Москве состоялся первый турнир ЛДПР по CS2 – ЛДПР Псковская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://pskov.ldpr.ru/event/413441 (дата обращения: 30.04.2025).

9. В Москве состоялся учредительный съезд организации «Молодёжь СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» – Справедливая Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://spravedlivo.ru/10165910 (дата обращения: 30.04.2025).

10. Волонтерская и гуманитарная миссия в новых регионах – МГЕР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mger.ru/news/volonterskaya-missiya (дата обращения: 30.04.2025).

11. Галас М. Л. Особенности политического сознания и поведения российской молодежи в условиях турбулентности миропорядка //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13. – №. 1. – С. 111-121.

12. Данкова В.В. Молодежная политика современных парламентских партий // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4164–4174.

13. Дейнека О.С., Лахов Н.С. Образ политических партий у граждан современной России // Ананьевские чтения – 2021: материалы международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Шаболтас; отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2021. С. 336–337.

14. День рождения комсомола в России в 2025 году – Mail.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://news.mail.ru/society/komsomol-2025 (дата обращения: 30.04.2025).

15. Единая Россия. «Молодая Гвардия Единой России» запустила проект «Наставник Z» в 13 регионах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

16. Единая Россия. На площадке Штаба общественной поддержки «Единой России»прошло занятие «Школы молодого политика-2025»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mordov.er.ru/activity/news/na-ploshadke-shtaba-obshestvennoj-podderzhki-edinoj-rossii-proshlo-zanyatie-shkoly-molodogo-politika-2025, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

17. КПРФ Москва. Под знаменем комсомола — к новым победам! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msk.kprf.ru/2022/11/01/226682/, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

18. КПРФ. Ленинский комсомол и пионеры Москвы на субботнике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kprf.ru/activity/young/233735.html, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

19. КПРФ. Об организационном укреплении ЛКСМ РФ на современном этапе. Доклад на VIII Пленуме ЦК ЛКСМ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kprf.ru/activity/young/206240.html, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

20. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Молодежь в поисках своей партии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 242–250.

Transformation of Youth Organizations of Parliamentary Political Parties of the Russian Federation after the 2024 Presidential Elections

Nechay E.E., Mandritsa A.V., Karasev M.I., Kazantsev M.A., Litvinenko D.V.
Far Eastern Federal University

The article examines the processes of transformation of youth organizations of parliamentary political parties of the Russian Federation in the post-electoral period after the presidential elections of 2024. Particular attention is paid to changes in the structure, formats of interaction with young people, as well as political strategies used to expand influence on the youth audience. The article analyzes the cases of youth wings of the parties "United Russia", CPRF, LDPR and "A Just Russia - For Truth", identifies trends in institutionalization, digitalization and ideological reorientation of youth movements. The work uses methods of comparative analysis, case studies and elements of content analysis of official and media resources.

Keywords: youth organizations, political parties, parliamentary parties, presidential elections of 2024, political socialization, electoral campaign, transformation, youth policy, Russia, LDPR, United Russia, CPRF, SRZP.

References

1. Federal Law of 12.06.2002 N 67-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 13.12.2024) "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, N 106, 15.06.2002
2. Federal Law of 30.12.2020 N 489-FZ (as amended on 28.12.2024) "On Youth Policy in the Russian Federation // SPS "Consultant-Plus"
3. "Young Guard of United Russia" launched the "Mentor Z" project in 13 regions - United Russia [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://er.ru/activity/news/molodaya-gvardiya-edinoj-rossii-zapustila-proekt-nastavnik-z-v-13-regionah (date of access: 30.04.2025).
4. "Young Guard" launched the federal project "PolitZavod" [Electronic resource]. – Access mode: https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/, free. – (Date of access: 19.05.2025).
5. "POLITICAL SCHOOL of the Youth of A JUST RUSSIA" – POLITICAL SCHOOL of the MSR [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://msr-politschool.ru (date of access: 30.04.2025).
6. URA.RU. "Novye Lyudi" summed up the results of the fourth season of the program "I'm in Business" [Electronic resource]. – Access mode: https://xn--b1aeda3a0j.xn--p1ai/, free. – (Date of access: 19.05.2025).
7. The LDPR teaches young people the skills of adult independent life – LDPR [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://ldpr.ru/event/421069 (date of access: 30.04.2025).
8. The first LDPR tournament in CS2 was held in Moscow – LDPR Pskov Region [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://pskov.ldpr.ru/event/413441 (date of access: 30.04.2025).
9. The founding congress of the organization "Youth of a JUST RUSSIA" was held in Moscow – A Just Russia [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://spravedlivo.ru/10165910 (date of access: 30.04.2025).
10. Volunteer and humanitarian mission in new regions – MGER [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://mger.ru/news/volonterskaya-missiya (date of access: 30.04.2025).
11. Galas M. L. Features of political consciousness and behavior of Russian youth in the conditions of turbulence of the world order // Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. – 2023. – Vol. 13. – No. 1. – P. 111-121.
12. Dankova V.V. Youth policy of modern parliamentary parties // Questions of political science. 2022. Vol. 12. No. 12 (88). P. 4164–4174.
13. Deineka O.S., Lakhov N.S. The image of political parties among citizens of modern Russia // Ananyev Readings – 2021: materials of the international scientific conference / under the general editorship A.V. Shaboltas; responsible editor V.I. Prusakov. St. Petersburg, 2021. P. 336–337.
14. Birthday of the Komsomol in Russia in 2025 – Mail.ru [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://news.mail.ru/society/komsomol-2025 (date of access: 30.04.2025).
15. United Russia. "Young Guard of United Russia" launched the "Mentor Z" project in 13 regions [Electronic resource]. – Access mode: https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/, free. – (Date of access: 19.05.2025).
16. United Russia. A lesson of the "School of Young Politician-2025" was held at the site of the Public Support Headquarters of "United Russia" [Electronic resource]. – Access mode: https://mordov.er.ru/activity/news/na-ploshadke-shtaba-obshestvennoj-podderzhki-edinoj-rossii-proshlo-zanyatie-shkoly-molodogo-politika-2025, free. – (Accessed: 19.05.2025).
17. CPRF Moscow. Under the banner of the Komsomol - to new victories! [Electronic resource]. – Access mode: https://msk.kprf.ru/2022/11/01/226682/, free. – (Accessed: 19.05.2025).
18. CPRF. Leninsky Komsomol and Moscow Pioneers at the Subbotnik [Electronic resource]. – Access mode: https://kprf.ru/activity/young/233735.html, free. – (Accessed: 19.05.2025).
19. CPRF. On the organizational strengthening of the VLKSM RF at the present stage. Report at the VIII Plenum of the Central Committee of the VLKSM RF [Electronic resource]. – Access mode: https://kprf.ru/activity/young/206240.html, free. – (Accessed: 19.05.2025).

Многосторонние механизмы управления Северным морским путем: потенциал формирования новой модели международного сотрудничества с участием азиатских стран

Сенаторова Полина Александровна
аспирант, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, polinamoshta@gmail.com

В статье исследуются перспективы формирования многосторонних механизмов управления Северным морским путем (СМП) с участием азиатских стран. Проанализированы существующие модели международного сотрудничества в Арктике, правовой статус СМП и интересы ключевых азиатских игроков (Китая, Японии, Южной Кореи, Сингапура, Индии). Выявлены основные противоречия между национальным контролем России над СМП и растущими амбициями азиатских стран в Арктике. Предложена концептуальная модель многостороннего управления СМП, основанная на принципах сохранения суверенных прав России и взаимовыгодного сотрудничества. Определены потенциальные сферы и форматы многостороннего взаимодействия, а также институциональные механизмы их реализации.
Ключевые слова: Северный морской путь, многосторонние механизмы управления, международное сотрудничество, азиатские страны, Арктика, Арктический совет, Полярный шелковый путь, морское право.

Введение

Северный морской путь (СМП) исторически развивался как национальная транспортная артерия России, обеспечивающая связность арктических территорий и доступ к природным ресурсам Крайнего Севера. Однако в последние десятилетия под влиянием климатических изменений, технологического прогресса и трансформации глобальной экономики СМП приобретает все большее международное значение как потенциальный транспортный коридор между Азией и Европой. Это привлекает внимание неарктических государств, особенно стран Азии, заинтересованных в диверсификации транспортных маршрутов и доступе к арктическим ресурсам.

Растущий интерес азиатских стран к СМП ставит вопрос о возможности формирования многосторонних механизмов управления этим транспортным коридором, которые могли бы учитывать интересы как России, так и международных партнеров. Эта проблема приобретает особую актуальность в контексте глобальных геополитических трансформаций, связанных с усилением роли Азии в мировой экономике и политике, а также с изменением баланса сил в Арктическом регионе.

Цель данной статьи – проанализировать потенциал формирования новой модели международного сотрудничества по управлению СМП с участием азиатских стран и предложить концептуальные основы такой модели, основывающейся на международном праве и учитывающей национальные интересы России.

Правовой статус СМП и существующие модели управления

Правовой статус СМП определяется как национальным законодательством России, так и международным морским правом. Согласно российскому законодательству, СМП определяется как «исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации» [1]. Управление СМП осуществляется Администрацией Северного морского пути, которая устанавливает правила плавания в акватории СМП, выдает разрешения на проход судов и координирует спасательные операции.

С точки зрения международного права, правовой режим СМП регулируется Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, которая признает суверенные права прибрежных государств в их территориальных водах и исключительной экономической зоне, но также устанавливает принцип свободы судоходства [2]. Россия интерпретирует положения

Конвенции таким образом, что СМП проходит преимущественно через внутренние воды, территориальное море и исключительную экономическую зону России, что дает ей право устанавливать правила судоходства на основании статьи 234 Конвенции, касающейся покрытых льдом районов.

Однако некоторые государства, прежде всего США, оспаривают такую интерпретацию, настаивая на том, что отдельные проливы СМП должны иметь статус международных проливов с правом транзитного прохода. Эти разногласия создают правовую неопределенность, которая может затруднять развитие международного сотрудничества по использованию СМП [3].

Существующие модели международного сотрудничества в Арктике включают:

1. Арктический совет – межправительственный форум, созданный в 1996 году для содействия сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами с участием коренных общин и других жителей Арктики. Азиатские страны (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Индия) имеют статус наблюдателей в Арктическом совете, что дает им ограниченные возможности участия в обсуждении арктических вопросов [4].

2. Двусторонние соглашения между Россией и отдельными странами по вопросам использования СМП и сотрудничества в Арктике. Например, соглашения с Китаем о сотрудничестве в рамках инициативы «Полярный шелковый путь», с Японией о научно-техническом сотрудничестве в Арктике, с Южной Кореей о развитии арктического судоходства [5].

3. Международная морская организация (ИМО) – специализированное учреждение ООН, которое разрабатывает и принимает международные стандарты безопасности судоходства и защиты морской среды, включая Полярный кодекс, регулирующий судоходство в полярных водах [6].

Эти существующие модели имеют ограниченный потенциал для формирования комплексных многосторонних механизмов управления СМП, поскольку они либо не фокусируются непосредственно на вопросах управления транспортными коридорами (Арктический совет), либо имеют узкую специализацию (ИМО), либо не обеспечивают многостороннего формата взаимодействия (двусторонние соглашения).

Интересы и стратегии азиатских стран в отношении СМП

Азиатские страны проявляют растущий интерес к Арктике в целом и к СМП в частности, что обусловлено рядом экономических, политических и стратегических факторов. Анализ арктических стратегий и политики ключевых азиатских игроков позволяет выявить их основные интересы и подходы к участию в управлении СМП.

Китай позиционирует себя как «околоарктическое государство» и «заинтересованную сторону» в арктических делах. В 2018 году Китай опубликовал Белую книгу по арктической политике, в которой сформулировал свои основные интересы и подходы к участию в арктических делах [7]. Ключевым элементом арктической стратегии Китая является концепция «Полярного шелкового пути» как части инициативы «Пояс и путь», предполагающая развитие арктических морских маршрутов для транспортировки грузов между Азией и Европой. Китай заинтересован в получении более широкого доступа к СМП и участии в его управлении, особенно в вопросах установления правил судоходства, тарифов на услуги и развития инфраструктуры [8].

Япония рассматривает Арктику как регион, имеющий важное значение для глобальной окружающей среды, морских перевозок и освоения природных ресурсов. В 2015 году Япония приняла Арктическую политику, в которой определила свои основные интересы в регионе, включая развитие арктического судоходства и участие в международном управлении Арктикой [9]. Япония заинтересована в использовании СМП для сокращения времени и стоимости транспортировки грузов между Азией и Европой, а также в обеспечении стабильного и предсказуемого режима судоходства по этому маршруту.

Южная Корея активно развивает свою арктическую политику с 2013 года, когда была принята Комплексная арктическая политика. Основные интересы Южной Кореи в Арктике связаны с развитием судоходства, судостроения и участием в освоении арктических ресурсов [10]. Южная Корея рассматривает СМП как потенциально важный транспортный коридор для своей экспортно-ориентированной экономики и стремится к участию в его развитии и управлении.

Несмотря на географическую удаленность от Арктики, Сингапур проявляет активный интерес к арктическим вопросам, особенно в контексте морского судоходства и управления. Как крупный морской логистический центр, Сингапур заинтересован в развитии арктических морских маршрутов и участии в формировании международных правил судоходства в Арктике [11]. Сингапур обладает значительным опытом в области морского управления и может внести вклад в развитие многосторонних механизмов управления СМП.

Индия также проявляет растущий интерес к Арктике, хотя ее арктическая политика менее активна по сравнению с другими азиатскими странами. Основные интересы Индии связаны с научными исследованиями, изменением климата и потенциальным использованием арктических ресурсов и транспортных маршрутов [12]. Индия рассматривает СМП как потенциальный альтернативный маршрут для своей внешней торговли и заинтересована в обеспечении свободы судоходства в арктических водах.

Анализ интересов и стратегий азиатских стран показывает, что они заинтересованы в более активном участии в управлении СМП, особенно в вопросах установления правил судоходства, тарифов на услуги, развития инфраструктуры и обеспечения безопасности. При этом их подходы различаются: если Китай стремится к более активному и институциональному участию, то Япония, Южная Корея и

Сингапур предпочитают более прагматичный и технический подход, фокусируясь на конкретных аспектах сотрудничества.

Противоречия и возможности сотрудничества

Анализ существующих подходов к управлению СМП и интересов азиатских стран позволяет выявить ряд противоречий, которые могут затруднять формирование многосторонних механизмов управления:

1. Противоречие между национальным контролем и интернационализацией. Россия стремится сохранить национальный контроль над СМП, рассматривая его как стратегически важную транспортную артерию и элемент национальной безопасности. Азиатские страны, напротив, заинтересованы в большей интернационализации СМП и снижении барьеров для его использования [13].

2. Правовые разногласия относительно статуса отдельных участков СМП и применимости положений Конвенции ООН по морскому праву. Эти разногласия создают неопределенность в отношении прав и обязанностей различных игроков и затрудняют формирование общих правил использования СМП [14].

3. Экономические противоречия, связанные с распределением затрат и выгод от использования СМП. Развитие инфраструктуры СМП требует значительных инвестиций, и вопрос о том, кто должен нести эти затраты и как должны распределяться выгоды, остается предметом дискуссий [15].

4. Геополитические противоречия, связанные с конкуренцией великих держав в Арктике. Растущее присутствие Китая и других азиатских стран в Арктике вызывает озабоченность России и западных арктических государств, что может затруднять развитие многостороннего сотрудничества [16].

Несмотря на эти противоречия, существуют значительные возможности для развития многостороннего сотрудничества по управлению СМП с участием азиатских стран:

1. Взаимодополняемость ресурсов и возможностей. Россия обладает географическим положением, опытом работы в арктических условиях и правовым контролем над СМП. Азиатские страны могут предложить инвестиции, технологии, рынки сбыта и опыт в области морского управления. Это создает основу для взаимовыгодного сотрудничества [17].

2. Общие интересы в обеспечении безопасности судоходства и защите окружающей среды. Все заинтересованные стороны разделяют заинтересованность в обеспечении безопасности судоходства по СМП и минимизации экологических рисков, что создает основу для сотрудничества в этих областях [18].

3. Потенциал для развития новых форматов сотрудничества, выходящих за рамки традиционных межгосударственных отношений. Это может включать государственно-частные партнерства, консорциумы компаний из разных стран, совместные предприятия и другие инновационные форматы взаимодействия [19].

4. Возможность формирования новых институциональных механизмов, специально ориентированных на управление СМП с учетом интересов всех вовлеченных сторон. Это может включать создание специализированных форумов, рабочих групп, координационных центров и других структур [20].

Концептуальная модель многостороннего управления СМП

На основе анализа существующих моделей управления, интересов различных игроков, противоречий и возможностей сотрудничества можно предложить концептуальную модель многостороннего управления СМП с участием азиатских стран. Эта модель должна быть основана на следующих принципах:

1. Признание суверенных прав России над акваторией СМП в соответствии с международным правом и национальным законодательством. Это является фундаментальным принципом, обеспечивающим легитимность и стабильность системы управления [21].

2. Многоуровневая структура управления, включающая различные форматы и механизмы сотрудничества в зависимости от конкретных вопросов и участвующих игроков. Это позволяет обеспечить гибкость и адаптивность системы управления к меняющимся условиям и интересам [22].

3. Функциональный подход, предполагающий развитие сотрудничества по конкретным функциональным направлениям (безопасность судоходства, защита окружающей среды, развитие инфраструктуры и т.д.) с участием заинтересованных сторон. Это позволяет избежать политизации вопросов управления и сосредоточиться на практических аспектах сотрудничества [23].

4. Вовлеченность и прозрачность, обеспечивающие учет интересов всех заинтересованных сторон и понятный механизм принятия решений. Это способствует легитимности системы управления и снижению потенциальных конфликтов [24].

5. Баланс между национальным контролем и международным участием, обеспечивающий защиту национальных интересов России при одновременном создании возможностей для конструктивного участия международных партнеров. Это является ключевым условием устойчивости системы управления [25].

На основе этих принципов можно выделить следующие потенциальные сферы и форматы многостороннего сотрудничества по управлению СМП:

1. Координация судоходства и навигационное обеспечение.

Создание многосторонней системы обмена информацией о ледовой обстановке, погодных условиях, движении судов и других факторах, влияющих на безопасность судоходства, что может быть реализовано через создание международного центра мониторинга судоходства по СМП с участием представителей заинтересованных стран [26].

2. Развитие инфраструктуры.

Формирование международных консорциумов для инвестирования в развитие портовой, навигационной, спасательной и другой инфраструктуры СМП, что может быть реализовано через создание специального инвестиционного фонда или банка развития СМП с участием России и азиатских стран [27].

3. Экологический мониторинг и защита окружающей среды.

Создание многосторонней системы экологического мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в акватории СМП, что может быть реализовано через совместные научные исследования, обмен данными, разработку и внедрение экологических стандартов [28].

4. Научно-техническое сотрудничество.

Развитие совместных исследовательских программ по изучению Арктики, разработке технологий для работы в арктических условиях, прогнозированию изменений климата и их влияния на судоходство по СМП, что может быть реализовано через создание международных научных центров и экспедиций [29].

5. Развитие человеческого капитала.

Создание международных образовательных и тренинговых программ для подготовки специалистов в области арктического судоходства, управления арктическими проектами, экологического мониторинга и других релевантных областях, что может быть реализовано через создание международного арктического университета или сети образовательных центров [30].

Таким образом, эти направления можно сформировать через следующие институциональные механизмы:

1. Международный форум по СМП – регулярная платформа для обсуждения вопросов развития и использования СМП с участием представителей государств, бизнеса, научного сообщества и других заинтересованных сторон. Форум мог бы проводиться ежегодно в России с участием представителей азиатских и других заинтересованных стран [31].

2. Рабочие группы по конкретным направлениям сотрудничества (навигация, инфраструктура, экология и т.д.), действующие на постоянной основе и включающие экспертов из различных стран. Эти группы могли бы разрабатывать рекомендации, стандарты, проекты соглашений и другие документы [32].

3. Международный центр мониторинга и координации судоходства по СМП, обеспечивающий сбор, анализ и распространение информации о ледовой обстановке, погодных условиях, движении судов и других факторах, влияющих на безопасность судоходства. Центр мог бы включать представителей России и других заинтересованных стран [33].

4. Инвестиционный консорциум или фонд развития СМП, объединяющий финансовые ресурсы России и азиатских стран для инвестирования в развитие инфраструктуры СМП. Консорциум мог бы действовать на основе принципов государственно-частного партнерства с участием как государственных, так и частных инвесторов [34].

5. Сеть научно-исследовательских и образовательных центров, объединяющая университеты, исследовательские институты и другие организации из России и азиатских стран для проведения совместных исследований и подготовки специалистов в области арктического судоходства и управления [35].

Предложенная концептуальная модель многостороннего управления СМП с участием азиатских стран представляет собой гибкую и адаптивную систему, способную учитывать интересы различных игроков и адаптироваться к меняющимся условиям. Она основана на признании суверенных прав России над акваторией СМП при одновременном создании возможностей для конструктивного участия международных партнеров в развитии и использовании этого транспортного коридора.

Заключение

Формирование многосторонних механизмов управления Северным морским путем с участием азиатских стран представляет собой сложную, но перспективную задачу, решение которой может способствовать устойчивому развитию СМП как важного компонента глобальной транспортной системы. Анализ существующих моделей управления, интересов различных игроков, противоречий и возможностей сотрудничества позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующие модели международного сотрудничества в Арктике (Арктический совет, двусторонние соглашения, Международная морская организация) имеют ограниченный потенциал для формирования комплексных многосторонних механизмов управления СМП, что создает потребность в разработке новых подходов и форматов сотрудничества.

2. Азиатские страны (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Индия) проявляют растущий интерес к СМП и стремятся к более активному участию в его развитии и управлении, что создает как вызовы, так и возможности для России как прибрежного государства, контролирующего СМП.

3. Основные противоречия между национальным контролем России над СМП и интересами азиатских стран связаны с вопросами правового статуса отдельных участков СМП, распределения затрат и выгод от его использования, а также геополитической конкуренции в Арктике.

4. Несмотря на эти противоречия, существуют значительные возможности для развития многостороннего сотрудничества, основанные на взаимодополняемости ресурсов и возможностей, общих интересах в обеспечении безопасности судоходства и защите окружающей среды, а также потенциале для развития новых форматов и институциональных механизмов сотрудничества.

5. Предложенная концептуальная модель многостороннего управления СМП основана на принципах признания суверенных прав России, многоуровневой структуры управления, функционального под-

хода, вовлеченности и прозрачности, а также баланса между национальным контролем и международным участием.

6. Потенциальные сферы и форматы многостороннего сотрудничества включают координацию судоходства и навигационное обеспечение, развитие инфраструктуры, экологический мониторинг и защиту окружающей среды, научно-техническое сотрудничество и развитие человеческого капитала.

7. Для реализации этих направлений сотрудничества могут быть использованы такие институциональные механизмы, как, например, международный форум по СМП, рабочие группы по конкретным направлениям сотрудничества, Международный центр мониторинга и координации судоходства, инвестиционный консорциум или фонд развития СМП, а также сеть научно-исследовательских и образовательных центров.

Формирование многосторонних механизмов управления СМП с участием азиатских стран представляет собой сложный и длительный процесс, требующий политической воли, дипломатических усилий и инновационных подходов. Однако потенциальные выгоды от такого сотрудничества, включая привлечение инвестиций, развитие технологий, расширение рынков сбыта и укрепление международного статуса СМП, делают этот процесс стратегически важным для России и других заинтересованных стран.

Литература

1. Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4321.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

3. Вылегжанин А.Н., Буник И.В. Международно-правовой режим Северного морского пути // Московский журнал международного права. 2020. № 2. С. 6-27.

4. Журавель В.П. Арктический совет: переход председательства от России к Канаде, дальнейшее укрепление российско-канадского сотрудничества // Арктика и Север. 2021. № 42. С. 123-137.

5. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 171-191.

6. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) // Официальный сайт ИМО. URL: https://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/Pages/polar-default.aspx (дата обращения: 01.06.2025).

7. China's Arctic Policy (White Paper) // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 01.06.2025).

8. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегии иностранных государств в Арктике: общее и особенное // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества. 2021. № 3. С. 112-144.

9. Japan's Arctic Policy // The Headquarters for Ocean Policy. 2015. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ap_e.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

10. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2022. № 46. С. 123-144.

11. Tonami A. Asian Foreign Policy in a Changing Arctic: The Diplomacy of Economy and Science at the New Frontier. Palgrave Macmillan, 2016. 140 p.

12. Sinha U.K., Gupta A. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38, № 6. P. 872-885.

13. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 144 с.

14. Гудев П.А. Северный морской путь: национальная или международная транспортная артерия? // Российский совет по международным делам. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnyy-morskoy-put-natsionalnaya-ili-mezhdunarodnaya-transportnaya-arteriya/ (дата обращения: 01.06.2025).

15. Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН, 2019. 289 с.

16. Храмчихин А.А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 163-181.

17. Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск: САФУ, 2021. 250 с.

18. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. Vol. 47, № 2. P. 186-217.

19. Селин В.С., Козьменко С.Ю. Взаимодействие хозяйственных и оборонных интересов в арктических акваториях // Вестник Кольского научного центра РАН. 2022. № 1. С. 84-95.

20. Young O.R. Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps // The Polar Journal. 2012. Vol. 2, № 2. P. 391-407.

21. Вылегжанин А.Н. Правовой режим Арктики // Международное право. М.: Юрайт, 2020. С. 176-192.

22. Hooghe L., Marks G. Multi-level Governance and European Integration. Rowman & Littlefield, 2001. 251 p.

23. Mitrany D. A Working Peace System. Quadrangle Books, 1966. 221 p.

24. Young O.R. Governing Complex Systems: Social Capital for the Anthropocene. MIT Press, 2017. 296 p.

25. Загорский А.В. Россия и США в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 114 с.

26. Moe A., Brigham L. Organization and Management Challenges of Russia's Icebreaker Fleet // Geographical Review. 2017. Vol. 107, № 1. P. 48-68.
27. Bennett M.M. The Silk Road Goes North: Russia's Role within China's Belt and Road Initiative // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1, № 3. P. 341-351.
28. Berkman P.A., Young O.R. Governance and Environmental Change in the Arctic Ocean // Science. 2009. Vol. 324, № 5925. P. 339-340.
29. Bertelsen R.G., Gallucci V. The Return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on Land and at Sea // Marine Policy. 2016. Vol. 72. P. 240-245.
30. Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. Arctic Governance and Governance of the Arctic: Political and Legal Challenges of Regional Cooperation. University of Lapland, 2015. 312 p.
31. Byers M. International Law and the Arctic. Cambridge University Press, 2013. 337 p.
32. Stokke O.S. Regime Interplay in Arctic Shipping Governance: Explaining Regional Niche Selection // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2013. Vol. 13, № 1. P. 65-85.
33. Liu N. China's Role in the Changing Governance of Arctic Shipping // The Yearbook of Polar Law. 2018. Vol. 10. P. 289-313.
34. Keupp M.M. The Northern Sea Route: A Comprehensive Analysis. Springer, 2015. 167 p.
35. Lackenbauer P.W., Manicom J. East Asian States, the Arctic Council and International Relations in the Arctic // Policy Brief. 2013. № 26. P. 1-8.

Multilateral governance mechanisms for the Northern sea route: potential for forming a new model of international cooperation with asian countries

Senatorova P.A.
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

The article examines the prospects for forming multilateral governance mechanisms for the Northern Sea Route (NSR) with the participation of Asian countries. The existing models of international cooperation in the Arctic, the legal status of the NSR, and the interests of key Asian actors (China, Japan, South Korea, Singapore, India) are analyzed. The main contradictions between Russia's national control over the NSR and the growing ambitions of Asian countries in the Arctic are identified. A conceptual model of multilateral governance of the NSR is proposed, based on the principles of preserving Russia's sovereign rights and mutually beneficial cooperation. Potential areas and formats of multilateral interaction, as well as institutional mechanisms for their implementation, are defined.

Keywords: Northern Sea Route, multilateral governance mechanisms, international cooperation, Asian countries, Arctic, Arctic Council, Polar Silk Road, maritime law.

References

1. Federal Law of July 28, 2012 No. 132-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of State Regulation of Merchant Shipping in the Waters of the Northern Sea Route" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 31. Art. 4321.
2. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 48. Art. 5493.
3. Vylegzhanin A.N., Bunik I.V. International Legal Regime of the Northern Sea Route // Moscow Journal of International Law. 2020. No. 2. Pp. 6-27.
4. Zhuravel V.P. Arctic Council: Transfer of Chairmanship from Russia to Canada, Further Strengthening of Russian-Canadian Cooperation // Arctic and North. 2021. No. 42. P. 123-137.
5. V.E. Petrovsky, L.V. Filippova. China's Strategy for the Development of the Arctic and Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Region // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2018. No. 23. P. 171-191.
6. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) // Official website of the IMO. URL: https://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/Pages/polar-default.aspx (date accessed: 01.06.2025).
7. China's Arctic Policy (White Paper) // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_28147 6026660336.htm (date of access: 01.06.2025).
8. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Strategies of foreign states in the Arctic: general and specific // Arctic region: Problems of international cooperation. 2021. No. 3. P. 112-144.
9. Japan's Arctic Policy // The Headquarters for Ocean Policy. 2015. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ap_e.pdf (date of access: 01.06.2025).
10. Zhuravel V.P. China, the Republic of Korea, Japan in the Arctic: Politics, Economy, Security // Arctic and North. 2022. No. 46. P. 123-144.
11. Tonami A. Asian Foreign Policy in a Changing Arctic: The Diplomacy of Economy and Science at the New Frontier. Palgrave Macmillan, 2016. 140 p.
12. Sinha U.K., Gupta A. The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement // Strategic Analysis. 2014. Vol. 38, No. 6. P. 872-885.
13. Zagorsky A.V. Non-strategic Issues of Security and Cooperation in the Arctic. Moscow: IMEMO RAS, 2020. 144 p.
14. Gudev P.A. The Northern Sea Route: National or International Transport Artery? // Russian International Affairs Council. 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnyy-morskoy-put-natsionalnaya-ili-mezhdunarodnaya-transportnaya-arteriya/ (date of access: 01.06.2025).
15. Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D. Strategic management of the oil and gas complex in the Arctic. Apatity: KSC RAS, 2019. 289 p.
16. Khramchikhin A.A. Military-political situation in the Arctic and scenarios of possible conflicts // Arctic and North. 2021. No. 44. Pp. 163-181.
17. Lukin Yu.F. Multidimensionality of the Arctic space. Arkhangelsk: NArFU, 2021. 250 p.
18. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. Vol. 47, No. 2. P. 186-217.
19. Selin V.S., Kozmenko S.Yu. Interaction of Economic and Defense Interests in Arctic Waters // Bulletin of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 1. P. 84-95.
20. Young O.R. Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps // The Polar Journal. 2012. Vol. 2, No. 2. P. 391-407.
21. Vylegzhanin A.N. Legal regime of the Arctic // International law. Moscow: Yurait, 2020. Pp. 176-192.
22. Hooghe L., Marks G. Multi-level Governance and European Integration. Rowman & Littlefield, 2001. 251 p.
23. Mitrany D. A Working Peace System. Quadrangle Books, 1966. 221 p.
24. Young O.R. Governing Complex Systems: Social Capital for the Anthropocene. MIT Press, 2017. 296 p.
25. Zagorsky A.V. Russia and the United States in the Arctic. Moscow: IMEMO RAS, 2019. 114 p.
26. Moe A., Brigham L. Organization and Management Challenges of Russia's Icebreaker Fleet // Geographical Review. 2017. Vol. 107, No. 1. P. 48-68.
27. Bennett M.M. The Silk Road Goes North: Russia's Role within China's Belt and Road Initiative // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1, No. 3. P. 341-351.
28. Berkman P.A., Young O.R. Governance and Environmental Change in the Arctic Ocean // Science. 2009. Vol. 324, No. 5925. P. 339-340.
29. Bertelsen R.G., Gallucci V. The Return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on Land and at Sea // Marine Policy. 2016. Vol. 72. P. 240-245.
30. Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. Arctic Governance and Governance of the Arctic: Political and Legal Challenges of Regional Cooperation. University of Lapland, 2015. 312 p.
31. Byers M. International Law and the Arctic. Cambridge University Press, 2013. 337 p.
32. Stokke O.S. Regime Interplay in Arctic Shipping Governance: Explaining Regional Niche Selection // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2013. Vol. 13, No. 1. P. 65-85.
33. Liu N. China's Role in the Changing Governance of Arctic Shipping // The Yearbook of Polar Law. 2018. Vol. 10. P. 289-313.
34. Keupp M.M. The Northern Sea Route: A Comprehensive Analysis. Springer, 2015. 167 p.
35. Lackenbauer P.W., Manicom J. East Asian States, the Arctic Council and International Relations in the Arctic // Policy Brief. 2013. No. 26. P. 1-8.

Теория секьюритизации и экологические угрозы: расширение понятийной рамки безопасности

Тихонова Валерия Владимировна
аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, valera.tihonova@yandex.ru

Статья посвящена переосмыслению концепции безопасности через призму секьюритизации экологических угроз. Изучается развитие теории секьюритизации, её адаптация к новым вызовам, выходящим за рамки традиционных военно-политических рисков. Основное внимание уделено экологической проблематике как объекту современного дискурса безопасности, а также рассмотрены конкретные кейсы.
Ключевые слова: безопасность, секьюритизация, экологические риски, международные отношения, Копенгагенская школа.

Введение

Современные международные отношения переживают трансформацию понятийных основ безопасности. Начиная с конца XX века, в фокус дискуссий по вопросам международной безопасности постепенно включаются темы, выходящие за рамки военных конфликтов и государственной обороны. В частности, экологические угрозы — изменение климата, истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды — всё чаще трактуются как вызовы национальной и глобальной безопасности. Это требует адаптации теоретического аппарата, разработанного ранее для иного типа угроз. Одной из наиболее влиятельных концепций, предлагающей инструменты анализа таких трансформаций, является теория секьюритизации, разработанная Копенгагенской школой международных отношений. Цель данной работы – рассмотреть трансформацию теории секьюритизации через призму экологической проблематики.

До появления концептуальной рамки секьюритизации в 1990-е годы, экологические угрозы уже обсуждались в терминах, близких к безопасности. В частности, в 1970-х годах на фоне энергетического кризиса и ухудшения состояния окружающей среды появились первые попытки связать экологические проблемы с угрозами стабильности государств. Примером может служить доклад Римского клуба «Пределы роста» (1972), в котором подчёркивалось, что неконтролируемое использование ресурсов может привести к экономическим и политическим потрясениям. В рамках ООН в конце 1980-х годов активизировались дебаты о связи между экологией и развитием: в докладе Брундтланд «Наше общее будущее» (1987) устойчивое развитие впервые было определено как глобальный приоритет, при этом экологические проблемы позиционировались как вызовы не только экономике, но и международной стабильности. Таким образом, задолго до формализации секьюритизационного подхода уже происходила трансформация восприятия экологии как сферы, потенциально затрагивающей основы существования политических сообществ.

Копенгагенская школа, во главе с Б. Бузаном, О. Вэйвером и Я. де Вильде, предложила расширить традиционные подходы к безопасности, определив секьюритизацию как процесс, в котором актор наделяет ту или иную проблему статусом экзистенциальной угрозы для определённого референтного объекта (государства, нации, культуры, человечества) с целью оправдания применения определенных мер [Wæver, O., & de Wilde, J., 1998]. Основной механизм секьюритизации — это публичное артикулирование угрозы перед аудиторией, готовой признать её леги-

тимность. Таким образом, безопасность в этой модели — не объективное состояние, а результат социального конструирования, производимого через язык и дискурс [Wæver, 1995].

Если изначально данная теория применялась преимущественно к военно-политическим конфликтам, то уже в 1990-е годы Б. Бузан предложил модель расширенной безопасности, включающую, помимо военного, также политический, экономический, общественный и экологический сектора [Buzan, 1991]. Экология в этом контексте становится новым пространством политизации, где формируются угрозы, требующие особого внимания и реагирования.

Развитие теории секьюритизации в экологическом направлении также связано с переходом от «событийной» к «структурной» модели угроз. Если классическая секьюритизация строится вокруг конкретного события (кризис, атака, инцидент), то экологические угрозы часто носят затяжной, кумулятивный характер [Trombetta, M. J., 2008]. Это требует применения более гибких, долговременных форм мобилизации, включая программные документы, образовательные инициативы и устойчивое институциональное сопровождение. При этом возникает необходимость в выработке новых инструментов секьюритизации, таких как нарративные рамки «устойчивого выживания», «межпоколенческой справедливости» и «климатического долга», которые могут быть более релевантны при артикуляции долгосрочных рисков.

Теоретически значимым является взаимосвязь между секьюритизацией и концепцией рисков в рамках социологии безопасности. Исследователи отмечают, что понятие «угрозы» всё чаще заменяется понятием «риска», что влияет и на форму артикуляции экологических проблем. Риск в этом контексте становится управляемым, прогнозируемым и измеримым, тогда как секьюритизация традиционно акцентирует непредсказуемость и немедленную опасность. Такое расхождение поднимает вопрос о целесообразности слияния языков риска и безопасности в политике устойчивого развития. Например, в докладах IPCC экологические проблемы чаще описываются через вероятностные модели и оценки ущерба, чем через мобилизующий дискурс угроз, что затрудняет их секьюритизацию в классическом понимании [Beck, 1992; IPCC, 2023].

Секьюритизация экологических угроз отличается рядом особенностей. Во-первых, это отсутствие конкретного субъекта угрозы: климат не атакует целенаправленно, и часто воздействует через сложные и отсроченные механизмы. Во-вторых, объектом защиты становится не только государство, но и климатическая система, будущие поколения или биоразнообразие. В-третьих, экологические угрозы носят кумулятивный характер, накапливаясь во времени и пространстве. Это затрудняет оперативную мобилизацию, характерную для классических моделей безопасности. Однако, как отмечает С. А. Бражников, именно в этом заключается потенциал переопределения подходов: от краткосрочного реагирования — к структурному прогнозированию и институциональному планированию [Бражников, Ковальчук С. Н., 2023].

Институциональные решения отражают этот тренд: Германия в своей Стратегии национальной безопасности от 2023 года прямо указывает на изменение климата как на приоритетный вызов, сопоставимый с киберугрозами и терроризмом [Bundesregierung, 2023]. Россия также признаёт значимость экологических рисков: в Концепции внешней политики 2023 года подчёркивается необходимость экологического сотрудничества и признание экологии как важной сферы глобальной ответственности [МИД РФ, 2023]. Более того, Россия, обладая крупнейшей арктической территорией, сталкивается с уникальными климатическими вызовами в регионе: таянием вечной мерзлоты, изменением морских путей, угрозами для коренных народов. Как подчеркивается в аналитике Арктического совета, экология в регионе уже стала фактором геополитической конкуренции, что провоцирует рост военного присутствия и дублирующую секьюритизацию со стороны разных акторов. В российской концепции развития Арктики до 2035 года зафиксирована необходимость «экологического суверенитета» как части устойчивости региона [Правительство РФ, 2020]. В рамках Европейского союза 2021 году было официально признано, что изменение климата представляет собой стратегическую угрозу стабильности региона [European Commission, 2021]. Европейская комиссия и Европейский парламент всё чаще формируют климатическую повестку через призму угроз: речь идёт не только об изменении климата, но и о «зелёной безопасности», включающей защиту биоразнообразия, устойчивое сельское хозяйство и обеспечение независимости от нестабильных энергетических поставщиков. Программа «Зелёная сделка» ЕС (European Green Deal) с её амбициозной целью достижения климатической нейтральности к 2050 году — пример того, как секьюритизированный дискурс превращается в управленческую доктрину [European Commission, 2020].

В странах Северной Европы вопросы климата и охраны окружающей среды с 2000-х годов последовательно интегрируются в оборонные и дипломатические стратегии. В Норвегии экологическая дипломатия рассматривается как часть мягкой силы, направленной на укрепление международного авторитета и трансграничное сотрудничество в Арктике [Averre, 2020]. В Финляндии и Швеции экологические риски рассматриваются как компоненты «всеобъемлющей безопасности», включающей в себя не только военные, но и климатические, эпидемиологические и технологические аспекты. В стратегии национальной безопасности Финляндии подчёркивается, что изменение климата может усиливать уязвимость критической инфраструктуры и способствовать региональной нестабильности. Швеция, в свою очередь, является одним из активных участников климатической дипломатии и поддерживает международные инициативы, включая финансирование адаптационных программ в странах Глобаль-

ного Юга. Дания на правительственном уровне рассматривает климатическую повестку как центральный элемент своей внешней политики, интегрируя её в стратегии развития, сотрудничества и обороны. Такие примеры подтверждают, что страны Северной Европы демонстрируют устойчивую практику институционализации секьюритизированного подхода к экологическим угрозам, сохраняя при этом высокий уровень демократической транспарентности и общественного участия. Это подтверждает, что экологическая повестка уже стала неотъемлемым элементом стратегической повестки в устойчивых демократиях с высоким уровнем экологической осведомленности.

На постсоветском пространстве формирование экологической безопасности пока остаётся фрагментарным, что обусловлено как институциональной слабостью, так и отсутствием единого понятийного аппарата. Однако интерес к теме возрастает: в Казахстане, например, в 2021 году был принят отдельный экологический кодекс, где впервые закреплён принцип приоритета устойчивого развития в национальной политике [Кодекс РК, 2021]. Такие шаги демонстрируют потенциал секьюритизации как инструмента перехода к более комплексной модели управления экологическими рисками.

Не менее показательно, как экологическая секьюритизация применяется в Китае — стране с мощной централизованной системой управления. В КНР вопросы окружающей среды интегрированы в концепцию «экологической цивилизации», при этом риторика угроз активно используется для оправдания строгих природоохранных ограничений, включая массовое переселение населения из зон загрязнения и усиление надзора над экологически значимыми территориями [Zhang & Barr, 2013]. Китайский опыт иллюстрирует, как авторитарные режимы используют язык экзистенциальной угрозы для централизации решений и укрепления управленческого контроля.

Процесс секьюритизации экологических угроз на практике оказывается далеко не однородным и универсальным. Его результат зависит от контекста: политической системы, уровня вовлечённости научного сообщества, специфики медиа, активности гражданского общества. Кроме того, возникает институциональная конкуренция между различными субъектами, претендующими на право артикулировать угрозу и определять легитимные меры реагирования. Это порождает не только политическое напряжение, но и новые формы глобального и внутринационального неравенства.

В международной системе ключевым примером такой конкуренции является Организация Объединённых Наций. С одной стороны, Программа ООН по окружающей среде (UNEP) традиционно трактует экологические вопросы в терминах устойчивого развития, акцентируя долгосрочное планирование, справедливость и инклюзивность [UNEP, 2022]. С другой стороны, Совет Безопасности ООН всё чаще вовлекается в климатическую повестку как угрозу миру, что символизирует переход от развития к безопасности, от сотрудничества к контролю [UN, 2023].

Это приводит к тому, что экологические угрозы интерпретируются в логике жёсткой безопасности. Например, засуха, миграционные волны или исчезновение традиционных видов деятельности в регионе озера Чад были представлены как факторы, способствующие радикализации и терроризму. Такое трактование позволяет обосновать международное военное вмешательство, но отодвигает на второй план социально-экономические меры и локальные подходы [Refugees International, 2024]. В российской академической литературе также поднимается вопрос о «экологическом неравенстве». Так, А. В. Захаров в работе о глобальной безопасности подчёркивает, что развитые страны навязывают экологические стандарты, не учитывая различия в уровне промышленного развития, доступе к технологиям и исторической ответственности [Захаров, 2020]. С другой стороны, авторы указывают, что для стран Глобального Юга экзистенциальная риторика, внедряемая в повестку международных организаций, может оборачиваться ростом зависимости от внешних акторов и сужением суверенного пространства для принятия решений. В то же время эти государства зачастую наиболее уязвимы к климатическим последствиям, что делает их заложниками риторики, в формировании которой они участвуют лишь формально [Boas & Rothe, 2016]. Это усиливает необходимость в разработке чувствительных к контексту подходов, таких как «десекьюритизация через локализацию». [Balzacq, 2010].

Секьюритизация также влияет на международное финансирование. Например, финансирование климатических программ в рамках международных организаций может зависеть от уровня секьюритизации тематики. Проекты, представленные как ответ на «угрозу безопасности», зачастую получают приоритет, что ставит под вопрос справедливость распределения помощи и внимание к менее «громким», но не менее значимым экологическим вызовам [Trombetta, 2008].

Секьюритизация экологических угроз оказывает значительное воздействие на эволюцию международного и национального права. Одним из актуальнейших направлений стала дискуссия о включении «экоцида» в перечень международных преступлений, подлежащих универсальной юрисдикции. Международные правозащитные организации, включая инициативу Stop Ecocide, добиваются признания масштабного и умышленного разрушения природной среды преступлением наравне с геноцидом, преступлениями против человечности и военными преступлениями [Higgins, 2021]. Секьюритизация экологии в этом контексте позволяет не только обозначать угрозы, но и влиять на эволюцию международно-правовых норм.

Существенную роль в процессе секьюритизации играют научные и экспертные сообщества. Прогнозы IPCC, оценки климатических моделей, показатели потери биоразнообразия и загрязнения окру-

жающей среды становятся тем самым «научным основанием» для перевода проблемы из управленческой плоскости в пространство угрозы. Более того, некоторые российские исследователи активно рассматривают экологическую повестку с точки зрения анализа стратегий влияния и дипломатического давления. Например, в исследовании Д.А. Тимофеева подчеркивается, что экологическая повестка всё чаще становится объектом стратегической конкуренции между государствами [Тимофеев, 2022]. Таким образом, секьюритизация экологических угроз — это не только аналитический инструмент, но и пространство борьбы за власть, легитимность, ресурсы и моральное превосходство. Её результаты зависят от политических режимов, медиаструктур, институциональных рамок и культурных кодов.

Отдельный интерес представляет влияние экологической секьюритизации на общественное мнение. Согласно опросам Pew Research Center, жители многих развитых стран всё чаще воспринимают изменение климата как первоочередную угрозу наравне с терроризмом или кибератаками [Pew, 2021]. Это свидетельствует о глубокой трансформации массовых представлений о природе угроз — процесс, в котором ключевую роль играют образовательные и медийные практики, ориентированные на эмоциональную вовлечённость. Именно поэтому растёт значение медиапосредничества: визуальных историй, художественных проектов, документального кино. В российском контексте этому способствуют инициативы вроде экопросветительских фестивалей («ЭкоЧас», «Зелёное кино»), а также взаимодействие НКО с культурными площадками. Влияние на восприятие угрозы не обязательно требует формального дискурса: оно может быть достигнуто через культурную репрезентацию, символические формы и ритуалы.Во многих случаях экологическая секьюритизация опирается именно на общественное давление и протестную активность. Исследования показывают, что экологическая информация, представленная через эмоционально насыщенные нарративы, имеет больший эффект в плане признания угрозы на политическом уровне [Oels, 2012]. Примеры движения Fridays for Future или климатической мобилизации в Нидерландах подтверждают этот тезис. Медиапосредничество позволяет трансформировать климатические сценарии в политические аргументы, легитимирующие принятие жёстких мер. Такая риторическая стратегизация позволяет легче мобилизовать электорат, аргументировать введение новых регуляций и укрепить позиции инициаторов секьюритизации в политических структурах.

Тем не менее, сам по себе переход к языку безопасности не является нейтральным. Теоретики секьюритизации, включая Р. Флойда, предупреждают: чрезмерная политизация экологических угроз может привести к ограничению гражданских прав, уменьшению участия общественности и концентрации власти в руках ограниченного круга лиц [Floyd, 2010; 2011]. Кроме того, существует также проблема «переутомления угрозой» — ситуация, при которой чрезмерное количество заявленных экзистенциальных рисков приводит к притуплению внимания общественности и снижению эффективности политической мобилизации. В литературе этот феномен рассматривается как часть «кризисной инфляции», характерной для современного медиапространства [Massumi, 2015]. Для экологических угроз это особенно чувствительно, поскольку последствия часто отсрочены, а интерпретация риска требует научного посредничества. Альтернативой выступает подход десекьюритизации, где вместо экстраординарных мер предлагается институциональный диалог и открытость [Brauch, 2009].

Заключение.

Секьюритизация экологических угроз, несмотря на свою теоретическую продуктивность, не может рассматриваться как универсальный ответ на все вызовы, связанные с деградацией окружающей среды. Напротив, она должна использоваться выборочно, с учётом политического, культурного и институционального контекста. Более того, необходимо развивать альтернативные модели артикуляции экологической проблематики — в частности, через нарративы справедливого перехода, устойчивого развития и климатической солидарности. Эти подходы позволяют сохранить внимание к проблеме, не переводя её в жёсткий иерархический язык угроз и контроля.

Применение теории секьюритизации в контексте экологических угроз сегодня стало устойчивой частью как научного анализа, так и практики международной политики. Всё большее число исследований, доктрин и стратегий безопасности демонстрируют, что экологические риски — от изменения климата до утраты биоразнообразия — регулярно обозначаются как экзистенциальные угрозы, требующие немедленного реагирования. Это подтверждается как на уровне риторики (в речах, резолюциях, стратегиях), так и через институциональные изменения: создание специальных подразделений, пересмотр оборонных доктрин, климатические компоненты в стратегиях национальной безопасности.

Теория секьюритизации позволяет понять не только что считается угрозой, но и почему и как это происходит. Она вскрывает механизмы артикуляции опасности, демонстрируя, что экологическая угроза — не только результат эмпирических данных, но и результат политического акта. Через эту оптику можно проследить, какие акторы (государственные, наднациональные, неправительственные) формируют повестку, какими средствами они добиваются признания угроз, и какие последствия это имеет для принятия решений. Баланс между мобилизацией внимания и злоупотреблением риторикой безопасности остаётся ключевым вызовом для исследователей и практиков международных отношений.

Литература

1. Кодекс Республики Казахстан об охране окружающей среды. 2 января 2021 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400 (дата обращения: 21.04.2025).

2. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/fundamental_documents/1868006/ (дата обращения: 13.05.2025).
3. Бражников С. А., Ковальчук С. Н. Проблемы климатических беженцев: правовые и гуманитарные аспекты // Общество и право. – 2023. – № 2. – С. 74–92.
4. Тимофеев Д. А. Экологическая повестка как инструмент давления в международной политике // Международные процессы. 2022. № 3. С. 45–59.
5. Averre D. Arctic climate change and the evolution of environmental security: Norwegian and Russian perspectives // Environmental Politics. 2020. Vol. 29, No. 5. P. 823–842.
6. Balzacq T. Understanding Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. London: Routledge, 2010.
7. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
8. Boas I., Rothe D. From conflict to resilience? Explaining recent changes in climate security discourse and practice // Environmental Politics. 2016. Vol. 25, No. 4. P. 613–632.
9. Brauch H. G. Securitizing Global Environmental Challenges // In: Facing Global Environmental Change. Springer, 2009. P. 65–102.
10. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London: Harvester Wheatsheaf, 1991.
11. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
12. Floyd R. Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. Floyd R. Can Securitization Theory Be Used in Normative Analysis? Towards a Just Securitization Theory // Security Dialogue. 2011. Vol. 42, No. 4–5. P. 427–439.
14. Gemenne F. Climate-induced population displacements in a global perspective: a challenge for international law and policy // Global Governance. 2011. Vol. 17, No. 4. P. 561–582.
15. Higgins P. Ecocide: Defining the most serious environmental crime. Cambridge: Ecological Justice Press, 2021.
16. Massumi B. Ontopower: War, Powers, and the State of Perception. Durham: Duke University Press, 2015.
17. Oels A. From 'Securitization' of Climate Change to 'Climatization' of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives // In: Scheffran J. et al. (eds). Climate Change, Human Security and Violent Conflict. Springer, 2012.
18. Trombetta M. J. Environmental security and climate change: analysing the discourse // Cambridge Review of International Affairs. 2008. Vol. 21, No. 4. P. 585–602.
19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: Lipschutz R. D. (ed.). On Security. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
20. Zhang H., Barr M. Green politics in China: Environmental governance and state-society relations. London: Pluto Press, 2013. P. 112–137.
21. Bundesregierung. Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin, 2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/nationale-sicherheitsstrategie-2195890 (дата обращения: 13.05.2025).
22. European Commission. The European Green Deal. 2020. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 20.04.2025).
23. Georgetown Security Studies Review. Violent Extremism in the Shadows of Climate Change: The Case of Lake Chad and Boko Haram, 2024. URL: https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2024/10/17/violent-extremism-in-the-shadows-of-climate-change-the-case-of-lake-chad-and-boko-haram (дата обращения: 11.04.2025).
24. IPCC. Sixth Assessment Report. Intergovernmental Panel on Climate Change, 2023. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/ (дата обращения: 15.04.2025).
25. Pew Research Center. Climate Change Seen as the Top Global Threat. 2021. URL: https://www.pewresearch.org/global/2021/08/13/climate-change-seen-as-the-top-global-threat/ (дата обращения: 10.04.2025).
26. United Nations. Security Council. Open Debate on Climate and Security, 13 February 2023 // Official UN Website. URL: https://press.un.org/en/2023/sc15318.doc.htm (дата обращения: 10.04.2025).
27. United Nations Environment Programme. Environmental, Social and Economic Sustainability Framework. URL: https://www.unep.org/about-un-environment/why-does-un-environment-matter/environmental-social-and-economic (дата обращения: 10.04.2025).
28. White House. National Security Strategy. 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

Theory of securitization and environmental threats: expanding the conceptual framework of security

Tikhonova V.V.
Saint-Petersburg State University

The article is devoted to rethinking the concept of security through the lens of the securitization of environmental threats. It explores the development of securitization theory and its adaptation to new challenges that go beyond traditional military and political risks. Particular attention is given to environmental issues as a key object of contemporary security discourse, along with the analysis of specific case studies.

Keywords**:** security, securitization, environmental risks, international relations, Copenhagen School

References

1. Code of the Republic of Kazakhstan on Environmental Protection. January 2, 2021. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400 (date of access: 21.04.2025).
2. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/fundamental_documents/1868006/ (date of access: 13.05.2025).
3. Brazhnikov S. A., Kovalchuk S. N. Problems of climate refugees: legal and humanitarian aspects // Society and Law. - 2023. - No. 2. - P. 74-92.
4. Timofeev D. A. Environmental agenda as an instrument of pressure in international politics // International processes. 2022. No. 3. pp. 45–59.

5. Averre D. Arctic climate change and the evolution of environmental security: Norwegian and Russian perspectives // Environmental Politics. 2020. Vol. 29, No. 5. P. 823–842.
6. Balzacq T. Understanding Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. London: Routledge, 2010.
7. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
8. Boas I., Rothe D. From conflict to resilience? Explaining recent changes in climate security discourse and practice // Environmental Politics. 2016. Vol. 25, No. 4. P. 613–632.
9. Brauch H. G. Securitizing Global Environmental Challenges // In: Facing Global Environmental Change. Springer, 2009, pp. 65–102.
10. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London: Harvester Wheatsheaf, 1991.
11. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
12. Floyd R. Security and the Environment: Securitisation Theory and US Environmental Security Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. Floyd R. Can Securitization Theory Be Used in Normative Analysis? Towards a Just Securitization Theory // Security Dialogue. 2011. Vol. 42, No. 4–5. P. 427–439.
14. Gemenne F. Climate-induced population displacements in a global perspective: a challenge for international law and policy // Global Governance. 2011. Vol. 17, No. 4. P. 561–582.
15. Higgins P. Ecocide: Defining the most serious environmental crime. Cambridge: Ecological Justice Press, 2021.
16. Massumi B. Ontopower: War, Powers, and the State of Perception. Durham: Duke University Press, 2015.
17. Oels A. From 'Securitization' of Climate Change to 'Climatization' of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives // In: Scheffran J. et al. (eds). Climate Change, Human Security and Violent Conflict. Springer, 2012.
18. Trombetta M. J. Environmental security and climate change: analyzing the discourse // Cambridge Review of International Affairs. 2008. Vol. 21, No. 4. P. 585–602.
19. Wæver O. Securitization and Desecuritization // In: Lipschutz R. D. (ed.). On Security. New York: Columbia University Press, 1995, pp. 46–86.
20. Zhang H., Barr M. Green politics in China: Environmental governance and state-society relations. London: Pluto Press, 2013, pp. 112–137.
21. Bundesregierung. Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin, 2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/nationale-sicherheitsstrategie-2195890 (access date: 05/13/2025).
22. European Commission. The European Green Deal. 2020. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (date of access: 20.04.2025).
23. Georgetown Security Studies Review. Violent Extremism in the Shadows of Climate Change: The Case of Lake Chad and Boko Haram, 2024. URL: https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2024/10/17/violent-extremism-in-the-shadows-of-climate-change-the-case-of-lake-chad-and-boko-haram (date of access: 11.04.2025).
24. IPCC. Sixth Assessment Report. Intergovernmental Panel on Climate Change, 2023. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/ (accessed 04/15/2025).
25. Pew Research Center. Climate Change Seen as the Top Global Threat. 2021. URL: https://www.pewresearch.org/global/2021/08/13/climate-change-seen-as-the-top-global-threat/ (accessed 04/10/2025).
26. United Nations. Security Council. Open Debate on Climate and Security, 13 February 2023 // Official UN Website. URL: https://press.un.org/en/2023/sc15318.doc.htm (access date: 04/10/2025).
27. United Nations Environment Program. Environmental, Social and Economic Sustainability Framework. URL: https://www.unep.org/about-un-environment/why-does-un-environment-matter/environmental-social-and-economic (accessed: 10.04.2025).
28. White House. National Security Strategy. 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed: 10.04.2025).

Развитие современной китайской политической системы в условиях цифровизации

Бай Етун
аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия Труда и Социальных Отношений», 18829062230@163.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с модернизацией политической системы Китая на фоне активного развития информационных технологий. При этом важно понимать, что термин политическая система включает в себя не только сферу непосредственного управления государством и деятельности политических партий, но и системами управления обществом и организации жизни общества в различных отраслях. Например, социальной политики, оказания государственных услуг, выборной системы, получения обратной связи и т.д. Переход от бумажной системы к информационной позволяет не только улучшить качество взаимодействия между органами управления различных уровней. Целью работы является оценка изменений в рассматриваемой сфере реализованных путем внедрения цифровых технологий. С одной стороны, Китай является одним из лидеров в сфере перехода всех уровней управления государством на цифровую платформу, в данную отрасль вкладываются значительные инвестиции, однако имеются такие проблемы, как неравномерное развитие территорий с точки зрения цифровых технологий, а также практически полное отсутствие конкуренции в действующей политической системе государства. Для достижения поставленной цели был произведен анализ имеющейся научной литературы, статистических данных, правовых и концептуальных актов, информационных ресурсов. Также путем применения инструмента WeChat был произведен социологический опрос граждан Китая. Результаты были обработаны с помощью математических и статистических методов. Полученные результаты позволили не только выделить основные тенденции развития политической системы Китая в настоящее время с учетом тенденций цифровизации, но и выявить проблемные моменты.
Ключевые слова: политическая система, информационные технологии, электронная бюрократическая система, информатизация, автоматизация управления, электронное правительство.

Введение

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения современной организации политической системы государства, основанной на развитии цифровых технологий. Информационная революция стала основой создания нового «цифрового общества», которое включает в себя не только преобразование экономики, ориентированной на создание информационного продукта, но и развития политической системы. Китай является одной из ведущих стран в данной сфере, следовательно имеющийся опыт представляет собой значимую информацию и требует проведения исследования.

Материалы и методы

При проведении исследования применялись, как общенаучные, так и специальные методы исследования. Можно выделить следующие из них: систематизация, структурный анализ, с помощью которых был проведен анализ имеющихся публикации, документов и информации. Применение статистических и графических методов позволило реализовать эмпирическую оценку отдельных показателей, социологический метод применялся для получения информации о фактическом состоянии цифровизации, ее доступности и наличия возможных проблемных вопросов. Выборка составила сто граждан Китая, как из городской, так и сельской местности разной возрастной категории. Опрос проводился в социальной сети WeChat. Результаты социологического исследования были обработаны с помощью математических и социологических методов.

Результаты и обсуждение

Тематика развития политической системы в условиях информационной революции в Китае является актуальной и нашла свое отражение в работах различных авторов. Вопросы применения современных информационных средств, таких как ИИ и технология «Big data» нашли свое отражение в работах таких авторов, как Р.С. Выходца [1], Цзо Ц [8]. Политическую систему современного Китая рассмотрена в работе А.В. Лукина [7]. Особо следует выделить комплексное исследование проведенное А.С. Конопий [3, 4, 5]. В работе использованы исследования и иных авторов.

Прежде всего следует понимать, что современное понимание политической системы представляет комплексное понятие, которое включает в себя совокупность правовых институтов, процедур, регулирующих порядок организации публичной власти в обществе. Сюда включаются конкретные способы и методы управления обществом, порядок принятия и реализации решений и обеспечение устойчивого

функционирования политической системы общества. Сюда также следует включить способы формирования политической системы (порядок проведения выборов) и наличие прямой и обратной коммуникации между гражданами государства и органами управления.

Китай является одним из «пионеров» в сфере информатизации политической системы. В нем была принята политика цифровой трансформации страны, включая и политическую систему. Сюда следует включить:

- создание цифровых платформ и цифрового правительства (прежде всего следует упомянуть WeChat Government, платформу чьей целью является обеспечение взаимодействия между гражданами и правительственными организациями, снижение бюрократии, получения актуальных данных);
- система электронного голосования;
- система «умный город».

В целом проведенная реформа по созданию многопланового государственного управления получила наименование «пятой модернизации» [7].

Например, национальный портал www.Gov.cn обладает следующей функциональностью:

- обеспечивает доступ к информационным порталам местных правительств, центральных ведомств и агентств, позволяет получать популярные онлайн услуги;
- портал обеспечивает поддержку трех языков (упрощенный китайский, традиционный китайский, английский);
- имеются «окна», позволяющие пользователям скачивать формы приложений, искать информацию, выходить на сайты центральных ведомств; просматривать видео и другое мультимедиа содержание;
- имеет следующие разделы: структура правительства, новости, Госсовет КНР, служба премьер-министра, политика, услуги, советы по управлению, данные и социально-экономические условия. Через «окно» советы по управлению пользователи могут загружать свои предложения, советы и комментарии. Есть также «окошко» «Хочу сказать премьер-министру», где пользователи могут напрямую к нему обращаться.

Помимо этого, данный ресурс непосредственно интегрирован с такими ресурсами как Microblog и WeChat, что позволяет населению не только высказывать свое мнение по тем или иным вопросам, а также получения информации от правительства. Кроме того, на них размещаются новости и комментарии правительства, проводятся социологические опросы. Помимо управления данная инициатива реализована в таких направлениях, как:

- медицина;
- образование;
- голосование (отмечается, что выборы, касающиеся органов власти и местного самоуправления, проводятся в традиционном формате, в большей степени относится к обсуждению общественных инициатив, однако сама система учета и подсчета базируется на применении информационных средств);
- безопасность и т.д.

Следует подробнее остановится на информационной системе Китая. Прежде всего следует сказать, что она не связана с мировой системой, а замкнута внутри страны. При этом данная система была создана поэтапно. Согласно данным China Internet Network Information Center первый китайский интернет-ресурс Dawn BBS был создан в 1994 году и тогда же в феврале этого года были приняты Правила Китайской Народной Республики по обеспечению безопасности компьютерных информационных систем (Указ № 147 Государственного совета 18.02.1994) предусматривающие введение надзора за сетью «интернет» министерством общественной безопасности. В последующем имело место начало процесса отключения внешних интернет-ресурсов и параллельное создание собственной информационной сети. Первоначально она не была подвержена контролю, однако в 1997 году был создан специализированный орган по надзору за сетью интернет - бюро информационной безопасности Китая. Параллельно начала создаваться система пропаганды. Кроме того принимается регламент «Компьютерные информационные сети и вопросы безопасности интернета, защиты и регуляции» (Утверждено Государственным советом 11 декабря 1997 года и обнародовано Министерством общественной безопасности 30 декабря 1997 года) направленный на усиление контроля с одной стороны и создания системы сбора информации для правительства, вызвавшей общественный резонанс. Тогда же начинает реализовываться инициатива «электронное правительство» и система фильтрации нежелательной информации. Уже с 2001 года вводится контроль за поисковыми запросами на предмет нежелательной информации. С 2003 года внедряется новое программное обеспечение, окончательно блокирующее западные информационные ресурсы (Google, Skype, YouTube и т.д.). Кроме того, для получения домена на территории Китая с этого момента требовалось официальное разрешение. В период с 2010 по 2017 год вводятся нормы, предусматривающие хранение данных относящихся к категории представляющих угрозу национальной безопасности исключительно на территории страны (в частности личные данные) и вводится контроль за сервисом VPN (сервис позволяющий сохранить анонимность и получить доступ к заблокированным информационным ресурсам) [9]. Важно упомянуть Закон о кибербезопасности от 2017 года. Кроме того, в этот период создавались подразделения киберполиции и вводились правила поведения должностных лиц в интернете. В настоящий момент в информационном пространстве Китая возможно использовать только ограниченным перечнем рекомендованных программ VPN. Ключевым моментом стало внедрение анализа проходящей информации методом опорных векторов (support vector machines), в том числе и в сфере государственного управления и обратной связи: власть – население [6]. Основным средством общения и обмена информацией на данный момент является WeChat, которые помимо функций социальной сети включает в себя и множе-

ство иных сервисов в том числе относящихся и к политической системе. В качестве наказания за нарушения правил обмена информацией гражданин может быть лишен аккаунта, который сложно восстановить и без которого в современном Китае трудно получить доступ к тем или иным услугам. Что касается отношения населения к данной системе контроля информационного пространства, то, как пишет ряд исследователей значительная часть пользователей никогда не пользуется иными сервисами и не имеет представление о них. В качестве элемента системы используется сервис Weibo (微博) представляющий собой аналог сети X и который является основой для публикации информации оппозиционных сил. Однако данный сервис по мнению ряда специалистов служит своеобразным «клапаном» для снятия напряжения и также находится под контролем государства. Несомненно, данные ресурсы также являются частью информационной системы политической системы страны [2].

Можно также отметить и негативные моменты. Например, Цзо Ц пишет: «в то же время особенности цифровой трансформации обусловили такие социальные проблемы, как цифровое неравенство, отсутствие надежных цифровых систем управления и структурная безработица» [8].

Ряд авторов также отмечает, что современные информационные технологии также применяются для повышения контроля и стабильности политической системы, например для ведения цензуры, контроля и повышения эффективности пропаганды. Например утверждается, что алгоритмы информационных ресурсов таких, как Weibo, Douyin, Baidu осуществляют фильтрацию контента блокируя негативный контент, а также специальные алгоритмы выявляют возникающие потенциальные угрозы [10]. Кроме того, технологии «больших данных» позволяют проводит оценку больших объемов информации и реагировать на имеющиеся вызовы стабильности системе. Следует отметить, что в Китае нет доступа к мировой сети «интернет», работа с информацией осуществляется с помощью изолированной информационной сети. Следует отметить и рост расходов направляемых на цифровизацию политической системы. По данным отчёта Китайского информационного интернет-центра (CNNIC), в 2024 году примерно четыре из пяти жителей Китая пользовались интернетом. Общее число интернет-пользователей в стране к концу июня 2024 года составило почти 1,1 млрд человек [8]. Таким образом мы видим, что с одной стороны информационные технологии в политической сфере обеспечивают более высокий уровень управления и обеспечивают участие населения в решении важных вопросов, с другой информационные технологии несут в себе технологии контроля и блокировки информации.

В ходе проведенного социологического исследования нами были получены следующие результаты. На вопрос улучшения качества получения социальных услуг посредством инноваций 97% опрошенных городских и 76% деревенских жителей ответили утвердительно, 94% всех опрошенных указали на улучшение скорости обратной связи, 1% городских жителей и 18% сельских жителей указали на сложность использовании порталов. На это же указали ряд опрошенных лиц, проживающих в городской среде, однако выезжающих за пределы города. На вопрос, как вы оцениваете уровень взаимодействия с правительством и возможность влиять на принятие решения органами власти 88% ответили высоко, 7% затруднились, 5% указали на низкий уровень возможности участия. Возможность и доступность ведения активного диалога с властями положительно оценивают 87% опрошенных. В качестве проблемных моментов ряд опрошенных выделили (рисунок 1).

Рисунок 1 – Проблемные вопросы

Как мы видим одной из наиболее значимых проблем является проблема доступа к информационным ресурсам в отдаленных местностях. Следует отметить, что территориально Китай развит неоднородно наряду с развитой городской средой многие сельские местности находятся на низком уровне технологического развития. Также отмечается сложность использования порталов, что также характерно для жителей отдаленных местностей и лиц старшего возраста. Следует отметить, что опрошенные лица к проблемным моментам не относят отсутствие доступа к зарубежным интернет – ресурсам.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Современные тенденции развития цифровых технологий оказывают свое влияние на все сферы жизни общества в том числе и сферу организацию политической системы. Это относятся к различным аспектам ее проявления, например выборная система, система управления, система обратной связи, система контроля и т.д. Китай является с одной стороны одним из лидеров в сфере развития информационных технологий, с другой стороны является страной с однопартийной системой и неоднородно развитой инфраструктурой населенных пунктов, а также замкнутой информационной сферой, что оказывает свое влияние на процесс модернизации. Наряду с положительными моментами имеется и ряд проблем, которые требуют совершенствования. Одним из приоритетных направлений является расширение гражданской инициативы в решении управленческих вопросов, развитие информационной инфраструктуры в отдаленных дистриктах, обучение лиц старшего возраста.

Литература

1. Выходец Р. С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2022. - Т. 16. - № 2. - С. 140—147.
2. Коршунов А.А. Мировой опыт цифровизации экономики и цифровой трансформации (Япония, Китай, Европейский Союз) // Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы. М., 2024. С. 18-25.
3. Конопий А.С. Цифровая технократия и дискурсивная сила китайского государства: политико-правовой аспект // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2022. - №2. – С. 65 -71.
4. Конопий А.С. Цифровая трансформация государства и права Китая // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2021. - №3. – С. 72 -77.
5. Конопий А.С. Правовая система КНР в условиях цифровой трансформации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. - Ростов-на-Дону, 2024. - 31 с.
6. Ли Цзин. История развития цифровой трансформации в Китае // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2024. - Том 14. № 4А. - С. 179-186.
7. Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. - 2021. - №3.– С. 63-84.
8. Цзо Ц. Цифровая трансформация в Китайской Народной Республике: динамика и тенденции. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2025. - № 31(1). – С. 202-224.
9. Чжан Синьи. Государственная политика Китая в области цифровой экономики на примере провинции Цзянсу: обзор // Бизнес. Образование. Право. 2024. - № 2(67). - С. 46—53
10. Юдичева Д.Р. Перспективы цифровизации экономики Китая // Флагман науки. 2024. - № 1 (12). - С. 432-434.

Development of the modern Chinese political system in the context of digitalization

Bai Etong

Academy of Labor and Social Relations

The article considers issues related to the modernization of the political system of China against the background of the active development of information technologies. It is important to understand that the term political system includes not only the sphere of direct government, but also systems of society management and organization of social life in various sectors. For example, social policy, provision of public services, electoral system, receiving feedback, etc. The transition from a paper system to an information system allows not only to improve the quality of interaction between government bodies at various levels. The purpose of the work is to assess the changes in the area under consideration implemented through the introduction of digital technologies. On the one hand, China is one of the leaders in the transition of all levels of government to a digital platform, significant investments are made in this industry, but there are such problems as uneven development of territories in terms of digital technologies, as well as an almost complete lack of competition to the current political system of the state. To achieve this goal, an analysis of the available scientific literature, statistical data, legal and conceptual acts, information resources was made. Also, using the WeChat tool, a sociological survey of Chinese citizens was conducted regarding. The results were processed using mathematical and statistical methods. The obtained results allowed not only to highlight the main trends in the development of China's political system at present, taking into account digitalization trends, but also to identify problematic issues.

Keywords: political system, information technology, electronic bureaucratic system, informatization, automation of management, electronic government.

References

1. Vyhodets R.S. China's Strategy in the Field of Artificial Intelligence // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. - 2022. - Vol. 16. - No. 2. - P. 140-147.
2. Korshunov A.A. World Experience of Digitalization of the Economy and Digital Transformation (Japan, China, European Union) // Digital Society: Scientific Initiatives and New Challenges. Moscow, 2024. P. 18-25.
3. Konopiy A.S. Digital Technocracy and the Discursive Power of the Chinese State: Political and Legal Aspect // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. - 2022. - No. 2. - P. 65-71.
4. Konopiy A.S. Digital Transformation of the State and Law of China // North Caucasian Legal Bulletin. - 2021. - No. 3. – P. 72 -77.
5. Konopiy A.S. The legal system of the PRC in the context of digital transformation: abstract of dis. ... candidate of legal sciences. - Rostov-on-Don, 2024. - 31 p.
6. Li Jing. History of the development of digital transformation in China // Economy: yesterday, today, tomorrow. - 2024. - Vol. 14. No. 4A. - P. 179-186.
7. Lukin A.V. The political system of modern China and the typology of communist regimes // Comparative politics. - 2021. - No. 3.– P. 63-84.
8. Zuo Ts. Digital transformation in the People's Republic of China: dynamics and trends. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2025. - No. 31(1). – P. 202-224.
9. Zhang Xinyi. China's State Policy in the Field of Digital Economy on the Example of Jiangsu Province: Review // Business. Education. Law. 2024. - No. 2(67). - P. 46-53
10. Yudicheva D.R. Prospects for Digitalization of China's Economy // Flagship of Science. 2024. - No. 1 (12). - P. 432-434.

Трансформация Калининградской области в рамках региональной политики Российской Федерации

Попихин Данил Денисович
аспирант кафедры политологии, Институт истории и социальных наук, Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена

Калининградская область — уникальный регион Российской Федерации, находящийся в сложной геополитической реальности. Экславное положение, близость к странам НАТО и ЕС обуславливают двойственность её роли: от «моста» между Россией и Европой до «форпоста» в условиях конфронтации. Трансформация региона отражает изменения в международной политике России, особенно с 2014 года, когда Калининград вновь стал стратегическим военным узлом. Современные реалии ограничивают экономические и культурные связи, способствуя развитию «эксклавного синдрома» — чувства изоляции и нестабильности. Однако, несмотря на внешние угрозы, регион сохраняет потенциал к развитию, укрепляя стратегическую независимость. Исследование фокусируется на формировании парадигмы, объясняющей двойственную природу Калининградской области, основанную на её истории, геополитическом значении и вызовах изоляции. Анализируются возможные сценарии — от депопуляции до превращения региона в процветающий анклав. Ключевым фактором устойчивости выступает человеческий капитал, поддержка федерального центра и развитие трансграничных форматов взаимодействия. Калининград — не только барометр российско-западных отношений, но и отражение внутренних стратегий России в условиях глобальной нестабильности.

Ключевые слова: Калининградская область, эксклав, геополитика, стратегическая безопасность, международная трансформация

Введение

Калининградская область является одним из уникальнейших регионов с точки зрения культурного, экономического и политических полей. Ее эксклавное состояние порождает специфичную цель и роль в Российской Федерации, но тем самым возлагает на нее большие риски, в связи с наиболее близким нахождением у территории стран НАТО И ЕС. Таким образом Калининград является первым регионом, который ощущает на себе все международные политические договорённости и статусы во внешней политики ведущих политических игроков Европейского и не только регионов.

Данное порождает его постоянную трансформацию, изменению его глобальной роли в рамках региональной политики Российской Федерации. От моста между двумя «мирами», до первой линии обороны.

Актуальность

Подобное, постоянное изменчивое состояние, вынуждает исследователей и практиков, постоянно переосмыслят данный регион, в рамках глобальной парадигмы. И целью это исследования является формирование общепонетийной парадигмы взгляда на трансформацию данного региона.

Литературный обзор, как указывалось ранее, данная тема постоянно является флагманской в академической политической среде. Из недавних работ по этой тематике, стоит отметить: Носович А.А. [1], Шупер В.А. [2], Зверев Ю. М. [3], а так же Дружинин А. Г. [4] и Купин В. Н. [5].

Калининградская область переживает значительные изменения, превращаясь из связующего звена с Европой в изолированный анклав. Это обусловлено географическим положением региона, который, будучи мостом между Россией и Европой, теперь оказывается островом, зажатым между враждебными странами НАТО и Балтийским морем. Вопрос о партнерских отношениях с которым ставится под сомнение из-за реальных условиях геополитического взаимодействия и нарушения сотрудничества.[6 стр.14] Море, вместо соединения, лишь подчеркивает оторванность Калининградской области от основной территории России.

Учитывая напряженные отношения с соседними государствами, перспективы возвращения Калининграда к роли моста кажутся маловероятными. Теперь вопрос заключается в том, каким станет этот балтийский эксклав: необитаемым или процветающим, способным развивать экономику, культуру и международные связи, несмотря на конфронтацию с Западом. Сумеет ли область выжить и развиваться в условиях изоляции, или превратится в забытый край?

Как ни странно, но для самой западной территории России в равной степени органичны два противоположных состояния: положение пограничного перехода (моста) и осажденной цитадели (острова). Оба этих состояния являются следствием взаимоотношений Москвы и европейских государств. В период холодной войны, когда был воздвигнут «железный занавес», Калининградская область служила военным форпостом, играя ключевую роль в советской системе сдерживания войск НАТО. После завершения холодной войны и стремления постсоветской России к интеграции с западным миром, она превратилась в место формирования «Большой Европы».

Соответственно, снижение доверия к перспективам интеграции повлекло за собой уменьшение геополитической значимости Калининградской области как "моста". После 2014 года, когда отношения между Россией и западными странами резко ухудшились, регион закономерно стал возвращаться к роли стратегически важной военной базы на Балтике. Можно говорить о формировании в регионе так называемой «серой зоны» [7 стр.1]

В историческом контексте, усиление милитаризации Калининграда можно рассматривать как возвращение к его изначальной функции. Военно-стратегическая роль является определяющей для этого региона. Фактически, территория изначально создавалась как придаток Балтийского флота. Именно военно-стратегическое значение незамерзающего порта определило решение Сталина о создании Калининградской области в составе РСФСР и заселении ее жителями из пострадавших от войны регионов, что шло вразрез с административно-территориальной логикой того времени. Вместо передачи Кёнигсберга Польше, включения в состав Литовской или Белорусской ССР, было принято самое неожиданное решение, смысл которого стал ясен лишь после геополитических изменений 1990-х годов, когда стало очевидно значение области в балансе сил в Восточной Европе.

Первые постсоветские десятилетия выглядят аномалией на фоне всей истории Калининградской области. Свободная экономическая зона, сокращение вооружений, зависимость экономики от внешних связей, европейская мобильность жителей, присутствие европейских НКО в образовательной и научной сферах – все это, казалось бы, фантастикой в советские годы и начинает казаться таковым сейчас. Одним из знаковых событи можно назвать, то что в 2011 г. через Балтийское море был проложен газопровод «Северный поток», «который расширил энергетическое сотрудничество Германии и России».[8 стр. 86]

Калининградской области свойственны крайности: от открытости до безвизового въезда в ЕС, до фактической сухопутной блокады. Для калининградцев аномальные условия – это норма. Они рационально понимают, но не в полной мере прочувствуют экстремальность своего положения, поскольку для них это привычное явление. Они уже сталкивались с отделением от России, опасениями распада страны, вступлением соседних государств в НАТО, закрытием воздушного пространства Литвой и угрозой невозможности попасть в Россию по суше. Поэтому нынешние риски воспринимаются спокойнее, чем за пределами области, во многом благодаря системной работе по минимизации этих рисков. Прежняя парадигма существования области разрушилась в 2014 году, когда отношения России и Запада ухудшились до уровня затяжного противостояния, и обеспечение защиты от внешних угроз стало основой развития эксклава.

Развитие Калининградской области ориентировано на достижение стратегической независимости, что обеспечит её устойчивость в условиях изоляции и ограничит влияние внешних сил. Этот процесс, касающийся продовольственной и военной безопасности, ещё не завершён, но направление остаётся неизменным. Регион трансформируется в защищённый анклав, опирающийся на морские связи, собственные ресурсы и военную мощь.

Стратегические риски для Калининграда отражают общероссийские. Область является своеобразным зеркалом ситуации в стране. Ключевая задача – не просто пережить конфронтацию с Западом (что возможно при наличии ядерного сдерживания), а избежать стагнации и истощения ресурсов. Калининграду сложнее, чем России в целом, из-за ограниченности территории и возможностей сотрудничества.

В условиях такой волатильности федеральный центр должен обеспечить устойчивое развитие региона. Стратегически это достигается поддержанием военного баланса в Балтийском море. Тактически необходима работа по стабилизации общественного мнения, как внутри региона, так и в целом по стране и за рубежом. Эта работа включает информирование о мерах защиты, опровержение дезинформации о Калининграде, демонстрацию преимуществ жизни в области. В противовес конфронтации целесообразно развивать трансграничное сотрудничество.

Опустение области – наиболее вероятный негативный сценарий, если исключить крупный военный конфликт. Даже в этом случае территория останется важной военно-морской базой. Однако, чтобы эксклав был не просто форпостом, а флагманом России в Европе, он должен быть привлекательным для жизни и населённым. Человеческий капитал – ключевой фактор развития, учитывая ограниченность территории и недружественное окружение. Развитие туризма и привлечение миграции, особенно в непроизводственные сектора, остаются важными направлениями. Вопрос «Доступа» людей, капиталов и товаров между Калининградом и остальной Россией способствует "проветриванию" региона и преодолению «эксклавного синдрома» [9 стр. 283 — 295, 10 стр.17,]

Заключение

Таким образом, в ходе данного исследования было выявлено, что трансформация Калининградской области постоянно происходит в русле международной политики Российской Федерации, от «от-

крытости» до полной «закрытости» эсклава. На данный момент мы видим, что данный регион находится в одном из более закрытых состояниях по отношению к Западу, но тоже самое можно говорить и по отношению к России, из-за агрессивной политики Запада. Что порождает проблему доступа и появления «эксклавного синдрома», которые требуется в дальнейшем нивелировать.

Литература

1.Носович А. А. Остров Канта. Как изменилась Калининградская область в новой международной реальности и что с ней будет дальше //Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – №. 4 (122). – С. 150-159.

2. Шупер В. А. Новые возможности для российского эксклава на балтике в изменяющемся геополитическом положении страны //Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – №. 1. – С. 109-121.

3. Зверев Ю. М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада //Балтийский регион. – 2023. – Т. 15. – №. 4. – С. 24-41.

4. Дружинин А. Г. Морская активность России в Причерноморье и на Балтике: новые условия и траектории //Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества. – 2022. – С. 33-36

5. Купин В. Н. Национальные интересы россии в условиях роста глобальной геополитической турбулентности мира //Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №. 5-1. – С. 180-185

6. Князева С. Формирование политики европейского союза на постсоветском пространстве: возможности и пределы //Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2022. – №. 66 (82). – С. 13-24.

7. Стрюковатый В. В. и др. Балтийский регион как «серая зона»: балансирование на грани вооруженного конфликта. – 2025.

8 .Косов, Ю. В., Грибанова, Г. И. 2016, Стратегия ЕС для региона Балтийского моря: проблемы и перспективы международного сотрудничества, Балтийский регион, т. 8, № 2, с. 48-66,

9. Винокуров, Е. Ю. 2007, Теория анклавов, Калининград, 342 с

10. Клемешев А. П., Ворожеина Я. А. Эксклавность калининградской области: опыт экспликации //Балтийский регион. – 2024. – Т. 16. – №. 2. – С. 4-17.

Transformation of the Kaliningrad region in the framework of the regional policy of the Russian Federation

Popikhin D.D.

Herzen Russian State Pedagogical University

The Kaliningrad region is a unique part of the Russian Federation, situated in a complex geopolitical landscape. Its exclave position and proximity to NATO and EU countries create a dual role: as a "bridge" between Russia and Europe, and as a "stronghold" amid growing confrontation. The region's transformation reflects Russia's shifting international politics, especially after 2014, when Kaliningrad regained its role as a strategic military base. Present-day realities restrict economic and cultural ties, fostering an "exclave syndrome" — a sense of isolation and uncertainty. Nevertheless, despite external threats, Kaliningrad retains potential for development through increased strategic independence. This study aims to establish a conceptual framework to understand the dual nature of the region, grounded in its history, geopolitical value, and challenges of isolation. Potential scenarios range from depopulation to its emergence as a thriving enclave. Key to resilience are human capital, federal support, and the development of cross-border cooperation formats. Kaliningrad serves not only as a barometer of Russia-West relations but also as a mirror of Russia's internal strategies under global geopolitical turbulence.

Keywords: Kaliningrad region, exclave, geopolitics, strategic security, international transformation.

References

1. Nosovich A. A. Kant Island. How the Kaliningrad Region Has Changed in the New International Reality and What Will Happen to It Next // Russia in Global Politics. - 2023. - Vol. 21. - No. 4 (122). - P. 150-159.
2. Shuper V. A. New Opportunities for the Russian Exclave in the Baltic in the Changing Geopolitical Position of the Country // Baltic Region. - 2022. - Vol. 14. - No. 1. - P. 109-121.
3. Zverev Yu. M. Three Russian Regions in the Baltic in the Context of the Confrontation between Russia and the West // Baltic Region. - 2023. - Vol. 15. - No. 4. - P. 24-41.
4. Druzhinin A. G. Russia's Maritime Activity in the Black Sea and Baltic: New Conditions and Trajectories // Borderland Problems. New Trajectories of International Cooperation. - 2022. - P. 33-36
5. Kupin V. N. Russia's National Interests in the Context of Growing Global Geopolitical Turbulence of the World // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. - 2022. - No. 5-1. - P. 180-185
6. Knyazeva S. Formation of the European Union Policy in the Post-Soviet Space: Possibilities and Limits // European Security: Events, Assessments, Forecasts. - 2022. - No. 66 (82). - P. 13-24.
7. Stryukovaty V. V. et al. The Baltic Region as a "Gray Zone": Balancing on the Brink of Armed Conflict. – 2025.
8. Kosov, Yu. V., Gribanova, G. I. 2016, EU Strategy for the Baltic Sea Region: Problems and Prospects of International Cooperation, Baltic Region, v. 8, no. 2, pp. 48-66,
9. Vinokurov, E. Yu. 2007, Theory of Enclaves, Kaliningrad, 342 p.

Санкционная политика и Калининградская область

Попихин Данил Денисович
аспирант кафедры политологии, Институт истории и социальных наук, Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена

В условиях усиленного санкционного давления со стороны западных стран Калининградская область приобретает особую значимость в системе внешней и внутренней политики Российской Федерации. Уникальное геополитическое положение региона как эксклава, окружённого странами НАТО, превращает его в важнейший стратегический узел на Балтике. В статье рассматриваются последствия санкционной политики для экономического состояния Калининградской области, с акцентом на морскую и портовую деятельность. Отдельное внимание уделено влиянию вступления Швеции и Финляндии в НАТО, что усилило изоляцию региона и создало новые вызовы для логистики и безопасности. Несмотря на неблагоприятные внешние условия, Калининград сумел адаптироваться к новым реалиям, переориентировав экономические связи и сохранив значимую роль в транспортной системе страны. Анализируются меры государственной поддержки и стратегия переориентации на альтернативные направления сотрудничества. Работа подчеркивает важность региона для обеспечения территориальной целостности и морского присутствия России в условиях современной геополитической напряженности.

Ключевые слова: Калининградская область, санкции, морская политика, эксклав, Балтийское море.

Введение

Российская Федерация в течение долгого периода времени находится под давлением со стороны западных стран, заключающейся как в риторике, так и в непосредственных действиях и акциях, одним из видов которой является санкционная политика. Вся территория России испытала воздействие от данной политики со стороны ленинградской области, но Калининградская область в виду своем уникальном географическом и политическом положении предоставляет уникальный как с точки зрения практичной политики, так и академии, опыт отстаивания собственных региональной идентичности и политики в рамках как собственной эксклавности, так и морской политики Российской Федерации.

В связи с этим актуальность данной работы формируется именно исходя из подобной уникальности данного региона не только в российской практике, но и мировой.

Обзор литературы

Из недавних работ по этой тематике, стоит отметить: А.А. Носович «Остров Канта. Как изменилась Калининградская область в новой международной реальности и что с ней будет дальше» [1], Шупер В.А.[2], Зверев Ю. М. [3]. Так же хочется отметить еще данные исследования посвященных геополитической рамке данной проблемы: Рябининой О.К. [4] , Зубаревич Н. В. [5]

Калининградская область в отличие от остальных регионов имеет под собой уникальное географическое и политические формирования в русле существования на мировой карте. Оно являет собой термин эсклав, формируя отчасти отчужденное состояние от основной территории Российской Федерации в виду своей доступности и отчасти осажденного состояние из-за границ с странами блока НАТО. Но его критическая роль заключается в осуществления контроля над Балтийском морем, одним из ключевых узлов для Российской Федерации и одним из наиболее конфликтогенных регионов в связи с ранее указанными странами блока НАТО и также ЕС

Говоря о заинтересованности России в данном регионе, стоит начать с того что Балтийское море является, из-за всего ранее описанного, фундаментальным вопросом как в экономической, культурной, туристической так и военно-стратегической. Если первое можно описать тем, что черед данное море и российские порты проходит огромный товаропоток. Так же балтийское море является одним из важнейших российских путей для экспорта российского газа в зарубежье. Туристическая же важность для Российской Федерации обусловлена тем, что Балтийское море омывает такие регионы Как Санкт-Петербург и Калининградская область, что в первую

очередь являются основными регионами в европейской части России для внутреннего туризма, а так же и для иностранцев.

Военно-стратегическая же значимость для региона отчасти обусловлена уже ранее описанным в введении геополитической ситуации которая происходит в Новой истории России вокруг ее береговых в частности и европейских границ в общем. История и современность обуславливает наличие крупной военно-морской дислокации в акватории Кронштдата и Калининградского анклава.

Все это ярко описывает критическую важность и роль Российской Федерации в поддержании процветания собственных территории, а также отстаивания экономической и политической идентичности и самостоятельности как важного актора в Европейской и международной политике.

Подобное утверждение, становится критически важным в наиболее сложные периоды международной политической картины в современности. Особенно сильно данная политика показывает себя на моментах санкционного давления на Российскую Федерацию, с момента эскалации западной агрессии на российскую политику с момента 2014 года, при наложении санкций и усилилось после февраля 2022 года, с усилением западной агрессии и повышением санкционного давления на российскую политику и территории. Подобные действия нанесли существенный урон российской экономической активности.

Согласно утверждению Дружинина А.Г., введение антироссийских санкций и частичное прекращение торгово-экономических связей со странами Европы негативно отразились на экономическом состоянии российских регионов. Особенно сильно пострадали отрасли в регионах, расположенных вблизи Балтийского моря, поскольку их экономическая деятельность была в значительной степени ориентирована на взаимодействие с европейскими партнерами.[6 стр.34] Тем не менее, российская экономика, включая бизнес, федеральные и региональные органы власти, а также домохозяйства, продемонстрировала способность к быстрой адаптации к санкционному режиму. Развитие железнодорожной инфраструктуры, обеспечивающей доступ к морским портам Северо-Западного бассейна, позволило избежать серьезного экономического кризиса в 2022 году и стимулировать восстановительный рост в 2023 году. Одним из ключевых элементов адаптации стало переориентирование российской политики пространственного развития на южное и восточное направления. При этом, деятельность российского морского транспорта и портового хозяйства оказалась успешной в рамках антисанкционной политики, позволяя тем самым решать проблему «доступности» региона и преодолению «эксклавного синдрома» [7 стр. 283 — 295, 8 стр.17,]

Отдельным фактором требующего разбора является вопрос портов Калининградской области, да и в целом балтийского региона, включая сюда Ленинградскую область и Санкт-Петербург, но именно морские транспортные узлы Калининграда, становятся наиболее, подвержены ранее описанным явлением исходя из как раз своей эсклавности. Исходя из того, что не раз в станах Европы произносился тезис касательно «внутреннего моря НАТО». Ключевым событием, изменившим политическое состояние региона, стала переосмысление Швецией и Финляндией своей политики , стало начало российской специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года. Это событие послужило непосредственным поводом для пересмотра внешней политики обеих стран. Финляндия и Швеция кардинально изменили свои внешнеполитические приоритеты.

Этот сдвиг сопровождался активной информационно-политической деятельностью НАТО в регионе и продвижением евроатлантической стратегии со стороны стран, стремящихся к членству. Для убеждения населения Швеции и Финляндии в необходимости присоединения к Альянсу использовались разнообразные аргументы.

В мае 2022 года обе страны подали официальные заявки на вступление в НАТО, что ознаменовало собой отказ от многолетнего нейтралитета. Причиной такого решения было названо начало Россией специальной военной операции. Государства Балтии восприняли данные действия как потенциальную опасность. Переговоры о вступлении проходили оперативно, поскольку НАТО стремилась к скорейшему положительному исходу. Что становится прямой угрозой не только экономической формации Российской Федерации, но так же и военной и территориальной. Таким образом морские порты калининградской области находятся теперь в перманентном антагонистическими состоянии с ближайшими соседями в Балтийскому морю.

Объективные сложности, вызванные перечисленными обстоятельствами, потенциально создающие риски кризиса и стагнации в отдельных секторах морехозяйственной деятельности, включая портово-логистическую сферу, имеющую системное значение для России (в 2021 году через российские морские порты было перегружено значительная часть добываемого сырья), одновременно обусловили необходимость принятия компенсирующих мер со стороны государственных органов и крупных компаний, ориентированных на морскую деятельность. Несмотря на трудности, связанные с перестройкой, морское хозяйство России приобретает стратегическую значимость и становится ключевой точкой роста для страны. Дальнейшее развитие морской отрасли имеет важное значение для сохранения статуса России как великой морской державы и ее успешного существования в новой глобальной политико-экономической реальности.

Следует отметить, что западные порты российского балтийского бассейна ощутили на себе негативное воздействие санкций в большей степени, чем порты других бассейнов, в связи с их преимущественной ориентацией на торговлю с европейскими странами, которые значительно сократили экономические связи с Россией в 2022 году. Однако, благодаря пересмотру приоритетов и поиску новых партнеров, эти порты сумели переориентировать свою

деятельность на новые направления и существенно смягчить последствия санкционного кризиса. [9 стр. 78] Несмотря на существующие вызовы, перспективы развития российского морского транспорта и портов на Балтике остаются благоприятными, в том числе благодаря масштабной модернизации портовой инфраструктуры, проведенной в последние годы. Развитие морских перевозок, в свою очередь, послужит мощным стимулом для экономического развития регионов Северо-Запада России. Калининградская же область в частности сохраняет свою роль транзитного узла для Российской Федерации. [10 стр. 38]

Заключение.

Таким образом в данной статье, была подсвечена важность и актуальность региона калининградского эсклава для развития внешней и внутренней политики Российской Федерации, дана оценка последствий санкционной политики Запада по отношению региона балтийского региона, в частности, с акцентом, на портовую деятельность Калининградской области.

Также было дополнено, что не только санкционная политика является одним из основным источником ущерба для Калининградской области, но и исходящая из нее (и идущая рядом) внешняя политика ближайших соседей по региону, как членов стран НАТО, так и их потенциальных членов. Подобные сущности формируют общероссийскую угрозу не только экономическому, но и военному и территориальному единству Российской Федерации.

По итогу, было выявлено, что благодаря пересмотру приоритетов и поиску новых партнеров, эти порты сумели переориентировать свою деятельность на новые направления и существенно смягчить последствия санкционного кризиса, что в общем так же способствует укреплению и усилению внутренней политики Российской Федерации, а так же и экономической стабильности данного региона в рамках глобальной внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Литература

1.Носович А. А. Остров Канта. Как изменилась Калининградская область в новой международной реальности и что с ней будет дальше //Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – №. 4 (122). – С. 150-159.

2. Шупер В. А. Новые возможности для российского эксклава на балтике в изменяющемся геополитическом положении страны //Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – №. 1. – С. 109-121.

3. Зверев Ю. М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада //Балтийский регион. – 2023. – Т. 15. – №. 4. – С. 24-41.

4. Рябинина О. К. Геополитическая ситуация в балтийском регионе: современные тенденции //Россия и мир. – 2022. – №. 4. – С. 174.

5. Зубаревич Н. В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах //Of the new economic association. – 2025. – С. 274.

6. Дружинин А. Г. Морская активность России в Причерноморье и на Балтике: новые условия и траектории //Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества. – 2022. – С. 33-36.

7. Винокуров, Е. Ю. 2007, Теория анклавов, Калининград, 342 с

8. Клемешев А. П., Ворожеина Я. А. Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации //Балтийский регион. – 2024. – Т. 16. – №. 2. – С. 4-17.

9. Кувалин Д. Б., Щербанин Ю. А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) //Балтийский регион. – 2023. – Т. 15. – №. 4. – С. 62-78.

10. Машкин А. Л., Гоголина Е. С., Телушкина Е. К. Перспективы расширения транспортных коридоров в Калининградскую область в 2024 году //Рецензенты: Васильев Федор Петрович, д-р юрид. наук, доцент. – 2024. – С. 31.-38.

Sanctions policy and the Kaliningrad region

Popikhin D.D.

Herzen Russian State Pedagogical University

Amid increasing sanctions pressure from Western countries, the Kaliningrad region has gained special importance within the framework of Russia's foreign and domestic policy. Its unique geopolitical position as an exclave surrounded by NATO member states makes it a key strategic hub in the Baltic Sea. This article explores the impact of sanction policies on the region's economic stability, with a particular focus on maritime and port activity. Special attention is paid to the implications of Sweden and Finland joining NATO, which has intensified the region's isolation and introduced new challenges for logistics and security. Despite adverse external conditions, Kaliningrad has demonstrated resilience, successfully reorienting its economic ties while maintaining its crucial role in the country's transport network. The article analyzes government support measures and strategies for diversifying international cooperation. It emphasizes the region's importance for maintaining Russia's territorial integrity and maritime presence amid modern geopolitical tensions.

Keywords: Kaliningrad region, sanctions, maritime policy, exclave, Baltic Sea.

References

1. Nosovich A. A. Kant Island. How the Kaliningrad Region Has Changed in the New International Reality and What Will Happen to It Next // Russia in Global Politics. - 2023. - Vol. 21. - No. 4 (122). - P. 150-159.
2. Shuper V. A. New Opportunities for the Russian Exclave in the Baltic in the Changing Geopolitical Position of the Country // Baltic Region. - 2022. - Vol. 14. - No. 1. - P. 109-121.
3. Zverev Yu. M. Three Russian Regions in the Baltic in the Context of the Confrontation between Russia and the West // Baltic Region. - 2023. - Vol. 15. - No. 4. - P. 24-41.
4. Ryabinina O. K. Geopolitical situation in the Baltic region: current trends // Russia and the world. - 2022. - No. 4. - P. 174.
5. Zubarevich N. V. The impact of sanctions on the development of Russian regions in 2022-2024 // Of the new economic association. - 2025. - P. 274.
6. Druzhinin A. G. Russia's maritime activity in the Black Sea and Baltic: new conditions and trajectories // Borderland problems. New trajectories of international cooperation. - 2022. - P. 33-36.
7. Vinokurov, E. Yu. 2007, Theory of Enclaves, Kaliningrad, 342 p.
8. Klemeshev A. P., Vorozheyina Ya. A. Exclavity of the Kaliningrad Region: An Explication Experience // Baltic Region. - 2024. - Vol. 16. - No. 2. - P. 4-17.
9. Kuvalin D. B., Shcherbanin Yu. A. Adaptation of the Economy of Russian Regions to the Break in Relations with Europe (Based on the Example of the Baltic Sea Ports) // Baltic Region. - 2023. - Vol. 15. - No. 4. - P. 62-78.
10. Mashkin A. L., Gogolina E. S., Telushkina E. K. Prospects for expanding transport corridors to the Kaliningrad region in 2024 // Reviewers: Vasiliev Fedor Petrovich, Doctor of Law, Associate Professor. - 2024. - P. 31.-38.

Трансформация международных позиций России вследствие развития отношений с Китайской Народной Республикой

Рожков Илья Олегович
аспирант, Московской государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье проводится анализ влияния укрепления взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в политическом, экономическом, стратегическом, социальном и инфраструктурном плане на современное положение России и перспективы страны в условиях формирования нового миропорядка. Обе страны активно поддерживают подход многополярности и смены централизации международных отношений вокруг западных государств. Автор утверждает, что Российская Федерация получает широкие возможности от укрепления сотрудничества с Китайской Народной Республикой, что обусловлено значительной экономической и политической ролью обоих государств, а также взаимной поддержкой по большинству концептуальных и фундаментальных политических вопросов. При этом перед Российской Федерацией на фоне развития этих отношений необходимо закрепить свой суверенитет в различных планах для предотвращения зависимости от Китая. Для этого необходима поддержка локальных производств, образования, научно-исследовательских разработок, а также других направлений, обеспечивающих трудновоспроизводимое конкурентное преимущество и уникальность государства.

Ключевые слова: международные отношения, российско-китайское сотрудничество, многополярность, суверенитет, международные организации.

Введение. Отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики активно развиваются в экономическом, политическом, социальном, правовом и многих других планах. К примеру, товарооборот между странами ежегодно достигает рекордных значений, что показывает рост взаимных интересов в этой сфере. В условиях «торговых войн» с Соединенными Штатами Америки и усилением конфликтных линий Российская Федерация представляется стабильным и последовательным партнером, который соблюдает условия сотрудничества и вносит значительный вклад в его расширение.

Методы. При подготовке статьи были использованы подход сравнения, абстрактно-логический и нормативный подход, а также системный подход, который позволил обратить внимание на влияние американского фактора в российско-китайских отношениях. Немаловажное значение было отведено методу прогнозирования, так как с его помощью были определены возможные позиции России в новой системе международных отношений на фоне развития взаимодействия с КНР.

Результаты. Российская Федерация и Китайская Народная Республика сотрудничают в различных многосторонних форматах. В первую очередь необходимо отметить активность государств в различных учреждениях Организации Объединенных Наций, так как она является исключительно важной площадкой для продвижения позиций государств. Тем не менее, в некоторых источниках уже встречается позиция, согласно которой «Совет Безопасности теряет влияние и уже не может играть роль основного инструмента для разрешения международных конфликтов и предотвращения агрессии как из-за деструктивной позиции стран Запада, так и по объективным причинам». В связи с этим отмечается важность трансформации системы международной безопасности посредством реформирования СБ ООН или формирования принципиально новой системы механизмов, в качестве которых могут служить ШОС и БРИКС [3].

Кроме того, значительную роль играют такие организации, как БРИКС и ШОС. С 2022 года наметилась тенденция к тому, чтобы повысить динамику интеграции, что связано с заинтересованностью развивающихся государств в том, чтобы избежать санкционного давления. Страны БРИКС в том числе заинтересованы в организации системы расчета в национальных валютах, а также в формировании резервной валюты. Отмечается возможный рост востребованности Нового банка развития, в развитии которого заинтересованы и Китай, и Россия. Обе страны также позитивно оценивают перспективы и имеют высокие ожидания от присоединения к данным объединениям.

Китай и Российская Федерация не стремятся к тому, чтобы усиливать именно организационную сторону своего взаимодействия. В Целом Китай заинтересован в организации скорее двустороннего, чем многостороннего сотрудничества, чем обусловлено неприсоединение к некоторым стратегически важным инициативам, к примеру, к Гаагскому кодексу поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. Основной целью Российской Федерации является привлечение в работу над Кодексом государств, которые реализуют свои космические программы. Следует отметить, что подписавшими сторонами являются и члены НАТО: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Япония, а также многие государства Европы. С другой стороны, Китайская Народная Республика не относится к перечню стран-подписантов [13].

Важнейшими признаками российско-китайского взаимодействиями являются «неприсоединение, неконфронтация и ненаправленность против третьих стран» [9].

В связи с этим необходимо отметить, что и Китай, и Российская Федерация стремятся к тому, чтобы усиливать свою международную влиятельность и продвигать позицию, которая альтернативна западному либеральному курсу. События 2020–2022 гг. показали растущую разочарованность в существующей системе отношений между государствами, обеспечения безопасности и развития, в связи с чем существует необходимость в поиске новых форматов сотрудничества, позволяющих выражать интересы прежде всего развивающихся государств. Перспективными форматами сотрудничества являются ШОС и БРИКС, которые на данный момент не лишены проблем, но растущая заинтересованность третьих стран в присоединении к ним демонстрирует важность обсуждаемых там проблематик. Тем не менее, РФ и КНР не стремятся к тому, чтобы оформлять свое сотрудничество организационно, формировать какие-либо организации и альянсы, которые позволят более эффективно доносить свою позицию. Это обусловлено курсом Китая на самостоятельность и непредвзятость, а также стремление к тому, чтобы не допускать формирования нового «гегемона».

Сотрудничество Москвы и Пекина требуется также для обеспечения устойчивого функционирования и роста мировой экономики. Украинский кризис ускорил реструктуризацию глобальных цепочек поставок и производственных цепочек, привел к волатильности на фондовых и валютных рынках, в то время как роль ВТО в регулировании макроэкономических процессов последовательно ослабевает в последние десятилетия. Соответственно, перед РФ и КНР появляется задача поиска новых форматов регулирования мировой экономики, создания новых систем расчетов, поставок, производственных обменов.

Сложность формирования многополярного мира заключается в следующем:

- Необходимость преобразования всех институтов и систем международного права;
- Конкуренция между полюсами влияния, что может привести к непредсказуемым последствиям вплоть до военных действий;
- Сложность и противоречивость формирования нового подхода, учитывая различные цивилизационные подходы и необходимость обеспечения равенства в решении актуальных вопросов;
- Необходимость обеспечения стабильно, устойчиво и эффективно работающей системы, учитывая значительное количество стран и необходимость включения каждого государства в многосторонний диалог;
- Обострение рисков противостояния между полюсами уже после конструирования нового миропорядка [5].

В связи с этим формирование многополярного мира является скорее утопическим проектом для ряда государств, которые не имели или утратили возможность влияния на решение глобальных проблем, но при этом именно закрепление этого принципа в политической практике пока не встречается в полноценном виде. Интересным также является тезис о возможном «ревизионизме» у А.Фененко [12].

Цивилизационная логика нового миропорядка предполагает развитие интеграционных процессов именно на уровне отдельных цивилизаций как образований, которые обладают уникальной совокупностью подходов к организации экономической, политической и общественной деятельности. Концептуальным основанием будет именно идентичность и самоотнесение к конкретной цивилизации. При этом не следует считать, что укрепление взаимодействия на уровне одной цивилизации может исключить конфликт между цивилизациями. Проект, разрабатываемый Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и другими крупными государствами, предполагает демократическое вовлечение всех цивилизаций, что предполагает трансформацию существующих институтов и норм международного права в пользу расширения самостоятельности государства и усиления его суверенитета.

Следует отметить и активное развитие Российской Федерации, которое проявляется в повышении экономических показателей, обеспечении независимости от импорта по многим позициям, активной государственной поддержке многих сфер человеческой деятельности. Задействование и обновление разработок советского периода дало Российской Федерации возможность занять лидерские позиции в ряде стратегических направлений, в первую очередь в атомной энергетике. Несмотря на исключительно пессимистичные прогнозы, которые разрабатывались американскими и европейскими аналитическими агентствами, Российская Федерация смогла сформировать экономическую и управленческую систему, которая оказалась устойчивой к санкционному давлению и другим негативным событиям.

В связи с этим возникает необходимость в реализации региональных проектов. Российская Федерация активно продвигается по этому пути, продвигая ЕАЭС как экономический союз государств, ранее

входивших в состав СССР. Как отмечает Н.С. Снегирева, основным вопросом, на котором базируется дальнейшее развитие ЕАЭС является правовое взаимодействие, формирующее требования для всех участников данной системы [1]. Результативность функционирования Союза также характеризуется тем, что страны-участники создают все условия для повышения экспортного потенциала производимой продукции в одинаковых условиях для всех членов ЕАЭС. В дальнейшем обсуждается развитие унифицированных систем стандартизации, сертификации, что позволит сформировать единые требования для развития промышленного производства стран ЕАЭС. Обобщив мировой практический опыт, Российская Федерация стремится, тем не менее, к сохранению суверенности интересов всех внутренних рынков стран участников Союза, с той целью, чтобы не повторить просчет развития стран Еврозоны, которые показали, что зачастую происходит активный ущерб национальных интересов по сравнению с глобальными стратегическими задачами союзной интеграции.

Тезис о широких возможностях России, которые открываются в результате крушения однополярной системы международных отношениях, достаточно часто встречается в российской исследовательской литературе. Он распространяется первыми лицами государства, прежде всего президентом В.В. Путиным, который в своих официальных заявлениях неоднократно утверждал о формировании «новых центров многополярного мироустройства» [2]. Данная риторика используется в контексте противоборства между западными государствами во главе с США и развивающимися странами, активно наращивающими свое экономическое, политическое, социальное и культурное присутствие в мире. Концептуальным обоснованием данной позиции является суждение о необходимости «получения справедливой доли в мировом богатстве» [4] и распределения ресурсов и возможностей между всеми народами, а не только наиболее сильными и влиятельными. К преимуществам нового миропорядка президент относит более высокий уровень справедливости и демократии, освобождение Африки и других регионов с низким уровнем развития от колониального давления [8].

Такой подход основан на цивилизационном основании, которое признается некоторыми исследователями дающим «наиболее выверенную точку входа для адекватной интерпретации процессов, связанных с трансформацией миропорядка» [1]. Каждая цивилизация обладает уникальными характеристиками, основанными на темпах и направлениях культурного, социального, хозяйственного развития. Усиление роли каждой из них предполагает «раскрытие ее потенциала в интересах целого», что приходит на смену «обезличивающему» либеральному глобализму, которого придерживаются в своей внешней политике США. Этот процесс признается неизбежным. Важным аспектом является не сама влиятельность конкретной цивилизации, а возможности, которые она получает для влияния на глобальные процессы и привнесения собственного видения в решение глобальных проблем. Под цивилизацией понимается «особая категория государств в протяженной и непрерывной историей, ярко выраженной самобытностью и готовностью их граждан и лидеров отстаивать свою культурную идентичность» [6]. Формирование и развитие цивилизации предлагает:

- Наличие определенной системы социальных практик;
- Воспроизведение этих практик на протяжении продолжительного временного периода;
- Стабильность развития;
- Наличие единой концепции и «ядра» [7];
- Суверенность.

Для современной цивилизации характерны наличие возможностей для осуществления независимой внутренней и внешней политики, достаточного потенциала в различных направлениях деятельности, а также философии развития, которая включает в себя взгляд на глобальные проблемы. В связи с этим Российская Федерация провозглашает курс на единение цивилизаций и увеличение вовлеченности развивающихся стран.

Тем не менее, современное состояние многополярности возможно охарактеризовать как «асинхронное» [11], что обусловлено высоким уровнем международной неопределенности, последствиями кризисов и различными показателями экономического и социального развития. Различные регионы приходят к новому порядку в разном темпе, и такой масштабный процесс не может реализоваться одномоментно.

Литература

1. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.

2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России, 2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения 10.02.2024)

3. Итоги Восьмой международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество с новую эпоху. Глобальное управление в эпоху глобальных перемен» // РСМД, 2023. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Conference-Report-RUCN2023-ru.pdf (дата обращения 10.05.2024)

4. Караганов С.А. Мы наблюдаем появление нового мира в момент его создания // Российская Газета, 2022. URL: https://rg.ru/2022/10/26/osypavshijsia-mir-uroki-na-budushchee.html (дата обращения 10.02.2024)

5. Кортунов А.В. Почему мир не становится многополярным // РСМД, 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/ (дата обращения 10.02.2024)

6. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис: Политические исследования. 2020. No. 4. С. 78–93.

7. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической жизни // Вестник МГИМО-Университета. 2019. No. 4. С. 38–53.
8. Путин назвал плюсы нового многополярного миропорядка // Lenta.ru, 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/07/24/mnogopolyar/ (дата обращения 10.02.2024)
9. Российско-китайский диалог. Модель 2023. – М., НП РСМД, 2023. – С. 4.
10. Снегирёва Н.В.: евразийская интеграция в многополярном мире // РАНХиГС, 2023. URL: https://stav.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=862972&utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 10.02.2024)
11. Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: управляющие параметры и векторы развития // Международный дискуссионный клуб Валдай, 2023. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/asinkhronnaya-mnogopolyarnost/ (дата обращения 10.02.2024)
12. Фененко А.В. Что нужно для многополярности? // РСМД, 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/ (дата обращения 10.02.2024)
13. List of HCoC Subscribing States // Hague Code of Conduct, 2024. URL: https://www.hcoc.at/subscribing-states/list-of-hcoc-subscribing-states.html (дата обращения 03.05.2024)

Transformation of Russia's international positions due to the development of relations with the People's Republic of China

Rozhkov I,O.
Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the impact of strengthening relations between the Russian Federation and the People's Republic of China in political, economic, strategic, social and infrastructural terms on the current situation in Russia and the country's prospects in the context of the formation of a new world order. Both countries actively support the multipolar approach and the change in the centralization of international relations around Western states. The author argues that the Russian Federation receives broad opportunities from strengthening cooperation with the People's Republic of China, which is due to the significant economic and political role of both states, as well as mutual support on most conceptual and fundamental political issues. At the same time, against the background of the development of these relations, the Russian Federation needs to consolidate its sovereignty in various plans to prevent dependence on China. This requires support for local production, education, research and development, as well as other areas that provide a difficult-to-reproduce competitive advantage and uniqueness of the state.

Keywords: international relations, Russian Chinese cooperation, multipolarity, sovereignty, international organizations.

References

1. Drobinin A.Yu. The Image of a Multipolar World // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. No. 2. Pp. 54–62.
2. Meeting of the Valdai International Discussion Club // President of Russia, 2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69695 (accessed on 10.02.2024)
3. Results of the Eighth International Conference “Russia and China: Cooperation in a New Era. Global Governance in the Era of Global Change” // RIAC, 2023. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Conference-Report-RUCN2023-ru.pdf (accessed on 10.05.2024)
4. Karaganov S.A. We are witnessing the emergence of a new world at the moment of its creation // Rossiyskaya Gazeta, 2022. URL: https://rg.ru/2022/10/26/osypavshijsia-mir-uroki-na-budushchee.html (date of access 10.02.2024)
5. Kortunov AV Why the world is not becoming multipolar // RIAC, 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/ (date of access 10.02.2024)
6. Naumkin VV The non-West model: does a state-civilization exist? // Polis: Political Studies. 2020. No. 4. pp. 78–93.
7. Naumkin VV, Kuznetsov VA Deja Vu: Medieval Motifs in Modern Arab Political Life // Bulletin of MGIMO University. 2019. No. 4. Pp. 38–53.
8. Putin Named the Pros of the New Multipolar World Order // Lenta.ru, 2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/07/24/mnogopolyar/ (date accessed 10.02.2024)
9. Russian-Chinese Dialogue. Model 2023. – M., NP RSMD, 2023. – P. 4.
10. Snegireva N.V.: Eurasian integration in a multipolar world // RANEPA, 2023. URL: https://stav.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=862972&utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (date of access 10.02.2024)
11. Timofeev I.N. Asynchronous Multipolarity: Control Parameters and Development Vectors // Valdai International Discussion Club, 2023. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/asinkhronnaya-mnogopolyarnost/ (accessed 10.02.2024)
12. Fenenko A.V. What is needed for multipolarity? // RIAC, 2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-nuzhno-dlya-mnogopolyarnosti/ (date of access 10.02.2024)
13. List of HCoC Subscribing States // Hague Code of Conduct, 2024. URL: https://www.hcoc.at/subscribing-states/list-of-hcoc-subscribing-states.html (date of access 03.05.2024)

Формы интеграции в современном миропорядке

Рожков Илья Олегович
аспирант, Московской государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье проводится попытка анализа наиболее актуальных форм и методов политической интеграции, актуальных для формирования многополярного мира в последние годы. Особенное внимание уделяется формам интеграции на постсоветском пространстве. Рассматриваются подходы отечественных исследователей к тому, какие именно тенденции доминируют в развитии современной системы международных отношений, а также приводится тезис о том, что наиболее актуальными формами интеграции являются региональные объединения, которые учитывают особенности повестки и политической ситуации, а также обладают большей гибкостью по сравнению с глобальными организациями. В условиях многополярного мира особенное внимание уделяется охране суверенитета государства и невмешательству во внутренние дела, поэтому более глубокие формы интеграции, на взгляд автора, будут менее востребованы в ближайшие десятилетия при условии последовательного и оперативного внедрения принципов многополярного мира в практику международных отношений, так как возникнет необходимость в обеспечении большей самостоятельности государств для обеспечения самореализации всех народов, их экономической, политической и социальной конкурентоспособности.

Ключевые слова: международные отношения, интеграция, региональные организации, многополярный мир, суверенитет.

Введение. Государства в различные периоды своей истории стремились как к интеграции с другими государствами для достижения взаимовыгодных целей, обеспечения защиты своих интересов и использования экономического потенциала друг друга, так и стремились к укреплению своей самостоятельности и независимости. Современный миропорядок характеризуется сложностью и повышением взаимозависимости между государствами в результате производственной специализации, в связи с чем формы и методы интеграции характеризуются широким разнообразием.

Методы. При подготовке работы были использованы такие методы, как абстрактно-логический, сравнительный анализ, исторический анализ. Основным подходом является системный, так как он позволяет воспринимать миропорядок как систему, элементы которой находятся в сложных отношениях взаимозависимости.

Результаты. Формы политической интеграции характеризуются широким разнообразием. Они могут условно разделяться на внутригосударственные и межгосударственные. Межгосударственные формы политической интеграции по критерию применения наднационального механизма разделяются на мягкие и структурные. Мягкая интеграция осуществляется в соответствии со следующими формами: зона свободной торговли, общая политика, общий рынок, общая валютная система, экономический союз. Как правило, такие формы являются условием для дальнейшей более глубокой интеграции. Структурная интеграция предполагает слияние национального и формирование единого наднационального в таких формах, как таможенный союз, единая политика, единое экономическое пространство, валютный союз, а также полная экономическая интеграция. К методам политической интеграции возможно отнести диалог, консультации, разработку нормативно-правовой базы, создание международных и региональных организаций, разработка общей политики в различных областях.

Как отмечают отечественные исследователи, прежде всего С.А. Ланцов [10] и Д.М. Попелышко [13], теоретические подходы по тематике интеграции, разработанные на основе европейского опыта, достаточно слабо применимы к интеграционным процессам в других регионах, к примеру, на постсоветском пространстве. Это обусловлено различными обстоятельствами: повышением напряженности в последние годы существования СССР, разнообразием культур, влиянием различных внешних сторон, разницей в экономическом и политическом положении.

Е.И. Пивовар выделяет ряд теоретических подходов, которые были разработаны в ходе изучения интегративных процессов после распада СССР [12]. Первый подход носит либеральный характер, кото-

рый предполагает ориентирование на экономическое и политическое сближение. Культурное единство провозглашалось как историческая реалия. Второй подход тяготеет к славянофильству и предполагает формирование в первую очередь единства по признаку принадлежности к славянской культуре. Этим объясняется, в частности, выраженное сближение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Третий подход основан на концепции «евразийства», сформулированного рядом философов во главе с А.Г. Дугиным. Исследователь подчеркивает значимость Российской Федерации в постсоветской интеграции и то, что она является сердцем «Евразийского острова» [7]. Отмечается и необходимость противостояния активному воздействию атлантистской геополитики.

С.Р. Абгарян предлагает другую классификацию концепций постсоветской интеграции [1]. Он выделяет три категории: глобалистские, регионалистские и субрегионалистские. Глобалистский подход к процессам интеграции предусматривает постепенную всестороннюю интеграцию как на региональном, так и на глобальном уровне с приоритетом надгосударственных структур, отмирание национального государства как формы организации власти, мультикультурность общества и т. д. Регионалистское и субрегионалисткое направление представлено наиболее проработанной концепцией евразийства. Эта концепция берет свое начало еще в XIX веке. Его основатели – Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий [14], Л. Люкс [11], Л.Н. Гумилев [6], В.И. Ильин, Я. Бромберг, Э. Хара-Даван, П.Н. Сувчинский, Л.П. Карсавин и т. д. На данном этапе следует говорить о неоевразийстве как о достаточно распространенном и широко используемом исследователями подходе к объяснению важности интеграции как инструмента противодействия другим цивилизациям, в первую очередь – странам Северной Америки и Западной Европы.

О.В. Буторина выделяет следующие признаки региональной интеграции:

- Объединение государств в интеграционную группировку порождает новое качество, которое было бы невозможно получить на индивидуальной основе;
- Образованное объединение государств выделяется из остального мира и обособляется от него;
- Объединение носит добровольный и партнерский характер;
- Интеграция распространяется на различные области внешней и внутренней политики стран-участниц;
- Участники воспринимают общность исторической судьбы и будущего [4].

Приведенные аспекты показывают, что процессы глобализации имеют объединяющее и разъединяющее начало. Имеется в виду то, что глобализация способствуют как усилению взаимосвязей и взаимозависимости между государствами, так и разделению на отдельные иерархизированные группы. В подобных условиях движущей силой интеграции является желание ее участников попасть в лучшую группу, чем та, к которой они принадлежали бы без процесса интеграции. Таким образом, О.В. Буторина делает вывод, что региональная интеграция – это «модель сознательного и активного участия группы стран в процессе стратификации мира, обусловленной глобализацией» [3].

А.Н. Тимофеева в своей публикации отмечает тенденцию к формированию «нового реализма» [15], который проявляется в реакции государств на внешние угрозы и стратегическом планировании своих действий на 30–50 лет вперед для обеспечения устойчивости государства и снижения подверженности стихийным факторам и глобальной турбулентности. В.В. Зубов в своем исследовании обратил внимание на то, что в рамках политического реализма предусматривается рациональный выбор из наименее худших альтернатив, и поэтому в политической жизни достаточно часто имеют место ситуации, которые не соответствуют общественным представлениям о морали и нравственности [8]. В связи с этим закрытие границ и ограничение некоторых прав граждан считается достаточно справедливой мерой, которая направлена на предупреждение гораздо более серьезных проблем.

В.Н. Конышев, анализируя положение неоклассического реализма в современной теории международных отношений, отмечает его востребованность в условиях «глобального отката к государствоцентричной политике» [9]. Неоклассический реализм в то же время отличается от привычных представлений о политике великих держав и мироустроительном балансе тем, что в нем учитывается и «нетипичное» поведение влиятельных стран и стран периферии, направленное на отказ от политики балансирования. Кроме того, в рамках этого подхода допускается нерациональное поведение государств, которое может также приводить к ошибкам и негативным последствиям. В связи с этим большое внимание представители этого направления (например, Р. Швеллер) уделяют субъективной стороне принятия решений в лице политиков и элит, которые определяют тренды политического поведения [16]. Пандемия хорошо показала, что именно государства остаются основным драйвером реакции на глобальные угрозы, и они предпочитают действовать именно в своих интересах, и лишь потом браться за решение всеобщих проблем, при этом по-прежнему не забывая о своих экономических и политических интересах. Это достаточно ярко показала ситуация с распространением и утверждением вакцин, которая не имела ничего общего с оказанием качественной медицинской помощи и защитой от новой коронавирусной инфекции: ряд государств усмотрел в этом не только угрозу своим экономическим интересам, но и безопасности, что привело к сокращению разнообразия предложения вакцин [2, 5]. В качестве примера возможно привести запрет на использование в ЕС вакцины AstraZeneca, которая несла риски развития тромбозов.

2020-е гг. также охарактеризовались стремлением к формированию многополярного мира, что обусловлено повышением экономической и полити-

ческой роли многих государств Евразии и других регионов. В связи с этим одним из наиболее актуальных вопросов стал переход от однополярной системы во главе с Соединенными Штатами Америки к многополярной системе без единого лидера. На взгляд автора, формирование системы из нескольких лидирующих государств приведет к следующим последствиям. Организация Объединенных Наций, несмотря на последние действия США, сохранит свою значимость как важнейший институт международных отношений, но подвергнется существенной трансформации для обеспечения учета позиций всех государств, а не только важнейших. Вторым следствием станет выраженная регионализация системы международных отношений и сосредоточение политической активности вокруг региональных лидеров, что приведет к усилению роли и значимости региональных организаций. Они характеризуются большей гибкостью и адаптацией к проблематике конкретных групп стран. при этом важнейшим вопросом станет соблюдение норм международного права в деятельности региональных международных организаций. Третьим следствием станет повышение самостоятельности и независимости государств, так как одним из принципов многополярного мира является равенство государств и обеспечение их представленности в системе международных отношений. В связи с этим наиболее актуальными формами политической интеграции станут мягкие формы, которые позволят развить суверенитет государств-участников.

Литература

1. Абгарян С. Р. Понятие «интеграция» в политической науке //Общество. Коммуникация. Образование. – 2011. – Т. 3. – №. 131. – С. 13-16.
2. Арсентьева И. И. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19 //Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15. – №. 5. – С. 182-207.
3. Буторина О. В. Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике. 2007. № 5.
4. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13)
5. Власова К. В., Тимченко В. А. Вакцинная дипломатия как новая сфера межгосударственного соперничества //Общество. Наука. Инновации (НПК-2022). – 2022. – С. 971-980.
6. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. - № 3. - С. 19-34.
7. Дугин А. Г. Основы геополитики. – М, 1997. – Т. 8.
8. Зубов В. В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – №. 1. – С. 100-107.
9. Конышев В. Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений //Polis: Journal of Political Studies. – 2020. – №. 4.
10. Ланцов С.А. Теоретические концепции международной интеграции и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2013. - №2.
11. Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. - М., 1996. - № 3. - С. 59.
12. Пивовар Е. И., Гущин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век новые горизонты изучения //Новый исторический вестник. – 2013. – №. 36. – С. 43-55.
13. Попелышко Д.М. Концепции политической интеграции на постсоветском пространстве // Thesaurus. – 2015.
14. Савицкий П.Н., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В., Сувчинский П.П. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. - София, 1921.
15. Тимофеева Л. Н. Россия и мир в условиях политической пандемии //Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18. – №. 2. – С. 125-141.
16. Schweller R. L. Unanswered threats: A neoclassical realist theory of underbalancing //The Realism Reader. – Routledge, 2014. – С. 265-271.

Forms of integration in the modern world order

Rozhkov I.O.

Lomonosov Moscow State University

The article attempts to analyze the most relevant forms and methods of political integration that have been relevant for the formation of a multipolar world in recent years. Particular attention is paid to forms of integration in the post-Soviet space. It examines the approaches of domestic researchers to the trends that dominate in the development of the modern system of international relations and presents the thesis that the most relevant forms of integration are regional associations that consider the specifics of the agenda and political situation and are also more flexible than global organizations. In a multipolar world, special attention is paid to protecting the sovereignty of the state and non-interference in internal affairs, therefore, in the author's opinion, deeper forms of integration will be less in demand in the coming decades, provided that the principles of a multipolar world are consistently and promptly implemented in the practice of international relations, since there will be a need to ensure greater independence of states to ensure self-realization of all peoples, their economic, political and social competitiveness.

Keywords: international relations, integration, regional organizations, multipolar world, sovereignty.

References

1. Abgaryan S. R. The concept of "integration" in political science // Society. Communication. Education. - 2011. - Vol. 3. - No. 131. - P. 13-16.
2. Arsentyeva I. I. Transformation of medical and vaccine diplomacy in the era of COVID-19 // Bulletin of MGIMO-University. - 2022. - Vol. 15. - No. 5. - P. 182-207.
3. Butorina O. V. Integration in funk style // Russia in global politics. 2007. No. 5.
4. Butorina O. V. The concept of regional integration: new approaches // Cosmopolis. 2005. No. 3 (13)
5. Vlasova K. V., Timchenko V. A. Vaccine diplomacy as a new sphere of interstate rivalry // Society. Science. Innovations (NPK-2022). - 2022. - P. 971-980.
6. Gumilyov L. N. Notes of the last Eurasian // Our heritage. 1991. - No. 3. - P. 19-34.
7. Dugin A. G. Fundamentals of geopolitics. - M, 1997. - T. 8.
8. Zubov V. V. German doctrine "Realpolitik" through the prism of modern world politics // Humanities. Bulletin of the Financial University. - 2022. - T. 12. - No. 1. – P. 100-107.
9. Konyshev V. N. Neoclassical realism in the theory of international relations // Polis: Journal of Political Studies. – 2020. – No. 4.
10. Lantsov S. A. Theoretical concepts of international integration and prospects for integration processes in the post-Soviet space // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. – 2013. - No. 2.
11. Lux L. Eurasianism and the conservative revolution. The temptation of anti-Westernism in Russia and Germany // Questions of Philosophy. - M., 1996. - No. 3. - P. 59.
12. Pivovar E. I., Gushchin A. V., Levchenkov A. S. Integration in the post-Soviet space: new century new horizons of study // New historical bulletin. – 2013. – No. 36. – P. 43-55.
13. Popelyshko D.M. Concepts of political integration in the post-Soviet space // Thesaurus. – 2015.
14. Savitsky P.N., Trubetskoy N.S., Florovsky G.V., Suvchinsky P.P. Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The assertion of the Eurasians. - Sofia, 1921.

Многовекторность внешней политики стран Центральной Азии: баланс интересов в условиях геополитической конкуренции

Саидов Бехруз Самадович
аспирант Дипломатической академии МИД России, Saidov.mts.tj@gmail.com

В статье рассматриваются ключевые направления и особенности многовекторной внешней политики стран Центральной Азии в условиях усиливающейся геополитической конкуренции и изменяющейся международной среды. Анализируется, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан выстраивают свои внешнеполитические стратегии, сочетая принцип прагматизм, сбалансированности и стратегической адаптивности для сохранения национального суверенитета и продвижения своих интересов.
Особое внимание уделено Концепции внешней политики Казахстана 2020-2030 годы, которая закрепила курс на динамичное участие в глобальных процессах при сохранении равновесия между крупными державами. Рассмотрена также Концепция внешней политики Кыргызской Республики 2019 года, отражающая стремление к независимому и сбалансированному развитию отношений с различными центрами силы. Политика открытых дверей представлена как фундамент внешнеполитического курса Таджикистана, позволяющий эффективно управлять сложными геополитическими реалиями и поддержать стабильность в регионе.
Статья демонстрирует, что многовекторосноть в современной внешней политике центральноазиатских государств становится не только средством обеспечения внешней независимости, но и важным фактором региональной стабильности и интеграции.
Ключевые слова: многовекторная внешняя политика, страны Центральной Азии, геополитическая конкуренция, стратегическое партнёрство, региональное сотрудничество, прагматизм, сбалансированность, Концепция внешней политики Казахстана, Концепция внешней политики Кыргызстана, политика открытых дверей, внешняя политика Таджикистана, внешняя политика Узбекистана, консультативные встречи глав государств Центральной Азии.

Введение

Благодаря своему географическому положению Центрально-Азиатский регион традиционно играл важную роль в геополитических и геоэкономических процессах Евразии [2]. С началом специальной военной операции России на Украине в 2022 году и формированием полицентричной модели мировой политики значимость региона резко возросла. Учитывая эти обстоятельства, постсоветские страны Центральной Азии выстраивают равноправные и взаимовыгодные отношения со всеми участниками международных отношений, и решительно придерживают нейтралитет по вопросу украинского кризиса и абстрагируются от участия в проистекающих тенденциях в Восточной Европе, что продиктовано их стремлением не ухудшать отношения ни с Россией, ни с коллективным Западом, а также придерживаться многовекторности во внешней политики. Данный регион важен и России, и Китаю, с точки зрения геополитических и геоэкономических измерений. В связи с этим, страны региона прилагают усилия использовать это преимущество и играть более значимую роль.

Принимая во внимание эти нюансы, в данной статье анализируются внешнеполитические стратегии Центрально-Азиатских государств, особенно их многовекторность, которая способствует их эффективному реагированию и адаптированию к текущим геополитическим реалиям, в первую очередь, в выстраивания отношений с такими ключевыми игроками в регионе, как Россия и Китай.

Многовекторная прагматика и стратегическая адаптивность: внешняя политика Казахстана в контексте Концепции 2020-2030 годов

Внешняя политика Казахстана, изложена в Концепции внешней политики Республики Казахстан на период 2020-2030 годов [23]. В соответствии с данным стратегическим внешнеполитическим документом, Казахстан проводит многовекторную, прагматичную и активную внешнюю политику, в основе которого лежат принципы преемственности и открытости, обеспечивающие государству эффективно адаптироваться к быстроменяющемуся геополитическому ландшафту [23].

Концепция подчеркивает важность укрепления регионального сотрудничества, особенно в пространстве Центральной Азии. Поэтому Казахстан стремится активно участвовать и влиять на принятие решений касающиеся региональной проблематики, особенно в рамках саммита глав государств Центральной Азии, продвижению инициативы Евразийского экономического союза и Организации

Договора о коллективной безопасности, ядром которых выступает Россия, Шанхайской организации сотрудничества и инициативы «Пояс и путь» стержнем которых является Китай [10]. Одновременно Казахстан укрепляет контакты с атлантическим миром, что демонстрирует стремление Астаны придерживаться баланса и равновесия в выстраивании взаимоотношений с глобальными игроками, и старается избегать чрезмерной зависимости от какого-либо центра и диверсификации международного сотрудничества [8].

С приходом к власти Касым-Жомарт Кемелевич Токаева во внешней политики Казахстана произошли некоторые изменения, однако ее фундаментальные принципы – многовекторность, прагматизм и акцент на экономическое развитие – сохранились без изменений [11]. Тем не менее, внешняя политика стала активной и гибкой, с усиленным вниманием на региональное взаимодействие, сбалансированностью в партнерских отношениях и более решительным на внешние воздействия. Особое внимание сосредоточено на экономической интеграции и совместных усилиях по решению вопросов безопасности, что свидетельствует отход от прежней относительной пассивности региональной политики времен Нурсултана Назарбаева [3]. Вместе с тем, важным элементом внешней политики Казахстана при Касым-Жомарт Токаеве стало развитие и расширение международных контактов. Так, несмотря на то что отношения с Россией являются приоритетными, заметно увеличилось количество точек соприкосновения с западными миром. В частности, Казахстан активно укрепляет сотрудничество с Европейском союзом в рамках Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве [14]. Одновременно Астана развивает и наращивает контакты с Анкарой, которая в последние годы превратилась в важного торгового и инвестиционного союзника в контексте Организации тюркских государств [1]. Китай также занимает особое место во внешней политики Казахстана, прежде всего, в контексте инициативы «Пояс и путь», которая ориентирована на развитие транспортной инфраструктуры и энергетического сотрудничества [19]. Данные действия обусловлены стремлением Астаны снизить зависимость от одного центра, поэтому он старается придерживаться баланса и равновесия при взаимодействии с такими ведущими мировыми игроками, как Россия и Китай, параллельно развивая отношения с Западом и другими региональными игроками.

Таким образом, внешняя политика Казахстана в период президенства Касыма Токаева приобрела инициативную, динамичную и адаптированную направленность, с усилением регионального сотрудничества, диверсификацией внешних контактов и более решительной при принятиях решений по острым вопросам.

Внешнеполитическая концепция Кыргызстана 2019 года: прагматизм, сбалансированность и многовекторность

Внешняя политика Кыргызстана, изложенная во внешнеполитической Концепции страны от 11 марта 2019 года, базируется на принципах прагматизма, сбалансированности, многовекторности, а также последовательности [22].

Прагматизм как основной принцип внешнеполитической стратегии Кыргызстана направлен на создание международной среды для достижения ключевых целей и задач по улучшению имиджа и развития страны. Ярким примером является привлечение китайских инвестиций в рамках инициативы «Пояс и путь», ориентированной на улучшение инфраструктуры и модернизации экономики, а также получение помощи от Международного валютного фонда и Всемирного банка для реализации структурных реформ [21]. Как результат, этот прагматичный внешнеполитический подход превращается в сбалансированный, избегая чрезмерной зависимости от одного центра. Поэтому страна осуществляет взаимодействие с такими глобальными и региональными игроками, как Россия – в рамках Евразийского экономического союза и Организация Договора о коллективной безопасности, США – через программы по безопасности и демократизации, Китай – посредством экономических и инвестиционных инициатив и Турция – на площадке Организации тюркских государств, что дает Бишкеку провести взвешенную внешнюю политику. Сбалансированная внешняя политика логично перерастает в многовекторную. В частности, Бишкек взаимодействует как с западом, так и с мусульманским миром, подписывая с ними торговые соглашения, участвуя в международных форумах, тем самым минимизируя риски, связанные быть зависимым от одного игрока [10].

Стоит отметить, что как Китай, так и Россия занимают значимое место во внешней политики Кыргызстана. Взаимодействие с Москвой в рамках ЕАЭС и Пекином по линии инициативы «Пояс и путь» играют большое значение для экономического развития страны. Тем не менее, Кыргызстан умело поддерживает баланс в этих отношениях [4].

Таким образом, придерживаясь изложенных принципов в стратегическом внешнеполитическом документе, Бишкек искусно избегает зависимости и сохраняет инструменты гибкого маневрирования в сложном трансформационном периоде мировой политической системы. В условиях растущей конкуренции за влияние в Центральной Азии, такая стратегия позволяет стране не только защищать свои национальные интересы, но и активно и уравновешенно участвовать в региональные и глобальные проекты и инициативы центробежных сил.

Политика открытых дверей как основа внешней политики Таджикистана

В условиях сложной геополитической обстановки, Таджикистан последовательно развивает политику открытых дверей, которая легла в основу его внешнеполитического курса. Этот подход заключается в непредвзятом и уравновешенном развитии отношений со всеми государствами и международными структурами. Такая многовекторность позволяет стране сохранять суверенитет, минимизировать риски и устанавливать взаимовыгодными со-

трудничества с различными центрами силы. Основные принципы этой политики были официально закреплены в Концепции внешней политики Республики Таджикистан, утвержденной Указом Президента 27 января 2015 года, где подчеркиваются важность мирного сосуществования, развитие многостороннего диалога и равноправное партнерство со всеми государствами, независимо от их уровня развития и политических систем [24].

Таджикистан находится в зоне пересечения интересов крупных игроков – России, Китая, США и Иран, а также граничит с Афганистаном, что делает особенно важным стратегический баланс в отношениях с внешними партнёрами. Политика открытых дверей дает возможность Таджикистану обеспечить безопасность посредством сотрудничества с ОДКБ и России, развивать экономику за счет инвестиций и проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», а также поддерживать нейтралитет, избегая участия в противостояниях между внешними игроками [12].

Важное значение имеет и взаимодействие с соседями по Центральной Азии – Узбекистаном и Кыргызстаном. После долгих периодов напряженности Таджикистану удалось достичь прогресса в разрешении спорных приграничных вопросов, восстановления транспортного сообщения и развитии торгово-экономических контактов, что стало возможным благодаря политики открытых дверей и стремлению к региональному согласию.

Экономическая составляющая политики открытых дверей также играет важную роль в развитии страны. Несмотря на ограниченные возможности внутренней экономики, Таджикистан активно привлекает иностранные инвестиции, участвует в международных программах развития и сотрудничает с такими организациями, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Эти структуры поддерживают программы по модернизации энергетики, водоснабжения, дорог и сельского хозяйства, способствуя социально-экономическому развитию страны. При этом Таджикистан старается избегать условий, которые могли бы ограничить его суверенитет или создавать зависимость от одного источника финансирования.

Кроме того, Таджикистан активно участвует в работе таких международных организаций, как ООН, ШОС, ОДКБ, СНГ и ОИС, что позволяет ему укреплять свои позиции на глобальной арене и выступать с инициативами, направленными на устойчивое развитие и безопасность. Не менее значимым является участие страны в консультативных встречах глав государств стран Центральной Азии, начиная с первой встречи в Ташкенте в марте 2018 года. Этим саммиты стали площадкой для обсуждения актуальных вопросов регионального характера – от экологии и водно-энергетических проблем до транспортной и продовольственной безопасности, что свидетельствует о готовности Таджикистана к конструктивному диалогу и совместному решению общих задача [18].

Таким образом, политика открытых дверей – это не просто внешнеполитическая стратегия, а жизненно важный механизм развития Таджикистана в условиях сложной международной среды. Она позволяет стране сохранить независимость и суверенитет, эффективно реагировать на геополитические вызовы, развивать экономику посредством сотрудничества, укреплять доверие в регионе и участвовать в глобальных процессах на равноправной основе. Продолжение этой политики будет играть ключевую роль в обеспечении устойчивого развития, безопасности и интеграции Таджикистана в мировое сообщество.

Многовекторная внешняя политика Узбекистана: региональное сотрудничество и стратегическое партнёрство

Внешняя политика Узбекистана представляет собой сбалансированную стратегию, важным направлением которой считается формирование системы стратегического партнёрства с ведущими государствами и международными организациями [7]. С приходом к власти в 2016 году президента Шавката Мирзиёева внешнеполитическая ориентация страны приобрела новый импульс, направленный на укрепление регионального сотрудничества [26].

Главным приоритетом внешней политики Узбекистана был установлен центрально-азиатский вектор. Так, например, в 2017 году глава страны Шавкат Мирзиёев объявил о реализации принципа «Центральная Азия - главный приоритет внешней политики Узбекистана» [16]. Это стало отправной точкой для активизации диалога с соседними странами. Основной акцент в этом направлении был сделан на поддержание стабильности, продвижение транспортно-транзитной инфраструктуры, а также рациональное использование природных ресурсов региона и решение спорных вопросов относительно государственных границ. Вследствие этого, за последние несколько лет были достигнуты значительные результаты: подписаны сотни соглашений, решены приграничные проблематики, активизированы транспортные коридоры и были налажены торгово-экономические сотрудничества со странами региона [9].

Важным инструментом укрепления регионального взаимодействия стали консультативные встречи лидеров стран Центральной Азии, инициированные Узбекистаном. На этих саммитах обсуждаются вопросы безопасности, транспортной инфраструктуры, энергетики и управления водными ресурсами. Например, на встрече 2019 года в Ташкенте были предложены конкретные меры по развитию транспортно-логистического потенциала региона, в том числе использование Трансафганского коридора и железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Эти проекты направлены на расширение коммуникационных возможностей и интеграцию региона в глобальную экономику [10].

Узбекистан поддерживает сбалансированные и взаимовыгодные отношения как с Россией, так и с Китаем, что является ключевой частью его многовекторной внешнеполитической стратегии. Китай

также занимает важное место во внешней политике Узбекистана. Ташкент стремиться углублять сотрудничество с Пекином, особенно в рамках инициативы «Пояс и путь», которая открывает новые возможности для развития транспортных коридоров и увеличению товарооборота с внешним миров [15]. Так, в 2019 году на втором форуме «Пояс и путь» руководство Узбекистана выдвинули ряд инициатив, направленных на углубление сотрудничества с Китаем в области транспорта, энергетики и цифровых технологий. Одним из ключевых проектов является строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан, которая, как ожидается, значительно повысит транзитный потенциал региона [20].

Россия остается одним из ключевых стратегических партнеров Узбекистана. Двусторонние отношения стратегического партнёрства и взаимодействие динамично углубляются и укрепляются. Расширяются объем сотрудничества в экономической, инвестиционной, научной, энергетической и гуманитарной сферах. Успешно осуществляются ряд важных инициатив в приоритетных областях, в частности, российские эксперты по атомной энергетике приступили к подготовительным работам по созданию первой в центрально-азиатском регионе атомной электростанции в Узбекистане. Более того, Узбекистан на сегодняшний момент является наблюдателем в Евразийском экономическом союзе, и, вероятно, всего в ближайшем будущем станет полноправным членом этого регионального интеграционного экономического объединения [2].

Таким образом, придерживаясь этому внешнеполитическому курсу, Ташкент активно развивает доверительные отношения и выстраивает сбалансированные партнёрские сотрудничества с Москвой и Пекином. Этот курс содействует созданию позитивного имиджа страны и стремительно интегрирует ее в глобальную экономику. Узбекистан, используя многовекторный подход, успешно сочетает сотрудничество с крупными державами и региональными игроками, что позволяет ему укреплять суверенитет и повышать свой международный авторитет. Кроме того, активное участие в таких проектах, как железнодорожная линия Китай-Кыргызстан-Узбекистан, демонстрирует готовность страны к реализации масштабных инфраструктурных инициатив, способствующих экономическому развитию не только Узбекистана, но и всего Центрально-Азиатского региона.

Консультативные встречи глав государств Центральной Азии: инициатива Узбекистана и ее значение для регионального сотрудничества

Консультативные встречи глав государств Центральной Азии, инициированные Узбекистаном, стали ключевыми механизмом для укрепления регионального сотрудничества. Они ориентированы на формирование благоприятных политических условий и создание доверительных отношений между Центрально-Азиатскими странами [13].

Центральными темами в рамках Саммитов являются совместное предупреждение современным вызовам и угрозам (терроризм, экстремизм, наркотрафик), развитие транспортных коридоров, стимулирование и углубление торгово-экономического взаимодействия, рациональное и эффективное использование водных ресурсов и т.п.

Первая встреча, которая прошла 2018 году в Казахстане главы государств Центральной Азии акцентировали внимание на важность коллективных мер по борьбе с текущим вызовами и угрозами безопасности [25], в рамках второй встречи в Узбекистане в 2019 году приоритетной темой стало развитие транспортных коридоров и были предложены инициативы по разработке Трансафганского коридора и железной дороги Узбекистан-Кыргызстан-Китай, признанные укрепить региональные контакты и открыть новые возможности для налаживания торгово-экономических связей. Также в ходе данной встречи была озвучена идея по запуску платформы «Центральная Азия: Одно прошлое, общее будущее», призванной содействовать культурному обмену и укреплению дружественных связей между народами [5]. На третьем саммите в Туркменистане в 2021 году ключевыми темами обсуждения стали энергетическая безопасность и развитие транспортных маршрутов – были предложены новации по активизации использования каспийских портов и ускорению строительства железнодорожной линии Узбекистан-Кыргызстан-Китай [6].

Эти форматы способствуют снижению напряженности, укреплению доверия и превращения границ в «мост дружбы». Они не только укрепляют практические взаимодействия, но и формируют устойчивую повестку для долгосрочного развития региона.

Заключение

Подводя итог, целесообразно отметить, что консультативные встречи глав государств Центральной Азии имеют ключевое значение и способствуют формированию нового положительного имиджа региона, как пространства стабильности и устойчивого развития. Постоянный и устойчивый диалог на таком высшем уровне позволяет странам региона выступать сплоченно на международной арене, повышая свою роль в глобальной политике и экономике. Они являются важным шагом на пути в построении конструктивного, политического и экономического взаимодействия и отвечают интересам всех Центрально-Азиатских государств. Вместе с тем, проводя многовекторную политику страны Центрально-азиатского региона стремятся маневрировать между крупными игроками и тем самым не стать зависимыми от кого-либо центра. Однако балансирование между интересами крупных держав и придерживание нейтралитета в каких-либо вопросах, требует от стран региона значительных дипломатических усилий, гибкого реагирования на изменения в глобальной политической и экономической конъюнктуре.

Литература

1. Аватков В. А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно– ценностной картине мировой

политики: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 176 с.

2. Барский К. М. Дипломатия стран Востока и Юга в условиях трансформации системы международных отношений: Учебник для вузов / К. М. Барский. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2024 – 408 с.

3. Бобо Ло. Российская политика в Центральной Азии // Central Asian Analytical Network. – URL: https://www.caa-network.org/archives/2690 (дата обращения: 25.03.2025).

4. Бобров А. К. Внешняя политика России. Концептуальные основы: Монография / А. К. Бобров. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. – 256 с.

5. В Ташкенте состоялась вторая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 28 ноября 2019 г.// Информационный портал СНГ. [Электронный ресурс]. – URL: https://cis.minsk.by/news/12592/v-taskente-sostoalas-vtoraa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii (дата обращения: 20.03.2025).

6. В Туркменистане прошла Консультативная встреча Глав государств Центральной Азии. 6 августа 2021 г. // Информационный портал СНГ. [Электронный ресурс]. – URL: https://cis.minsk.by/news/19904/v_turkmenistane_proshla_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii (дата обращения: 20.03.2025).

7. Внешняя политика Республики Узбекистан // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://gov.uz/ru/mfa/sections/view/14455 (дата обращения: 20.03.2025).

8. Гаджиев К.С. Великая трансформация через призму осевого времени / К.С.Гаджиев. – Москва: Международные отношения, 2021. – 680 с.

9. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым? 30 декабря 2019 г. // Xs.uz. [Электронный ресурс]. – URL: https://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhov-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym (дата обращения: 20.03.2025).

10. Курылев К. П. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: Монография / Под ред. К. П. Курылева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 312 с.

11. Кусаинова Индира. С приходом Токаева многовекторность внешней политики Казахстана стала ощущаться более четко – политолог. 16 мая 2023 г. // Inbusiness.kz. [Электронный ресурс]. – URL: https://inbusiness.kz/ru/news/tokaev-prezident-kotoryj-dumaet-o-polozhenii-strany-v-mire-vostokoved-avrutina (дата обращения: 20.03.2025).

12. Лукин А. В., Якунин В. И. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред. А. В. Лукина и В. И. Якунина. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 416 с.

13. Насиров Анвар. Центральноазиатский дух – дух созидания и развития // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://turkmenistan.mfa.uz/news/16910 (дата обращения: 20.03.2025).

14. Новый Казахстан: Президент Токаев и внешняя политика. 9 мая 2022 г. // Ankasam. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ankasam.org/anka-analizler/новый-казахстан-президент-токаев-и-вн/?lang=ru (дата обращения: 20.03.2025).

15. Подписаны важные документы, направленные на укрепление узбекско–китайских отношений всестороннего стратегического партнерства и углубление практического сотрудничества // Официальный веб–сайт Президента Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/6345 (дата обращения: 20.03.2025).

16. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 22 декабря 2017 г. // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/1371 (дата обращения: 20.03.2025).

17. Посланник должен быть мудрым…. Дню работников дипломатической службы Таджикистана посвящается. 29 сентября 2020 г. // Ховар.[Электронный ресурс]. – URL: https://khovar.tj/rus/2020/09/poslannik-dolzhen-byt-mudrym-dnyu-rabotnikov-diplomaticheskoj-sluzhby-tadzhikistana-posvyashhaetsya/ (дата обращения: 20.03.2025).

18. Ризоён Ш. Ш. Суверенные государства Центральной Азии и перспективы будущего развития // Сиёсати хориҷӣ. – Душанбе: МИД Республики Таджикистан №1, 2012. – С. 165–170.

19. Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Казахстана. 19 мая 2023 г. // Официальный портал инициативы «Пояс и путь». [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/319169.html. (дата обращения: 20.03.2025).

20. Состоялась торжественная церемония начала строительства железнодорожной магистрали «Китай–Кыргызстан–Узбекистан». 27 декабря 2024 г. // Портал правительства Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://gov.uz/ru/news/view/31576 (дата обращения: 20.03.2025).

21. Сянь Хаоян. Кыргызстан: «Пояс и путь» – главный источник совместных проектов. 23 июня 2023 г. // Комсомольская правда Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kp.kz/online/news/5328754/ (дата обращения: 20.03.2025).

22. Указ Президента Кыргызской Республики «О Концепции внешней политики Кыргызской Республики» № 37 от 11.03.2019 г. № 37// Министерство юстиции Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru (дата обращения: 20.03.2025).

23. Указ Президента Республики Казахстан «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» от 9.03.2020 г. №280 //

Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL:https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 20.03.2025).

24. Указ Президента Республики Таджикистан «О Концепции внешней политики Республики Таджикистан» от 27.01.2015 г. № 332 года // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan (дата обращения: 20.03.2025).

25. Урозов Абу Бакир. Первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 15 марта 2018 // Uza.uz. [Электронный ресурс]. – URL: https://uza.uz/ru/posts/pervaya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-15-03-2018 (дата обращения: 20.03.2025).

26. Уткир Алимов. Узбекистан: активная внешняя политика и региональное сотрудничество. 7 октября 2024 // Uza.uz. [Электронный ресурс]. – URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-aktivnaya-vneshnyaya-politika-i-regionalnoe-sotrudnichestvo_642880 (дата обращения: 20.03.2025).

Multi-vector foreign policy of Central Asian countries: balance of interests in the context of geopolitical competition

Saidov B.S.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article considers the key directions and features of the multi-vector foreign policy of the Central Asian countries under the conditions of increasing geopolitical competition and changing international environment. It analyses how Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan build their foreign policy strategies combining the principle of pragmatism, balance and strategic adaptability to preserve national sovereignty and promote their interests.

Particular attention is paid to the Concept of Foreign Policy of Kazakhstan 2020-2030, which consolidated the course for dynamic participation in global processes while maintaining a balance between major powers. The Foreign Policy Concept of the Kyrgyz Republic 2019, which reflects the aspiration for independent and balanced development of relations with various centres of power, is also considered. The Open-Door Policy is presented as the foundation of Tajikistan's foreign policy course, which allows effectively managing complex geopolitical realities and maintaining stability in the region.

The article demonstrates that multi-vectorism in the modern foreign policy of Central Asian states is becoming not only a means of ensuring external independence, but also an important factor of regional stability and integration.

Keywords: multi-vector foreign policy, Central Asian countries, geopolitical competition, strategic partnership, regional cooperation, pragmatism, balance, Concept of Foreign Policy of Kazakhstan, Concept of Foreign Policy of Kyrgyzstan, open door policy, foreign policy of Tajikistan, foreign policy of Uzbekistan, consultative meetings of the heads of Central Asian states.

References

1. Avatkov V.A. Russia, Turkey and the Post-Soviet East in the Ideological and Value-Based Picture of World Politics: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2023. – 176 p.
2. Barsky K.M. Diplomacy of Eastern and Southern Countries in the Context of Transformation of the International Relations System: University Textbook / K.M. Barsky. – Moscow: Aspect Press Publishing, 2024. – 408 p.
3. Bobo Lo. Russian Policy in Central Asia // Central Asian Analytical Network. – URL: https://www.caa-network.org/archives/2690 (accessed: 25.03.2025).
4. Bobrov A.K. Foreign Policy of Russia. Conceptual Foundations: Monograph / A.K. Bobrov. – Moscow: Aspect Press Publishing, 2025. – 256 p.
5. The Second Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States Took Place in Tashkent. November 28, 2019 // CIS Information Portal. [Electronic Resource]. – URL: https://cis.minsk.by/news/12592/v-taskente-sostoalas-vtoraa-konsultativnaa-vstreca-glav-gosudarstv-centralnoj-azii (accessed: 20.03.2025).
6. The Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States Took Place in Turkmenistan. August 6, 2021 // CIS Information Portal. [Electronic Resource]. – URL:https://cis.minsk.by/news/19904/v_turkmenistane_proshla_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii (accessed: 20.03.2025).
7. Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. – URL: https://gov.uz/ru/mfa/sections/view/14455 (accessed: 20.03.2025).
8. Gadzhiev K.S. The Great Transformation Through the Lens of Axial Time / K.S. Gadzhiev. – Moscow: International Relations, 2021. – 680 p.
9. What Successes Has Uzbekistan Achieved in Foreign Policy Under Shavkat Mirziyev? December 30, 2019 // Xs.uz. [Electronic Resource]. – URL: https://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhov-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym (accessed: 20.03.2025).
10. Kurylev K.P. Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations: Monograph / Ed. by K.P. Kurylev. – Moscow: Aspect Press Publishing, 2024. – 312 p.
11. Kussainova Indira. With Tokayev's Coming to Power, Kazakhstan's Multivector Foreign Policy Became More Pronounced – Political Scientist. May 16, 2023 // Inbusiness.kz. [Electronic Resource]. – URL: https://inbusiness.kz/ru/news/tokaev-prezident-kotoryj-dumaet-o-polozhenii-strany-v-mire-vostokoved-avrutina (accessed: 20.03.2025).
12. Lukin A.V., Yakunin V.I. Eurasian Paths and Belts. National and International Development Projects in the Eurasian Space and Prospects for Their Integration / Ed. by A.V. Lukin and V.I. Yakunin. Moscow: Vse Mir Publishing House, 2019. – 416 p.
13. Nasyrov Anvar. The Central Asian Spirit Is a Spirit of Creation and Development // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. – URL: https://turkmenistan.mfa.uz/news/16910 (accessed: 20.03.2025).
14. New Kazakhstan: President Tokayev and Foreign Policy. May 9, 2022 // Ankasam. [Electronic Resource]. – URL: https://www.ankasam.org/anka-analizler/novyy-kazahstan-prezident-tokaev-i-vn/?lang=ru (accessed: 20.03.2025).
15. Important Documents Aimed at Strengthening Comprehensive Strategic Partnership Between Uzbekistan and China and Deepening Practical Cooperation Have Been Signed // Official Website of the President of the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/6345 (accessed: 20.03.2025).
16. Address by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyev to the Oliy Majlis. December 22, 2017 // Official Website of the President of the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/1371 (accessed: 20.03.2025).
17. The Envoy Must Be Wise... Dedicated to the Day of Diplomatic Service Workers of Tajikistan. September 29, 2020 // Khovar. [Electronic Resource]. – URL: https://khovar.tj/rus/2020/09/poslannik-dolzhen-byt-mudrym-dnyu-rabotnikov-diplomaticheskoj-sluzhby-tadzhikistana-posvyashhaetsya/ (accessed: 20.03.2025).
18. Rizoyon Sh.Sh. Sovereign States of Central Asia and Prospects for Future Development // Siyosati Khoriiji. – Dushanbe: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan No.1, 2012. – pp. 165–170.
19. Xi Jinping Held Talks with the President of Kazakhstan. May 19, 2023 // Official Portal of the Belt and Road Initiative. [Electronic Resource]. – URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/319169.html (accessed: 20.03.2025).
20. The Grand Ceremony Marking the Start of Construction of the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway Line Took Place. December 27, 2024 // Government Portal of the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. – URL: https://gov.uz/ru/news/view/31576 (accessed: 20.03.2025).
21. Xian Haoyang. Kyrgyzstan: Belt and Road – the Main Source of Joint Projects. June 23, 2023 // Kommersant Kazakhstan. [Electronic Resource]. – URL: https://www.kp.kz/online/news/5328754/ (accessed: 20.03.2025).
22. Decree of the President of the Kyrgyz Republic "On the Concept of the Foreign Policy of the Kyrgyz Republic" No. 37 dated March 11, 2019 // Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. [Electronic Resource]. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru (accessed: 20.03.2025).
23. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan "On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030" dated March 9, 2020 No. 280 // Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan. [Electronic Resource]. – URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed: 20.03.2025).
24. Decree of the President of the Republic of Tajikistan "On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan" dated January 27, 2015 No. 332 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. [Electronic Resource]. – URL: https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan (accessed: 20.03.2025).
25. Urazov Abu Bakir. The First Consultative Meeting of the Heads of Central Asian States. March 15, 2018 // Uza.uz. [Electronic Resource]. – URL: https://uza.uz/ru/posts/pervaya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-15-03-2018 (accessed: 20.03.2025).
26. Utkir Alimov. Uzbekistan: Active Foreign Policy and Regional Cooperation. October 7, 2024 // Uza.uz. [Electronic Resource]. – URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-aktivnaya-vneshnyaya-politika-i-regionalnoe-sotrudnichestvo_642880 (accessed: 20.03.2025).

Гибридные войны и их влияние на общественное сознание: олимпийские игры как арена международных отношений

Зверева Мария Олеговна
студент магистратуры, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1132236764@rudn.ru

Бистрина Мария Георгиева
к.п.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Статья посвящена анализу гибридных войн и их влияния на общественное сознание через призму Олимпийских игр как платформы международных отношений. Рассматриваются механизмы использования Олимпийских игр в качестве инструмента информационно-психологического воздействия, а также их роль в формировании национальной идентичности и международного имиджа государств. На основе анализа исторических примеров и современных кейсов выявляется, как спортивные события становятся ареной для гибридных конфликтов, включая пропаганду, кибератаки и санкционные меры. В заключение предлагаются рекомендации по минимизации негативного влияния гибридных войн на общественное сознание в контексте международных спортивных мероприятий.
Ключевые слова: гибридные войны, Олимпийские игры, политика, общественное сознание, политическое влияние, международные отношения, информационное воздействие.

Введение

Современные международные отношения характеризуются усложнением конфликтов, где традиционные военные действия уступают место гибридным войнам. Гибридные войны включают широкий спектр инструментов: экономические санкции, кибератаки, дезинформацию и культурное влияние, направленные на дестабилизацию общественного сознания и подрыв доверия к государственным институтам [11]. Одной из арен таких конфликтов становятся международные спортивные события, в частности Олимпийские игры, которые привлекают внимание миллионов людей по всему миру. Олимпийские игры, изначально задуманные как символ мира и единства, в XXI веке превратились в поле для политических манипуляций и информационных войн.

Цель данной статьи — исследовать, как Олимпийские игры используются в гибридных войнах и как это влияет на общественное сознание. Задачи исследования включают анализ исторических и современных примеров, изучение механизмов воздействия на аудиторию и выработку рекомендаций по снижению негативных последствий.

Материалы и методы

Исследование основано на качественном анализе вторичных данных, включая научные статьи, монографии, доклады международных организаций и материалы СМИ. Использован метод кейс-стади для изучения конкретных примеров Олимпийских игр (Москва-1980, Сочи-2014, Пхёнчхан-20218, Токио-2020 и т.д.). Также применён контент-анализ публикаций в СМИ и социальных сетях для оценки информационно-психологического воздействия. Данные собирались из открытых источников, включая базы данных JSTOR, Google Scholar и архивы Международного олимпийского комитета (МОК).

Литературный обзор

Понятие «гибридная война» впервые было введено Фрэнком Хоффманом, который описал её как комбинацию военных, экономических, информационных и дипломатических инструментов для достижения стратегических целей [11]. В контексте международных спортивных событий гибридные войны проявляются через санкции, бойкоты и дезинформационные кампании. Современные исследования подчёркивают роль Олимпийских игр в формировании национальной идентичности и международного имиджа. По мнению Билла [13], Олимпийские игры служат платформой для «мягкой силы», позволяя государствам продвигать свои ценности. Однако этот процесс часто сопровождается манипуляциями общественным сознанием. В условиях гибридной

войны информация играет роль оружия, а спортивные трансляции являются каналом для распространения пропаганды. Социальные сети используются для распространения фейковых новостей о спортсменах и странах-участниках, искажающих восприятие событий и наносящих ущерб репутации спортсменов. Примером этого является ситуация с российскими спортсменами на Олимпийских играх 2014 года, усугубленная скандалом с допингом, что привело к негативному восприятию России и ее атлетов на международной арене.

Спортивные события служат инструментом формирования общественного мнения, легитимизации власти и отвлечения от внутренних проблем. В условиях размытых границ между спортом и политикой, использование спорта в качестве средства пропаганды подчеркивает его роль в международной политике.

Кибератаки также стали неотъемлемой частью гибридных войн на Олимпийских играх. В 2018 году во время зимних игр в Пхёнчхане хакеры, предположительно связанные с государственными структурами, атаковали инфраструктуру МОК, что подорвало доверие к безопасности мероприятия [14].

Спорт и политика неразрывно связаны, несмотря на известное высказывание Пьера де Кубертена: «Спорт вне политики». Олимпийские игры с момента их возрождения в 1896 году служили площадкой для выражения национальной идентичности, гордости и достижений. Однако в последние десятилетия спорт всё чаще становится инструментом внешней политики, отражая сложные геополитические процессы.

Теодор Адорно рассматривал массовый спорт как явление с двойственной природой. С одной стороны, спорт несёт в себе эмансипационный потенциал, позволяя людям выражать себя и стремиться к свободе. С другой стороны, он может быть использован как инструмент контроля и дисциплины, создавая иллюзию свободы, но на деле подчиняя человека логике производства. Адорно утверждал, что спорт в современном обществе стал частью индустрии развлечений, где свобода оказывается фикцией, а времяпрепровождение — продолжением капиталистических отношений [1]. Сегодня спорт превратился в крупный бизнес, где спонсорство команд и мероприятий помогает компаниям укреплять бренды, а крупные соревнования, такие как Олимпийские игры или чемпионаты мира по футболу, привлекают туристов, создают рабочие места и стимулируют экономику регионов.

Государства активно используют спорт для укрепления своего имиджа на международной арене. Олимпийские игры становятся платформой для демонстрации мощи, единства и культурной идентичности. Например, Олимпийские игры 2008 года в Пекине стали для Китая способом подчеркнуть экономический рост и международное влияние. Китайское руководство акцентировало внимание на успехах своей сборной, что способствовало формированию позитивного имиджа страны, несмотря на критику в адрес прав человека и экологии [7]. Как отметил А. Штайнер в интервью РИА Новости, Олимпийские игры привлекают внимание мирового сообщества, что позволяет поднимать важные вопросы, такие как экология [8].

Политические рычаги в спорте

Политические решения оказывают значительное влияние на спортивную индустрию. Государства регулируют её через законы, финансирование и поддержку национальных федераций. Экономическая политика, включая налоговые льготы и субсидии, способствует развитию спортивной инфраструктуры и местных производителей экипировки. Однако спорт также становится ареной политических конфликтов. Бойкоты крупных мероприятий, таких как Олимпийские игры 1980 года в Москве и 1984 года в Лос-Анджелесе, были вызваны геополитическими разногласиями. Бойкот Игр 1984 года, когда более 60 делегаций, включая США, ФРГ и Японию, отказались от участия, стал ударом по престижу соревнований и показал, как спорт может стать инструментом политического давления [4, с. 500–503]. Тем не менее, Игры в Москве установили рекорд по количеству мировых и олимпийских достижений — 36, что подчёркивает их значимость несмотря на политические трудности [5, с. 156–157].

Спорт в условиях гибридных войн

В современном мире спорт стал частью гибридных войн, где информационные операции и психологическое воздействие играют ключевую роль. Государства используют спортивные трансляции для продвижения пропаганды, создания нарративов о национальном единстве или внешних угрозах. Например, Олимпийские игры в Токио 2021 года, проведённые в разгар пандемии COVID-19, стали для Японии способом продемонстрировать способность справляться с кризисом. Несмотря на скептицизм общественности, итоговые оценки были положительными, а Игры способствовали восстановлению экономики и укреплению национальной идентичности [2, с. 62].

Социальные сети усиливают манипуляции, распространяя фейковые новости о спортсменах или странах-участниках. Скандал с допингом в российской спортивной системе после Олимпийских игр 2014 года стал примером, когда спортивные достижения были омрачены политическими обвинениями. Это вызвало отстранение российских атлетов от международных соревнований и подорвало доверие к спортивным организациям, усиливая напряжённость в международных отношениях.

Спортивная дипломатия

Спорт также может служить инструментом смягчения конфликтов. Примером является хоккейный матч между Северной и Южной Кореей на зимних Олимпийских играх 2018 года, который стал символом надежды на мирное урегулирование межкорейского конфликта [3, с. 161]. Такие инициативы демонстрируют потенциал спорта как средства дипломатии, хотя в условиях гибридных войн они могут

быть использованы для манипуляции общественным мнением.

Заключение

Олимпийские игры остаются уникальной платформой, где пересекаются политика, культура и экономика. Спорт используется государствами для укрепления национальной идентичности, легитимации власти и продвижения политических нарративов. Однако в условиях гибридных войн он становится ареной манипуляций, где информация и медиа играют ключевую роль. Спорт, будучи символом единства, часто оказывается инструментом политической борьбы. Понимание этой динамики позволяет глубже анализировать современные международные отношения и роль спорта в них.

Литература

1. Адорно Т. Эстетическая теория / Пер. с нем. М.: Республика, 2001.
2. Белов А. В. Предварительные итоги «тихой» олимпиады в Токио // Японские исследования. 2021. № 4. С. 62–78.
3. Измайлов А. Н. Олимпийский фактор в межкорейских отношениях // Корееведение в России: направление и развитие. 2024. Т. 5. № 3. С. 161–165.
4. Шигарева А. Н. Взгляд на Олимпиаду-80 спустя время / А. Н. Шигарева, С. А. Сенникова // Молодой учёный. 2022. № 49 (444). С. 500–503.
5. Штейнбах В. А. Оборотная сторона Олимпийской медали: история Олимпийских игр в скандалах, провокациях, судейских ошибках и курьёзах. М.: Спорт, 2015. 404 с.
6. Варфоломеев В. П., Ди Чжао Олимпийские игры в Пекине как крупномасштабный проект: методы верификации и проблемы социально-экономической эффективности // Экономический анализ: теория и практика. 2010. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiyskie-igry-v-pekine-kak-krupnomasshtabnyy-proekt-metody-verifikatsii-i-problemy-sotsialno-ekonomicheskoy-effektivnosti (дата обращения: 01.05.2025).
7. Олимпийские игры-2008: королева спорта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20080822/150587672.html. Дата обращения: [01.05.2025].
8. Ушмм. Нацистские Олимпийские игры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/the-nazi-olympics-berlin-1936. Дата обращения: [01.05.2025].
9. Кибер-саботаж на зимних Олимпийских играх. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cloudav.ru/mediacenter/security/cyber-sabotage-winter-olympics/. Дата обращения: [01.05.2025].
10. Morgan W. J. Adorno on Sport: The Case of the Fractured Dialectic // Theory and Society. 1988. Vol. 17, № 6. P. 826.
11. Hoffman, F. G. (2007). *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Potomac Institute for Policy Studies.
12. Hill, C. R. (1996). *Olympic Politics*. Manchester University Press.
13. Bill, J. (2012). *The Olympic Games and Soft Power*. Journal of International Relations, 8(2), 45–60.
14. Nakashima, E. (2018). *Russian hackers targeted PyeongChang Olympics, U.S. officials say*. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com.

Hybrid wars and their impact on public consciousness: the Olympic Games as an arena of international relations

Zvereva M.O., Bistrina M.G.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is devoted to the analysis of hybrid wars and their impact on public consciousness through the prism of the Olympic Games as a platform of international relations. The article examines the mechanisms of using the Olympic Games as a tool of informational and psychological influence, as well as their role in shaping national identity and the international image of states. Based on the analysis of historical examples and modern cases, it is revealed how sporting events become an arena for hybrid conflicts, including propaganda, cyber attacks and sanctions measures. In conclusion, recommendations are made to minimize the negative impact of hybrid wars on public consciousness in the context of international sporting events.

Keywords**:** hybrid wars, Olympic Games, politics, public consciousness, political influence, international relations, information impact.

References

1. Adorno, T. Aesthetic Theory. Translated from German. Moscow: Respublika, 2001.
2. Belov, A. V. "Preliminary Results of the 'Quiet' Olympics in Tokyo." Japanese Studies, 2021, no. 4, pp. 62–78.
3. Izmailov, A. N. "The Olympic Factor in Inter-Korean Relations." Korean Studies in Russia: Directions and Development, 2024, vol. 5, no. 3, pp. 161–165.
4. Shigaryova, A. N., & Sennikova, S. A. "A Look at the 1980 Olympics Over Time." Young Scientist, 2022, no. 49 (444), pp. 500–503.
5. Steinbach, V. A. The Other Side of the Olympic Medal: The History of the Olympic Games in Scandals, Provocations, Judging Errors, and Curiosities. Moscow: Sport, 2015, 404 p.
6. Varfolomeev, V. P., & Di Zhao. "The Beijing Olympic Games as a Large-Scale Project: Verification Methods and Issues of Socio-Economic Efficiency." Economic Analysis: Theory and Practice, 2010, no. 11. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiyskie-igry-v-pekine-kak-krupnomasshtabnyy-proekt-metody-verifikatsii-i-problemy-sotsialno-ekonomicheskoy-effektivnosti (accessed: 01.05.2025).
7. "2008 Olympic Games: The Queen of Sports." [Online]. Available at: https://ria.ru/20080822/150587672.html (accessed: 01.05.2025).
8. "Nazi Olympic Games." United States Holocaust Memorial Museum. [Online]. Available at: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/the-nazi-olympics-berlin-1936 (accessed: 01.05.2025).
9. "Cyber-Sabotage at the Winter Olympic Games." [Online]. Available at: https://www.cloudav.ru/mediacenter/security/cyber-sabotage-winter-olympics/ (accessed: 01.05.2025).
10. Morgan, W. J. "Adorno on Sport: The Case of the Fractured Dialectic." Theory and Society, 1988, vol. 17, no. 6, p. 826.
11. Hoffman, F. G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
12. Hill, C. R. Olympic Politics. Manchester: Manchester University Press, 1996.
13. Bill, J. "The Olympic Games and Soft Power." Journal of International Relations, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 45–60.
14. Nakashima, E. "Russian Hackers Targeted PyeongChang Olympics, U.S. Officials Say." The Washington Post, 2018. Available at: https://www.washingtonpost.com.

Особенности проведения выборов в России и за рубежом с использованием системы электронного голосования

Родионов Владислав Алексеевич
аспирант, Московский финансово-юридический университет, Vrodio4647@gmail.com

Сацкевич Татьяна Константиновна
кандидат юридических наук, Московский финансово-юридический университет

Статья посвящена теме специфики и особенностям проведения президентских выборов в России, в том числе с использованием современных технологий с использованием системы электронного голосования. Сравнительный анализ проведения президентских выборов в России и за рубежом с использованием системы электронного голосования. В статье приводится современный подход в избирательном процессе, с использованием технологии электронного голосования. В России система электронного голосования начала развиваться в последние годы. Основная цель ее внедрения, заключается в повышении доступности выборов, сокращении времени на подсчет голосов и в прозрачности избирательного процесса. Зарубежные страны, такие как Эстония, США также использовали систему электронного голосования, но с различными подходами и технологиями.
Ключевые слова: система электронного голосования, выборы, проведение президентских выборов, избирательный процесс

С связи с увеличением популярности использования дистанционных технологий повсеместно в различных областях и сферах жизни нашего общества, стало возможно их появление и в избирательной системе, причем не только в нашей стране, но и по всему миру, впервые электронное голосование было опробовано в Европейской стране-Эстонии во время местных выборов в 2005 году, таким образом она стала первой страной в мире, которая с юридической точки зрения провела выборы с использованием интернета в качестве средства для голосования. В России же необходимо было подготовить определенную базу для проведения такого рода голосования, в дальнейшем произошла «цифровизация» избирательного процесса и с 2019 года началась апробация дистанционного электронного голосования, используемая на выборах различного уровня, в том числе и на голосовании по поправкам в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, также электронный вид голосования достаточно широко используется в столице-городе Москве также необходимо сказать, что не только в столице реализуется данный способ, но и в субъектах Федерации.

С применением технологии электронного голосования на выборах в органы исполнительной и законодательной власти как на уровне Федерации, так и на региональном, является частью развития демократических процессов в обществе и имплементацию нововведений в избирательную систему страны.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации[1] на 2017-2030 гг. предопределены направление и приоритет внедрения цифровых технологий в избирательном процессе, также это подтверждается в Паспорте федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»[2] в котором предусмотрено, что в результате цифровизации избирательного процесса должна быть обеспечена доступность процедуры голосования для избирателей автономно вне зависимости от их места нахождения, организация деятельности избирательной комиссий на основе цифровых данных об избирателях и других участников избирательного процесса. Вместе с тем обеспечение предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса предусмот-

[1] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Письмо Минэкономразвития России от 14.08.2020 № 26355-ВФ/Д31и «О новой редакции паспорта федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

рено в Нацпрограмме «Цифровая экономика Российской Федерации». Также аналогичные цели изложены в Программе развития Государственной автоматизированной системы (ГАС) «Выборы» и утверждены Центризбиркомом Российской Федерации.

Как известно в Российской Федерации выборы главы государства проводятся согласно Конституции Российской Федерации, Федеральному законодательству, в частности Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Выборы президента России — это сравнительно молодое явление, в современной России всего с 1991 года было проведено семь президентских выборов и каждые имеют свои особенности.

Выборы — это важное событие в политической жизни почти любого государства, однако же некоторые граждане считают это формальностью и не используют своё конституционное право, в российском же обществе напротив складывается тенденция, что выборы – это явление институциональное, которое меняется, повышается уровень сознательности граждан, который развивается с каждым годом. С 2012 года законодательство претерпело изменения в части увеличения срока пребывания на должности президента с 4 до 6 лет. На выборах в 2018 году впервые было использовано видеонаблюдение с трансляцией, за ходом которой можно было наблюдать в режиме реального времени, помимо помещений для голосований, они были установлены и в помещениях территориальных избиркомов, дополнительно было увеличено количество наблюдателей, в том числе и международных, сделано это было с целью сделать акцент на прозрачность и открытость выборов в российском государстве. Акцент со стороны государства был сделан на проведение агитационных мероприятий, чтобы максимально информировать, заявить об открытости, привлечь интерес со стороны граждан для голосования на президентских выборах, в результате явка избирателей составила 67,54 процента.

Особо остановиться следует на президентских выборах 2024 года, которые состоялись в марте, одной из особенностей голосования является проведение выборов в течение нескольких дней 15, 16, 17 марта 2024 года. Сделано это было с целью использования дополнительной возможности реализации избирательных прав граждан Российской Федерации – голосования групп избирателей, которые проживают (находятся) в населенных пунктах или иных местах, где отсутствуют помещения для голосования и транспортное сообщение затруднено 15 и 16 марта 2024 года. То есть гражданам предоставлялась возможность самостоятельно решить, когда и где им удобно совершить свой гражданский долг, отдав свой голос на выборах. Нельзя не сказать, данный формат был в целом позитивно оценен, поскольку затруднительно было проводить выборы на территории новых субъектов Федерации. В этой связи, отмечу отдельно постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 11 декабря 2023 года № 141/1084-8[3] «О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение», о необходимости провести на территориях новых субъектов выборы Президента Российской Федерации.

Выборы Президента 2024 прошли в отличительном формате, а именно на протяжении нескольких дней, в том числе с использованием Дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ). Это является неким нововведением для выборов президента 2024 года, ДЭГ – онлайн-голосование без посещения избирательного участка, то есть граждане с использованием технических средства связи, с использованием Интернета, получают доступ персональным данным на специальном сайте и голосуют за предложенного системой, кандидата. В двадцати девяти регионах нашей страны голосование было проведено путем ДЭГ. Например, в столице-Москве на сайте mos.ru. По данным Мосгоризбиркома, на выборах в Москве при рекордной явке 66,73%, 3,6 миллиона москвичей предпочли голосование именно в формате онлайн. Мэр Москвы, также отметил удобный формат голосования, заявив, москвичи в любой момент времени могли отдать свои голоса на выборах, даже те, кто не посещал избирательные участки очно. Таким образом, воспользовавшись современными способами онлайн, намечаются тенденции современного подхода с использованием электронных технологий, чего не было ранее.

Вместе с тем, на территории новых четырех субъектов электронное голосование на выборах не применялось. За рубежом выборы президента РФ было решено не проводить с помощью ДЭГ, как заявила Председатель ЦИКа РФ Э.А, Памфилова, «руководствуясь в первую очередь, вопросами безопасности, очень взвешенно, тщательно, именно с учетом запасов прочности для безопасности, будем решать какие регионы будут применять ДЭГ внутри страны и, конечно, никоим образом мы не будем применять его за рубежом»[4].

В целом ситуация в части удобства голосования на протяжении времени лишь становится более удобной, доступной и открытой, в отсутствии необходимости посещать очно избирательный участок, что называется «по старинке», хотя, для такого «электронного способа» должно пройти время, чтобы граждане привыкли к новому способу. В качестве примера можно привести ДЭГ по поправкам к Конституции Российской Федерации в 2020 в г.

[3] Постановление ЦИК России от 11.12.2023 № 141/1084-8 «О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение»

[4] Николаева А. Выборы президента России: 11 претендентов и особенности кампании. Доступ: https://www.interfax.ru/russia/935097

Москве, где была разработана специальная блокчейн-технология, суть блокчейна в том, что после того, как в него были записаны данные, они не могут быть изменены впоследствии. Плюсы данной технологии, заключаются в обеспечении простого и защищенного доступа к системе, с другой стороны в гарантии невозможности внесения изменений в результаты голосования. Данная технология была опробована в 2014 году на президентских выборах в Индонезии, одна из организаций, участвующих в прозрачности выборов размещала результаты голосования в режиме онлайн, чтобы избиратели могли убедиться в подлинности результатов голосования, невозможности фальсификации.[5] Также был опыт использования технологии при проведении президентских выборов в 2018 году в Сьерра-Леоне, где явка составила более 50 процентов избирателей, что также позволило обеспечить прозрачность выборов.[6]

На примере выборов в Московскую городскую Думу при использовании ДЭГ проголосовало 92,3 процента зарегистрированных избирателей, при помощи портала государственных и муниципальных услуг Москвы, что в целом показывают высокую явку нежели было бы организовано голосование на «местах». Хотелось бы заметить, что при проведении ДЭГ в Москве, возникали и судебные прецеденты. В частности оспаривались результаты голосования на отдельных участках, зачастую это были кандидаты в депутаты заявленные на выборы, которые в корне были не согласны с процедурой выборов. Их позиция была в том, что система ДЭГ нарушает принципы тайного голосования и равного избирательного права. Спорные вопросы разрешил Верховный Суд Российской Федерации указав, что отсутствуют признаки нарушения принципа тайны голосования, во время голосования используется специальное программное обеспечение в «личном кабинете» для сохранения тайны голосования посредством шифрования данных.

В мировой практике использования электронного голосования имеются случаи, когда система электронного голосования не давала проголосовать соответствующим образом, происходили технические сбои и после голосования, хотелось бы отметить, яркий пример и опыт электронного голосования в Соединенных Штатах Америки. Когда на президентских выборах в 2020 году Дональд Трамп потребовал конфисковать избирательные машины (Dominion Voting System) ввиду того что 2,7 миллиона голосов избирателей были засчитаны в пользу соперника Трампа – Джо Байдена. Однако Генеральный прокурор США посчитал, что оснований для этого не имеется и отказал Трампу в его просьбе. Более того, это не единственный случай также были случаи двойного голосования, неправильное установление итогов голосования.

Кроме того, в США используется интернет-голосование, которое проводилось только в отдельных штатах на уровне партийных выборов в 2000 г. в штате Аризона, в 2004 г. в штате Мичиган. Интернет-голосование используется в одном из штатов на постоянной основе в округе Окалуза штата Флориды. В качестве примера можно привести 2018 и 2019 годы, когда избиратели могли проголосовать по Интернету с помощью технологии блокчейн (биометрической регистрации избирателя). Плюсом также выступает отправка по электронной форме или по факсу заполненных бюллетеней для голосования по почте, которое по сути считается видом электронного голосования в (27 штатах). Вместе с тем при использовании электронного голосования, были выявлены недостатки, в частности на президентских выборах в 2000 году избирательные машины неправильно считывали голоса двух избирателей в каждом округе, что впоследствии привело к тому что бюллетени необходимо было пересчитывать вручную и оспариванию результатов выборов в судебных инстанциях.

В 2004 – 2005 гг. при проведении выборов были выявлены 42 000 нарушений, связанная с неправильной работой избирательных машин, составила 5,4 %, к ним относились:

- Случаи двойного голосования;

- Неправильный учет волеизъявления. Когда в работе избирательных машин происходит сбой и голоса одного кандидата учитываются как голоса, подданные за другого кандидата. Такой случай произошел в октябре 2006 года на выборах в Майами, так голоса, поданные за демократов, отображались как голоса, поданные за республиканцев;

- Подсчитанное число поданных голосов избирателей превосходит число зарегистрированных избирателей. На выборах в 2003 году в штате Индиана избирательные машины насчитали сто сорок четыре тысячи голосов, однако зарегистрированное число избирателей составляло девятнадцать тысяч человек.

- В 2002 г. при подсчете итогов местных выборов в Северной Каролине было потеряно 436 голосов избирателей. Позднее на одном избирательном участке машина для подсчета голосов на экране не отображала их голос. При массовой проверке обнаружилось, что по всей стране было потеряно порядка одного миллиона трехсот тысяч голосов избирателей.

Тем не менее, с США имеется специальный нормативный акт об организации голосования зарубежных американских избирателей, который так и именуется (Акт о голосовании зарубежных избирателей) 1986 года, согласно которому, Министерство обороны обеспечивает определенное содействие в голосовании американских военнослужащим, находящимся не на территории США. С помощью открепительного избирательного бюллетеня, американский гражданин, в данном случае военнослужащий, имеет возможность направить своё открепительное

[5] Алексеев Р.А. Перспективы и проблемы применения технологии блокчейн на выборах в России и за рубежом // Русская политология - Russian political science. 2018. N 4. С. 29.

[6] Сычев В. В Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента. URL: https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes.

посредством электронной почты, с помощью специального сайта, а также по почте.

В продолжение темы, неудачного использования онлайн голосования, можно обратиться к аналогичным случаям, которые происходили не только в США, но и в странах Европы. К примеру, во Франции в 2007 году во время президентских выборов при использовании электронных машин на участках для голосования граждане старше 65 лет не смогли проголосовать на избирательных участках, в дальнейшем стало известно, что из семи граждан четыре не смогли это сделать. Однако, Конституционный совет Франции, в своем заключении подтвердил конституционность использования и применения таких электронных машин.[7] Во Французской республике электронное голосование используется лишь гражданами, которые проживают за границей. Правительство республики отказалось от использования электронного вида голосования ввиду вероятных хакерских атак. Также отмечу в Республике Беларусь вовсе не применялось электронное голосование. Как заверил Центризбирком Республики, электронного голосования не будет ни в 2024 году на Парламентских, ни на Президентских выборах в 2025 году.

В ФРГ электронное голосование нашло своё применение еще с 1999 года при выборах в Европарламент. Впоследствии стало применяться и на внутренних выборах. В 2005 году на выборах в Бундестаг оборудование для электронного голосования применялись в избирательных округах и в федеральных землях, ими воспользовались два миллиона избирателей. Однако в марте 2009 года Конституционный суд ФРГ постановил, что электронное голосование не обеспечивает прозрачность выборов. Кроме того, в ходе проверки избирательных машин и их программ было выявлено, что избирательные машины подлежат взлому. В своём решении Конституционный суд ФРГ пояснил, что все важнейшие избирательные действия, включая голосование, подсчет голосов и его оформление, должны подлежать общественной проверке, в том числе со стороны гражданина, не обладающего специальными техническими познаниями. Таким образом, процедура электронного голосования влечет искажение итогов голосования и нарушается принцип открытости выборов.

Например, в такой европейской стране как Португалия, интернет голосование проводилось лишь в 2005 году при проведении парламентских выборов и исключительно проживающих за рубежом, по состоянию на 2023 год, более дистанционное электронное голосование на выборах в этой стране не использовалось. Поэтому парламентские выборы 2005 года были скорее пилотным проектом.

Необходимо отметить, что и российский и зарубежный опыт отчетливо показывает на очередной опыт распространения практики дистанционного голосования.

Итак, в России в настоящее время ДЭГ уже применяется в 29 субъектах на выборах президента в 2024 году, что позволяет судить о том, что данная система находит все более широкое применение в нашей стране, естественно ДЭГ показало свою нацеленность в первую очередь на удобство использования, на доверие участников избирательного процесса, к самой процедуре. Данный институт не заменяет и не отменяет «традиционный» способ голосования на избирательном участке очно. Конечно же, существуют некие в ходе ДЭГ технические проблемы, которые решаются в течении самого голосования, это связно с тем, что сама процедура ДЭГ еще находится в процессе формирования и становления. В этой связи, необходимо совершенствовать с технической стороны саму процедуру ДЭГ, повышать уровень защищенности программного обеспечения, осуществлять постоянный мониторинг системы защиты, чтобы не допустить уязвимости и стороннего вмешательства, недопущению утечек персональной информации. Безусловно, нововведения вызывают определенные опасения и недоверие у избирателей, что их голос будет отдан не тому кандидату, за которого они проголосовали, как полагают некоторые авторы и предлагают использовать зарубежный опыт проведения голосования, которое позволяет избирателю неоднократно менять своё волеизъявление до окончания времени голосования, дабы исключить риск проведения «контролируемого» голосования. Необходимо сказать, со временем избиратели привыкают к новшествам и переменам, которые диктует время, к слову отметить, пару десятилетий назад наши граждане скептически относились к банковским картам и предпочитали наличные денежные средства, однако в наши дни, население в основном «держит» денежные средства в банках и на банковских картах. Так происходит и с вышеупомянутой технологией, которая продолжает внедряться, а избирательная система не является исключением, доля несогласных сокращается.

В заключение необходимо добавить, ДЭГ в России с каждым годом совершенствуется, его механизм улучшается, вызывая позитивный настрой у избирателей. Безусловные положительные особенности данной системы – удобство для активных граждан, которые пользуются смартфонами в ежедневном формате, выгодность использования, в особенности граждане, находящиеся в труднодоступных местах (моряки, метеорологи, космонавты). Несомненно, внедрять ДЭГ повсеместно для всех уровней выборов муниципального, регионального, федерального на обязательной основе преждевременно. Вместе с тем, можно отметить, что все-таки ДЭГ доказала свою жизнеспособность и эффективность, которая должна применятся в рамках факультативного способа голосования, как показал опыт использования, подавляющее большинство активных избирателей воспользовались данной технологией посредством своих смартфонов.

[7] conseil constitutionnel observations sur lelection presidentielle des 22 avril et 6 mai 2007 Deliberation des 31 mai et 7 juin 2007 n 2007-142 pdr. url: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2007/2007142 pdr.htm.

Литература

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Постановление ЦИК России от 11.12.2023 № 141/1084-8 «О проведении выборов Президента Российской Федерации на части территории Российской Федерации, на которой введено военное положение».
3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Письмо Минэкономразвития России от 14.08.2020 № 26355-ВФ/Д31и «О новой редакции паспорта федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Features of holding elections in Russia and abroad using the electronic voting system

Rodionov V.A., Satskevich T.K.

Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the topic of the specifics and features of holding presidential elections in Russia, including using modern technologies using the electronic voting system. Comparative analysis of holding presidential elections in Russia and abroad using the electronic voting system. The article provides a modern approach to the electoral process, using electronic voting technology. In Russia, the electronic voting system has begun to develop in recent years. The main goal of its implementation is to increase the accessibility of elections, reduce the time for counting votes and the transparency of the electoral process. Foreign countries such as Estonia, the United States also used the electronic voting system, but with different approaches and technologies.

Keywords: electronic voting system, elections, holding presidential elections, electoral process

References

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 // Coll. legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.
2. Resolution of the Central Election Commission of Russia of December 11, 2023 No. 141/1084-8 "On holding elections of the President of the Russian Federation in a part of the territory of the Russian Federation where martial law has been introduced".
3. Passport of the federal project "Digital Public Administration" [Electronic resource]: approved. by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions for Doing Business, minutes of May 28, 2019 No. 9. The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system; Letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated 14.08.2020 No. 26355-VF/D31i "On the new version of the passport of the federal project "Regulatory framework for the digital environment" of the national program "Digital Economy of the Russian Federation".

Структура и порядок формирования Государственного Совета Российской Федерации: конституционно-правовой анализ

Арснукаева Раяна Сайд-Мухамедовна
аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, ars_yana@mail.ru

В статье проведён критический анализ правового статуса и реальной практики деятельности Государственного Совета Российской Федерации после конституционной реформы 2020 г. Выявлены институциональные риски централизации, непрозрачности механизмов формирования и дублирования функций Правительства РФ. Автор предлагает несколько правовых и организационных реформ, включая введение квот независимых экспертов, парламентский контроль и обязательность исполнения решений Президиума Государственного Совета РФ. Сделаны выводы о необходимости нормативного переформатирования анализируемого института для предотвращения «конституционного дуализма» и повышения эффективности межуровневого взаимодействия.

Ключевые слова: Государственный Совет РФ, конституционная реформа, публичная власть, федерализм, президиум, рабочие группы.

Конституционная реформа 2020 года подвела итог процессу становления и институционализации Государственного Совета РФ (далее – Госсовет РФ), длившегося на протяжении практически 20 лет и окончательно закрепившему место данного института в структуре государственного аппарата современной России [1, 3].

Сегодня Госсовет РФ по численному составу является самым большим из всех институтов президентской власти – более 100 человек. Подобное расширение состава коллегиальных органов власти часто приводит к «эффекту размывания ответственности» и «информационному перегрузу» в процессе принятия решений, что может негативно сказываться на качестве вырабатываемой политики. Тенденция к разрастанию состава отражает не столько необходимость экспертного разнообразия, сколько стремление обеспечить максимальную лояльность региональных элит, что влечет за собой снижение эффективности обсуждений. Подобная «слойность» способна спровоцировать институциональные конфликты между Правительством РФ и Госсоветом РФ в части распределения бюджетных компетенций и права законодательной инициативы.

Персональный состав его членов с 2000 по 2020 гг. подвергался многократным изменениям, обусловленным кадровыми решениями как на федеральном, так и на региональном уровне. После наделения данного института в 2020 году конституционным статусом его структура и состав определяются нормами Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2], а также решениями и указами Президента РФ [4]. Здесь важно отметить, что чрезмерная дискреция Президента РФ при формировании состава без четких критериев в законе оборачивается риском персонифицированного управления и дефицита объективного отбора экспертов. Широкая свобода усмотрения при формировании состава конституционных органов может приводить к возникновению внеконституционных зависимостей и практик, ослабляющих легитимность и эффективность таких институтов. По результатам анализа повесток Госсовета РФ за 2020-2023 гг. обнаруживается, что более 60% вопросов инициированы непосредственно Администрацией Президента РФ, а не комиссиями Госсовета РФ, что подтверждает зависимость анализируемого института от аппарата главы государства и снижает субъектность региональных лидеров.

Структуру Госсовета РФ формируют: председатель, члены Госсовета РФ, участвующие в его работе на общественных началах, президиум, секре-

тарь, консультативная комиссия, постоянные и временные комиссии и рабочие группы, созданные для подготовки материалов по вопросам, которые предполагается рассмотреть на заседании Госсовета РФ или его президиума [4]. Следует подчеркнуть, что такая многослойная организация, с одной стороны, позволяет охватить широкий спектр вопросов, а с другой – усложняет процесс принятия решений и снижает оперативность. Сложная многоуровневая система может обеспечивать более глубокую проработку вопросов, но одновременно создает риски бюрократизации и затягивания процессов принятия решений. На наш взгляд, представляется целесообразным обсудить возможность внедрения матричной организационной модели, в рамках которой рабочие группы формировались бы не по отраслям, а по конкретным межведомственным проектам с ограниченным горизонтом планирования и жёсткими KPI. Такая логика снизила бы транзакционные издержки координации и повысила бы персональную ответственность лидеров проектов.

Состав Госсовета РФ имеет ряд специфических особенностей. Его Председателем является Президент РФ. Он отличается от других советов при Президенте РФ статусом его членов. Если в большинстве случаев состав советов при Президенте РФ устанавливается непосредственно Президентом РФ, исходя из персональных навыков, необходимых для выполнения функций совета в той или иной области, то членство в Госсовете РФ привязано к занятию определенной должности в структуре государственной власти. Это создает иллюзию инклюзивности, но фактически ограничивает доступ к обсуждению тем, кто обладает узким кругом административных полномочий, и исключает независимых экспертов. Это является очень важным требованием, закрепленным положением п. 1 ст. 9 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2]. Институциональные органы, формируемые по должностному принципу, в долгосрочной перспективе демонстрируют меньшую инновационность решений. Предлагается нормативно закрепить квоту не менее 25% мест для независимых учёных и представителей некоммерческих организаций, прошедших публичный конкурс.

Согласно п. 2 ст. 8 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2] председатель Госсовета РФ осуществляет руководство деятельностью им, определяет место и время проведения его заседаний и его президиума, председательствует на его заседаниях и его президиума, формирует план работы Госсовета РФ и повестку дня его очередного заседания, назначает секретаря из числа членов Госсовета РФ, решает иные вопросы его деятельности. Здесь выявляется явное сочетание функций главы государства и руководителя отдельного органа власти, что по сути нивелирует принцип разделения властей. Данный принцип в современных условиях требует не только формального распределения компетенций между органами власти, но и реальной процедурной независимости при принятии решений, что может быть затруднено в случае персонального совпадения ключевых фигур в различных властных институтах. С учётом принципов континентальной доктрины «checks and balances» напрашивается вывод о необходимости введения поста заместителя председателя Госсовета РФ из числа региональных руководителей, который бы председательствовал на заседаниях в отсутствие Президента РФ, тем самым снижая степень централизации.

Секретарем Госсовета РФ является помощник Президента РФ [4]. Такое назначение укрепляет персонализацию работы Госсовета и делает процесс подготовки материалов непрозрачным для независимого контроля. Он занимается организационными вопросами деятельности данного органа президентской власти. Такая тесная организационная связь с президентскими структурами может подрывать автономность Госсовета как самостоятельного конституционного органа и создавать риски превращения его в технический придаток президентской администрации. Дополнительным инструментом обеспечения прозрачности мог бы стать обязательный годовой доклад Секретаря Госсовета РФ перед Федеральным Собранием РФ с публикацией всех аналитических материалов в открытом доступе, что соответствовало бы тенденциям открытого государственного управления.

Членами Государственного Совета РФ являются (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ) [2]: Председатель Правительства РФ, Председатель Совета Федерации ФС, Председатель Государственной Думы ФС, Руководитель Администрации Президента РФ, высшие должностные лица субъектов РФ (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). Данный состав представляет собой федеративную пирамиду, лишенную представительства судебной власти и муниципального уровня, что создает институциональный разрыв между ветвями и уровнями власти. В условиях конституционного закрепления концепции «единой системы публичной власти» такой подход представляется непоследовательным, поскольку эффективное функционирование единой системы публичной власти требует включения всех ее элементов в механизмы принятия ключевых государственных решений. Формируемый состав Госсовета РФ достаточно точно характеризует сложившуюся систему федеративных отношений. На наш взгляд, в перспективе необходимо рассмотреть модель «ассоциированного членства» для председателей высших судов субъектов Российской Федерации, которые могли бы участвовать в заседаниях с правом совещательного голоса по вопросам администрирования права на региональном уровне.

Члены Госсовета РФ вправе вносить в президиум Госсовета РФ предложения по плану его работы, повестке дня его заседаний и порядку обсуждения вопросов. Члены Госсовета РФ участвуют в подготовке материалов к заседаниям Госсовета и проектов его решений, а также в заседаниях Госсовета РФ (п. 3 ст. 9 Федерального закона от

08.12.2020 № 394-ФЗ [2]). При этом полностью исключена возможность делегировать полномочия его члена иным лицам (п. 4 ст. 9 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2]). Подобное ограничение может создавать практические трудности в работе Госсовета, особенно с учетом высокой загруженности его членов и необходимости профессиональной экспертизы по узкоспециализированным вопросам. Такой жесткий персонализм может приводить к неэффективности в случае отсутствия профильных компетенций у назначаемых должностных лиц. Международная практика известна институтом «policy proxies», когда должностное лицо может направить высококвалифицированного представителя с правом голоса, что повышает гибкость работы органа. Отечественный законодатель мог бы предусмотреть подобный механизм для случаев продолжительной командировки или болезни губернатора.

Президенту РФ предоставляется право включать в состав членов Госсовета РФ представителей политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе РФ, представителей местного самоуправления. По решению Президента РФ в состав Госсовета также могут быть включены иные лица (п. 2 ст. 9 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2]). Такой механизм формирования обеспечивает гибкость в определении состава, но одновременно создает риски политизации процесса отбора и снижения предсказуемости институциональной структуры Госсовета РФ. Так, в действующий состав Госсовета РФ входят: руководители фракций «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия – За правду», «Новые люди», ЛДПР, председатель ФНПР и президент РСПП. Однако отсутствие четких критериев и открытого конкурса отбора таких представителей порождает закрытость и клановость в работе данного института. Представляется разумным законодательно утвердить принцип «обратной квоты»: если правящая партия получает более 50% мандатов в Государственной Думе РФ, то в Госсовете РФ удельный вес оппозиционных партий не может быть ниже 30% от общего числа представителей политических сил.

Взаимодействие при обсуждении приоритетных для развития России вопросов и принятии соответствующих решений, объединенных в составе Госсовета РФ представителей ключевых федеральных органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, на наш взгляд, в полной мере обеспечивает реализацию принципов, закрепленных в ст. 5 Конституции РФ [1] – единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти. Тем не менее, декларативность таких принципов нивелируется отсутствием механизмов контроля за исполнением рекомендаций Госсовета РФ и отчетности его рабочих органов. С точки зрения теории институционального дизайна, необходима апгрейд-модель «deliberative accountability», предполагающая, что каждое решение Госсовета РФ сопровождается дорожной картой с чётким набором индикаторов, сроками и ответственными ведомствами, а также последующим публичным аудитом Счетной палаты РФ.

Существенным недостатком является малая численность в составе Госсовета РФ представителей муниципальных образований. Совершенно не понятен принцип выбора представителей муниципальных образований. Несмотря на акцентирование внимания на этом вопросе во время обсуждения поправок к Конституции РФ и поддержку аргумента о порождаемых проблемах разграничения сферы ответственности между федеральной, региональной и муниципальной властью при отсутствии связи между разными уровнями публичной власти, он остается до сих пор открытым. Отсутствие муниципального представительства превращает Госсовет РФ в орган, не способный полноценно решать проблемы малых и средних территорий, что противоречит конституционным принципам равенства и самостоятельности органов местного самоуправления.

Наблюдается дисбаланс в составе членов Госсовета РФ. Превалирует численность губернаторов и глав регионов. Численность представителей органов местного самоуправления в составе членов Госсовета РФ, можно сказать, нулевая, что не обеспечивает реализацию ст. 12, 130 Конституции РФ [1], гарантирующих их самостоятельность и независимость. Фактическое представительство уровней публичной власти в составе Госсовета РФ не позволяет рассматривать данный институт как площадку для их равноправного диалога. Это является серьезным недостатком, особенно в условиях социально-экономического упадка многих сельских территорий страны. Необходимо предусмотреть включение в состав Госсовета РФ по должности глав муниципальных образований, которые, например, имеют высокие показатели социально-экономического развития, отличаются активным развитием инфраструктуры муниципального образования, созданием условий, привлекающих население для проживания на территории муниципального образования и другое. О. А. Кожевников, А. В. Безруков и А. Н. Мещеряков предлагают в качестве критерия выбирать муниципальные образования с численностью населения более 1 млн. чел. [9]. Этот подход имеет свои ограничения, поскольку фокусируется лишь на крупнейших городских агломерациях, игнорируя специфику малых и средних городов, а также сельских территорий, которые составляют значительную часть российского пространства и имеют свои уникальные проблемы.

Наше мнение сводится к тому, что более значимыми критериями должны выступать показатели эффективности развития, достижение в этом процессе значимых показателей, оказывающих влияние на демографию, миграцию населения, уровень жизни граждан. Интеграция таких представителей повысит легитимность решений и обеспечит более сбалансированную федерально-региональную политику. Опыт и мнение руководителей таких муниципальных образований имеет важное значение при решении вопросов социально-экономического раз-

вития государства, а учет данной нормы будет соответствовать демократическим основам конституционного строя (ст. 1, 3 Конституции РФ [1]). Кроме того, включение представителей муниципалитетов позволит сформировать «обратную связь» при реализации нацпроектов, поскольку именно местные власти видят реальные барьеры на уровне конкретных населённых пунктов.

Формирование президиума Государственного Совета РФ как отдельной структуры для решения оперативных вопросов обусловлено масштабом представительства и большой численностью состава данного института. Состав президиума определяется Президентом РФ и подлежит ротации один раз в полгода [6]. Периодическая ротация, как показывает практика, является важным механизмом обновления состава руководящих органов, однако отсутствие прозрачных критериев такой ротации снижает предсказуемость кадровой политики и может становиться инструментом политического влияния на глав регионов. Однако, отсутствие объективных, заранее прописанных в законе критериев ротации приводит к фактической возможности политических обменов «местами» между региональными элитами без учета их вклада в национальную политику.

Как было отмечено выше, в обязанности президиума Госсовета РФ входит рассмотрение и анализ реализации плана работы, рассмотрение повестки очередного заседания и материалов к заседаниям, анализ реализации решений Госсовета РФ. Периодичность заседаний президиума непостоянна. Заседания проводятся по мере необходимости, но, как правило, не реже одного раза в три месяца. Такая нерегулярность работы может приводить к снижению эффективности контроля за исполнением решений и ослаблению институциональной роли президиума как координирующего органа. При этом решения президиума имеют исключительно рекомендательный характер, что снижает их управленческий потенциал и делает процесс исполнения решений менее обязательным для федеральных органов. Рациональным решением могло бы стать внедрение «двухконтурной системы»: решения президиума, одобренные ⅔ голосов, направляются в Правительство РФ и становятся обязательными к рассмотрению в течение 30 дней с последующим докладом о ходе исполнения. Такой регламент повысил бы ответственность федеральных министерств и ведомств.

Отсутствие требований для формирования рейтинга губернаторов, по результатам которого они могут претендовать на вступление в президиум Госсовета РФ, на наш взгляд, обусловлено принципом федерализма, суть которого заключается в равенстве всех регионов в стране, а значит, и их глав. Именно по этой причине предусмотрена периодическая ротация состава президиума Госсовета РФ. Однако невысокие требования открывают лазейку для непрозрачных кадровых перестановок. В контексте развития федеративных отношений важен баланс между формальным равенством субъектов федерации и необходимостью оценки реальных результатов их деятельности, что особенно актуально при определении состава коллегиальных органов федерального уровня.

Нормы ст. 11 Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ [2] и Положения о рабочих органах Госсовета РФ и Секретаре Госсовета РФ [4] устанавливают право Президента РФ формировать своим решением в составе Госсовета комиссии по направлениям деятельности, рабочие группы и иные рабочие органы, которые позволяют данному институту эффективно осуществлять деятельность по реализации конституционных задач. Заметим, что широкий перечень «иных рабочих органов» фактически дает Президенту РФ полномочия по созданию структур без внешнего аудита и обоснования. Подобная широта дискреционных полномочий может приводить к институциональной неопределенности и снижать прозрачность работы Госсовета РФ, превращая его в гибкий инструмент президентской власти, не ограниченный четкими законодательными рамками. В целях преодоления этого дисбаланса следует закрепить в законе обязательный правовой режим общественного и финансового обоснования каждой вновь создаваемой комиссии.

В настоящее время в составе Госсовета РФ образовано более двадцати отраслевых комиссий, деятельность которых направлена на решение вопросов социально-экономического развития Российской Федерации. Такой секторальный подход к формированию структуры Госсовета отражает попытку обеспечить комплексный охват ключевых направлений государственной политики, однако существует риск дублирования функций между комиссиями Госсовета РФ и профильными министерствами, что создает избыточные управленческие контуры и размывает ответственность за принимаемые решения. Названия многих комиссий совпадают с названиями национальных проектов. Такое «навешивание» функций свидетельствует об инструментализации Госсовета РФ в качестве площадки по контролю за реализацией президентских инициатив, а не независимого стратегического совета. Однако данная конфигурация открывает уникальную возможность для внедрения механизма, который предполагает создание экспериментальной среды для разработки и тестирования инновационных решений в сфере государственной политики. При этом каждая комиссия получает пилотный регион и в режиме «живой лаборатории» тестирует новые регуляторные решения с последующим масштабированием на всю страну.

Кроме указанных комиссий созданы две ключевые: комиссия по обеспечению согласованного взаимодействия органов публичной власти (Распоряжение Президента РФ от 21.12.2020 № 311-рп) и комиссия по координации и оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти (Распоряжение Президента РФ от 21.12.2020 № 310-рп). В их задачи входит выработка критериев оценки деятельности глав субъектов, оценка эффективности этой деятельности и определение мер поощрения территорий. Однако отсутствие публичности критериев оценки подрывает доверие к объективности принимаемых рекомендаций. Логичным шагом видится публикация «белой книги методологии

оценки», что позволило бы экспертному сообществу проводить взаимную оценку показателей и минимизировало бы политическую манипуляцию цифрами.

В каждой комиссии назначается председатель из числа членов Госсовета РФ, которые периодически меняются. Частая смена руководителей комиссий может приводить к нарушению преемственности в их работе и снижать эффективность разработки и реализации долгосрочных стратегий в соответствующих отраслях. Смена руководителей без публичных отчетов об их эффективности лишь усугубляет проблему отсутствия подотчетности.

Согласно п. 16 Положений о рабочих органах Госсовета РФ и Секретаре Госсовета РФ [4], на период подготовки материалов к заседанию Госсовета или президиума в соответствии с планом работы Госсовета формируются рабочие группы. Руководителями рабочих групп назначаются высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, являющиеся членами Госсовета (п. 17 Положений [4]). Ими выбираются представители рабочей группы, из которых формируется ее персональный состав и утверждается порядок их работы (п. 18 Положений [4]). Руководители рабочих групп наделены правом утверждать их персональный состав. Руководитель организует деятельность группы, распределяет обязанности между членами, определяет состав участников заседаний и ведет их, а также взаимодействует с руководителями органов власти и организаций. Крайне спорно, каким образом формально неполномочный орган без прямых властных рычагов способен обеспечить эффективную координацию межведомственных процессов без надлежащей легитимации и механизма контроля. Способ создания и форма назначения руководителей рабочих групп нормативными актами не определены, поэтому можно предположить, что это оформляется решением Президента РФ в форме указа или распоряжения. Неопределенность механизма назначения создает риски произвольного подбора руководителей в зависимости от политической конъюнктуры. Деятельность руководителей рабочих групп осуществляется во взаимодействии с председателями комиссий Госсовета РФ (п. 19 Положений [4]). Для научно-методического и экспертно-аналитического обеспечения деятельности рабочих органов Госсовета РФ по решению их руководителей могут создаваться экспертные и научные советы, а также привлекаться специалисты, в том числе на договорной основе. Для обеспечения деятельности рабочих органов Госсовета РФ также может быть создана автономная некоммерческая организация при Управлении делами Президента РФ [5]. Иначе такой формат создает дополнительный слой непрозрачности и может стать инструментом административного ресурса для лоббирования интересов отдельных групп. С целью диверсификации экспертизы было бы корректно предусмотреть возможность 30%-го представительства академического сектора в наблюдательном совете автономного учреждения, а также обязательную ротацию директора каждые три года.

В п. 21 Положений о рабочих органах Госсовета РФ и Секретаре Госсовета РФ [4] закреплено: «Решения рабочих групп утверждаются их руководителями и направляются Секретарю Госсовета и членам рабочих групп. В случае, если в таких решениях затрагиваются вопросы, входящие в компетенцию комиссий Госсовета, решения направляются также председателям комиссий Госсовета». Для осуществления своих функций рабочие группы наделены правом взаимодействовать с подразделениями Администрации Президента РФ, запрашивать и получать от органов власти и иных организаций необходимые материалы и информацию по вопросам, относящимся к их компетенции, получать доступ к банкам данных органов власти, использовать государственные системы связи и коммуникации, привлекать ученых и специалистов, обобщать и представлять в Госсовет РФ информацию по вопросам, относящимся к их компетенции. Однако отсутствие механизмов публичной отчетности таких групп делает их работу закрытой и лишенной внешнего экспертного контроля. Периодичность проведения заседаний рабочих групп – не реже одного раза в месяц. В случае необходимости могут проводиться внеочередные заседания. Присутствие на заседании обязательно, а делегирование полномочий не допускается. Члены рабочей группы обладают равными правами при обсуждении вопросов. Решения принимаются большинством голосов и оформляются протоколом, подписываемым руководителем. В случае несогласия член вправе изложить свое мнение в письменном виде, которое приобщается к протоколу. Тем не менее, отсутствие публичного доступа к протоколам лишает систему необходимой прозрачности и возможности внешнего анализа эффективности работы групп. Представляется логичным внедрить механизм «открытых данных» по итогам работы групп, обезличивая чувствительную информацию, но сохраняя возможность для независимого анализа о ходе реализации поручений.

По своей структуре Госсовет РФ становится все более практико-ориентированным институтом. Ротация его членов вполне обоснована. Тем не менее, критерии отбора членов Президиума Госсовета РФ зачастую не обнародованы и могут служить индикатором закрытости процесса принятия решений. Непрозрачность критериев ротации и отбора членов руководящих органов государственных институтов снижает доверие к ним как со стороны самих участников процесса, так и со стороны общества в целом. Приведение в действие цифровой платформы «Госсовет-Онлайн» с открытыми профайлами членов и агрегированными данными об участии в заседаниях и реализации поручений станет ключом к повышению доверия общества.

Так как Госсовет РФ работает под непосредственным руководством Президента РФ, возникает вопрос: каково его влияние (взаимодействие) на Правительство РФ, Совет Федерации и Государственную Думу? Эффективность консультативных органов в системе государственного управления во многом зависит от четкой регламентации их взаимо-

действия с органами, обладающими конституционными полномочиями по принятию общеобязательных решений. Нормативно-правовая база по этому взаимодействию требует существенной доработки, чтобы исключить ситуацию, когда Госсовет РФ лишь симулирует координацию, но не формирует реальных управленческих решений. Перспективным выглядит механизм «тройственных сессий», на которых совместно утверждаются ключевые показатели федеральных программ, исключая дублирование полномочий.

На сегодняшний день нет четкого ответа на вопрос, в рамках каких конституционно-правовых норм складывается взаимодействие Председателя Госсовета РФ – Президента РФ – членов Госсовета РФ? Неопределенность конституционно-правового статуса Госсовета и его места в системе органов государственной власти порождает риски как чрезмерного расширения его компетенции, так и, напротив, снижения его реального влияния до уровня символического института. Текущие нормы требуют детализации: нужны чёткие процедуры подготовки, согласования и учёта мнений, а также механизмы контроля за исполнением поручений. На основе практики деятельности Госсовета РФ важно понять, как формируются рабочие группы, кто входит в их состав? Отсутствие представителей судебной власти ставит под вопрос баланс ветвей власти и независимость вырабатываемых рекомендаций.

В силу того обстоятельства, что статус Госсовета РФ определяется федеральным законом, не исключена возможность передачи этому органу ряда полномочий не только в сфере взаимодействия с исполнительной властью, но и контроля над ней. Органы с консультативным статусом при определенных условиях могут эволюционировать в направлении приобретения более существенных полномочий, особенно если они получают конституционное закрепление и широкую общественную поддержку. Однако для этого необходима законодательная проработка вопросов подотчетности и прозрачности, чтобы институт не превратился в инструмент вертикали власти, а стал эффективной площадкой стратегического диалога. В качестве дальнейшего шага можно рассмотреть идею «паритетного совета» при Госсовете РФ, куда войдут представители судебной и муниципальной ветвей власти, создавая полноценный механизм межуровневого баланса.

Проведенный анализ конституционно-правового статуса Госсовета РФ позволяет сделать вывод о том, что данный институт находится в процессе становления, несмотря на его формальное конституционное закрепление в 2020 году. Данный институт потенциально может стать эффективным инструментом согласования интересов федерального центра и регионов, однако существующая нормативно-правовая база не в полной мере обеспечивает необходимые условия для реализации данного потенциала. В целях совершенствования конституционно-правового статуса Госсовета РФ и повышения эффективности его деятельности представляется необходимым предпринять ряд мер правового характера. Во-первых, следует детализировать в федеральном законодательстве процедуры формирования состава Госсовета и его рабочих органов, установив прозрачные критерии отбора членов и четкие механизмы ротации, исключающие возможность субъективного подхода. Целесообразно законодательно закрепить квоту не менее 25% для независимых экспертов, представителей научного сообщества и общественных организаций, что позволит расширить экспертный потенциал данного органа и снизить риски односторонних решений.

Во-вторых, необходимо существенно усилить представительство муниципального уровня власти в Госсовете РФ, обеспечив включение в его состав глав муниципальных образований, демонстрирующих высокие показатели социально-экономического развития. Это позволит учесть интересы и потребности местных сообществ при разработке стратегических решений на федеральном уровне и обеспечит реальную обратную связь при реализации национальных проектов.

В-третьих, следует нормативно закрепить механизмы контроля за исполнением решений и рекомендаций Госсовета РФ, включая обязательную отчетность исполнительных органов власти по данным решениям. Целесообразно внедрить систему публичного мониторинга реализации рекомендаций Госсовета с четкими индикаторами выполнения и персональной ответственностью должностных лиц. Кроме того, следует рассмотреть возможность введения процедуры ежегодного отчета Секретаря Госсовета РФ перед Федеральным Собранием РФ о деятельности данного органа.

В-четвертых, представляется необходимым внедрить механизмы повышения прозрачности работы Госсовета РФ, в том числе через обязательную публикацию протоколов заседаний, материалов рабочих групп и комиссий, а также аналитических документов, на основе которых принимаются решения. Целесообразно создание цифровой платформы «Госсовет-Онлайн», обеспечивающей доступ граждан и экспертного сообщества к информации о деятельности данного органа.

В-пятых, следует законодательно разграничить полномочия и сферы ответственности Госсовета РФ и Правительства РФ для предотвращения дублирования функций и институциональных конфликтов. При этом целесообразно сфокусировать деятельность Госсовета на стратегических вопросах долгосрочного развития, оставив оперативное управление в компетенции Правительства.

В-шестых, необходимо предусмотреть внедрение объективных многофакторных индексов оценки деятельности региональных руководителей, которые могли бы служить основой для их включения в Президиум Госсовета РФ. Данные критерии должны быть публичными и основываться на реальных показателях социально-экономического развития регионов, а не на субъективных политических предпочтениях.

Реализация указанных рекомендаций позволит трансформировать Госсовет РФ из формального консультативного органа в эффективный институт

стратегического управления развитием страны, обеспечивающий согласование интересов различных уровней публичной власти и вовлечение широкого круга экспертов в процесс принятия важнейших государственных решений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.04.2025).
2. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.12.2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.
3. Указ Президента РФ «О Государственном Совете Российской Федерации» от 01.09.2000 № 1602 (ред. от 21.12.2020) // СПК «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 (ред. от 10.03.2025) «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» (вместе с «Положением о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации») // СПК «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 28.01.2022 № 25 «О создании автономной некоммерческой организации «Экспертно-координационный центр комиссий Государственного Совета Российской Федерации» // СПК «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Президента РФ от 27.01.2020 № 10-рп «Об утверждении состава президиума Государственного Совета Российской Федерации» // СПК «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Президента РФ от 21.12.2020 № 310-рп «О комиссии Государственного Совета Российской Федерации по координации и оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СПК «КонсультантПлюс».
8. Распоряжение Президента РФ от 21.12.2020 № 311-рп «О комиссии Государственного Совета Российской Федерации по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти» // СПК «КонсультантПлюс».
9. Кожевников, О.А. Конституционно-правовой статус Государственного Совета Российской Федерации в зеркале современных конституционных преобразований / О. А. Кожевников, А. В. Безруков, А. Н. Мещеряков // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 57-74.

Structure and procedure of Formation of the State Council of the Russian Federation: constitutional and Legal analysis

Arsnukaeva R.S.-M.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article provides a critical analysis of the legal status and actual practice of the State Council of the Russian Federation after the constitutional reform of 2020. The institutional risks of centralization, lack of transparency of the mechanisms of formation and duplication of functions of the Government of the Russian Federation have been identified. The author proposes several legal and organizational reforms, including the introduction of quotas for independent experts, parliamentary oversight, and mandatory enforcement of decisions of the Presidium of the State Council of the Russian Federation. Conclusions are drawn about the need for a normative reformatting of the analyzed institution in order to prevent «constitutional dualism» and increase the effectiveness of inter-level interaction.

Keywords**:** State Council of the Russian Federation, constitutional reform, public authority, federalism, presidium, working groups.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of application: 04.04.2025).
2. Federal Law No. 394-FZ dated 08.12.2020 "On the State Council of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12/14/2020. No. 50 (part III). Article 8039.
3. Decree of the President of the Russian Federation "On the State Council of the Russian Federation" dated 09/01/2000 No. 1602 (as amended on 12/21/2020) // SEC "ConsultantPlus".
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/21/2020 No. 800 (as amended on 03/10/2025) "Issues of the State Council of the Russian Federation" (together with the "Regulations on the Working Bodies of the State Council of the Russian Federation Federation and the Secretary of the State Council of the Russian Federation") // SEC "ConsultantPlus".
5. Decree of the President of the Russian Federation dated January 28, 2022 No. 25 "On the establishment of an autonomous non-profit organization "Expert Coordination Center of the Commissions of the State Council of the Russian Federation" // SEC "ConsultantPlus".
6. Decree of the President of the Russian Federation dated January 27, 2020 No. 10-rp "On approval of the Presidium of the State Council of the Russian Federation" // SEC "ConsultantPlus".
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/21/2020 No. 310-rp "On the Commission of the State Council of the Russian Federation for the coordination and evaluation of the effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation" // SEC "ConsultantPlus".
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/21/2020 No. 311-rp "On the Commission of the State Council of the Russian Federation for ensuring the coordinated functioning and interaction of public authorities" // SEC "ConsultantPlus".
9. Kozhevnikov, O.A. The constitutional and legal status of the State Council of the Russian Federation in the mirror of modern constitutional transformations / O. A. Kozhevnikov, A.V. Bezrukov, A. N. Meshcheryakov // Law enforcement. - 2021. – Vol. 5, No. 3. – pp. 57-74.

Правовые аспекты регулирования электронного голосования в Российской Федерации: современные вызовы и проблемы

Васильева Татьяна Александровна
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Карасев Михаил Игоревич
студент Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна
студент Дальневосточного федерального университета

Файзулина Адель Андреевна
студент Дальневосточного федерального университета

Едич Глеб Сергеевич
студент Дальневосточного федерального университета

В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с регулированием электронного голосования в Российской Федерации. Анализируются особенности современных цифровых технологий в избирательном процессе, существующее законодательство и основные риски, возникающие при проведении электронного голосования. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта выявляются ключевые вызовы и предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, направленные на обеспечение безопасности, прозрачности и доверия к электронному голосованию в России. Работа подчеркивает необходимость комплексного подхода к правовому регулированию с учетом технологических и социально-политических факторов.
Ключевые слова: электронное голосование, правовое регулирование, Россия, безопасность выборов, законодательство, избирательный процесс, кибербезопасность, цифровизация, правовые риски

В последние годы цифровые технологии значительно трансформируют традиционные формы демократического процесса, включая выборы. Внедрение электронного голосования и других цифровых механизмов направлено на повышение доступности, удобства и прозрачности избирательных процедур. В Российской Федерации интерес к электронному голосованию возрастает на фоне развития цифровой экономики и государственных программ по цифровизации.

Однако активное применение цифровых технологий в избирательном процессе ставит перед правовой системой новые вызовы и риски, связанные с обеспечением безопасности, конфиденциальности и легитимности выборов. Недостаточная регламентация и отсутствие единых стандартов в данной сфере могут привести к правовым коллизиям и снижению доверия граждан к результатам голосования.

Цель настоящей статьи — проанализировать особенности правового регулирования электронного голосования в России, выявить существующие проблемы и предложить пути совершенствования законодательства для обеспечения эффективного и справедливого проведения цифрового голосования.

В рамках исследования используются методы сравнительно-правового анализа, контент-анализа нормативных актов, а также обзор международного опыта в области электронного голосования.

Электронное голосование представляет собой процесс определения результатов избирательных процедур с использованием цифровых технологий, включая электронные системы сбора и обработки голосов, дистанционное голосование через интернет и другие IT-решения. В отличие от традиционных бумажных бюллетеней, электронное голосование характеризуются автоматизацией подсчёта голосов, возможностью дистанционного участия и повышенной скоростью обработки результатов.

Основные технологии, применяемые в электронном голосовании включают электронные урны, криптографические методы защиты данных, биометрическую идентификацию избирателей и блокчейн-технологии для обеспечения прозрачности и защиты информации.

Мировой опыт показывает разнообразие подходов к цифровому голосованию: от полностью электронных выборов (например, в Эстонии) до гибридных моделей с частичным использованием цифровых инструментов. В России электронное голосование пока находятся на стадии пилотных проектов и экспериментов, что требует четкого правового оформления.

Правовое регулирование в России осуществляется в рамках избирательного законодательства, а

также нормативных актов, направленных на обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных.

Основным нормативным документом является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который предусматривает принципы организации выборов, включая обеспечение тайны голосования и прозрачности процедуры. В последние годы к нему вносятся изменения, регулирующие проведение электронного голосования на федеральном и региональном уровнях.

Кроме того, важную роль играют законы о персональных данных, информационных технологиях и цифровой подписи, обеспечивающие защиту избирателей и достоверность цифровых процедур.

Избирательные комиссии всех уровней наделены полномочиями по организации и контролю за проведением электронного голосования, что требует от них высокой квалификации и технической оснащённости.

Тем не менее, действующая законодательная база пока не охватывает полностью все аспекты удаленных выборов, что создаёт пространство для правовой неопределённости и рисков.

Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс сопровождается рядом значительных проблем и рисков с правовой точки зрения. Одной из ключевых проблем является обеспечение безопасности и защиты информации. Электоральное голосование требует надежных механизмов шифрования и защиты данных от взлома, подделки или утечки, что влечет необходимость строгого регулирования в сфере кибербезопасности.

Обеспечение тайны голосования и анонимности избирателей является еще одним важным вызовом. При использовании электронных систем возникает риск нарушения конфиденциальности голосов, что может повлиять на свободу волеизъявления и доверие к процедуре.

Вопросы доверия и легитимности цифровизации выборов тесно связаны с прозрачностью и контролем избирательного процесса. Отсутствие ясных стандартов и механизмов аудита может привести к сомнениям в достоверности результатов и судебным спорам.

Технические проблемы, такие как сбои в работе оборудования или программного обеспечения, а также недостаточная доступность электронных сервисов для части избирателей, также создают риски нарушения избирательных прав и равенства участия.

Многие страны уже внедрили различные модели электронного голосования, что позволяет выделить успешные практики и уроки для России. Например, Эстония — признанный мировой лидер в области электронного голосования — использует комплексную систему дистанционного электронного голосования с многоуровневой системой защиты, включая идентификацию через электронные ID-карты и криптографическую защиту.

В Швейцарии и Канаде удаленное голосование сочетается с традиционными методами, при этом особое внимание уделяется прозрачности и контролю через независимые аудитории и общественный мониторинг.

Некоторые страны столкнулись с критикой из-за недостатков в обеспечении безопасности и доверия, что привело к ограничению использования электронного голосования. Эти примеры подчёркивают необходимость комплексного подхода и постоянного обновления нормативной базы с учетом технологических изменений.

Для повышения эффективности и безопасности электронного голосования в России необходимо разработать и внедрить комплексные нормативные акты, регулирующие все этапы голосования — от идентификации избирателей до подведения итогов.

Важным направлением является создание национальных стандартов по кибербезопасности и криптографической защите данных, а также механизмов независимого аудита избирательных систем.

Развитие правовых норм, обеспечивающих защиту персональных данных избирателей и прозрачность избирательного процесса, повысит доверие граждан и снизит риски манипуляций.

Кроме того, необходимо развивать образовательные программы для сотрудников избирательных комиссий и участников электронного голосования, чтобы обеспечить высокую квалификацию и готовность к работе с новыми технологиями.

Международное сотрудничество и изучение опыта других стран помогут адаптировать лучшие практики и избежать типичных ошибок.

Для обеспечения надежности и легитимности электронного голосования в России требуется комплексный подход к совершенствованию законодательства. Необходимо разработать специализированные нормативные акты, которые подробно регламентируют все этапы удаленного голосования, включая процедуры идентификации избирателей, защиты информации, аудита и подведения итогов.

Важным аспектом является внедрение национальных стандартов кибербезопасности, которые будут соответствовать современным международным требованиям и защищать избирательные системы от внешних и внутренних угроз. Особое внимание должно уделяться обеспечению конфиденциальности голосования и сохранению тайны волеизъявления.

Также перспективным направлением является развитие механизмов общественного контроля и независимого аудита электронного голосования с привлечением экспертных сообществ и неправительственных организаций.

Кроме того, необходимы меры по повышению цифровой грамотности избирателей и сотрудников избирательных комиссий, что позволит минимизировать технические ошибки и повысить доверие к процессу.

Международное сотрудничество и обмен опытом с ведущими странами, успешно реализующими электронное голосование, помогут адаптировать

лучшие практики с учетом специфики российского правового поля.

Цифровизация избирательных процессов открывает новые возможности для повышения доступности и эффективности выборов, однако сопровождается серьезными правовыми вызовами и рисками. В Российской Федерации правовое регулирование электронного голосования находится в стадии формирования и требует значительного развития.

Анализ текущего законодательства, а также зарубежного опыта показывает необходимость создания специализированных правовых норм, которые обеспечат безопасность, прозрачность и доверие к электронному голосованию. Совершенствование правового поля должно сопровождаться технической модернизацией, повышением квалификации участников процесса и развитием механизмов общественного контроля.

Только комплексный и системный подход позволит эффективно интегрировать цифровые технологии в избирательную систему России и укрепить демократические институты в условиях цифровой эпохи.

Литература

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
3. Крылова Е.А. Правовые аспекты электронного голосования в России // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 45–52.
4. Иванов И.В. Кибербезопасность и выборы: международный опыт и российские реалии // Журнал права и технологий. 2023. Т. 10. № 1. С. 78–89.
5. OECD Digital Government Studies. Electronic Voting and Democracy. Paris: OECD Publishing, 2021.
6. Smith J. Electronic Voting Systems: Legal Challenges and Policy Recommendations. Cambridge University Press, 2020.
7. Белов С.В., Петрова Н.М. Технологии электронного голосования: правовые и технические аспекты // Информационное право. 2024. № 2. С. 120–130.
8. Европейская комиссия по демократии через право (Венецианская комиссия). Отчёт о правовых стандартах электронного голосования. 2019.
9. Соловьев А.Н. Перспективы цифровизации избирательных процессов в России // Государственное управление и право. 2023. № 5. С. 33–41.
10. Фалалеев, М. А. Дистанционное электронное голосование как фактор трансформации электоральных институтов в России: ограничения и сценарии / М. А. Фалалеев, Н. А. Ситдикова, Е. Е. Нечай // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 12(76). – С. 3511-3518.
11. Brown A. Legal Frameworks for E-Voting: A Comparative Analysis. Journal of Election Law, 2022. Vol. 15, Issue 2.

Legal aspects of regulation of electronic voting in the Russian Federation: modern challenges and problems

Vasilieva T.A., Karasev M.I., Tereshina A.N., Faizulina A.A., Edich G.S.
Far Eastern Federal University

The article considers the legal problems associated with the regulation of electronic voting in the Russian Federation. The features of modern digital technologies in the electoral process, existing legislation and the main risks arising during electronic voting are analyzed. Based on a comparative analysis of foreign experience, key challenges are identified and recommendations are proposed for improving the regulatory framework aimed at ensuring security, transparency and trust in electronic voting in Russia. The work emphasizes the need for a comprehensive approach to legal regulation, taking into account technological and socio-political factors.

Keywords: electronic voting, legal regulation, Russia, election security, legislation, electoral process, cybersecurity, digitalization, legal risks

References

1. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation".
2. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data".
3. Krylova E.A. Legal Aspects of Electronic Voting in Russia // Bulletin of Public and Municipal Administration. 2022. No. 3. Pp. 45-52.
4. Ivanov I.V. Cybersecurity and Elections: International Experience and Russian Realities // Journal of Law and Technology. 2023. Vol. 10. No. 1. Pp. 78-89.
5. OECD Digital Government Studies. Electronic Voting and Democracy. Paris: OECD Publishing, 2021.
6. Smith J. Electronic Voting Systems: Legal Challenges and Policy Recommendations. Cambridge University Press, 2020.
7. Belov S.V., Petrova N.M. Electronic voting technologies: legal and technical aspects // Information law. 2024. No. 2. Pp. 120–130.
8. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Report on legal standards for electronic voting. 2019.
9. Soloviev A.N. Prospects for the digitalization of electoral processes in Russia // Public administration and law. 2023. No. 5. Pp. 33–41.
10. Falaleev, M. A. Remote electronic voting as a factor in the transformation of electoral institutions in Russia: limitations and scenarios / M. A. Falaleev, N. A. Sitdikova, E. E. Nechay // Questions of political science. - 2021. - Vol. 11, No. 12 (76). - P. 3511-3518.
11. Brown A. Legal Frameworks for E-Voting: A Comparative Analysis. Journal of Election Law, 2022. Vol. 15, Issue 2.

Подозрительные сделки с неравноценным встречным предоставлением: проблема правоприменения

Алексеева Екатерина Аркадьевна
аспирант Московского университета
имени А.С. Грибоедова, alekseeva@roka-sovetnik.com

Переход к рыночной экономике и как следствие появление процедур банкротства в Российской Федерации привел к необходимости развития и совершенствования специальных механизмов возврата имущества в конкурсную массу. Одним из специальных оснований для оспаривания сделок является их оспариванием в связи с неравноценным встречным предоставлением в соответствии с пунктом 1 статьи 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В статье поднимаются вопросы правовой природы таких сделок, сроков подозрительности, позиции законодательного органа относительно критериев, лежащих в основе оспаривания, а также рассматриваются признаки таких сделок. Автор проводит анализ судебной практики, сложившейся по вопросам оспаривания подозрительных сделок с неравноценным встречным предоставлением. Отдельное внимание уделяется механизму установления факта неравноценности, признакам, свидетельствующим о ней, а также доказательствам, требуемым и необходимым для ее доказывания, с подтверждением доводов примерами из судебной практики. По результатам исследования автор приходит к выводам о невозможности оспаривания по данному основанию определенных сделок и действий, а также о необходимости законодательного закрепления обязательности установления фактических обстоятельств совершения сделки и учета добросовестного поведения контрагента при рассмотрении данных обособленных споров.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, подозрительные сделки, сделки с неравноценным встречным предоставлением, существенность, сроки подозрительности.

Оспариванию подозрительных сделок должника посвящена ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве). При этом полагаем, что термин «подозрительные сделки» является собирательным, поскольку включает в себя все сделки, совершенные в период подозрительности, в том числе предусмотренные статьей 61.3 Закона о банкротстве. Однако в литературе принято понимать под подозрительными сделками только составы, указанные в статье 61.2 Закона о банкротстве.

Как отмечалось при рассмотрении законопроекта № 125066–5 Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8] «институт оспаривания подозрительных сделок направлен на защиту «абстрактного кредитора» – конкурсной массы, или всех кредиторов одновременно. Выплата отдельному кредитору более высокой платы, чем можно было бы заплатить на рыночной основе за предоставление кредитора, обедняет конкурсную массу и нарушает интересы всех конкурсных кредиторов»[9].

В литературе выделяются два вида подозрительных сделок[10]:

1) подозрительная сделка по признаку неравноценного встречного предоставления (пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве);

2) подозрительная сделка по признаку цели причинения вреда кредиторам (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве).

Такая классификация подтверждается и позицией законодателя, который указывает, что оспаривание подозрительной сделки возможно на основании объективного критерия (пункт 1 статьи 61.2) – неравноценность встречного исполнения, и субъективного критерия (пункт 2 статьи 61.2) – намерение должника причинить вред кредиторам в их возможности получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника[11]. Причем указание на объективный критерий в данном случае может свидетельствовать о лишении факта добросовестности контрагента правового значения, исключении его из предмета доказывания в соответствии с пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, что в настоящее время опровергается судебной практикой.

[8] Законопроект № 125066-5 Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/125066-5. (дата обращения: 27.05.2025).

[9] Выписка из протокола заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 04 декабря 2008 г. № 70 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi%3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DLAW%3Bn%3D151900%3Bframe%3D1000?req=doc&base=PRJ&n=64453#030684637659319614. (дата обращения: 27.05.2025).

[10] *Сысоева О.В.* Подозрительные сделки // Юрист. 2011. № 18. С. 24.

[11] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».

О.Р. Зайцевым высказывается мнение, согласно которому все специальные основания оспаривания, закрепленные в Законе о банкротстве, являются частными случаями оспаривания сделок, совершенных во вред кредиторам[1]. На наш взгляд, такая позиция имеет право на существование, поскольку фактически все основания включают в себя необходимость установления нарушения имущественных интересов кредиторов, поскольку если такие интересы не нарушены, то у кредиторов отсутствует правовой интерес в оспаривании сделок.

Под сроком подозрительности понимается период, в течение которого сделка может быть оспорена. О.Р. Зайцев выделяет период для общих оснований – три года, а также специальных, которые предусмотрены Законом о банкротстве[2]. Так, в соответствии со статьей 61.2 Закона о банкротстве оспорены могут быть сделки, совершенные в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления. Е.А. Кравченко, отмечает, что «неясно, почему сделка должника с одним кредитором, совершенная в период подозрительности, признается недействительной, а с другим кредитором, совершенная за один день до начала исчисления этого периода, уже не будет признана недействительной. Это не способствует достижению цели равноправия среди кредиторов»[3]. Особенно остро выглядит данное замечание при историческом анализе данного института, поскольку дореволюционное законодательство позволяло оспаривать такие сделки вплоть до десятилетнего срока[4]. Однако полагаем, что введение такой четкой градации сроков подозрительности является необходимым, поскольку таким образом происходит дифференциация оснований оспаривания, а, следовательно, фактов, подлежащих доказыванию, и широко применяемых презумпций. Один день в таком случае будет иметь значение для определения фактов, подлежащих доказыванию; чем дальше дата сделки от даты подачи заявления о признании банкротом, тем объемнее предмет доказывания.

К признакам подозрительной сделки с неравноценным встречным предоставлением относят:

1) сделка совершена в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия заявления. Моментом принятия заявления при этом считается день вынесения определения о принятии заявления о признании должника банкротом, возбуждения производства по делу[5], а моментом совершения сделки – день передачи актива[6], день государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество[7], долю в обществах ствах с ограниченной ответственностью;

2) неравноценность встречного исполнения, включающая, но не ограничивающаяся случаем, когда цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

Неравноценность встречного предоставления устанавливается при сравнении условий сделки с иными аналогичными сделками, совершавшимися как должником, так и иными участниками оборота[8]. Прежде всего, сравнивается цена сделки с ценой иных аналогичных сделок[9], то есть сделок, совершенных на рынке. Для этого, как правило, проводится экспертиза об определении действительной рыночной стоимости, однако в отдельных случаях ее проведение не является необходимым, например, когда сделка была совершена с незначительным промежутком после иной сделки, чьи условия являлись рыночными[10], или когда неравноценность очевидна, и суду не нужно определять взыскиваемую в конкурсную массу стоимость[11]. Суд при этом должен оценивать именно неравноценность встречного исполнения, а не несогласие заявителя с его размером[12]. Относительно других условий сделки

---

[1] *Зайцев О.Р.* Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах Закона №73-ФЗ / Банкротство. Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения под ред. Витрянского В.В. 2-е изд., стер. М: Статут, 2012. С. 49.

[2] Там же.

[3] *Кравченко Е.А.* Проблемы защиты и реабилитации должника при несостоятельности (банкротстве) в Великобритании, Германии, США, Франции, России (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 104.

[4] *Растеряев Н.* Недействительность юридических сделок по русскому праву: Часть Общая и часть Особенная: догматическое исследование. СПб., 1900. С. 105; *Шершеневич Г.Ф.* Учение о несостоятельности. Казань: Типография университета, 1890. С.254.

[5] Абзац первый пункта 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 9. Сентябрь. 2009; абзац третий п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.06.2009 № 130 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2019 № Ф05-14403/2017 по делу № А40-196703/16; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.07.2020 № Ф05-18237/2015 по делу № А40-95123/2014 // СПС «Консультант плюс».

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2018 № 307-ЭС18-1843 по делу № А56-31805/2016; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2016 № 307-ЭС15-17721(4) по делу № А56-71819/2012 // СПС «Консультант плюс».

[8] Пункт 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.09.2013 № ВАС-15174/12 по делу № А71-6228/2011 // СПС «Консультант плюс» - оставлен в силе судебный акт о признании недействительным выплаты заработной платы за восьмичасовой день, тогда как фактически работа осуществлялась в течение 4 часов в день.

[9] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.12.2016 № Ф08-9240/2016 по делу № А53-5757/2014 // СПС «Консультант плюс».

[10] Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2015 по делу № 304-ЭС15-3591// СПС «Консультант плюс».

[11] Определение Арбитражного суда города Москвы от 17.08.2020 по делу № А40-2084461/18 // СПС «Консультант плюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2018 № Ф05-20158/2018 по делу № А40-149843/2016 // СПС «Консультант плюс» - Определением Верховного Суда Россий-

об их нерыночности может свидетельствовать существенная рассрочка оплаты[1], отсутствие обеспечения, в том числе его притворность[2].

Кроме того, как подозрительная сделка с неравноценным встречным предоставлением может быть оспорена сделка, которая лишь формально предусматривает возможность исполнения, тогда как фактически должнику известно на момент ее заключения, что у контрагента нет и не будет достаточного имущества для ее исполнения[3]. Обязанность доказывания данных фактов возложена на лицо, обращающегося с заявлением в суд[4]. Стороны в такой сделке заведомо рассматривают условие о размере исполнения контрагента должника как фиктивное, осознавая, что оно не будет исполнено в полном объеме, и прикрывают условие о фактической стоимости предоставления, которое меньше, предусмотренного договором[5]. О таких намерениях могут свидетельствовать следующие факты: последующая продажа предмета сделки[6], перечисление денежных средств третьему, аффилированному с должником лицу[7], наличие признаков фирмы-однодневки, отсутствие общества по юридическому адресу, непредставления бухгалтерской и налоговой отчетности, отсутствия финансово-хозяйственной деятельности организации[8].

Показательным в этой части является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.05.2019 № 305-ЭС18-5703(6) по делу № А40-185433/2017, в рамках которого оспаривались соглашение об уступке прав и банковская операция по оплате такой уступки. Оплата в рамках соглашения была осуществлена путем закрытия депозита, открытого цессионарию в банке (цедент), и перевода денежных средств на счет банка. Суд в данном случае указал со ссылкой на разъяснения Пленума, что неравноценность выразилась в том, что при формальной проводке оплаты стороны обменялись правами требованиями, уступка при осведомленности клиента банка (цессионария) о неплатежеспособности была оплачена не денежными средствами, а правами требования цессионария к банку (цеденту), что не имело никакого экономического смысла. Следовательно, косвенно в этом случае затрагивается также вопрос о добросовестности контрагента по сделке.

При оспаривании сделок по данному основанию необходимо обратить внимание на понятие «существенности». Законодательство не содержит разъяснения его содержания. В практике высших судов же выработана позиция, в соответствии с которой признаки существенности имеются при отклонении цены более чем на 30% [9]. Однако она поддерживается не всеми судами[10]. При этом полагаем, что установление определенного жесткого порога, при нарушении которого цена по сделке автоматически будет рассматриваться в качестве неравноценной, не является необходимым и даже вредно. Указанное значение должно быть мягким и учитывать фактические обстоятельства совершения сделки, особенно при удалении даты сделки от даты подачи заявления о признании банкротом.

По основанию, изложенному в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, могут быть оспорены только сделки, которые предусматривают встречное исполнение, при этом вне зависимости от того, исполнены они или нет. Такие сделки, как, например, дополнительное соглашение к договору залога[11], перечисление денежных средств за поставку[12], договор поручительства[13], соглашение о

ской Федерации от 08.04.2019 № 305-ЭС19-2922 отказано в передаче дела № А40-149843/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2018 № Ф05-17705/2018 по делу № А40-177409/14 // СПС «Консультант плюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.12.2017 № Ф02-6302/2017 по делу № А33-10674/2015 // СПС «Консультант плюс».

[3] Абзац пятый п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2017 № 308-ЭС14-7166(3) по делу № А32-19671/2013 // СПС «Консультант плюс».

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2017 № 310-ЭС17-4012 по делу № А64-8376/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.04.2018 № Ф08-2284/2018 по делу № А63-3047/2016 // СПС «КонсультантПлюс» - Определением Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2018 № 308-ЭС18-11423 отказано в передаче дела № А63-3047/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.03.2018 № Ф08-1196/2018 по делу № А32-13465/2014 // СПС «Консультант плюс» - Определением Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2018№ 308-ЭС15-15253(2) отказано в передаче дела № А32-13465/2014 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

[6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.08.2019 № Ф05-9203/2017 по делу № А40-4760/2016 // СПС «Консультант плюс».

[7] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.08.2019 № Ф05-9203/2017 по делу № А40-4760/2016 // СПС «Консультант плюс».

[8] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.01.2017 № Ф10-1728/2016 по делу № А14-4855/2014 // СПС «Консультант плюс».

[9] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 913/11 по делу № А27-4849/2010; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2021 № Ф05-25672/2020 по делу № А41-78421/2018 // СПС «Консультант плюс».

[10] Определение Арбитражного суда Амурской области от 18.02.2013 по делу № А04-957/2012; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2017 № 15АП-6713/2016 по делу № А32-19671/2013 // СПС «Консультант плюс».

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2018 № 301-ЭС17-7613(3) по делу № А79-8396/2015 // СПС «Консультант плюс».

[12] Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2018 № 305-ЭС18-7477(3) по делу № А40-138396/2015 // СПС «Консультант плюс».

[13] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2018 № 15АП-5459/2018 по делу № А53-28488/2016 // СПС «Консультант плюс».

расторжении договора поручительства[1], договор дарения не могут быть признаны недействительными по данному основанию. Такие сделки подлежат оспариванию в соответствии с пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Однако необходимо учитывать, что поскольку именно правовая природа таких сделок не допускает их оспаривания, в каждом случае ее необходимо устанавливать в обязательном порядке. К сделкам, не подлежащим оспариванию по данному основанию, также можно отнести действия по исполнению публичных обязанностей по уплате налогов и взносов, поскольку указанным отношения не являются возмездными[2].

Как было указано выше, исходя из формулировки диспозиции пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве состав носит объективный характер. Однако, по нашему мнению, недобросовестность контрагента имеет значение, и устанавливается она через доказывание факта «существенного» занижения или завышения цены по сделке в отношении должника.

Более того, судебная практика исходит из того, что при оспаривании сделки по данному основанию необходимо изучать также обстоятельства совершения сделки и добросовестность контрагента. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-8671(2) суд указал, что помимо цены для определения признака неравноценности во внимание должны приниматься и все обстоятельства совершения сделки, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным. В указанном случае должник в период подозрительности продал квартиру по цене 3 890 000 рублей при рыночной цене, определенной экспертизой в рамках дела, 5 461 673 рублей. Нижестоящие инстанции посчитали достаточным установление в соответствии с нормой пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве факта занижения договорной цены по отношению к рыночной, признали сделку недействительной, взыскав с контрагента недоплаченную им разницу. ВС РФ отменил акты нижестоящих инстанций и отказал в признании сделки недействительной, указав, что в данном случае имело значение то, что договор купли-продажи был заключен с использованием кредитных средств и материнского капитала. Следовательно, цена квартиры была проверена банком до заключения договора и не вызвала у него сомнений. Такой контекст, по мнению ВС РФ, исключал вывод о подозрительности сделки и неравноценности встречного исполнения, а действия покупателя не признаны недобросовестными. Фактически указанным судебным актом суд ввел в объективный состав пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве субъективный элемент необходимости изучения действий сторон при заключении сделки.

Таким образом, подозрительные сделки с неравноценным встречным исполнением как подвида подозрительных сделок являются воплощением специального характера оснований для оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства. Нормативное регулирование данных сделок является глубоким и обширным. Однако полагаем, что оно подлежит дополнению в виде указания на то, что не подлежат оспариванию в соответствии с пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве сделки, фактические обстоятельства совершения которых свидетельствуют о добросовестности выгодоприобретателя.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 209–210. 02.11.2002.
2. Законопроект № 125066-5 Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/125066-5. (дата обращения: 27.05.2025).
3. Выписка из протокола заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 04 декабря 2008 г. № 70 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi%3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DLAW%3Bn%3D151900%3Bframe%3D1000?req=doc&base=PRJ&n=64453#030684637659319614. (дата обращения: 27.05.2025).
4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 9. Сентябрь. 2009.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.06.2009 № 130 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант плюс».
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 913/11 по делу № А27-4849/2010 // СПС «Консультант плюс».

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.07.2018 № Ф05-11170/2018 по делу № А40-139272/2017 // СПС «Консультант плюс».

[2] *Шишмарева Т.П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. С. 264.

9. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.09.2013 № ВАС-15174/12 по делу № А71-6228/2011 // СПС «Консультант плюс».

10. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.08.2015 по делу № 304-ЭС15-3591// СПС «Консультант плюс».

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.10.2016 № 307-ЭС15-17721(4) по делу № А56-71819/2012 // СПС «Консультант плюс».

12. Определение Верховного Суда РФ от 11.01.2017 № 308-ЭС14-7166(3) по делу № А32-19671/2013 // СПС «Консультант плюс».

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.08.2017 № 310-ЭС17-4012 по делу № А64-8376/2014 // СПС «Консультант плюс».

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.08.2018 № 301-ЭС17-7613(3) по делу № А79-8396/2015 // СПС «Консультант плюс».

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.07.2018 № 307-ЭС18-1843 по делу № А56-31805/2016 // СПС «Консультант плюс».

16. Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2018 № 305-ЭС18-7477(3) по делу № А40-138396/2015 // СПС «Консультант плюс».

17. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.12.2016 № Ф08-9240/2016 по делу № А53-5757/2014 // СПС «Консультант плюс».

18. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.01.2017 № Ф10-1728/2016 по делу № А14-4855/2014 // СПС «Консультант плюс».

19. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.12.2017 № Ф02-6302/2017 по делу № А33-10674/2015 // СПС «Консультант плюс».

20. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.03.2018 № Ф08-1196/2018 по делу № А32-13465/2014 // СПС «Консультант плюс».

21. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.04.2018 № Ф08-2284/2018 по делу № А63-3047/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.07.2018 № Ф05-11170/2018 по делу № А40-139272/2017 // СПС «Консультант плюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2018 № Ф05-17705/2018 по делу № А40-177409/14 // СПС «Консультант плюс».

24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2018 № Ф05-20158/2018 по делу № А40-149843/2016 // СПС «Консультант плюс».

25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2019 № Ф05-14403/2017 по делу № А40-196703/16 // СПС «Консультант плюс».

26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.08.2019 № Ф05-9203/2017 по делу № А40-4760/2016 // СПС «Консультант плюс».

27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.07.2020 № Ф05-18237/2015 по делу № А40-95123/2014 // СПС «Консультант плюс».

28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2021 № Ф05-25672/2020 по делу № А41-78421/2018 // СПС «Консультант плюс».

29. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.01.2017 № 15АП-6713/2016 по делу № А32-19671/2013 // СПС «Консультант плюс».

30. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2018 № 15АП-5459/2018 по делу № А53-28488/2016 // СПС «Консультант плюс».

31. Определение Арбитражного суда Амурской области от 18.02.2013 по делу № А04-957/2012 // СПС «Консультант плюс».

32. Определение Арбитражного суда города Москвы от 17.08.2020 по делу № А40-2084461/18 // СПС «Консультант плюс».

33. Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах Закона №73-ФЗ / Банкротство. Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения под ред. Витрянского В.В. 2-е изд., стер. М: Статут, 2012. С. 86–118.

34. Кравченко Е.А. Проблемы защиты и реабилитации должника при несостоятельности (банкротстве) в Великобритании, Германии, США, Франции, России (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 235 с.

35. Сысоева О.В. Подозрительные сделки // Юрист. 2011. № 18. С. 24–29.

36. Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву: Часть Общая и часть Особенная: догматическое исследование. СПб., 1900. 376 с.

37. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Типография университета, 1890. 447 с.

38. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. 332 с.

Suspicious transactions with inadequate consideration: the law enforcement problem

Alekseeva E.A.
Moscow University named after A.S. Griboyedov

The transition to a market economy and the subsequent introduction of bankruptcy procedures in the Russian Federation have necessitated the development and refinement of special mechanisms for the recovery of assets into the bankruptcy estate. One such mechanism is the contestation of transactions on the grounds of inadequate consideration, as provided in Paragraph 1 of Article 61.2 of Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 “On Insolvency (Bankruptcy).”

This article addresses the legal nature of such transactions, the applicable suspicion periods, and the legislature’s stance on the criteria underlying their contestation. It also explores the identifying features of such transactions. The author analyzes judicial practice concerning the invalidation of suspicious transactions involving inadequate consideration.

Special attention is given to the mechanisms used to establish the inadequacy of consideration, the indicators thereof, and the evidentiary requirements needed to substantiate such claims, with examples drawn from court decisions. The study concludes that certain transactions and actions cannot be challenged on this ground and highlights the need for legislative clarification regarding the necessity of establishing the factual context of the transaction and considering the counterparty’s good faith when adjudicating such disputes.

Keywords: bankruptcy, transaction contestation, suspicious transactions, transactions with inadequate consideration, materiality, suspicion periods.

References
1. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // Rossiyskaya Gazeta. No. 209-210. 02.11.2002.
2. Bill No. 125066-5 of the Federal Law of 28.04.2009 No. 73-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // [Electronic resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/125066-5. (date accessed: 27.05.2025).
3. Extract from the minutes of the meeting of the Council of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 4, 2008 No. 70 // [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi%3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DLAW%3Bn%3D151900%3Bframe%3D1000?req=doc&base=PRJ&n=64453#030684637659319614. (date of access: 05/27/2025).
4. Explanatory note "To the draft Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy) of Credit Institutions" and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "Consultant Plus".
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.07.2009 No. 63 "On current payments on monetary obligations in bankruptcy cases" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 9. September. 2009.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.12.2010 No. 63 "On certain issues related to the application of Chapter III.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "Consultant Plus".
7. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04.06.2009 No. 130 "On certain issues related to the transitional provisions of the Federal Law dated 30.12.2008 No. 296-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "Consultant Plus".
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 28.06.2011 No. 913/11 on case No. A27-4849/2010 // SPS "Consultant Plus".
9. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09/05/2013 No. VAS-15174/12 in case No. A71-6228/2011 // SPS "Consultant Plus".
10. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/05/2015 in case No. 304-ES15-3591 // SPS "Consultant Plus".
11. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/17/2016 No. 307-ES15-17721(4) in case No. A56-71819/2012 // SPS "Consultant Plus". 12. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.01.2017 No. 308-ES14-7166(3) in case No. A32-19671/2013 // SPS "Consultant Plus".
13. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.08.2017 No. 310-ES17-4012 in case No. A64-8376/2014 // SPS "Consultant Plus".
14. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.08.2018 No. 301-ES17-7613(3) in case No. A79-8396/2015 // SPS "Consultant Plus".
15. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2018 No. 307-ES18-1843 in case No. A56-31805/2016 // SPS "Consultant Plus".
16. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.07.2018 No. 305-ES18-7477(3) in case No. A40-138396/2015 // SPS "Consultant Plus".
17. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 21.12.2016 No. F08-9240/2016 in case No. A53-5757/2014 // SPS "Consultant Plus".
18. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 20.01.2017 No. F10-1728/2016 in case No. A14-4855/2014 // SPS "Consultant Plus".
19. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 05.12.2017 No. F02-6302/2017 in case No. A33-10674/2015 // SPS "Consultant Plus".
20. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasian District dated 19.03.2018 No. F08-1196/2018 in case No. A32-13465/2014 // SPS "Consultant Plus".
21. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 18.04.2018 No. F08-2284/2018 in case No. A63-3047/2016 // SPS "ConsultantPlus".
22. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 26.07.2018 No. F05-11170/2018 in case No. A40-139272/2017 // SPS "Consultant Plus".
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 24.10.2018 No. F05-17705/2018 in case No. A40-177409/14 // SPS "Consultant Plus".
24. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 10.12.2018 No. F05-20158/2018 in case No. A40-149843/2016 // SPS "Consultant Plus".
25. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 21.01.2019 No. F05-14403/2017 in case No. A40-196703/16 // SPS "Consultant Plus".
26. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 07.08.2019 No. F05-9203/2017 in case No. A40-4760/2016 // SPS "Consultant Plus".
27. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 15.07.2020 No. F05-18237/2015 in case No. A40-95123/2014 // SPS "Consultant Plus".
28. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 12.02.2021 No. F05-25672/2020 in case No. A41-78421/2018 // SPS "Consultant Plus".
29. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 09.01.2017 No. 15AP-6713/2016 in case No. A32-19671/2013 // SPS "Consultant Plus".
30. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated September 3, 2018 No. 15AP-5459/2018 in case No. A53-28488/2016 // SPS "Consultant Plus".
31. Definition of the Arbitration Court of the Amur region from 18.02.2013 in case No. A04-957/2012 // SPS "Consultant Plus".
32. Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow from 17.08.2020 in case No. A40-2084461/18 // SPS "Consultant Plus".
33. Zaitsev O.R. Challenging transactions in bankruptcy: on some innovations of Law No. 73-FZ / Bankruptcy. Scientific and practical commentary on innovations in legislation and the practice of its application edited by Vitryansky V.V. 2nd ed., reprinted. M: Statut, 2012. Pp. 86–118.
34. Kravchenko E.A. Problems of protection and rehabilitation of the debtor in case of insolvency (bankruptcy) in Great Britain, Germany, USA, France, Russia (comparative legal analysis): diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2003. 235 p.
35. Sysoeva O. V. Suspicious transactions // Jurist. 2011. No. 18. Pp. 24–29.
36. Rasteryaev N. Invalidity of legal transactions under Russian law: General Part and Special Part: dogmatic study. St. Petersburg, 1900. 376 p.
37. Shershenevich G. F. Insolvency doctrine. Kazan: University Printing House, 1890. 447 p.
38. Shishmareva T. P. Insolvency Institute in Russia and Germany. M.: Statut, 2015. 332 p.

Проблема правового регулирования различных информационных ресурсов, содержащих сведения о земле и земельных участках

Алексеенко Надежда Алексеевна
аспирант кафедры аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности, Государственный университет по землеустройству, nadezhda.alekseenko.98@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования информационных ресурсов, содержащих данные о земле и земельных участках. Автор рассматривает противоречия и пробелы, возникающие из-за применения норм различных отраслей законодательства. Особое внимание уделяется вопросам дублирования функций, несогласованности требований к сбору и обработке данных, а также сложностям обеспечения достоверности и доступности информации. В работе предложены пути гармонизации правовых механизмов и совершенствование законодательной базы для повышения эффективности управления земельными ресурсами.
Ключевые слова: правовое регулирование, информационные ресурсы, земельные участки, земельное законодательство, государственное управление земельными ресурсами, дублирование функций, несогласованность требований, достоверность данных, межведомственная разобщенность, правовые пробелы, цифровизация земельного кадастра.

Современные вызовы, связанные с динамичной трансформацией социально-экономических отношений и цифровизацией государственного управления, актуализируют необходимость совершенствования правовых механизмов учёта земельных ресурсов. Земля, как стратегический элемент национального достояния, закреплённый в статье 9 Конституции Российской Федерации, выполняет мультифункциональную роль: она служит основой производственной деятельности, экологического баланса, правовой стабильности и инвестиционной привлекательности. Однако существующая система учёта земель сталкивается с проблемами, обусловленными как объективными факторами — ростом объёмов пространственных данных и усложнением земельных отношений, — так и правовыми коллизиями, требующими системного разрешения.

В исторической ретроспективе правовое регулирование информационных ресурсов (реестров, систем, регистров), связанных с земельными ресурсами, всегда базировалось на комплексном взаимодействии законодательных документов публично-правового и частно-правового характера. Дифференциация подходов к регулированию на федеральном и региональном уровнях отражает объективную необходимость адаптации норм к локальным социально-экономическим и экологическим условиям, что соответствует принципам многоуровневого управления.

Трансформация правового статуса данных о земле неразрывно связана с историей становления землеустройства и кадастровой системы. Первоначально кадастр формировался как инструмент фиксации пространственных параметров участков (границы, площадь) для решения двух ключевых задач:

1. Фискальной — определения налоговой базы;
2. Хозяйственной — систематизации сведений о ресурсном потенциале территорий.

С течением времени функционал кадастрового учёта расширился, включив:

- Мониторинг качественных характеристик почв и ландшафтов;
- Документирование историко-культурных особенностей земель;
- Оценку рыночной и экологической ценности участков.

Эти процессы эволюционировали в соответствии с доминирующими моделями земельных отношений — от феодальных повинностей до цифровизации пространственных данных. Каждый этап отражал запросы эпохи: в аграрных обществах акцент делался на продуктивности угодий, в индустриальную

эру — на инфраструктурном зонировании, в современный период — на интеграции геоинформационных технологий и экологических стандартов.

К концу XX века традиционная кадастровая система России утратила эффективность в условиях трансформации общественно-экономических отношений, связанных с земельно-имущественным комплексом. Это стало катализатором реформирования целей и методов ведения кадастра, особенно на фоне земельных реформ 1990-х годов. Знаковым шагом стал Указ Президента Российской Федерации от 11.12.1993 г. № 2130 [8], который не только унифицировал процедуры регистрации прав на землю и объекты недвижимости, но и переориентировал функционал кадастра. Акцент сместился на защиту имущественных интересов, формирование системы земельных платежей и регулирование рыночных операций. Однако документ ограничился экономическим аспектом, игнорируя стратегическую роль кадастра как инструмента управления земельными ресурсами, несмотря на расширение области его применения.

Принятый в 2000 году Федеральный закон № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» [6] закрепил специализированный статус системы, определив её как систематизированный массив данных о местоположении, целевом назначении и правовом режиме земель. В ст. 4 Закона прямо указывалось, что кадастр служит основой для информационного обеспечения государственного и муниципального управления земельными ресурсами. Дополнительно подчёркивалась его взаимосвязь с:

— Регистрацией прав на недвижимость;
— Землеустроительными работами;
— Экономической оценкой участков;
— Установлением обоснованных земельных платежей.

В структуру кадастра включались качественные параметры земель, включая показатели плодородия, что отражало его роль в решении агроэкологических задач. Закон акцентировал, что объём данных определяется потребностями государственного администрирования, подчёркивая управленческую функцию системы.

Ключевым элементом актуализации кадастровых сведений стал государственный мониторинг земель, институционализированный Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) 2001 года в ст. 67. [1] Он не только приобрёл официальный статус, но и был напрямую ориентирован на обеспечение достоверности данных Единого государственного реестра земель (далее -ЕГРЗ).

Однако в 2007 году с принятием Федерального закона № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [5] концепция претерпела радикальные изменения. Новая система, интегрировавшая ЕГРЗ, исключила фиксацию качественных характеристик земель, сместив фокус на технико-правовые аспекты объектов недвижимости. Это сузило возможности использования кадастра для решения задач устойчивого землепользования и экологического контроля.

Принятый ФЗ-221, аннулировавший действие Закона о земельном кадастре, также модифицировал положения ст. 67 ЗК РФ, исключив использование данных мониторинга земель для кадастрового учёта. Как подчёркивает доктор юридических наук Землякова Г. Л., законодательная политика этого периода демонстрирует выраженный дисбаланс: приоритет отдаётся защите экономических интересов, связанных с оборотом недвижимости, в ущерб экологическим и производственным аспектам землепользования. Это противоречит концепции земли как природного ресурса, критически важного для сельского, лесного хозяйства и устойчивого развития территорий. [13,с.135]

На текущем этапе отсутствует централизованная цифровая платформа, аккумулирующая результаты мониторинга земель под эгидой Росреестра. Информация фрагментирована и представлена исключительно в формате аналитических докладов о состоянии земельного фонда на федеральном и региональном уровнях. [15,с.158-159] Парадоксально, что значительная часть данных, необходимых для мониторинга, уже содержится в Едином государственном реестре недвижимости (далее - ЕГРН), однако их структура и состав не адаптированы для решения управленческих задач.

Федеральный закон №218-ФЗ от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости» [2], разработанный в рамках реализации Основ политики управления земельным фондом, также не закрепляет целевых ориентиров для ведения ЕГРН. Это создаёт правовой вакуум, усугубляя проблему фрагментации данных. [14, с.413]

С позиции системного подхода, несмотря на утверждения Варламова А.А. о многофункциональности кадастровых систем как инструмента управления земельными отношениями, текущая конфигурация ЕГРН не соответствует требованиям эффективного администрирования. [12,с.245] Ключевой пробел — отсутствие в реестре качественных характеристик земель (плодородие, эрозионные риски, загрязнение), что ограничивает возможности для:

— Планирования сельскохозяйственного производства;
— Разработки экологических программ;
— Принятия решений по рациональному землепользованию.

Эволюция информационных ресурсов в сфере земельного учёта демонстрирует тенденцию к усложнению структуры и увеличению объёмов данных. Показателен пример Росреестра: сохранив историческое название с конца 1990-х годов, ведомство радикально трансформировало свою функциональную модель. Если изначально основой являлся Единый государственный реестр прав (ЕГРП), то сейчас его преемник — ЕГРН — представляет собой гибридную платформу с исключёнными разделами и расширенным перечнем административных мер воздействия.

Количество регуляторных инструментов в реестре (ограничения, обременения, приостановления операций) возрастает экспоненциально, причём многие из них вводятся в одностороннем порядке,

минуя согласование с правообладателями. Парадоксально, но декларируемая законодательством достоверность ЕГРН регулярно подвергается сомнению. Фактические несоответствия включают:

— Технические ошибки в записях;

— Противоречия с данными смежных реестров (лесного, водного);

— Расхождения с актуальной информацией публичной кадастровой карты;

— Прецеденты судебного оспаривания решений Росреестра, что подтверждает системные изъяны в работе системы.

К 2025 году в России функционирует не менее десяти ведомственных реестров, связанных с земельными отношениями. Теоретически они должны дополнять друг друга, однако на практике их данные часто конфликтуют. Причина - ведомственная разобщённость: каждое учреждение продвигает собственный информационный ресурс как приоритетный, игнорируя информацию смежных систем. Например, Рослесхоз и Росводресурсы отстаивают исключительность своих баз данных, что блокирует межотраслевую синхронизацию.

В 2021–2022 гг. предпринималась попытка решить эту проблему путём создания «Единого информационного ресурса о земле и недвижимости» (далее -ЕИР). Инициатива, реализуемая в рамках Постановления Правительства № 2429 [9] предполагала консолидацию данных из всех реестров на платформе eir.rosreestr.gov.ru. Однако после принятия Постановления № 1040 [10] проект был свёрнут: доступ к ЕИР ограничили исключительно госорганами, а публичный портал прекратил существование.

Ситуация не просто вернулась к исходной точке, но и ухудшилась из-за создания новых реестров: «Стройкомплекс.РФ», Государственный реестр сельскохозяйственных земель, Федеральная государственная информационная система лесного комплекса.

Примечательно, что реестр сельхозземель законодательно закреплён не через ЗК РФ или профильные законы, а через ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [4], что подчёркивает бессистемность правового регулирования. Это указывает на отсутствие стратегии развития аграрного сектора: за 30 лет его проблемы так и не были решены через создание новых баз данных.

Таким образом мы имеем следующие ключевые институциональные проблемы:

1. Управление земельным фондом распределено между Росреестром, Минсельхозом, Рослесхозом и другими ведомствами, но специализированного агентства (аналога, упразднённого в 1999 г. Роскомзема) не существует.

2. Дублирование функций, например, Россельхознадзор и Росприроднадзор контролируют одни и те же аспекты землепользования, но в разных правовых плоскостях.

3. Нормативные акты принимаются точечно, без интеграции в общую систему земельного права.

Наличие множества нормативных актов и ведомств послужило одной из причин создания и функционирования в России более десяти информационных ресурсов (см. табл. № 1).

Современные информационные системы, связанные с земельными ресурсами, характеризуются методологической и содержательной гетерогенностью. Законодательная база, регулирующая эти системы, представляет собой мозаику из разрозненных нормативных актов (федеральные законы, ведомственные инструкции, региональные постановления), разработанных для решения узких задач: от регистрации имущественных прав до управления недрами. Такая правовая эклектика порождает системные дисбалансы:

1. Дублирование регулирования — одни и те же данные подпадают под действие противоречащих друг другу норм;

2. Интеграционная несовместимость — технические и семантические барьеры между системами;

3. Юридическая неоднозначность — отсутствие чётких критериев приоритетности источников.

Ключевые институциональные проблемы:

1. Терминологический плюрализм. Законодательство оперирует понятиями «реестр», «регистр», «информационная система» без их юридической унификации. Это приводит к:

— Дублированию объектов в разных системах с присвоением противоречивых статусов (например, земельный участок как объект недвижимости в ЕГРН и как природный ресурс в ГЛР);

— Коллизиям юридической силы данных — сведения из одного ресурса могут оспариваться на основании другого.

2. Институциональная фрагментация. Регулирование распределено между Росреестром, Минстроем, Минсельхозом и профильными ведомствами, каждое из которых:

— Разрабатывает ведомственные стандарты (например, методики оценки земель);

— Создаёт конкурентные юрисдикции (споры между Рослесхозом и Росреестром).

— Отсутствие межведомственного координационного органа усугубляет правовой вакуум в вопросах ответственности за актуализацию данных.

3. Цифровой разрыв, так значительная часть нормативов разработана до эпохи AI, Big Data и блокчейна,что создаёт:

— Технологическое отставание — невозможность легализовать автоматизированный сбор геоданных;

— Регуляторные лакуны— отсутствие механизмов верификации данных из IoT-устройств или спутникового мониторинга.

К каким последствиям это проводит для получателей сведений о земле:

1.Для государства:

— Снижение эффективности управления земельным фондом;

— Риски коррупции при разрешении межведомственных конфликтов.

2.Для бизнеса:

— Увеличение транзакционных издержек из-за необходимости согласования данных в multiple systems;

— Правовые риски при оспаривании кадастровой стоимости участков.

3.Для граждан:

— Трудности в оформлении прав на землю;

— Невозможность оспорить ошибки в условиях терминологической путаницы.

Ключевой институциональный пробел современного земельного права — отсутствие стратегической синергии между информационными ресурсами. Ни один законодательный акт не координирует жизненный цикл таких ресурсов (создание, актуализация, интеграция) в рамках единой цифровой экосистемы. Это формирует нормативный полицентризм, где каждый реестр функционирует как автономная юрисдикция со своими стандартами и методологиями.

В российской правовой системе также отсутствует чёткое определение информационных ресурсов после отмены старой редакции ФЗ № 24-ФЗ "Об информации, информатизации и защите информации".[7] Это создаёт «правовой вакуум», осложняющий классификацию объектов: госреестры, регистры, классификаторы де-юре не отнесены к единой категории.

Исследователи предлагают различные трактовки понятия «информационный ресурс»:

1. С.Е. Чаннов определяет его как структурированный массив данных с законодательно закреплённым режимом, подчёркивая обязательность правовых рамок для формирования и использования. [17, с.15]

2. О.Л. Солдаткина рассматривает ресурс как системообразующий элемент деятельности, служащий источником знаний для физических и юридических лиц. [16, с.120]

3. Р.В. Амелин акцентирует целостность ресурса, связывая его с документально зафиксированной информацией, порядок работы с которой регламентирован нормами. [11,с.176]

Таблица 1

Информационные ресурсы	Понятие	Объекты	НПА	Органы управления	Форматы	Сайт	Обновляемость данных	Ключевые проблемы
Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН)	Сведения о правах на недвижимость и её характеристиках	Земельные участки, здания, сооружения, помещения, объекты незавершённого строительства	Федеральный закон №218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости"	Росреестр	Электронная база, XML, API, выписки в PDF	https://rosreestr.gov.ru	Ежедневное обновление, возможны задержки из-за ручного ввода	Ошибки в данных, сложности исправления, длительность процедур
Государственные информационные системы обеспечения градостроительной деятельности субъектов Российской Федерации (ГИС ОГД)	Региональные системы для управления градостроительной документацией	Генпланы, правила землепользования, проекты планировки	Градостроительный кодекс РФ (Глава 7)	Региональные Минстроя/архитектуры	ГИС-платформы, PDF, электронные карты	Зависит от региона https://gisogd.mos.ru/home	Обновляется по мере утверждения документов	Несогласованность между регионами, ограниченный доступ к данным
Государственный лесной реестр (ГЛР)	Учёт лесных участков, их использования и охраны	Лесные участки, древесина, правообладатели	Лесной кодекс РФ (Глава 10.1)	Рослесхоз	Электронные карты, базы данных	https://rosleshoz.gov.ru	Данные обновляются ежеквартально	Сложности интеграции с другими системами
Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН)	Учёт сельхозземель для контроля их использования	Земли сельхозназначения, сведения об их владельцах	Федеральный закон № 101-ФЗ "О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения" (ст.15.1)	Росреестр, Минсельхоз	Электронная база, интеграция с ЕГРН	https://efis.mcx.ru/efis	Данные обновляются ежегодно	Несогласованность данных и проблемы с интеграцией
Государственный водный реестр (ГВР)	Учёт водных объектов и их использования	Реки, озёра, подземные воды, водопользователи	Водный кодекс РФ (ст. 31)	Росводресурсы	Электронные карты, отчёты в PDF	https://voda.gov.ru	Данные обновляются ежегодно	Нерегулярное обновление информации о водных объектах и устаревшие интерфейсы или несогласованные поля информационных систем
Федеральная государственная информационная система территориального планирования (ФГИС ТП)	Система для согласования документов территориального планирования	Схемы и планы федерального, регионального и местного уровней	Градостроительный кодекс РФ (Глава 7)	Министерство экономического развития РФ	Электронные карты, XML-схемы	https://fgistp.economy.gov.ru/	Обновляется при утверждении новых документов	Несогласованность между уровнями власти
Государственный реестр Об особо охраняемых природных территориях (ГК ООПТ)	Учёт особо охраняемых природных территорий	Заповедники, нацпарки, заказники	Федеральный закон №33 "Об особо охраняемых природных территориях" (ст.4)	Минприроды РФ	Электронная база, границы в формате Shapefile	https://карта.оцзк.рф/	Обновляется ежегодно	Устаревшие интерфейсы и несогласованные поля информационных систем
Реестр объектов культурного наследия (ЕГРОКН)	Учёт памятников истории и культуры	Здания, сооружения, археологические объекты	Федеральным законом №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». (Глава 4)	Министерство культуры РФ	JSON, XML	https://okn-mk.mkrf.ru/maps	Данные обновляются ежеквартально	Отсутствие современных информационных технологий при ведении базы

Объединяя эти подходы, можно заключить: информационный ресурс — это нормативно регулируемая совокупность данных, организованных для решения управленческих задач.

Классификация информационных ресурсов о земле и земельных участках Последствия такой дезинтеграции носят каскадный характер:

1. Технологическая асимметрия — отсутствие интероперабельных протоколов обмена данными между системами;

2. Регуляторная инерция — невозможность синхронизировать ведомственные регламенты с требованиями цифровой экономики;

3. Юридическая турбулентность— конфликты между «унаследованными» нормами (1990–2000-х гг.) и запросами цифровизации.

Законодательная база напоминает правовой палимпсест — слои разновременных актов (от земельных реформ 1990-х до точечных цифровизационных инициатив 2020-х) накладываются друг на друга без

логической сверки. Это блокирует формирование доверительной среды: данные из ЕГРН, ГЛР или ФГИС ТП воспринимаются потребителями информации как условно релевантные из-за риска их оспаривания через смежные системы.

Исходя из вышесказанного, представляется назревшим и актуальным следующие реформы российского законодательства:

1. Решение требует не точечных изменений, а парадигмального пересмотра подходов — от принятия рамочного закона «О цифровых земельных ресурсах» до создания межведомственного центра компетенций по управлению геоданными.

2. Юридическая унификация терминологии, а именно внедрение в законодательство системный понятийный каркас, охватывающий все типы цифровых активов земельного фонда:

— Реестровые системы (ЕГРН, ГЛР, ГВР);

— Геопространственные платформы (ГИС ОГД, ФГИС ТП);

— Ведомственные хранилища (мониторинг сельхозземель, кадастр ООПТ).

3. Возвращение понятия информационного ресурса в ФЗ от 27.07.2006 № 149 "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"[3], дополнив ст. 2 следующим понятием:

Информационные ресурсы – это совокупность структурированных сведений, интегрированных в информационно-аналитические платформы, функционирующие в рамках правового режима, установленного настоящим Законом и другими федеральными законами.

4. Разработать федеральные и ведомственные стандарты для сбора и обработки информации, чтобы обеспечить совместимость данных на региональном уровне.

— Интероперабельные протоколы (форматы JSON/XML, ISO 19115);

— Криптографические стандарты для защиты данных (ГОСТ Р 34.10-2012, блокчейн-хранение);

— Единые метрики качества (точность, актуальность, полнота).

Предложенные меры способствуют объединению данных о земле из разных источников в единую систему. Это поможет анализировать землю комплексно, управлять «умнее» и позволят гражданам и бизнесу проверять информацию через открытые, достоверные онлайн-платформы.

Литература

1. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости" от 13.07.2015 N 218-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. N 101-ФЗ "О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения" (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.
5. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (Утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
6. Федеральный закон от 02.01.2000 N 28-ФЗ "О государственном земельном кадастре" (Утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
7. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ "Об информации, информатизации и защите информации" (утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
8. Указ Президента РФ от 11.12.1993 N 2130 "О государственном земельном кадастре и регистрации документов о правах на недвижимость" (Утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
9. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 №2429 «О проведении в 2021 году эксперимента по созданию Единого информационного ресурса о земле и недвижимости». // СПС Консультант Плюс.
10. Постановление Правительства РФ от 7 июня 2022 г. N 1040 "О федеральной государственной географической информационной системе "Единая цифровая платформа "Национальная система пространственных данных" (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.
11. Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем: монография (под ред. С.Е. Чаннова). - "ГроссМедиа", 2016 – 338 с.
12. Варламов, А.А. Земельный кадастр. Т. 6: Географические и земельные информационные системы. Т. 6. - 2005 (Йошкар-Ола : ГУП РМЭ Марийский полигр.-издат. комб.). - 398, [1] с. : ил., табл.; ISBN 5-9532-0144-3 (Т. 6)
13. Землякова, Г. Л. Формирование кадастровых сведений о земельных участках как основы управления в сфере использования и охраны земель: проблемы теории и практики : специальность 12.00.06 "Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Землякова Галина Леонидовна. – Москва, 2016. – 449 с. – EDN PRHKQB.
14. Липски, С. А. К вопросу о сопоставимости ведомственных информационных ресурсов о земле / С. А. Липски // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 412-418. – DOI 10.30533/0536-101X-2019-63-4-412-418. – EDN ZQUTVG.
15. Липски, С. А. Правовое регулирование формирования и функционирования земельно-информационных ресурсов в землеустроительной деятельности / С. А. Липски, Н. А. Алексеенко // Актуальные вопросы землеустроительной науки и образования : Сборник материалов международной научно-практической конференции, состоявшейся 26 сентября 2023 года и посвящённой 120-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, д.э.н., академика ВАСХНИЛ Сергея Александровича УДАЧИНА, Москва, 26 сентября 2023 года. – Москва: Государственный университет по землеустройству, 2024. – С. 158-164. – EDN NQZYRV.

16. Солдаткина О.Л. Информационные ресурсы российской правовой политики [Текст] : монография / О. Л. Солдаткина ; под ред. А. В. Малько. - Москва : Юрлитинформ, 2013. – 181

17. Чаннов, С. Е. Реестр и информационная система: соотношение понятий / С. Е. Чаннов // Информационное право. – 2017. – № 3. – С. 4-10. – EDN ZHTRSN.

The problem of legal regulation of various information resources containing information on land and land plots

Alekseenko N.A.
State University of Land Management

The article analyzes the problems of legal regulation of information resources containing data on land and land plots. The author considers contradictions and gaps arising due to the application of norms of different branches of legislation. Special attention is paid to the issues of duplication of functions, inconsistency of requirements for data collection and processing, as well as difficulties in ensuring the reliability and accessibility of information. The paper suggests ways to harmonize legal mechanisms and improve the legislative framework to increase the efficiency of land resources management.

Keywords: legal regulation, information resources, land plots, land legislation, public administration of land resources, duplication of functions, inconsistency of requirements, data reliability, interagency fragmentation, legal gaps, digitalization of land cadastre.

References

1. “Land Code of the Russian Federation” from 25.10.2001 N 136-FZ (ed. from 20.03.2025) // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law “On State Registration of Real Estate” from 13.07.2015 N 218-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus.
3. Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated 27.07.2006 N 149-FZ (latest edition) // SPS Consultant Plus.
4. Federal Law of July 16, 1998 N 101-FZ “On state regulation of fertility of agricultural lands” (with amendments and additions) // SPS Consultant Plus.
5. Federal Law of 24.07.2007, No. 221-FZ “On State Cadastre of Real Estate” (Repealed) // SPS Consultant Plus.
6. Federal law from 02.01.2000 N 28-FZ “On the state land cadastre” (Repealed) // SPS Consultant Plus.
7. Federal Law of February 20, 1995 N 24-FZ “On Information, Informatization and Protection of Information” (Repealed) // SPS Consultant Plus.
8. The Decree of the President of the Russian Federation from 11.12.1993 N 2130 “About the state land cadastre and registration of documents on real estate rights” (Repealed) // SPS Consultant Plus.
9. Decree of the Government of the Russian Federation from 31.12.2020 №2429 “On conducting in 2021 an experiment to create a Unified information resource on land and real estate”. // SPS Consultant Plus.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation from June 7, 2022 N 1040 “On the federal state geographic information system ‘Unified digital platform ’National system of spatial data” (with amendments and additions) // SPS Consultant Plus.Plus.
11. Amelin R.V. Legal regime of state information systems: a monograph (ed. by S.E. Channov). - “GrossMedia”, 2016.
12. Varlamov, A.A. Land cadastre. T. 6: Geographic and land information systems. T. 6. - 2005 (Yoshkar-Ola : GUP RME Mariyskiy polygraphic-publishing comb.). - 398, [1] c. : ill., tabl.; ISBN 5-9532-0144-3 (Vol. 6)
13. Zemlyakova, G. L. Formation of cadastral data on land plots as the basis of management in the sphere of land use and protection: problems of theory and practice : specialty 12.00.06 “Land law; natural resource law; environmental law; agrarian law” : dissertation for the degree of Doctor of Laws / Galina Leonidovna Zemlyakova. - Moscow, 2016. - 449 c. - EDN PRHKQB.
14. Lipski, S. A. To the question of comparability of departmental information resources about land / S. A. Lipski // Izvestiya vysokikh uchebnykh uchebnykh obrazovaniya. Geodesy and aerial photography. - 2019. - T. 63, № 4. - C. 412-418. - DOI 10.30533/0536-101X-2019-63-4-412-418. - EDN ZQUTVG.
15. Lipski, S. A. Legal regulation of formation and functioning of land-information resources in land surveying activities / S. A. Lipski, N. A. Alekseenko // Actual issues of land surveying science and education : Collection of materials of the international scientific-practical conference held on September 26, 2023 and dedicated to the 120th anniversary of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Economics, Academician of VASKHNIL Sergey Alexandrovich UDACHIN, Moscow, September 26, 2023. - Moscow: State University of Land Management, 2024. - C. 158-164. - EDN NQZYRV.
16. Soldatkina, O.L. Information resources of Russian legal policy [Text] : a monograph / O.L. Soldatkina ; edited by A.V. Malko. - Moscow : Yurlitinform, 2013. - 181
17. Channov, S. E. Register and information system: correlation of concepts / S. E. Channov // Information Law. - 2017. - № 3. - C. 4-10. - EDN ZHTRSN.

Становление и развитие авторского законодательства в Российской Федерации: проблемы в современных реалиях

Афанасьева Мария Павловна
канд.юрид.наук, доцент, Астраханский государственный университет им В.Н. Татищева

Бабанова Ольга Игоревна
старший преподаватель, Астраханский государственный университет им В.Н. Татищева

Данная работа посвящена становлению и развитию авторского законодательства в Российской Федерации. Рассматриваются исторические предпосылки возникновения авторского права, его эволюция в советский и постсоветский периоды, а также современные изменения в законодательстве. Особое внимание уделяется проблемам и вызовам, с которыми сталкивается система защиты авторских прав, включая вопросы пиратства и адаптации к цифровым технологиям. В заключении подчеркивается необходимость дальнейшего развития авторского законодательства для обеспечения эффективной защиты прав авторов и содействия культурному и научному прогрессу.
Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, Российская Федерация, Гражданский кодекс, смежные права, цифровые технологии, пиратство, защита прав авторов, международные соглашения.

Авторское право в России имеет долгую и сложную историю, уходящую корнями в древние времена. Первые попытки защиты прав авторов можно проследить в законодательных актах XVII века, однако системное регулирование началось только в XIX веке. В этот период возникли первые законопроекты, касающиеся защиты интеллектуальной собственности. В 1911 году был принят первый закон об авторском праве, который стал основой для дальнейшего развития законодательства в этой области. Этот закон установил основные принципы защиты прав авторов, включая право на вознаграждение и право на авторство. Он также определил порядок регистрации произведений, что способствовало формированию института авторского права в стране.

Советский период оказался переломным для авторского права в России. В условиях социалистической экономики акцент был сделан на коллективную собственность и использование произведений на благо общества. Это привело к значительному ограничению прав авторов и установлению жесткого контроля со стороны государства.

Несмотря на ограничения, в советский период были разработаны механизмы защиты авторских прав. Создание Союза писателей и других творческих союзов позволило авторам объединиться для защиты своих интересов и обеспечения прав на вознаграждение за использование произведений.

С распадом Советского Союза началось переосмысление авторского законодательства. В 1993 году был принят новый закон об авторском праве, который учел международные стандарты и требования времени. Этот закон стал основой для формирования системы защиты прав авторов в новых условиях рыночной экономики.

Важным этапом стало принятие Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 году, который включил разделы, касающиеся авторского права и смежных прав. Это дало возможность более четко определить права и обязанности правообладателей и пользователей произведений, а также установить механизмы их защиты.

С тех пор российское законодательство претерпело несколько изменений, направленных на улучшение защиты прав авторов. В частности, были введены новые нормы, касающиеся использования произведений в цифровом формате, что стало актуальным с развитием интернета и новых технологий.

Эволюция авторского законодательства также была связана с необходимостью гармонизации российских норм с международными стандартами. Участие России в международных соглашениях, таких

как Бернская конвенция, способствовало улучшению условий для защиты прав авторов на международном уровне.

Таким образом, историческое развитие авторского законодательства в России прошло через несколько ключевых этапов — от первых попыток регулирования до современных изменений, связанных с цифровыми технологиями и глобализацией. Каждый из этих этапов оказал значительное влияние на формирование системы защиты авторских прав.

Так, история авторского права в России — это история борьбы за права авторов и их интересы. Понимание этих исторических процессов необходимо для дальнейшего развития законодательства и создания эффективной системы защиты прав интеллектуальной собственности в стране.

Современные условия для авторов и правообладателей таковы, что их работы регулярно подвергаются копированию и распространению третьими лицами без получения на то необходимых разрешений от первых лиц. В данной статье рассмотрены проблемы реализации защиты авторских прав при сегодняшнем уровне цифровизации.

По мере развития общества в информационном направлении приобретает большое значение достижения в области интеллектуальной деятельности, способов и методов индивидуализации. Наряду с тем возрастает риск плагиата, а также уровень коммерческой выгоды за счет чужих трудов, что безусловно не может не доставлять неудобства правообладателям. А потому все чаще встает вопрос о действенных методах защиты своих исключительных прав, в частности на просторах Интернета.

Перед авторами возникает сложная проблема сохранения своих авторских прав, поскольку немногие пользователи интернет ресурсов отдают себе отчет в том, что на копирование информации из сети распространяются те же законы, что и для информации из любых альтернативных источников.

Но как гласит крылатое выражение: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», к сожалению, и отстоять свои права автор должен самостоятельно, представив для этого исчерпывающие подтверждения. Связано это с тем, что сами методы защиты авторских прав в сети Интернет не содержат существенных отличий от обычных методов защиты прав автора, а тем временем обнаружить факт нарушения достаточно затруднительно. Стоит проговорить о сути возникновения проблемы защиты авторских прав в сети Интернет, а заключается она в доступности копирования нематериальной информации.

Заявить о нарушении авторского права может как сам автор, так и организации по управлению правами на коллективной основе, что предусмотрено в Гражданском кодексе Российской Федерации. Интеллектуальные права охраняются при помощи самостоятельного использования средств защиты и осуществляется посредством государственно-принудительного метода. Разрешить спор, касающийся защиты интеллектуальной собственности, возможно в судебном порядке.

Актуальность темы в современных реалиях заключается в то, что в сети защита прав автора не имеет должного освещения в законодательной базе Российской Федерации. Согласно законам Российской Федерации для того, чтобы возникло авторское право творческий труд достаточно обнародовать, при этом официальная регистрация интеллектуальной собственности необязательна. Ст. 1273 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит о допущении свободного использовании (воспроизведении) обнародованного произведения без внесения финансовых компенсаций, но при условии использования такого произведения исключительно в собственных целях. Также допускается использование произведения для цитирования в учебных, научных или культурных целях, но при соблюдении обязательных условий, а именно указание имени автора и источника заимствования [1]. Предусмотренные гражданско-правовые средства защиты авторских прав являются юридическими мерами принудительного характера, в рамках которых предусмотрено восстановление и признание прав за автором, пресечение нарушений.

В ст. 1301, ст. 1311, ст. 1406 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации перечислена ответственность в случае нарушения исключительного права и здесь автор может требовать от нарушителя, по собственному усмотрению, компенсационных выплат вместо возмещения убытков. Компенсация в свою очередь может составить от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, на основании вынесенного судом решения, или же в двукратной величине стоимости права использования предмета спора [1].

Проанализировав способы защиты авторских прав можно заметить, что вся интеллектуальная собственность разграничена на неимущественные и исключительные права. А поскольку данные разделы относятся к категории гражданских прав, то и защита их осуществляется способами указанными в ст. 12 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Необходимо учитывать характер правонарушения для верного выбора способа защиты права автора, а также процессуальный механизм применения данного способа. Особенностью в случае защиты интеллектуальных прав является сопровождение урона имени автора. В этом случае полное восстановление данного права затруднительно, хотя этому однозначно должно поспособствовать опубликованное решение суда в средствах массовой информации. Но этот способ не является специфичным для защиты неимущественных прав автора, он также применим и при защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Прежде всего нелегальное распространение работ в интернете, без согласования с автором, осуществляется для извлечения собственной финансовой выгоды. Меры по пресечению данного нарушения могут наказать виновных и принудить компенсировать обладателю авторских прав сумму ущерба, но в виду пиратской деятельности, которая осуществляется полузаконными методами, принятие

подобных мер наказания, в сущности, является бесполезным.

В 2013 году был принят «антипиратский» закон призванный внести ясность в вопросе решения проблем защиты авторских и смежных прав в области цифровой экономики это Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях». И он значительно поправил положение, связанное с защитой авторских прав, однако его влияние распространялось только аудиовизуальную продукцию [2], но уже в 2015 году защита интеллектуальной собственности в сети Интернет усилилась в виду принятия Федерального закона № 364-ФЗ от 24 ноября 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «об информации, информационных технологиях и о защите информации» и гражданский процессуальный кодекс российской федерации» данный закон раздвинул границы действия «антипиратского» закона. Это наблюдалось в ограничении доступа к размещенной в сети информации, использованной с нарушением авторских прав, вместе с аудиовизуальной продукцией закон охватил и иные объекты авторского и смежных прав (программное обеспечение, литературные произведения и т. д.) [3].

Выполнение контроля протекающих процессов в сети является трудоемкой задачей, это связано с сложностью определения рамок действия национального законодательства, затрудняет эту работу отсутствие единства правовых норм, направленных на сохранность интеллектуальной собственности в сети Интернет. Обнаружив подобную брешь, нарушители получили возможность размещать пиратский контент в странах с менее развитым в этой области законодательством. И здесь то и заключается суть проблемы искоренения «интернет-пиратства», потому как получив запрет на работу данного информационного ресурса в рамках законодательства одного государства, сайт с пиратским контентом перемещается в сегмент сети, где спокойно может продолжать свою существование под юрисдикцией другой страны [5]. Как видно из этого повысить вероятность истребления нарушений в сети путем блокирования интернет ресурса не представляется возможным.

По мнению руководителя Центра Цифровых Прав С. Дарбиняна, пользователи сети Интернет достаточно изобретательны и научены использовать различные плагины и инструменты для поиска и скачивания нелегальных контентов. И в данном случае ограничение доступа к интернет-ресурсам, располагающим пиратскими контентами, абсолютно не искореняет проблему, в виду того, что достаточно распространены способы как размещения нелегальной информации, так методы обхода блокировок сайта, что позволяет оставаться безнаказанными [6].

Как видно из проведенного исследования на сегодняшний день действенных методов гражданско-правовой защиты прав автора на свои труды, публикуемые в сети Интернет недостаточно. Сами методы позволяющие обойти закон движутся в своем развитии быстрее, опережая на шаг законодательство. Экстерриториальность интернет-среды не позволяет осуществлять за ней четкий контроль и регулирование, однако своевременное и правильное применение текущего законодательства оставляет шанс правообладателям на восстановление авторских прав. Проанализировав некоторые изменения в законодательной базе РФ, касающейся защиты авторских прав, можно наблюдать устранение недостатков и пробелов, хотя в ней все еще остаются уязвимые места, а потому авторское право по-прежнему нуждается разработке новых и эффективных способов защиты.

Не маловажным является и уровень осведомленности граждан в вопросах авторских и смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, размещенной в сети Интернет.

Современное авторское законодательство в России сталкивается с рядом серьезных вызовов, одним из которых является проблема пиратства. С увеличением доступности цифровых технологий и интернета наблюдается рост нарушений авторских прав, что ставит под угрозу интересы создателей произведений.

Пиратство затрагивает все сферы культуры — от литературы до музыки и кино. По данным различных исследований, значительная часть контента используется без разрешения правообладателей, что приводит к экономическим потерям для авторов и производителей.

Государственные органы и правообладатели активно работают над разработкой эффективных мер противодействия пиратству. Внедрение новых технологий для мониторинга интернет-пространства стало важным шагом в борьбе с нарушениями авторских прав.

Не менее важным аспектом является необходимость адаптации законодательства к новым условиям цифровой экономики. Появление новых форматов распространения контента требует пересмотра существующих норм и создания новых механизмов защиты прав авторов.

Современные платформы, такие как YouTube и Spotify, предоставляют пользователям доступ к огромному количеству контента. Это создает новые вызовы для правообладателей, которым необходимо учитывать специфику работы таких платформ при защите своих прав.

Кроме того, значительным вызовом является необходимость защиты прав авторов в условиях глобализации. Технологии позволяют произведениям быстро распространяться за пределы одной страны, что создает сложности с обеспечением защиты прав на международном уровне.

Для решения этих проблем важно развивать сотрудничество с другими государствами и участвовать в международных соглашениях, таких как Бернская конвенция и Договор ВОИС по авторскому праву. Это позволит создать более эффективные

механизмы защиты прав авторов на международной арене.

Также необходимо учитывать интересы всех участников рынка при разработке новых норм. Это поможет создать сбалансированную систему защиты прав авторов, которая будет учитывать как интересы создателей произведений, так и потребителей контента.

Ключевыми направлениями для будущего развития могут стать улучшение механизмов лицензирования и поддержка образовательных инициатив по повышению осведомленности о правах интеллектуальной собственности. Это поможет создать более устойчивую систему защиты прав авторов.

Таким образом, эффективная защита авторских прав станет залогом устойчивого культурного и экономического развития России в условиях глобальных изменений. Дальнейшее развитие авторского законодательства должно быть направлено на создание условий для поддержки творческой деятельности и обеспечения справедливого вознаграждения для авторов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 07.10.2022).
2. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях».
3. Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «об информации, информационных технологиях и о защите информации» и гражданский процессуальный кодекс российской федерации».
4. Васильков А.В. Безопасность и управление доступом в информационных системах: учебное пособие / А.В. Васильков, И.А. Васильков. – М.: Форум, 2018. – 384 с.
5. Баранова Е.К. Информационная безопасность и защита информации: учебное пособие / Е.К. Баранова, А.В. Бабаш. – М.: Риор, 2018. – 400 с.
6. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в условиях цифровой экономикихttps://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zaschity-avtorskih-i-smezhnyh-prav-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki

Formation and development of copyright legislation in the russian federation. problems in modern realities

Afanasieva M.P., Babanova O.I.
Astrakhan State University named after V.N. Tatishcheva

This work is devoted to the formation and development of copyright legislation in the Russian Federation. The historical background of the emergence of copyright, its evolution in the Soviet and post-Soviet periods, as well as modern changes in legislation are considered. Particular attention is paid to the problems and challenges faced by the copyright protection system, including issues of piracy and adaptation to digital technologies. The conclusion emphasizes the need for further development of copyright legislation to ensure effective protection of authors' rights and promote cultural and scientific progress.

Keywords: copyright, intellectual property, Russian Federation, Civil Code, related rights, digital technologies, piracy, protection of authors' rights, international agreements.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 07.10.2022).
2. Federal Law of 02.07.2013 N 187-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunication Networks".
3. Federal Law of November 24, 2014 N 364-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technology and the Protection of Information" and the Civil Procedure Code of the Russian Federation".
4. Vasilkov AV Security and Access Control in Information Systems: a tutorial / AV Vasilkov, IA Vasilkov. - M .: Forum, 2018 .-- 384 p.
5. Baranova EK Information security and information protection: a tutorial / E.K. Baranova, A.V. Babash. - M .: Rior, 2018. - 400 p.
6. Actual problems of copyright and related rights protection in the digital economy https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zaschity-avtorskih-i-smezhnyh-prav-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki

Правовое обеспечение цифровой трансформации в градостроительстве в Российской Федерации

Золотухина Мария Сергеевна
аспирант, РТА, 7848933@mail.ru

В статье рассматривается процесс цифровой трансформации в сфере градостроительства Российской Федерации, акцентируется внимание на её ключевых элементах и этапах формирования нормативно-правовой базы. Автор анализирует развитие правового регулирования, начиная с 1992 года, и выделяет шесть основных этапов, которые отражают эволюцию информационных систем в градостроительной деятельности. Особое внимание уделяется введению геоинформационных систем обеспечения градостроительной деятельности и информационного моделирования объектов капитального строительства. Подчёркивается роль государственных информационных систем в централизации данных, автоматизации процессов и обеспечении публичного доступа к информации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, градостроительство, информационные технологии, правовое регулирование, информационные системы, информационное моделирование.

Процесс цифровизации оказывает значительное воздействие на разнообразные сферы градостроительной работы. В области планирования он проявляется через цифровое хранение и централизованное управление данными, улучшение коммуникации между различными структурами, а также предоставление открытого доступа к информации через Федеральную государственную информационную систему территориального планирования (ФГИС ТП) и публичные платформы геоинформационных систем для градостроительных целей (ГИСОГД).

Применение современных технологий моделирования для объектов строительства, а также использование 3D-печати создают цифровое пространство, где этапы планирования, проектирования, строительства и эксплуатации объектов интегрированы в единый процесс.

Под цифровой трансформацией в градостроительстве будем понимать комплексное внедрение технологий, которое направлено на улучшение эффективности на всех этапах работы с городскими территориями: от проектирования до эксплуатации объектов. Подобные изменения создают условия для формирования более устойчивой и комфортной городской среды, благодаря применению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и внедрению инновационных подходов [4, с. 4].

Ключевыми элементами цифровой трансформации в градостроительстве можно назвать следующие:

1) сбор и анализ данных (большие данные (Big Data), искусственный интеллект и машинное обучение). Благодаря IoT возможно внедрение систем мониторинга, которые отслеживают состояние городской инфраструктуры в режиме реального времени, что, в свою очередь, повышает безопасность и обеспечивает оперативное реагирование на проблемы;

2) информационное моделирование зданий (BIM) – разработка цифровых реплик зданий и инфраструктурных объектов, которые включают детализированную информацию о каждом элементе проекта;

3) геоинформационные системы (ГИС) – использование цифровых карт и пространственного анализа для планирования и управления городскими территориями, мониторинга экологических показателей, зонирования и управления земельными ресурсами;

4) интернет вещей (IoT) и умные устройства – внедрение сенсоров и подключенных устройств для реального времени мониторинга состояния городской инфраструктуры, оптимизации работы коммунальных служб, транспортных систем и обеспечения безопасности. Благодаря IoT возможно внедре-

ние систем мониторинга, которые отслеживают состояние городской инфраструктуры в режиме реального времени, что, в свою очередь, повышает безопасность и обеспечивает оперативное реагирование на проблемы;

5) цифровые платформы и сервисы для граждан (создание онлайн-порталов и мобильных приложений для взаимодействия жителей с муниципальными службами);

6) виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) (использование технологий для визуализации проектов и проведения общественных обсуждений). VR и AR играют важную роль в демонстрации и обсуждении новых проектов с общественностью, поскольку дают возможность жителям города не только оценить будущие изменения, но и участвовать в процессе принятия решений;

7) кибербезопасность и защита данных (обеспечение безопасности информационных систем и персональных данных граждан, разработка нормативных актов и стандартов для защиты цифровой инфраструктуры) [5; 6]. С учетом увеличения объема данных и их публичного доступа, защита информации становится неотъемлемым элементом системы, позволяющим сохранить доверие граждан к цифровым платформам.

В целом, цифровая трансформация в градостроительстве предоставляет новые возможности для решения сложных урбанистических задач. Она требует пересмотра традиционных методов и адаптации нормативно-правовой базы для эффективного внедрения инноваций.

Для успешной цифровой трансформации в градостроительстве необходимо не только внедрение передовых технологий, но и создание соответствующей нормативно-правовой основы, поддерживающей и ускоряющей этот процесс. Одним из ключевых шагов в этом направлении стало принятие Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на период с 2018 по 2024 год [3].

В данной программе определены основные принципы цифровизации, а также подчёркивается необходимость новых форм партнёрства и сотрудничества между различными секторами экономики и общества – а это также является основой развития градостроительства, когда взаимодействие граждан и органов власти с помощью новейших ИКТ является одним из драйверов развития.

Одним из федеральных проектов в рамках Национальной программы является проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который направлен на формирование правовых основ для комплексной поддержки цифровых преобразований.

Для обеспечения цифровой трансформации в градостроительстве Российской Федерации необходима адаптация нормативной базы и последовательное развитие правовых механизмов, которые поддерживают интеграцию информационных технологий в управление городской средой.

Можно выделить несколько этапов формирования правового обеспечения информационного сопровождения градостроительной деятельности, которые отражают развитие правового регулирования, направленного на автоматизацию процессов, создание и внедрение информационных систем, а также совершенствование нормативно-правовой базы для поддержки новых технологий в градостроительстве.

В период с 1992 по 1998 год в России начал действовать Федеральный закон «Об основах градостроительства в Российской Федерации», согласно которому граждане и организации впервые получили официальное право на доступ к проверенной информации о состоянии городской и природной среды. Однако понятие информационной системы на данном этапе не применялось – а это ограничивало возможности систематизированного учета и анализа данных в градостроительной деятельности.

Второй этап (1998-2006 годы) связан с введением Градостроительного кодекса Российской Федерации 1998 года (далее – ГрК РФ), в котором впервые появляются такие понятия, как «градостроительный кадастр» и «мониторинг объектов градостроительной деятельности». Введение данных понятий стало основой для систематизации градостроительной информации, хотя степень автоматизации информационного обеспечения на этом этапе оставалась низкой.

Таким образом, интеграция градостроительного кадастра и мониторинга объектов стала отправной точкой для введения стандартов по сохранению и классификации данных, необходимых для контроля экологического состояния городской среды.

В течение 2006-2018 годов действовала статья 56 ГрК РФ 2004 года [1]. На данном (третьем) этапе введено понятие информационной системы обеспечения градостроительной деятельности, что создало условия для частичной автоматизации процессов сбора и обработки данных. В этот период появились первые автоматизированные информационные системы. Третий этап развития информационных систем в градостроительстве был обусловлен необходимостью создания основ для автоматизации управленческих процессов, включая сбор и обработку больших объемов данных. На данном этапе введено понятие информационной системы обеспечения градостроительной деятельности. В этот период появились первые автоматизированные информационные системы.

Введение понятий «информационная система» и «градостроительная деятельность» стало основополагающим моментом в юридическом закреплении цифровизации в управлении городскими территориями.

С 2012 года, с введением статьи 57.1, была введена федеральная система для территориального планирования (ФГИС ТП), которая позволила перевести процесс согласования документов в электронный формат, что ускорило и упростило административные процессы. Благодаря запуску этой системы документы, связанные с территориальным планиро-

ванием, получили возможность электронного согласования, что существенно повысило скорость и упростило административные процедуры.

Создание федеральной государственной информационной системы территориального планирования позволило упростить взаимодействие с административными органами, в том числе на уровне муниципалитетов. Систематизация данных с помощью электронных согласований и доступ к территориальной информации увеличили скорость административных процессов.

С введением статьи 56 ГрК РФ в 2019 году начался пятый этап, предусматривающий внедрение региональных информационных систем для градостроительства. В этих системах предусмотрены автоматизированные функции информационно-аналитической поддержки, что позволяет осуществлять подготовку, согласование и утверждение документов в электронном формате, создавая условия для эффективного взаимодействия всех участников градостроительного процесса.

Также на этом этапе было внедрено информационное моделирование в градостроительную деятельность. Согласно статье 57.5 ГрК РФ, в нормативно-правовую базу введено понятие информационной модели объекта капитального строительства, что стало основой для широкого применения технологий информационного моделирования (BIM-технологий) в проектировании и строительстве.

На этом этапе были заложены основы для регионального уровня автоматизации, что позволило внедрить функции поддержки принятия решений, основанные на анализе информации о территориях. Такие функции не только ускорили согласование документов, но и обеспечили основу для прогнозирования градостроительного развития.

Следующий этап берёт свое начало с 1 декабря 2022 года и связан с изменениями в статье 56 ГрК РФ, в соответствии с которыми было введено понятие государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности Российской Федерации. Этот этап знаменует собой начало интеграции региональных систем ГИСОГД с другими информационными системами с помощью технологических интерфейсов [5].

Постановлением Правительства РФ от 13 марта 2020 года № 279 «Об информационном обеспечении градостроительной деятельности» утверждён список сведений, документов и материалов, доступ к которым организован через официальные интернет-платформы. Документ не содержит требований к созданию векторных моделей, но предусматривает возможность просмотра карт и информации о местоположении объектов с координатами. Одним из ключевых изменений, связанных с переходом от информационных систем для градостроительства к геоинформационным системам обеспечения градостроительной деятельности, стало не только расширение перечня доступных данных и введение обязательного размещения их в сети Интернет, но и правовое закрепление функций для автоматизированной информационно-аналитической поддержки в сфере градостроительства. В соответствии с ч. 7.1 ст. 56 ГрК РФ, такая система (ГИСОГД) должна обеспечивать подготовку, согласование и утверждение ряда основных документов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что правовое обеспечение цифровой трансформации в градостроительстве Российской Федерации отражает переход от фрагментарного регулирования к системному внедрению цифровых технологий. На базе актуальных изменений ГрК РФ и внедрения федеральных информационных систем установлена нормативная база для централизации данных, автоматизации процессов и публичного доступа к информации. Указанные меры направлены на сокращение временных и финансовых затрат при проектировании, строительстве и эксплуатации объектов капитального строительства.

Практическая реализация цифровых платформ уже сегодня позволяет сократить время согласования документов и снизить финансовые издержки за счёт автоматизации рутинных задач. Более того, внедрение информационных моделей (BIM) и интеграция с геоинформационными системами (ГИС) создают возможности для раннего выявления проблем и оптимизации затрат на всех этапах проектирования и строительства.

Следующий шаг – дальнейшее совершенствование нормативной базы для максимального использования потенциала искусственного интеллекта и технологий больших данных для более точного прогнозирования и планирования, что критически важно для устойчивого развития городских территорий и инфраструктуры в условиях растущей урбанизации.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Российская газета. 30 декабря 2004 г. № 290.

2. Постановление Правительства РФ от 13.03.2020 № 279 (ред. от 16.05.2024) «Об информационном обеспечении градостроительной деятельности» (вместе с «Правилами ведения государственных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности», «Правилами предоставления сведений, документов, материалов, содержащихся в государственных информационных системах обеспечения градостроительной деятельности»). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003170019 (дата обращения: 18.10.2024).

3. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 18.10.2024).

4. Бурый, А. С. Перспективы стандартизации информационного пространства умного города / А. С. Бурый, Д. А. Ловцов // Информационно-экономиче-

ские аспекты стандартизации и технического регулирования. – 2022. – № 2(66). – С. 4-11. – EDN TDHYES.

5. Парфентьев, Н. А. Цифровая трансформация в строительной отрасли: выступление на пленарном заседании 6-го Всероссийского практического семинара «Градостроительная деятельность – 2023», 5 июня 2023 г. URL: https://niisf.org/biblio/glavnaya/tsifrovaya-transformatsiya-stroitelnoj-otrasli (дата обращения: 20.10.2024).

6. Мамулат, С. Л. Методологии прогнозирования с использованием Big Data в Управлении Инфраструктурными Активами (AIM): выступление на тематической секции «Искусственный интеллект в строительстве» в рамках 6-го Всероссийского практического семинара «Градостроительная деятельность – 2023», 8 июня 2023 г. URL: https://dzen.ru/a/ZIHMpM8nY3oNRU0X (дата обращения: 21.10.2024).

Legal support for digital transformation in urban development in the Russian Federation

Zolotukhina M.S.
RTA

The article examines the process of digital transformation in the field of urban planning in the Russian Federation, highlighting its key elements and stages of forming the regulatory framework. The author analyzes the development of legal regulation since 1992 and identifies six main stages that reflect the evolution of information systems in urban planning activities. Special attention is given to the introduction of geoinformation systems for urban planning support and information modeling of capital construction projects. The role of state information systems in data centralization, process automation, and ensuring public access to information is emphasized.

Keywords: digital transformation, urban planning, information technology, legal regulation, information systems, information modeling.

References

1. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // Rossiyskaya Gazeta. December 30, 2004 No. 290.
2. RF Government Resolution of 13.03.2020 No. 279 (as amended on 16.05.2024) "On information support for urban development activities" (together with the "Rules for maintaining state information systems to support urban development activities", "Rules for the provision of information, documents, materials contained in state information systems to support urban development activities"). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003170019 (date of access: 18.10.2024).
3. Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes of 04.06.2019 No. 7). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (date of access: 18.10.2024).
4. Bury, A. S. Prospects for standardization of the information space of a smart city / A. S. Bury, D. A. Lovtsov // Information and economic aspects of standardization and technical regulation. - 2022. - No. 2 (66). – P. 4-11. – EDN TDHYES.
5. Parfentiev, N. A. Digital transformation in the construction industry: speech at the plenary session of the 6th All-Russian practical seminar "Urban planning activity - 2023", June 5, 2023. URL: https://niisf.org/biblio/glavnaya/tsifrovaya-transformatsiya-stroitelnoj-otrasli (date of access: 20.10.2024).
6. Mamulat, S. L. Forecasting methodologies using Big Data in Infrastructure Asset Management (AIM): presentation at the thematic section “Artificial Intelligence in Construction” within the framework of the 6th All-Russian practical seminar “Urban Planning Activity – 2023”, June 8, 2023. URL: https://dzen.ru/a/ZIHMpM8nY3oNRU0X (date of access: 10/21/2024).

Правовые средства осуществления прав кредиторов в процедурах банкротства

Ишбаев Егор Витальевич
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, ishbaev00@list.ru.

В статье рассматриваются правовые средства реализации и защиты прав кредиторов в процедурах банкротства, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В контексте исследования акцентируется значение поддержания баланса интересов между кредиторами, должником и иными участниками процедур банкротства. Анализируются правовые средства, доступные кредиторам при наблюдении, финансовом оздоровлении, внешнем управлении, конкурсном производстве и при заключении мирового соглашения. Особое внимание уделяется правовому статусу кредитора, включению требований в реестр, участию в собраниях кредиторов, обжалованию действий арбитражного управляющего и инициированию признания сделок недействительными. Выделены особенности правового регулирования каждой из процедур.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, правовые средства, реестр требований кредиторов, конкурсное производство, наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение.

Актуальность изучения правовых средств реализации прав кредиторов при банкротстве обусловлена недостаточной эффективностью процедур банкротства, отсутствием прозрачности, ситуациями заключения незаконных сделок, затруднениями в получении долгов кредиторами. Правоприменительная практика зачастую сталкивается с коррупционными схемами при продаже активов компаний-банкротов, с фактами сокрытия имущества перед началом процедур банкротства, с созданием фиктивных компаний для сокрытия имущества перед началом процедур банкротства [3, с. 147].

Система правовых средств осуществления прав кредиторов при банкротстве восходит к конституционным положениям: государство, согласно Конституции, обязано заботиться о социальной защищенности своих граждан посредством формирования необходимых условий для реализации и защиты прав граждан, в т.ч. в социально-экономической сфере. Российский законодатель, следуя конституционным положениям, стремится к созданию институциональных гарантий реализации и защиты прав для участников конкретных общественных отношений.

Кроме того, в отношении реализации прав кредиторов действуют и иные фундаментальные принципы – автономии воли, свободы экономической деятельности участников гражданского оборота, свободы договора и равенства сторон [2, с. 152-153]. При этом правовые принципы, характерные для гражданского, предпринимательского права и для российского права в целом, преломляются сквозь призму специфических особенностей правоотношений, формируемых в банкротстве. В контексте банкротства данные принципы обретают специфические черты, обусловленные целями и функциями данного института. Подобная специфика непосредственным образом влияет на совокупность правовых средств, направленных на защиту прав кредиторов и на механизмы, реализующие данные права. Таким образом, функционирование принципов института несостоятельности, с одной стороны, предопределено общими принципами права, а с другой – спецификой целью института банкротства.

Ключевой отличительной чертой института банкротства, детерминирующей правовые средства, используемые в его рамках, выступает его цель – обеспечение стабильности хозяйственного оборота путем соблюдения баланса «триединого интереса» (общество/хозяйственный оборот, кредиторы и должники). В целях обеспечения подобного баланса на первоначальном этапе предпринимаются попытки удовлетворения требований кредиторов путем реабилитационных (восстановительных) процедур банкротства – восстановление платежеспособ-

ности должника, расчет с кредиторами и продолжение хозяйственной деятельности предприятия. В случае невозможности реализации подобного алгоритма требования кредиторов удовлетворяются посредством реализации имущества несостоятельного должника в ликвидационных процедурах банкротства [6, с. 38].

Права кредиторов – как физических, так и юридических лиц – при банкротстве имеют социально-экономическую природу и являются таковыми с момента признания данных прав государством. Правовые средства реализации прав кредиторов, как отмечено выше, ограничиваются принципом соблюдения баланса участников подобных правоотношений. Соответственно, процедуры банкротства предусматривают «способность противостояния индивидуальным интересам отдельных участников правоотношений» для обеспечения баланса их интересов [2, с. 154].

Достижение подобного баланса представляется весьма трудной задачей. По мнению ряда исследователей, эта задача априори недостижима: «невозможно соблюсти интересы должника, и кредиторов, т. к. гармоничное сочетание (равновесие) противоречащих друг другу интересов – недостижимый идеал» [6, с. 39.

Тем не менее, законодатель и правоприменители стремятся к достижению паритета имущественных интересов кредитора и должника, в связи с чем принимают меры по стимулирования сотрудничества между ними, согласно п. 3 ст. 307 Гражданского Кодекса Российской Федерации [4]. Урегулирование конфликта интересов можно определить как «комплекс правовых механизмов, направленных на предупреждение, выявление и минимизацию риска наступления негативных последствий для всех участников правоотношений, в том числе выработку юридически выверенной конструкции справедливого разрешения спора, затрагивающего права кредиторов при банкротстве» [2, с. 155].

Разрешение конфликта интересов, возникающего в рамках банкротства, невозможно без использования методов и средств правового регулирования и правоприменения. Правовые средства обеспечения прав кредиторов при банкротстве также зависят от вектора правоотношений. Так, в частности, можно классифицировать правоотношения на определенные группы по видам субъектов в правоотношениях между: 1) должником; 2) участниками должника и его кредиторами; 3) кредиторами должника между собой [2, с. 153].

Правовые средства, которые предоставляются законодателем для осуществления прав кредиторов при банкротстве, могут быть использованы на основании правового статуса кредитора. Ключевым нормативным правовым актом в данной области выступает Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10]. Правовой статус кредитора раскрывается посредством следующих фундаментальных начал: комплексное урегулирование отношений с участием кредиторов согласно законодательству; соразмерность удовлетворения материально-правовых требований, равенство кредиторов в деле о несостоятельности, принятие решений большинством голосов участников собрания кредиторов, рациональное управление конкурсной массой. Подобная регламентация оснований для наделения кредитора правовым статусом определяет спектр правовых средств, применяемых в ситуации банкротства.

Правовой статус кредиторов и соответствующие правовые средства могут варьироваться, что обусловлено различиями целей и задач реабилитационных и ликвидационных процедур банкротства. В рамках реабилитационных процедур целью выступает временная защита должника от притязаний кредиторов, что, в свою очередь, не позволяет им использовать правовые средства для удовлетворения требований. В рамках конкурсного производства в приоритете находится, напротив, удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника, что позволяет им прибегать к более широкому спектру правовых средств [1, с. 186].

Как и любые иные участники процедур банкротства, кредиторы, участвующие в процедурах банкротства, обладают заданным комплексом прав и обязанностей. При этом законодатель ставит акцент на правомочия кредиторов – их перечень значительно шире, чем перечень обязанностей. Кроме того, многие обязанности кредиторов носят факультативный характер [1, с. 189].

Подобная дихотомия интересов кредитора и должника проявляется в каждой из процедур банкротства. Целью любого кредитора является удовлетворение денежных требований, тогда как должник стремится к сохранению собственной экономической субъектности, что проявляется в действиях по минимизации оттока активов. В каждой из существующих национальных законодательных (правовых) систем наблюдается смещение акцента либо в сторону прав должника, либо в сторону прав кредиторов. На этом основании национальные системы конкурсного права могут быть классифицированы как «прокредиторские» либо «продолжниковые».

Российская правовая система, по мнению исследователей, представляет собой пример «прокредиторской» системы. Причиной, по которой отечественная система может считаться таковой. выступает фактическая направленность процедур банкротства на прекращение деятельности должника и широкий спектр правовых средств, применяемых кредиторами [8, с. 21].

Практическим отражением подобной «прокредиторской» направленности можно считать фиксацию очередности удовлетворения требования кредиторов, особый правовой статус кредиторов, обеспечение кредиторов залогом имущества должника, субординация требований контролирующих должника лиц [7, с. 74]. Кроме того, отметим переход управления должником от органов управления должника собранию кредиторов, право кредиторов на выбор арбитражного управляющего на собрании кредиторов и при подаче заявления о признании должника банкротом, право кредиторов на собрании кредиторов

решать судьбу должника и определять применяемые к должнику процедуры, что на практике проявляется в подавляющем перевесе ликвидационных процедур над реабилитационными процедурам банкротства.

Следует также отметить тесную взаимосвязь между категориями «гарантии прав», «правовые средства» и «способы» в контексте правомочий кредиторов. Правовые гарантии выступают правовым механизмом, выражаемым через совокупность предусмотренных законом средств и определяемых на их основе способов. В совокупности подобные механизмы обеспечивают достижение задач правовой защиты и охраны прав кредиторов в правоотношениях с иными субъектами.

Можно выделить материально-правовые и процессуальные гарантии прав кредиторов. К примеру, положения абз. 2 ст. 126 Закона о банкротстве регламентирует порядок уплаты текущих платежей в ходе процедуры банкротства. Если задолженность возникла после начала процедуры банкротства, она относится к текущим платежам и подлежит погашению вне очереди. В реальной правоприменительной практике это означает, что такие задолженности будут погашены раньше, чем те, которые возникли до начала банкротства. (материально-правовая гарантия). Также кредитор имеет право обжаловать действия субъектов правоотношений, нарушающих их права – к примеру, арбитражных управляющих в делах о банкротсве (процессуальная гарантия).

Кроме того, на основании критерия формы предоставления гарантии их можно дифференцировать на имущественные и неимущественные. Также существует подход, в рамках которого гарантии прав кредитора подразделяют на общие (прежде всего экономические и политические) и специальные (юридические). К числу общих гарантий относятся, например, экономические гарантии или гарантии экономической стабильности (в отношении кредитора они могут, к примеру, быть обеспеченными за счет формирования уставного капитала) [9, с. 158].

Основанием для классификации гарантий прав кредиторов может стать форма прекращения деятельности юридического лица (реорганизация, ликвидация или банкротство). Так, права кредитора гарантирует положение вышеотмеченного Закона, которое обеспечивает кредитора правом контроля процесса конкурсного производства в формате собрания кредиторов (ст. 143) [ФЗ].

Рассмотрим правовые средства осуществления прав кредиторов более подробно. Так, в делах о банкротстве юридических лиц применяются следующие процедуры, в каждой из которых у кредиторов имеются специфические права и средства их осуществления: наблюдение; финансовое оздоровление; внешнее управление; конкурсное производство; мировое соглашение.

Одним из важнейших правовых средств является подача заявления о включении в реестр требований кредиторов. Данное заявление рассматривается арбитражным судом и может быть удовлетворено при наличии доказательств наличия задолженности. Требования имеют различную очередность: требования первой, второй и третьей очереди в соответствии со статьёй 134 Закона о банкротстве; текущие платежи (не включаются в реестр, но удовлетворяются вне очереди).

Кроме того, отметим участие в собраниях кредиторов и комитете кредиторов. После включения в реестр требований кредиторов кредиторы получают право участвовать в первом и последующих собраниях кредиторов, обладая правом голоса пропорционально размеру требований и общему размеру требований кредиторов; избирать комитет кредиторов, наделённый полномочиями по оперативному контролю за действиями арбитражного управляющего.

Как отмечено выше, кредитор имеет право на обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего. В данной связи кредиторы вправе инициировать судебное обжалование действий (бездействия) арбитражного управляющего, если они противоречат интересам или нарушают права кредитора. Кроме того, в таком контексте возникает возможность привлечения управляющего к ответственности.

Кредиторы, помимо прочего, наделены правом на подачу заявления в суд о признании сделок, совершённых должником непосредственно перед банкротством, недействительными по основаниям, предусмотренным Законом [10]. Кредиторы обладают правом подавать апелляционные и кассационные жалобы на определения арбитражного суда; участвовать в судебных заседаниях и заявлять процессуальные ходатайства. Кроме того, кредиторы, наряду с арбитражным управляющим, представителем работников должника, работниками или бывшими работниками должника, перед которыми у должника имеется задолженность, уполномоченными органами, имеют право на подачу заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

В рамках конкурсного производства кредиторы утверждают положение о порядке продажи имущества; контролируют реализацию имущества через участие в собрании и через комитет кредиторов. Наконец, кредиторы обладают правом на заключение мирового соглашения с должником. Подобное правовое средство позволяет завершить дело о банкротстве при достижении договорённости сторон.

Как очевидно, правовые средства, предоставленные кредиторам в рамках процедур банкротства, формируют многоуровневую систему защиты прав кредиторов. При этом спектр правовых средств кредиторов не исчерпывается вышеописанными. Систематизация существующих правовых средств может быть произведена согласно каждому из видов процедур банкротства – наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение [5, с. 31]. Данные процедуры обладают различной правовой природой и целевой направленностью, что предопределяет специфику правовых средств, доступных кредиторам.

Целью наблюдения выступает сохранение имущества должника, анализ финансового состояния, формирование реестра требований, подготовка к собранию кредиторов. Правовыми средствами осуществления прав кредитора являются следующие: подача заявления о включении требований в реестр, представление доказательств задолженности, участие в первом собрании кредиторов, выбор кандидатуры арбитражного управляющего, заявления о мерах по обеспечению сохранности имущества, инициирование оспаривания подозрительных сделок, обжалование действий временного управляющего.

В процедуре финансовое оздоровление целью выступает восстановление платёжеспособности, исполнение обязательств согласно графику погашения задолженности. Правовые средства кредитора – участие в утверждении графика погашения задолженности, контроль исполнения графика, инициирование досрочного прекращения процедуры при нарушении графика, участие в собраниях кредиторов с правом выдвижения требований к финансово-оздоровительным мероприятиям, обжалование действий административного управляющего и должника, нарушающих интересы конкурсной массы.

Целью внешнего управления является восстановление платёжеспособности должника посредством принятия мер по восстановлению платежеспособности должника. Кредитор вправе использовать следующие механизмы: участие в принятии решения о введении внешнего управления, утверждение плана внешнего управления и контроль за его исполнением, обжалование сделок, нарушающих права и интересы кредиторов, предъявление требований о признании недействительными действий внешнего управляющего, отстранение внешнего управляющего по инициативе собрания кредиторов или комитета, инициация конкурсного производства при неэффективности восстановления платёжеспособности.

Конкурсное производство направлено на соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счёт реализации имущества должника. Кредиторы в конкурсном управлении прибегают к: участию в утверждении положения о порядке продажи имущества, обжалованию порядка реализации имущества или действий конкурсного управляющего, получению информации о ходе процедуры и состоянии конкурсной массы, выдвижению требований о включении в реестр текущих платежей, участию в распределении конкурсной массы в порядке установленной очередности, контролю за завершением конкурсного производства и последующей ликвидацией должника.

Мировое соглашение подразумевает прекращение производства по делу о банкротстве посредством заключения соглашения между должником и кредиторами. Кредитор в данном случае применяет следующие правовые средства: участие в переговорах и голосование по условиям соглашения, предъявление предложений об условиях реструктуризации долга, обжалование утверждённого мирового соглашения, нарушающего его интересы, подача заявления о расторжении мирового соглашения при наличии оснований.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Правовые средства, предоставляемые кредиторам в рамках процедур банкротства, тесно связаны с балансом интересов всех участвующих в банкротстве сторон. При этом в отечественной практике наблюдается смещение акцента в пользу правомочий кредитора.

– Каждый из видов процедуры банкротства наделяет кредиторов специфическими правовыми средствами, направленными как на защиту их интересов, так и на обеспечение справедливого и законного хода дела о банкротстве. Комплексное и своевременное использование данных средств способствует эффективному участию кредиторов в процедурах банкротства и повышает вероятность наиболее полного удовлетворения их требований.

Литература

1. Багмат, Е. В. Права конкурсных кредиторов в процедурах банкротства юридических лиц / Е. В. Багмат // Вестник науки. – 2023. – №11 (68). – С. 184–192.
2. Буйновская, З. Г. Социально-экономическая природа прав кредиторов при банкротстве коммерческих корпораций / З. Г. Буйновская // Закон и право. – 2025. – №2. – С. 152–155.
3. Глазкова, М. К. Проблемы правового регулирования и охраны общественных отношений в сфере несостоятельности (банкротства) в России / М. К. Глазкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – №3 (66). – С. 144–151.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 22.05.2025.
5. Козырский, Д. А. Права кредиторов в судебном производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц / Д. А. Козырский // Право и управление. – 2022. – №2. – С. 29–37.
6. Кравченко, А. А. К вопросу о системе принципов правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) /А. А. Кравченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – №1. – С. 37–43.
7. Микаилов, Р. В. Залог как инструмент обеспечения интересов кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) / Р. В. Микаилов // Право и управление. – 2024. – №7. – С. 73–76.
8. Михайлов, Д. Ю. Защита прав добросовестных кредиторов от необоснованных требований иных кредиторов при банкротстве / Д. Ю. Михайлов // Правовой альманах. – 2022. – №4. – С. 19–27.
9. Сильченко, А. М. Сущность и классификация правовых гарантий прав кредиторов / А. М. Сильченко // Russian Journal of Economics and Law. – 2014. – №2 (30). – С. 156–161.
10. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя

редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ – Дата доступа: 22.05.2025.

Legal means of implementing creditors' rights in bankruptcy procedures
Ishbaev E.V.
Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin
The article presents legal means of implementing and protecting creditors' rights in bankruptcy proceedings provided for by the legislation of the Russian Federation. In the context of the study, the importance of maintaining a balance of interests between creditors, the debtor and other participants in bankruptcy proceedings is emphasized. The legal means available to creditors during observation, financial recovery, external management, bankruptcy proceedings and when concluding a settlement agreement are analyzed. Particular attention is paid to the legal status of the creditor, inclusion of claims in the register, participation in meetings of creditors, appealing the actions of the bankruptcy trustee and initiating the recognition of transactions as invalid. The features of legal regulation of each of the procedures are highlighted.
Keywords: bankruptcy, creditor, legal means, creditors' claims register, bankruptcy proceedings, observation, financial recovery, external management, settlement agreement.

References
1. Bagmat, E. V. Rights of bankruptcy creditors in bankruptcy proceedings of legal entities / E. V. Bagmat // Bulletin of science. - 2023. - No. 11 (68). - P. 184-192.
2. Buinovskaya, Z. G. Socio-economic nature of creditors' rights in bankruptcy of commercial corporations / Z. G. Buinovskaya // Law and Right. - 2025. - No. 2. - P. 152-155.
3. Glazkova, M. K. Problems of legal regulation and protection of public relations in the field of insolvency (bankruptcy) in Russia / M. K. Glazkova // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 3 (66). - P. 144-151.
4. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Access date: 22.05.2025.
5. Kozyrsky, D. A. Rights of creditors in judicial proceedings on insolvency (bankruptcy) of legal entities / D. A. Kozyrsky // Law and management. - 2022. - No. 2. - P. 29-37.
6. Kravchenko, A. A. On the issue of the system of principles of legal regulation of insolvency (bankruptcy) relations / A. A. Kravchenko // Gaps in Russian legislation. - 2019. - No. 1. - P. 37-43.
7. Mikailov, R. V. Pledge as an instrument for securing the interests of creditors in insolvency (bankruptcy) cases / R. V. Mikailov // Law and management. – 2024. – No. 7. – P. 73–76.
8. Mikhailov, D. Yu. Protection of the rights of bona fide creditors from unfounded claims of other creditors in bankruptcy / D. Yu. Mikhailov // Legal almanac. – 2022. – No. 4. – P. 19–27.
9. Silchenko, A. M. The nature and classification of legal guarantees of creditors' rights / A. M. Silchenko // Russian Journal of Economics and Law. – 2014. – No. 2 (30). – P. 156–161.
10. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ – Access date: 05/22/2025.

Бенефициар в корпоративном праве: актуальные проблемы и вопросы

Карпенко Олег Денисович
независимый исследователь, olegatti2003@gmail.com

Дюльгяров Орест Владиславович
независимый исследователь, orestdyulgyarov@gmail.com

Тема статуса бенефициара – его прав, инструментов защиты этих прав, обязанностей и ответственности является крайне дискуссионной на сегодняшний день, что объясняется осложнением гражданских и корпоративных отношений, а также общим политико-экономическим климатом. Данная статья раскрывает понятие бенефициара как в понимании иностранного законодателя, так и отечественного, стараясь детально определить элементы его статуса. Приводятся российские и зарубежные критерии определения лица в качестве бенефициара. Затрагиваются особенности привлечения бенефициара к ответственности по долгам общества, в отношении которого он выступает конечным выгодоприобретателем, очерчивается проблема привлечения таких лиц к ответственности в случае банкротства обществ, а также критерии определения бенефициара в качестве контролирующего должника лица. Анализируются спектр корпоративных прав, которыми наделен бенефициар, а также инструменты влияния такого лица на управление организацией. В том числе, на основе зарубежного опыта (Великобритания, Канада, Сингапур, Австралия) и судебной практики рассматривается один из инструментов защиты прав бенефициара – подача двойных косвенных исков. Раскрывается их отличие от косвенных исков, уже знакомых российской судебной системе, виды двойных косвенных исков, правомерность их подачи и возможное формальное их закрепление в законодательстве РФ.
Ключевые слова: бенефициарный владелец, двойные (множественные) косвенные иски, субсидиарная ответственность, банкротство, корпоративное право.

Введение

Актуальность: В современных реалиях прогрессивного капитализма концепция бенефициарного участия лежит в основе функционирования гражданского оборота. Лицо, формально не участвующее в сделке, но получающее от нее определенную выгоду - явление весьма распространенное. Несмотря на широкое распространение, правовой статус бенефициара не является однозначным и порождает дискуссии как в правовом поле, так и за его пределами.

Цель исследования состоит в предложении некоторых законодательных изменений, в целях актуализации российских правовых норм.

Научная значимость, заключается в обозначении проблемных аспектов отечественного законодательного регулирования института бенефициарного владельца.

Методология включает в себя комплекс общенаучных, частных и специальных методологических принципов познания, которые конкретизируются в виде таких методов, как: описательный, сравнительно-правовой, системного анализа и другие.

Понятие бенефициара

В широком понимании под бенефициаром (от фр. benefice — прибыль, польза) стоит понимать лицо, физическое или юридическое, получающее материальную или иную выгоду от чего-либо. В этой связи весьма схожим представляется понятие выгодоприобретателя, что приводит к смешиванию определений. Во «Внешне-экономическом словаре» заключено, что под бенефициаром следует понимать обладателя права на получение выплат или какого-либо иного права в силу договора [1].

Данная концепция весьма распространена в отечественной правовой системе, однако законодатель все же проводит некое разграничение путем уточнения присущих тем или иным субъектам признаков.

На основании Федерального Закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ «бенефициарный владелец – это физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом - юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента». В связи с установленной обязанностью статьей 6.1. Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», за

юридическими лицами по идентификации своих бенефициаров и наличию о них информации, Росфинмониторингом в разделе 1 на странице 3 Информационного письма от 04.12.2018 № 57 «О методических рекомендациях по установлению сведений о бенефициарных владельцах клиентов» были определены физические лица, которые могли быть определены как бенефициарные владельцы:

• Физические лица, владеющие прямо или косвенно более 25% доли в капитале юридического лица;

• Акционеры, единолично или совместно с другими акционерами управляющие юридическим лицом;

• Физическое лицо управляющие юридическим лицом через личные контакты с ответственными людьми либо собственниками;

• Физическое лицо, управляющие юридическим лицом без права собственности путем участия в финансировании предприятия, использования семейных отношений; связей в результате сотрудничества, либо в случае, если компания объявила дефолт по определенным долгам;

• Физическое лицо, ответственное за принятие стратегических решений;

• Физическое лицо, имеющее право исполнительного контроля над юридическим лицом с использованием высшего руководства;

• Физическое лицо, которое может оказывать влияние на деятельность юридического лица на основании договорных отношений.

Тогда как выгодоприобретателем, в соответствии с Законом № 115, является лицо, лишь «к выгоде которого действует клиент». Законодатель более конкретизировано подходит к понятию бенефициара, устанавливая определенные отличительные черты.

Такой подход важен с практической точки зрения. Идентификация лица, которое осуществляет фактическое управление организацией, является необходимым компонентом в разрешении юридической проблемы в соответствии с законодательным предписанием.

На сегодняшний момент суды отождествляют конечного бенефициара и контролирующего должника лица [9].

Бенефициарный владелец, стремящийся к сохранению контроля за юридическим лицом, может осуществлять свои действия как напрямую, так и опосредованно (косвенно). При этом идентификация субъекта как конечного бенефициара вызывает определенные сложности, особенно когда речь идет про косвенное его участие.

Как верно отмечено и судебной практикой, конечный бенефициар не заинтересован в раскрытии своей личности [7], он предпочитает оставаться в тени. Одним из наиболее эффективных способов является механизм «размытия доли». К примеру, компания А владеет 100 процентом долей уставного капитала компании Б, в свою очередь корпорация «Параграф» обладает на паритетных началах с иным юридическим лицом акциями компании А. А 51 процент голосующих акций корпорации «Параграф» принадлежат иностранной фирме М, единственным участником которой является «Иван Васильев». Таким образом «Иван Васильев» будет признан конечным бенефициаром юридического лица – компании Б.

Истинное значение совокупности данных действий – в освобождении конечного бенефициара от нее по долгам подконтрольного лица.

Так, представим. У компании Б возникли имущественные проблемы, началось банкротное производство по данному факту. Конкурсной массы для расплаты по долгам с кредиторами у общества не хватает, в этом случае будет поставлен вопрос о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

На этот счет в зарубежной правовой литературе существует понятие – «piercing the corporate veil», которое означает дословно «прокалывание корпоративной вуали». Термин на практике имеет место в случае необходимости отступления от принципа ограниченности ответственности юридического лица. Данный механизм помогает привлечь реального конечного бенефициара к субсидиарной ответственности за счет обрушения номинальности корпоративных этажей, между лицом контролирующим и контролируемым. Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяют нам выделить 3 основные черты, симбиоз которых говорить о признания лица конечным бенефициаром:

1) Выгодоприобретатель. Означает, что выгодополучателем признается лицо, получающее основную выгоду материального или иного характера в результате совершения цепочки действий [10].

2) Конечный бенефициар является фактическим собственником имущества. Он играет определяющее значение в определении правовой судьбы имущества и обладает фактическим правом по его распоряжению.

3) Наличие подконтрольности. Из сути норм общей части Гражданского кодекса следует, юридическое лицо — это самостоятельный субъект правоотношений, обладающий обособленным имуществом и независимо выражающий собственную волю. Несоблюдение принципа самостоятельности субъекта 3-ми лицами приводит к нарушению баланса интересов, а, соответственно и к совершению противоречивых действий в условиях гражданского оборота.

Отметим, данный критерий является трудноопределимым, поскольку существуют корпоративные структуры как вертикального, так и горизонтального вида, где отношения подчиненности признаются нормальными обычаями делового оборота.

Для признания лица конечным бенефициаром необходимо предоставить суду доказательства, которые бы указывали на наличие у последнего данного статуса. Урегулированный системы нет, доказательственная база может состоять из различной информации, достаточность и достоверность которой проверяет исключительно судебная инстанция.

К примеру, в определении ВС РФ No 302-ЭС14-1472 (4,5,7) по делу №А19-1677/2013 от 15.02.2018г. суд указал на то, что зачастую, доказывающей факт

наличия подконтрольности стороне, бывает проблематично раздобыть прямые доказательства дачи указаний. В этой связи: - «судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов».

Таким образом, суд посчитал, что о наличии подконтрольности должны свидетельствовать и иные факты, такие как: иррациональность действий - (действия должника ведут к ухудшению экономического состояние одного, и к обогащению лица, привлекаемого к ответственности; действия совершаются синхронно в отсутствии на то экономических причин; действия не имели бы место ни в одном другом случае, кроме как в условиях наличия подконтрольности).

Руководствуясь вышесказанным, считаем справедливым полагать, что в настоящий момент в судебной практике сложилась «презумпция недобросовестности» реальных бенефициаров [5]. Одним из ключевых аргументов выступает фактор злоупотребления правами. Бенефициар, косвенно или прямо участвуя в делах компании руководствуется прежде всеми интересами собственными, а не общекорпоративными [4], что в ряде случаев негативно влияет на платежеспособность подконтрольного лица. Подтверждается это и вышеуказанным критериями идентификации конечного бенефициара.

Двойные косвенные иски как право бенефициара на защиту своих прав.

Очертив понятие бенефициара, необходимо установить его права и обязанности. Прямого указания на объем и виды этих прав и обязанностей в российском законодательстве не дано, но их можно выявить, руководствуясь судебной практикой и интересами бенефициаров, которые могут сводиться к: контролю лиц, ведущих управление компанией, получению дохода, истребовании информации или документов, взысканию убытков, оспариванию сделок и другие.

Особый интерес вызывает набор инструментов, который законодателем предоставлен бенефициару для защиты интересов компании, по отношению к которой он выступает в роли конечного выгодоприобретателя. Одним из часто применяемых третьими лицами, не являющихся прямыми участниками общества, инструментов судебной защиты являются двойные (тройные, множественные) косвенные иски, исток которых стоит у известных российскому законодательству косвенных исков. Косвенный иск можно определить как право участника общества на подачу иска от имени общества в отношении недобросовестных менеджеров (других участников) в судебном порядке о возмещении вреда, нанесенному этому же обществу [12, с. 111-127]. Взыскиваться убытки будут не в пользу участника, а в пользу общества.

Косвенные иски появились благодаря системе общего права как исключение правилу, выработанному в деле Foss v Harbottle (1843) 2 Hare 461. Данное правило указывало, что миноритарные акционеры не могут предъявить иск к компании, ведь только сама компания может предъявить в иск в защиту своих прав, в случае если она понесет убытки из-за неправомерных действий своих директоров. У миноритариев не было возможности защитить интересы компании, так как именно в руках директоров был сосредоточен контроль над компанией, и они бы не допустили ее вхождение в судебное разбирательство [17].

Двойной косвенный иск можно определить, как право бенефициаров материнской компании на подачу искового заявления от имени материнской компании о взыскании убытков, причиненных дочернему обществу, в пользу этого дочернего общества [2, с. 94-114]. Возможность применения данного инструмента, например, в Великобритании обосновывается отсутствием в статьях 260-264 Закона о компаниях (2006) прямого запрета. Это подтверждается в судебном деле Universal Project Management Services Ltd v Fort Gilkicker Ltd & ors, в котором судья Бриггс применил расширительное толкование косвенных исков, обосновав это соответствием такого инструмента принципам права справедливости [19, с. 76-119].

В Российской Федерации отсутствует регулирование подачи двойного косвенного иска, что вызывает разногласия. Возникает вопрос о разумности наделения бенефициара правом подачи двойного косвенного иска. Ведь если бенефициар может нести субсидиарную ответственность по долгам организации, то было бы справедливым наделять его правом предотвращать совершение сделок или принятия решений, которые бы приводили компанию к финансовому упадку.

Суды, отказывая в удовлетворении двойных косвенных исков исходят из статьи 65.2 ГК РФ - право участвовать в управлении делами корпорации, получать информацию о ее деятельности, знакомиться с документами, обжаловать решения органов корпорации, требовать возмещения убытков, оспаривать сделки и требовать применение последствий недействительности или применения последствий недействительности ничтожных сделок могут только, согласно части 1, участники корпорации, члены, акционеры и т.п. (перечень было решено оставить законодателем открытым). Судам стоит руководствоваться не буквальным пониманием норм права, а «духом закона», который бы соответствовал актуальным корпоративным отношениям, в которых управление может осуществляться не столь прямолинейно и примитивно, о чем и писал судья Бриггс в деле Universal Project Management Services Ltd v Fort Gilkicker Ltd & ors.

В законодательстве некоторых странах содержатся нормы, из которых явно вытекает разрешение на дачу бенефициарами двойных косвенных исков - в Канаде данный вопрос регулируются статьей 239 Закона о бизнес-корпорациях, где круг лиц имеющих прав на обращения прямо не ограничен - заявитель может обратиться в суд с просьбой возбудить в

пользу компании и от ее имени или любой из ее дочерних компаний [13]. Но существует ограничения на подачу подобного иска: 1) суд должен убедиться, что заявитель предупредил директоров компании или директоров дочерней компании о своем намерении обратиться в суд; 2) заявитель должен действовать добросовестно; 3) иск должен быть в интересах компании или ее дочерних компаний. Такие требования можно обосновать тем, что если бы у не прямых акционеров общества была возможность заявлять двойные косвенные иски без предупреждения об этом директоров, это нарушало бы стабильность гражданских правоотношений. Но и тут возникает вопрос целесообразности таких действий, если иск подается в отношении недобросовестных директоров, разоряющих компанию. Подход Великобритании кажется более правильным – необходимо получения специального разрешения суда для дальнейшего рассмотрения иска [15].

В Законе о компаниях 1967 года Сингапура в статье 216A, указывается, что заявителем может быть как любой член компании, так и любой другой человек, который на усмотрение суда будет являться надлежащим человеком для подачи иска [14].

В доктрине мнения расходятся. Д. Лайтман в книге Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure занимает точку зрения против допущения двойных косвенных исков в связи со следующими обстоятельствами: 1) Закон о компаниях 2006 года Великобритании прямо не разрешает двойные косвенные иски; 2) фундаментальные принципы корпоративного права свидетельствуют что двойные косвенные иски не допускаются в рамках общего права в связи с тем, что [18]: существует принцип Саломона (Salomon principle) [16], отделяющий юридическое лицо от директоров, акционеров; акционер не имеет права в отношении имущества дочерней компании и поэтому может подать иск только от имени компании, в которой он акционер.

Двойные косвенные иски в российском законодательстве можно поделить на 2 группы [2, с. 94-114]: 1) связанные с требованиями о возмещении убытков; 2) об оспаривании сделок и применении последствий недействительности или ничтожности, оспаривание решений общего собрания.

Одним из важных судебных прецедентов является дело А.С. Постригайло против «Разрез Аршановский». А.С. Постригайло подал в суд двойной косвенный иск, являясь конечным бенефициаром ответчика (владея 25% уставного капитала кипрской компании «Зимбер», которая в свою очередь владела 100% ООО «Разрез Аршановский») через цепочку компаний, с требованием о возмещении убытков с директора и двух участников дочернего общества ООО «Разрез Аршановский» [12, с. 111-127]. В определении от 12.04.2019 N 302-ЭС19-4069 по делу № А74-3619/2018 Верховный Суд РФ сослался на уже ставшими классическими в подобных делах набор норм - статья 53, 53.1, 65.2, 182 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 2 статьи 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6], которые, если обобщать, указывают на то, что истца нет полномочий даже на подписание искового заявления, ведь он участником дочернего общества не является (здесь можно проследить аналогию с мыслью Д. Лайтмана).

В более раннем деле ЗАО «Аспект-Финанс» суд все-таки признал за бенефициаром М.В. Москалевым право на предъявление иска о признании недействительным решения общего собрания компании (так как избрание генерального директора было проведено с нарушениями, а позже он и вовсе произвел отчуждение важного для общества производственного актива) [2, с. 94-114]. В Определении от 31.03.2016 по делу Дело № 305-ЭС15-14197 Верховный суд сделал отсылку на статьи 181.4 и 181.5 ГК РФ, указав при этом, что акционер имел законный интерес в сохранении имущества хозяйственного общества [8]. Необходимо отметить, что существует мнение о том, что иск о признании недействительным решения собрания является прямым, так как это разбирательство непосредственно участников собрания [2, с. 94-114].

Заключение

На сегодняшний день в законодательстве РФ отсутствуют основы регулирования правового статуса бенефициара. Обобщенного понимания бенефициара отечественный правопорядок не содержит и рассматривает его статус весьма казуально. Ввиду пробела в законе субъекты гражданского оборота и судебные инстанции вынуждены прибегать к нормам, не учитывающих специфику отношений описанной темы.

Представляется необходимым урегулировать основы правового статуса бенефициара; создать публичный реестр бенефициарных владельцев (это сделает гражданский оборот прозрачнее и предостережет контрагентов); установить случаи, в которых подача двойного косвенного иска была возможной, а также критерии, которым иск должен отвечать, в том числе необходимость досудебного урегулирования спора.

Литература

1. «Внешне-экономический толковый словарь» // URL: https://1145.slovaronline.com/141-бенефициар (дата обращения: 15.05.2025)

2. Виленский Н.М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2023. - №10. - С. 94-114.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

4. Кипаренко А.Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели // «Вестник гражданского прав». 2023. №3

5. Локова Н. Привлечение к субсидиарной ответственности номинального руководителя должника // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-nominalnogo-

rukovoditelya-dolzhnika/ (дата обращения: 09.05.2025)

6. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2019 N 302-ЭС19-4069 по делу N А74-3619/2018 // СПС КонсультантПлюс

7. Определение ВС РФ № 305-ЭС22-27062 от 27.04.2023 по делу № А40-175828/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу N 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014 // СПС КонсультантПлюс

9. Петрова А. Конечный бенефициар как контролирующее должника лицо // URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/31/konechnyj_beneficiar_kak_ kontroliruyuschee_dolzhnika_lico. (дата обращения 07.05.2025)

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2015 г. №Ф05- 10535/2011по делу № А40-119763/2010 // СПС «КонсультантПлюс»

11. Федеральный Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

12. Халифаев И.З. Множественные косвенные иски: сравнительно-правовой опыт в преломлении российской действительности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2023. - №12. - С. 111-127.

13. «Canada Business Corporations Ac» от 1985 // URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44/section239.html#:~:text=239%20(1)%20Subject%20to%20subsection,discontinuing%20the%20action%20on%20behalf (дата обращения: 15.05.2025)

14. «Companies Act» от 1967 // URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/CoA1967?ProvIds=P17-#pr216A- (дата обращения: 15.05.2025)

15. «Companies Act» от 2006 года // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/261 (дата обращения 12.05.2025).

16. A Two-Edged Sword: Salomon and the Separate Legal Entity Doctrine Author: Gonzalo Villalta Puig Volume 7, Number 3 (September 2000) Murdoch University Electronic Journal of Law // URL: https://www5.austlii.edu.au/au/journals/MurUEJL/2000/32.html (дата обращения: 15.05.2025)

17. Double derivative actions: challenging wrongs done to subsidiary companies // Herbert Smith Freehills URL: https://www.herbertsmithfreehills.com/notes/litigation/2015-07/double-derivative-actions-challenging-wrongs-done-to-subsidiary-companies (дата обращения: 14.05.2025).

18. Joffe V., Drake D., Richardson G. et al, D. Lightman Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure. - 4 изд. - 2010: Oxford, 2010. - 609 с.

19. King Fung Tsang International Multiple Derivative Actions // Vanderbilt Journal of Transnational Law. - 2021. - №52. - С. 76-119.

Beneficiary in corporate law. current issues and questions

Karpenko O.D., Dyulgyarov O.V

The topic of beneficiary status - its rights, instruments for protecting these rights, duties and responsibilities are highly controversial today, which is explained by the complexity of civil and corporate relations as well as the general political-economic climate. This article reveals the concept of beneficiary both in the sense of a foreign legislator and a domestic one, trying to define in detail the elements of its status. Russian and foreign criteria for determining a person as a beneficiary are cited. The features of bringing the beneficiary to account for the debts of the society in which he is the ultimate beneficiary are addressed, outlined the problem of holding such persons liable in case of bankruptcy of companies, as well as the criteria for determining the beneficiary as controlling debtor. This paper analyzes the range of corporate rights vested in the beneficiary, as well as the instruments of influence of such person on the management of the organization. Among other things, based on foreign experience (United Kingdom, Canada, Singapore, Australia) and judicial practice, filing double indirect actions is considered one of the instruments for protecting the rights of the beneficiary. Their difference from indirect actions, already familiar to the Russian judicial system, types of double indirect actions, legality of their filing and possible formal incorporation in the legislation of the Russian Federation is revealed.

Keywords**:** beneficial owner, double (multiple) indirect claims, subsidiary liability, insolvency, corporate law.

References

1. "Explanatory Dictionary of Foreign Economic Terms" // URL: https://1145.slovaronline.com/141-бенефициар (access date: 15.05.2025)
2. Vilenksky N.M. Double (Multiple) Indirect Claims in Russian Judicial Practice: Problems and Contradictions // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2023. - No. 10. - P. 94-114.
3. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // ConsultantPlus
4. Kiparenko A.Yu. Indirect Claim of a Corporation Participant: Direct and Agency Models // Civil Law Bulletin. 2023. No. 3
5. Lokova N. Holding Nominal Manager of the Debtor Liable under Subsidiary Responsibility // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/privlechenie-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-nominalnogo-rukovoditelya-dolzhnika/ (access date: 09.05.2025).
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 12, 2019, No. 302-ЭС19-4069 in case No A74-3619/2018 // ConsultantPlus
7. Decision of the Supreme Court RF No. 305-ЭС22-27062 dated April 27, 2023, in case No A40-175828/2018 // ConsultantPlus
8. Decision of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court RF dated March 31, 2016, in case No. 305-ЭС15-14197, A40-104595/2014 // ConsultantPlus
9. Petrova A. The Ultimate Beneficiary as a Controlling Person of the Debtor // URL: https://zakon.ru/blog/2019/3/31/konechnyj_beneficiar_kak_kontroliruyuschee_dolzhnika_lico (access date: 07.05.2025).
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 1, 2015, No F05-10535/2011 in case No A40-119763/2010 // ConsultantPlus
11. Federal Law «On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime and the Financing of Terrorism» of 07.08.2001 115-FZ // ConsultantPlus
12. Khalifaev I.Zh.. Multiple Indirect Claims: Comparative Legal Experience in Light of Russian Reality // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation.- 2023.- No.12.- P.111-127
13. «Canada Business Corporations Ac» от 1985 // URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44/section239.html#:~:text=239%20(1)%20Subject%20to%20subsection,discontinuing%20the%20action%20on%20behalf (access date: 15.05.2025)
14. «Companies Act» от 1967 // URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/CoA1967?ProvIds=P17-#pr216A- (access date: 15.05.2025)
15. «Companies Act» от 2006 года // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/261 (access date: 12.05.2025).
16. A Two-Edged Sword: Salomon and the Separate Legal Entity Doctrine Author: Gonzalo Villalta Puig Volume 7, Number 3 (September 2000) Murdoch University Electronic Journal of Law // URL: https://www5.austlii.edu.au/au/journals/MurUEJL/2000/32.html (access date: 15.05.2025)
17. Double derivative actions: challenging wrongs done to subsidiary companies // Herbert Smith Freehills URL: https://www.herbertsmithfreehills.com/notes/litigation/2015-07/double-derivative-actions-challenging-wrongs-done-to-subsidiary-companies (access date: 14.05.2025).
18. Joffe V., Drake D., Richardson G. et al, D. Lightman Minority Shareholders: Law, Practice, and Procedure. - 4 изд. - 2010: Oxford, 2010. - 609 с.
19. King Fung Tsang International Multiple Derivative Actions // Vanderbilt Journal of Transnational Law. - 2021. - №52. - С. 76-119.

Административный порядок защиты прав заемщика по договору потребительского кредита (займа)

Кузнецов Никита Сергеевич
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Kusy_1999@mail.ru

В приведённой статье рассматриваются проблемы прав заёмщиков по потребительскому кредиту и возможности разрешения таковых в досудебном порядке посредством административных мер, одной из которых является обращение к финансовому уполномоченному. Целью данной статьи является исследование проблем, связанных с защитой прав заемщика и обеспечением возможностей их разрешения посредством применения внесудебных мер как в большей степени оперативных, обоснованных, способствующих разгрузки судов. В итоге в качестве результата следует констатировать признание качественности такой меры. В то же время в качестве вывода признаётся, что несмотря на логичность и обоснованность, сформированный механизм обращения можно определить, как ограничение права на защиту в судебном порядке и потому законность такового может быть подвергнута сомнению. В процессе приведённого исследования использовались общенаучные методы диалектический, системный, методы анализа и синтеза, логический, а также специальные юридические методы – формально-юридический, сравнительно-правовой иные методы.

Ключевые слова: банк, заёмщик, кредитор, потребительский кредит, финансовая организация, финансовый уполномоченный.

В традиционном смысле под потребительским кредитом понимаются денежные ссуды, которые выдает банк или иная имеющая соответствующую лицензию финансовая организация. Под эти средства покупаются любые товары, оплата за которые реализуется посредством рассрочки.

Такого характера потребительские услуги находятся в прямой зависимости от состояния экономической системы государства и как следствие наличия приемлемых средств у физических лиц, централизованном состоянием ставок, а также форм, посредством которых реализуется процесс обеспечения кредитами [13].

Поэтому состояние ситуации с потребительскими кредитами зависит от степени доверия к банковским системам. Следует заметить, что доверие граждан находится на нисходящей линии по причине недостаточной качественности законодательства. Нередко имеет место отзыв лицензий финансовых организаций либо кризисные ситуации в банковской сфере.

Сложившееся положение в полной мере находится в зависимости от степени ответственности Банка России. Поэтому необходимо совершенствование функционирования финансовой сферы страны, что является необходимым направлением в деятельности центральных финансовых систем.

С 2014 года действует специальное законодательство о потребительском кредите [2]. Однако права заёмщиков при этом продолжают нарушаться. Нередко заёмщик становится ознакомлен только лишь с общими условиями кредитного договора, но порой не ознакомлен даже с графиком погашения платежей.

Количество нарушений со стороны банков и иных финансовых организаций достаточно обширны. Нередко страхование потребительского кредита входит в стоимость такового и при этом сам заёмщик может об этом не знать. В случае отказа от страхования банки порой отказывают от кредита по надуманным основаниям или как это порой стало принятым упоминать: «без объяснения причин». Тогда как те обязаны в подобных ситуациях предложить кредит на иных условиях. Нередко финансовые организации находятся в договорных отношениях со страховыми компаниями и тем самым сам банк становится страхователем.

Также имеют место ситуации ограничений на досрочное погашение потребительского кредита.

Заёмщики нередко переплачивают по причине отсутствия применения дифференцированной схемы погашения. При этом кредиторы недостаточно исследуют степень платёжеспособности заёмщика, что приводит к росту задолженности последнего.

Также наблюдается невозврат страховой премии при досрочном погашении платежа. Нередко заёмщик не осведомлен о процедуре закрытия кредита. Иной раз заемщик досрочно погасил кредит, но этот платёж не был зачислен в досрочное погашение и платёж списывался соответственно графика платежей, после чего следовала просрочка, поскольку средства на счете закончились. В итоге проблема разрешалась в судебном порядке с признанием недобросовестными действия кредитора [5].

Нередко кредитор, будучи сильной стороной договора, без каких-либо оснований меняет в одностороннем порядке его условия, что было признано в судебном порядке недопустимым [6].

Нередко в типовых договорах закрепляются неравноправные условия, тогда как заёмщик является слабой стороной, а типовые условия разрабатываются банками исходя из собственных интересов, и заемщик вынужден соглашаться на банковские условия.

Представляется что надлежащая защита заёмщиков сводится к обязательствам со стороны банка раскрыть весь объем необходимой информации, по сведениям потребительского кредита. Таковые должны отразить на в Сети на соответствующих сайтах.

Также возникает необходимость введения определённых алгоритмов проверки самих потребителей кредита посредством исследования степени его состоятельности, после чего доводить до сведения его права и возможные риски.

Здесь также следует рекомендовать обратную связь потребителей с органами, контролирующими данную деятельность. Такая связь в свою очередь может послужить катализатором активности граждан, поскольку многие при нарушении своих прав предпочитают воздерживаться от жалоб в государственные органы.

Важным направлением является совершенствование законодательных актов с разработкой запрета всевозможных навязываемых, не предусмотренных договорными отношениями услуг. Заёмщик сам является субъектом права выбора получения или погашения потребительского кредита.

Потребительские кредиты предоставляют только кредитные организации и при этом у каждой из них есть определённые требования к заемщику. Чаше всего здесь следуют ограничения по возрасту, наличие официально зарегистрированного трудоустройства, максимальный возраст к моменту погашения кредита, наличие гражданства РФ, положительная кредитная история [15].

Договор кредитования нередко сравнивают с договором займа, однако оба договора являются самостоятельными институтами. Некоторые правоведы рассматривают кредит в качестве разновидности займа. Однако в основном договор потребительского кредитования рассматривается как отдельная правовая категория [12]. Основным принципиальным различением является субъектный состав. Кредитором является специальный субъект, которым могут быть банк или иная кредитная организация с соответствующей лицензией.

Потребительскому кредиту законодателем обращается особое внимание. Субъектом является физическое лицо, которому банк или иная кредитная организация предоставляет займ для любых нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Законодательство о потребительском кредите устанавливает отношения, связанные с потребительским кредитом с соответствующими требованиями по поводу прозрачности условий договора, раскрытию полной стоимости кредита, а также ограничения на размер процентов и неустоек [10].

Законодательство о потребительском кредите направлено именно на защиту их получателей как слабой стороны договора. Поэтому рассматриваемым лицам предоставляется право отказаться от такого договора по истечении определённого срока [8]. При этом диспозитивность сторон касается их обоих, тогда как императивные нормы направлены не в пользу кредиторов.

Законодательство о потребительском кредите выделят такие специфические элементы защиты заемщика как некоторые изъятия их при заключении договора. В частности, предусматривается обширный перечень существенных условий договора потребительского кредита особый способ их закрепления, взаимодействия между сторонами [11].

Говоря о защите прав заёмщика потребительского кредита, гражданское законодательство помимо судебного допускает защиту гражданских прав в административном порядке в предусмотренных законом случаях (ч. 2 ст. 11 ГК РФ [1]). Так при заключении договора потребительского кредита при нарушении прав заемщик вправе обратиться в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Данная организация занимается федеральным надзором за правами потребителей в ее полномочия входит проверка соответствия финансовых услуг установленным стандартам; разработка мер по пресечению нарушений и привлечения к ответственности; контроль за вялением требований законодательства. Следует иметь в виду, что в качестве общего правила для рассматриваемых споров предусматривается претензионный порядок (п. 11 ст. 16 Закона о защите прав потребителей [4]).

Одной из специфических особенностей является административный порядок защиты заемщиков с обращением к финансовому уполномоченному, решения которого должны быть обязательными для исполнения под угрозой санкций.

Принятый в 2018 году законодательный акт устанавливает правовой статус этого должностного лица, регулируя порядок рассмотрения им обращений граждан или иные отношения, связанные с финансовыми правами [3].

Согласно приведенному закону, финансовый уполномоченный рассматривает обращения граждан по поводу услуг кредитными, страховыми, микро-финансовыми организациями. В случае игнорирования решений или условий со стороны финансовой организации соглашения, разработанные финансовым уполномоченным, последний взыскивает

штраф в размере 50 % суммы требования потребителя.

Преимуществами этой меры являются сокращённые сроки рассмотрения заявлений заёмщиков и упрощённый порядок такого обращения. В специальной литературе обращается внимание на лояльность со стороны финансового уполномоченного по отношению к потребителям финансовых услуг [7].

Следует иметь в виду, что финансовый уполномоченный рассматривает обращения, если размер требований потребителя финансовых услуг о взыскании денежных сумм не превышает 500 тысяч рублей,

В приведённой ситуации административный порядок защиты прав сводится к двум или трем этапам. Предварительно потребитель предпринимает меры по направлению в свою финансовую организацию, нарушившую его права соответствующего заявления. Такое заявление может быть отправлено в любой форме, в том числе электронной, и направляется лишь после получения ответа от нарушившей его права организации [9]. Лишь после отказа финансовой организации он вправе обратиться к финансовому уполномоченному.

В целом следует вести речь о трёх этапах:

– этап подачи заявления в финансовую организацию с соответствующим требованием по необходимости исполнения предусмотренного договором обязательства;

– этап подачи в ту же организацию заявления по поводу восстановления его права;

– после отказа со стороны финансовой организации этап подачи заявления финансовому уполномоченному.

Действующий досудебный порядок урегулирования споров посредством обращения к финансовому управляющему следует признать вполне обоснованным, поскольку способствует разгрузки как судов, так и самого финансового управляющего. В противном случае нагрузка на финансового управляющего была бы чрезмерной. При этом это было бы чревато дополнительно тратой времени для выяснения финансовым управляющим всех существенных обстоятельств в заявлении потребителя.

Обращается внимание на обилие обращений в Службу финансового уполномоченного, из которых однако 11,5 % было отказано по причине несоблюдения досудебного порядка урегулирования спора [14].

При этом, согласно ч. 2 ст. 18 ФЗ-123 потребителю финансовых услуг должно быть оказано содействие в оформлении обращения с рекомендациями его оформления в необходимой форме, а также объяснить необходимый досудебный порядок разрешения споров с кредитной организацией, что помогает избежать неправомерных обращений, и ведет к потере времени заявителя.

Однако следует заметить, что несмотря на логичность и обоснованность такой меры, сформированный механизм обращения можно определить, как ограничение права на защиту в судебном порядке и потому законность такового может быть подвергнута сомнению.

В любом случае необходимо совершенствование законодательства в сфере досудебного регулирования защиты прав заёмщика потребительского кредита.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изменениями и дополнениями от 13 декабря 2024 г. № 459-ФЗ). URL: https://base.garant.ru/10164072/ (дата обращения 29.04.2025).
2. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (с изменениями и дополнениями от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ). URL: https://base.garant.ru/70544866/ (дата обращения 28.04.2025).
3. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (с изменениями и дополнениями от 25 декабря 2023 г. № 632-ФЗ). URL: https://base.garant.ru/71958414/ (дата обращения 30.04.2025).
4. Закон «О защите прав потребителей» 7 февраля 1992 г. № 2300-I (с изменениями от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ). URL: https://base.garant.ru/10106035/ (дата обращения 29.04.2025).
5. Решение Московского городского суда от 28 марта 2018 г. по делу №33-12691. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/563cb392-fa7d-4ad9-8240-383149b0da86 (дата обращения 29.04.2025).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 23 марта 2021 г. № 2-1453/2019 по делу № 33-КГ20-6-К3. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1982970 (дата обращения 29.04.2025).
7. Бондарчук Д. Закон о финансовом омбудсмене. Установлена новая схема взыскания денег с банков и страховых компаний // ЭЖ-Юрист. 2018. № 23. – С. 1-3.
8. Клинков И.А. Проблемные аспекты, возникающие при взыскании задолженности по кредитным договорам и договорам займа в приказном производстве // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 24-26.
9. Кучма Н.А. Обоснованность двухэтапного или трехэтапного досудебного порядка обращения в суд по спорам о защите прав потребителей финансовых услуг // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 561-570.
10. Ломакина К.М., Осадченко Э.О. Правовая природа договора займа в гражданском праве Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 118-3. С. 92-94.
11. Лысова-Бахарева Ю.В. Обеспечение равенства прав заемщиков потребителей в правоотноше-

ниях с кредиторами и заимодавцами: правовое регулирование и судебная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 83-100.

12. Осадченко Э.О., Заболотнева Л.И. Регулирование деятельности микрофинансовых организаций: проблемы и перспективы развития // Будущее науки – 2024 : сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции. В 5-ти томах, Курск, 18-19 апреля 2024 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 398-403.

13. Османов О.А. Проблемы нарушения прав заемщиков по договору потребительского кредита // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 44. № 4. С. 91-97.

14. Отчет о деятельности финансового уполномоченного в 2023 году. URL: https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html (дата обращения 29.04.2025).

15. Старовойтова А.В. Рынок потребительского кредита России: проблемы и перспективы развития. В сборнике: Катановские чтения – 2023 : сборник научных трудов студентов. Абакан, 2023. С. 155-156.

Administrative procedure for protecting the rights of the borrower under a consumer credit (loan) agreement

Kuznetsov N.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article discusses the problems of borrowers' rights on consumer credit and the possibility of resolving them out of court by means of administrative measures, one of which is an appeal to the financial ombudsman. The purpose of this article is to study the problems associated with the protection of the borrower's rights and ensuring the possibility of resolving them by means of extrajudicial measures as more prompt, reasonable, and facilitating the unloading of courts. As a result, the recognition of the quality of such a measure should be stated as a result. At the same time, as a conclusion, it is recognized that despite the logic and validity, the formed mechanism of appeal can be defined as a restriction of the right to protection in court and therefore the legality of such can be questioned. In the process of the study, general scientific methods were used: dialectical, systemic, methods of analysis and synthesis, logical, as well as special legal methods - formal-legal, comparative-legal and other methods.

Keywords**:** bank, borrower, creditor, consumer credit, financial institution, financial ombudsman

References

1. Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions of December 13, 2024 No. 459-FZ). URL: https://base.garant.ru/10164072/ (date of access 04/29/2025).
2. Federal Law of December 21, 2013 No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan)" (with amendments and additions of February 13, 2025 No. 9-FZ). URL: https://base.garant.ru/70544866/ (date of access 04/28/2025).
3. Federal Law of June 4, 2018 No. 123-FZ "On the Commissioner for the Rights of Financial Services Consumers" (as amended and supplemented on December 25, 2023 No. 632-FZ). URL: https://base.garant.ru/71958414/ (accessed on April 30, 2025).
4. Law "On Protection of Consumer Rights" of February 7, 1992 No. 2300-I (as amended on August 8, 2024 No. 232-FZ). URL: https://base.garant.ru/10106035/ (accessed on April 29, 2025).
5. Decision of the Moscow City Court of March 28, 2018 in case No. 33-12691. URL: https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/563cb392-fa7d-4ad9-8240-383149b0da86 (date of access 04/29/2025).
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 23, 2021 No. 2-1453/2019 in case No. 33-KG20-6-KZ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1982970 (date of access 04/29/2025).
7. Bondarchuk D. Law on the Financial Ombudsman. A new scheme for collecting money from banks and insurance companies has been established // EZh-Yurist. 2018. No. 23. – P. 1-3.
8. Klinkov I.A. Problematic aspects arising in the collection of debts under credit agreements and loan agreements in summary proceedings // Jurisprudence, justice and the state: current issues of theory and practice: collection of articles of the III International scientific and practical conference, Penza, May 5, 2024. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. P. 24-26.
9. Kuchma N.A. Validity of a two-stage or three-stage pre-trial procedure for applying to court in disputes over the protection of the rights of consumers of financial services // Issues of Russian justice. 2025. No. 35. P. 561-570.
10. Lomakina K.M., Osadchenko E.O. The legal nature of a loan agreement in the civil law of the Russian Federation // Trends in the development of science and education. 2025. No. 118-3. P. 92-94.
11. Lysova-Bakhareva Yu.V. Ensuring equality of rights of borrowers consumers in legal relations with creditors and lenders: legal regulation and judicial practice // Property relations in the Russian Federation. 2022. No. 1. P. 83-100.
12. Osadchenko E.O., Zabolotneva L.I. Regulation of the activities of microfinance organizations: problems and development prospects // The Future of Science - 2024: collection of scientific articles of the 11th International Youth Scientific Conference. In 5 volumes, Kursk, April 18-19, 2024. Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 2024. Pp. 398-403.
13. Osmanov O.A. Problems of violation of the rights of borrowers under a consumer loan agreement // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2022. Vol. 44. No. 4. Pp. 91-97.
14. Report on the activities of the financial ombudsman in 2023. URL: https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html (date of access 04/29/2025).
15. Starovoytova A.V. The consumer credit market of Russia: problems and development prospects. In the collection: Katanov readings - 2023: a collection of scientific papers of students. Abakan, 2023. Pp. 155-156.

Институт беспошлинной торговли товарами

Михайленко Никита Евгеньевич
аспирант, кафедра международного права, Всероссийская академия внешней торговли, garys1@yandex.ru

Институт беспошлинной торговли товарами представляет собой один из наиболее противоречивых элементов современной торгово-экономической системы — он формально встроен в правовую структуру международных и региональных соглашений, однако в практической плоскости демонстрирует высокую степень неопределённости в трактовках, особенно в части взаимодействия с налоговыми режимами и мерами таможенного контроля. Актуальность обсуждаемой темы предопределяется необходимостью переосмысления правовой природы этого института на фоне трансформации глобальных торговых союзов и расширения юрисдикции региональных блоков (в частности, подразумевается ЕАЭС). Целью в рамках статьи стало выявление институциональных и правовых нюансов в функционировании соответствующих механизмов, а также анализ недостатков в теоретической базе. В литературе прослеживается методологическое расслоение: одни авторы опираются на фискальный аспект, сводя проблему к вопросам косвенного налогообложения, другие — к формальному применению норм международных соглашений (без учёта фактической трансграничной динамики). В результате проведённого анализа автор приходит к выводу, что беспошлинная торговля утратила статус исключительно стимулирующей меры и превратилась в автономный режим со сложной внутренней структурой, которая требует переработки нормативной базы с опорой на новые формы торговой логистики и цифрового оформления сделок. Представленные в работе материалы будут полезны правоведам, специалистам в области внешнеэкономической деятельности, сотрудникам таможенных органов, аналитикам международных организаций, которые сосредоточены на реформах торговых режимов.

Ключевые слова: беспошлинная торговля, ЕАЭС, зоны свободной торговли, косвенное налогообложение, приграничная торговля, таможенный контроль, торговые режимы, трансграничная логистика

Введение. Современная архитектура трансграничного торгового взаимодействия всё в большей степени опирается на инструменты, которые способствуют снижению барьеров и оптимизации движения товаров. Одним из них предстаёт институт беспошлинной торговли, представляющий собой совокупность правовых режимов и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих перемещение продукции через границы без взимания таможенных пошлин и иных обязательных платежей.

Вместе с тем, невзирая на возрастающую значимость данного института, в правовой доктрине сохраняется дискуссионность в части его систематизации, разграничения подвидов, а также соотнесения с прочими таможенными и торговыми процедурами.

Проблема заключается в отсутствии единой, теоретически выверенной модели правового регулирования в характеризуемой области, отражающей как внутренние регламентации, так и международные обязательства государств. Помимо этого, наблюдается нормативная фрагментация, когда различные соглашения и кодексы регулируют отдельные аспекты института, не формируя целостного понятийного поля.

В увязке с обозначенным выше очень важно выявить сущностные характеристики и структуру анализируемого института — с опорой на международные и наднациональные акты — а также проследить механизмы его реализации в рамках Евразийского экономического союза.

Материалы и методы

Литература и источники по обсуждаемой теме демонстрируют как нормативно-правовое, так и прикладное осмысление проблемы. Нормативную основу составляют международные соглашения, в том числе, ГАТТ 1994 [1], Киотская конвенция [2], закрепляющие принципы либерализации и упрощения таможенных процедур, а также договоры и кодексы ЕАЭС [3-6], которые формируют региональную базу функционирования характеризуемых режимов.

В теоретико-экономическом измерении в изыскании А.В. Акимова [7] рассматривается беспошлинная торговля как элемент глобальных интеграционных процессов (акцентируется внимание на институциональных сдвигах в рамках многосторонних соглашений).

Практико-ориентированные публикации И.В. Гончарука [8], А.А. Рогового [9], Е.Ю. Сидоровой [10, 11] сфокусированы на операциональных и фискальных аспектах функционирования соответствующих таможенных процедур, в том числе, на вопросах косвенного налогообложения, контроля, реэкспорта.

Особое внимание уделяется также функционированию магазинов duty free как институционализированной формы (В.С. Широва, О.Ю. Недорезова [12]).

Несмотря на наличие ряда проработанных направлений, в литературе сохраняются противоречия относительно трактовки природы беспошлинной торговли и её взаимодействия с режимами налогообложения. Недостаточно освещены вопросы цифровизации соответствующих процедур, а также проблематика трансграничного контроля на фоне расширения международных соглашений о свободной торговле.

Основу методологии в рамках данной статьи составляют юридический анализ, экономическая интерпретация таможенных режимов, сопоставление международных и региональных практик, а также систематизация и обобщение.

Результаты и обсуждение

Институт беспошлинной торговли представляет собой комплексное правовое образование, охватывающее нормы, которые регулируют порядок перемещения товаров через границу без уплаты таможенных пошлин и налогов. Его функциональное назначение заключается в стимулировании торговых потоков, облегчении доступа к рынкам, повышении эффективности внешнеэкономической деятельности [7, 10]. Однако, в отличие от упрощённых таможенных процедур, данный институт обладает собственными правовыми механизмами, а также специфическим режимом, который существенно отличается исключением из общего порядка фискального обложения товаров при пересечении границы.

С теоретической точки зрения, он выполняет как экономико-правовую, так и геополитическую функции, выступая в качестве инструмента как стимулирования внешнеторгового обмена, так и реализации стратегических интересов государства в рамках интеграционных объединений. Предполагается не только отказ от взимания пошлин, но и применение особых форм контроля, в том числе:

- выборочные проверки;
- управление рисками;
- цифровизация процедур [8, 9, 11].

Ключевым источником, закрепляющим процедуру беспошлинной торговли в правопорядке Евразийского экономического союза, является глава 33 Таможенного кодекса ЕАЭС. В статье 243 отражено содержание данной таможенной процедуры, статья 244 конкретизирует условия помещения товаров под неё, подчёркивается необходимость соблюдения специальных требований как к самим товарам, так и к субъектам, осуществляющим такую торговлю. При этом важно отметить, что правовой статус магазинов беспошлинной торговли, как и лиц, имеющих право на реализацию через них продукции, подчинён жёсткой регламентации (допускается лишь торговля определёнными категориями товаров, что закреплено в статье 245). Не менее значимой является статья 247, в которой изложены положения об исчислении обязательств по уплате пошлин при прекращении действия процедуры. Именно здесь проявляется одна из ключевых особенностей института — беспошлинный режим носит временный и обусловленный характер, и нарушение условий его применения влечёт восстановление фискальных обязательств [3].

В рамках Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года институт беспошлинной торговли соотносится с основополагающим принципом функционирования внутреннего рынка — свободой движения товаров. Согласно статье 28, государства-члены ЕАЭС отказываются от применения ввозных и вывозных пошлин, мер нетарифного регулирования, антидемпинговых ограничений. Тем самым создаётся нормативный базис для расширения форматов беспошлинного перемещения товаров, включая:

- транзит;
- приграничный обмен;
- зонированные режимы [4].

Целесообразно подчеркнуть, что положения Договора ориентированы не столько на специфические таможенные процедуры, сколько на системный демонтаж барьеров внутри общего экономического пространства, в рамках которого исследуемый институт обретает структурную значимость как средство устойчивой интеграции.

В свою очередь, Киотская конвенция, которая была ратифицирована многими государствами — участниками глобальной торговли (в том числе, странами ЕАЭС), формирует международные стандарты в области упрощения и гармонизации таможенных процедур. В контексте беспошлинной торговли особый интерес представляют положения о приоритетности управления рисками, минимизации таможенного контроля, максимальном задействовании информационных технологий. Эти принципы применимы к зонам беспошлинной торговли, где эффективность административных шагов напрямую влияет на привлекательность таких режимов для участников рынка [2].

Установленный Конвенцией подход к выборочному контролю, а также признание легитимности консультационных механизмов между таможенными органами и бизнесом, создаёт нормативную основу для балансировки интересов фискальной защиты и либерализации торговли.

На практике реализация анализируемого института охватывает несколько форматов (рис. 1):

Так, упомянутые магазины функционируют в зонах выезда или прибытия на международных транспортных узлах и осуществляют продажу определённых категорий товаров пассажирам, покидающим или прибывающим на территорию Союза. Эти объекты строго лицензируются, а их товарооборот подлежит мониторингу [12].

Что касается складов временного хранения, то с их помощью обеспечивается режим отложенного обложения пошлинами до момента выпуска товара в свободное обращение. Хотя формально это не беспошлинная торговля, на этапе хранения товар временно освобождён от фискальной нагрузки.

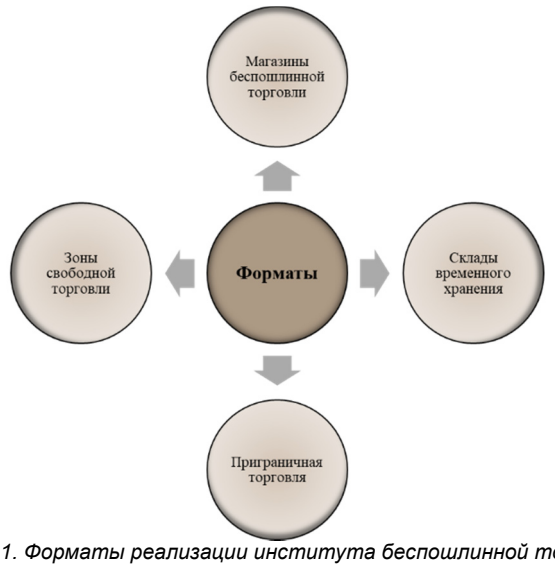

Рис. 1. Форматы реализации института беспошлинной торговли
(составлено на основе [6-8, 10, 12])

Приграничный формат представляет собой одну из наиболее чувствительных и слабо разработанных сфер. Несмотря на практическую значимость для жителей соответствующих территорий, единые нормы его регулирования отсутствуют. Приграничная торговля в праве ЕАЭС остаётся в зоне национальных юрисдикций, что вызывает правовые коллизии при трансграничных операциях. Применительно к ней отсутствует чёткая дифференциация между упрощённым перемещением товаров для личного потребления и коммерческой деятельностью в особом режиме. Киотская конвенция, в свою очередь, допускает гибкость в установлении таких процедур, подчёркивая значение пропорциональности контроля [2].

Зоны свободной торговли (ЗСТ) — важнейшее направление развития института. В рамках соглашений между ЕАЭС и третьими странами, к примеру, Вьетнам, Иран, устанавливаются условия беспошлинного доступа товаров к внутреннему рынку сторон. Например, соглашение с Вьетнамом [5] содержит поэтапное снижение ставок ввозных пошлин, а также унификацию процедур декларирования. Аналогичный подход реализован и в соглашении с Ираном [6], где особо оговариваются временные рамки таможенной очистки (не более 48 часов), ускоренная обработка экспресс-грузов, приоритет для скоропортящейся продукции.

Таким образом, ЗСТ выступают не просто как договорные инструменты снижения тарифов, но и как зоны формализации характеризуемого института в международной плоскости.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года закрепляет универсальные принципы, на которых строится правовой режим [1]. Отмена количественных ограничений, запрет дискриминации в сочетании с обязанностью предоставления национального режима импортируемым товарам служат концептуальной основой для договорных практик ЕАЭС. Принцип наибольшего благоприятствования требует, чтобы любые уступки, предоставленные одной стране, автоматически распространялись на остальных участников соглашения, что существенно воздействует на содержание двусторонних договоров ЕАЭС с внешними партнёрами.

Заключение

Институт беспошлинной торговли товарами представляет собой сложную, многоуровневую правовую конструкцию, которая охватывает как внутрисоюзные механизмы ЕАЭС, так и международные соглашения с третьими странами.

Его регламентация осуществляется как через специальные нормы Таможенного кодекса ЕАЭС, так и посредством общих принципов торгового права, зафиксированных в Киотской конвенции и ГАТТ 1994.

Практическое значение института особенно проявляется в рамках приграничной торговли и функционирования ЗСТ, где обеспечивается реальный доступ продукции к рынкам на беспошлинной основе.

Вместе с тем, правовая конструкция нуждается в систематизации и унификации: наличие фрагментарных режимов, различий в терминологии, а также в подходах требует разработки единой модели, интегрированной в международную торговую систему и адаптированной к потребностям интеграционных форматов.

Литература

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ 1994) // Всемирная торговая организация. URL: https://www.wto.org (дата обращения: 21.05.2025).

2. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) (в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.) // Всемирная таможенная организация. URL: https://www.wcoomd.org (дата обращения: 21.05.2025).

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апр. 2017 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 21.05.2025).

4. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2025).

5. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны (подписано 29 мая 2015 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://www.eurasiancommission.org (дата обращения: 21.05.2025).

6. Соглашение о временном соглашении, ведущем к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны (подписано 17 мая

2018 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://www.eurasiancommission.org (дата обращения: 21.05.2025).

7. Акимов А.В. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство как крупнейшая зона свободной торговли, меняющая глобальную экономику // Восточная аналитика. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 9-25.

8. Гончарук И.В. Трансграничная торговля: снижение порога беспошлинной торговли в рамках ЕАЭС // 30 лет Таможенной службе Независимой Беларуси: с опытом прошлого к синергии будущего. Материалы XII Международная научно-практическая конференция. – Минск: 2021. – С. 82-86.

9. Роговой А.А. Направления совершенствования организации таможенного контроля товаров, помещаемых под таможенную процедуру беспошлинной торговли // Актуальные исследования. – 2021. – № 27 (54). – С. 25-30.

10. Сидорова Е.Ю. Реализация таможенных процедур беспошлинной торговли и реэкспорта // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 147-153.

11. Сидорова Е.Ю., Артемьев А.А. Таможенная процедура беспошлинной торговли: методологические проблемы косвенного налогообложения и пути их решения // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27. – № 6 (810). – С. 1270-1291.

12. Широва В.С., Недорезова О.Ю. Особенности функционирования магазина беспошлинной торговли в современных условиях // Междисциплинарность научных исследований как фактор инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: 2023. – С. 183-187.

Institution of Duty-Free Trade in Goods

Mikhailenko N.E.
All-Russian Academy of Foreign Trade

The institution of duty-free trade in goods represents one of the most conceptually ambiguous elements within the contemporary trade and economic system. While formally embedded within the legal framework of international and regional agreements, it reveals a high degree of interpretative uncertainty in practice—particularly regarding its interaction with tax regimes and customs control measures. The relevance of the topic arises from the urgent need to reconsider the legal nature of this institution amid the transformation of global trade alliances and the expanding jurisdiction of regional blocs, notably the Eurasian Economic Union (EAEU). The primary objective of this article is to identify the institutional and legal complexities inherent in the functioning of duty-free trade mechanisms and to critically assess the shortcomings of the existing theoretical framework. A clear methodological divergence is observed in the literature: some authors focus on fiscal dimensions, framing the issue through the lens of indirect taxation, while others emphasize the formal application of international legal norms, neglecting the realities of cross-border economic dynamics. Based on the conducted analysis, the author argues that duty-free trade has evolved beyond its original role as a purely incentivizing measure and now functions as an autonomous regulatory regime with a complex internal architecture. This regime requires a revision of its legal basis in light of emerging trade logistics models and the digitalization of commercial procedures. The findings of this study are relevant for legal scholars, experts in foreign economic activity, customs officials, and analysts at international institutions engaged in the reform of trade regimes.

Keywords: border trade, customs control, duty-free trade, EAEU, free trade zones, indirect taxation, trade logistics, trade regimes

References

1. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (GATT 1994) // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org (accessed: 21.05.2025).
2. International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures (Kyoto Convention) (as amended by the Protocol of 26 June 1999) // World Customs Organization. URL: https://www.wcoomd.org (accessed: 21.05.2025).
3. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of 11 April 2017) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 21.05.2025).
4. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29 May 2014) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru (accessed: 21.05.2025).
5. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Vietnam, of the other part (signed on 29 May 2015) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: https://www.eurasiancommission.org (accessed: 21.05.2025).
6. Interim Agreement leading to the formation of a Free Trade Area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part (signed on 17 May 2018) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: https://www.eurasiancommission.org (accessed: 21.05.2025).
7. Akimov A.V. Comprehensive Regional Economic Partnership as the Largest Free Trade Area Transforming the Global Economy // Eastern Analytics. – 2025. – Vol. 16. – No. 1. – P. 9–25.
8. Goncharuk I.V. Cross-border Trade: Reducing the Duty-Free Threshold within the EAEU // 30 Years of the Customs Service of Independent Belarus: From Past Experience to Future Synergy. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. – Minsk: 2021. – P. 82–86.
9. Rogovoy A.A. Directions for Improving Customs Control over Goods Placed under the Duty-Free Trade Procedure // Current Research. – 2021. – No. 27 (54). – P. 25–30.
10. Sidorova E.Yu. Implementation of Customs Procedures for Duty-Free Trade and Re-export // Economics. Taxes. Law. – 2021. – Vol. 14. – No. 3. – P. 147–153.
11. Sidorova E.Yu., Artemyev A.A. Duty-Free Trade Customs Procedure: Methodological Problems of Indirect Taxation and Ways of Solving Them // Finance and Credit. – 2021. – Vol. 27. – No. 6 (810). – P. 1270–1291.
12. Shirova V.S., Nedorezova O.Yu. Features of the Operation of Duty-Free Shops under Current Conditions // Interdisciplinarity of Scientific Research as a Factor of Innovative Development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Ufa: 2023. – P. 183–187.

Сравнительный анализ моделей общественного контроля (США, Китай, Франция) и перспективы развития российского законодательства

Мусаев Ислам Саидович
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», i@moosleem.ru

В статье проведен сравнительный правовой анализ различных моделей общественного контроля и участия гражданского общества в управлении в странах с разными правовыми системами – США, Китае и Франции. Выявлены отличительные черты англосаксонской (американской), социалистической (китайской) и континентально-европейской (французской) моделей взаимодействия государства и общества при осуществлении общественного контроля. Особое внимание уделено механизмам прозрачности, участию граждан в принятии решений, независимости общественных институтов и их влиянию на власть. На основе изученного зарубежного опыта формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства и практики в сфере общественного контроля для более эффективной защиты интересов гражданского общества. Предложения включают укрепление гарантий доступа к информации, расширение возможностей общественных организаций влиять на решения, институциональное развитие общественных консультативных органов и др., с учетом национальной специфики России.
Ключевые слова: общественный контроль; сравнительный анализ; США; Китай; Франция; гражданское общество; публичная власть; прозрачность; участие граждан; зарубежный опыт; реформы законодательства.

Введение

Институт общественного контроля и более широко – участие общества в контроле над властью – существует во всех странах, однако принимает разнообразные формы в зависимости от политической системы, правовой культуры и исторических традиций. Изучение зарубежного опыта позволяет глубже понять возможности и пределы общественного контроля, а также заимствовать удачные решения для российских реалий. В данной статье рассмотрены три контрастные модели:

- **Американская (США)** – пример развитой демократии с сильными традициями гражданского общества, где механизмы общественного контроля воплощены прежде всего через открытость информации, судебную защиту и независимую активность НКО.
- **Китайская (КНР)** – пример страны с социалистической системой, где официально провозглашается участие народа в управлении, но сохраняется однопартийный контроль, ограничивающий независимое гражданское действие. Интерес представляет сочетание декларируемых прав на участие с реальными ограничениями.
- **Французская (Франция)** – представитель европейской континентальной правовой семьи, с богатой историей публичного права, институтами омбудсменов, консультативных советов и устойчивыми правовыми гарантиями прав человека, но также с бюрократическими традициями. Франция интересна как страна, пытающаяся институционализировать диалог государства и общества через специальные органы (например, экономический, социальный и экологический совет).

Сопоставление этих моделей позволит очертить **набор инструментов**, которые могут быть использованы для улучшения российского законодательства об общественном контроле. Важно представлять, что прямое копирование невозможно – каждый институт работает в контексте культуры и политической системы. Однако принципы (прозрачность, подотчетность, вовлечение граждан, защита активистов) универсальны и их реализация, хоть и разными методами, рассматривается во всех системах.

В качестве материалов исследования использованы официальные тексты нормативно-правовых актов США (в том числе Закон о свободе информации 1966 г., Sunshine Acts и ключевые экологические законы с положениями о «citizensuit»), нормативные документы КНР (Правила об открытости правительственной информации 2007 г., акты об организации местного самоуправления и процедуры публичных консультаций) и Франции (Конституция, закон от

1901 г. «Об ассоциациях», акты о создании Défenseurdesdroits и CESE), а также выборка судебных решений и отчетов омбудсменов. В качестве дополнительных эмпирических источников использованы официальные доклады парламентских и экспертных комиссий, данные о практической реализации общественных слушаний и публичных обсуждений проектов нормативных актов, публикации профильных НКО, аналитические статьи и монографии по сравнительному правоведению. Методология исследования включает сравнительно-правовой анализ (сопоставление институциональных моделей и процедурных механизмов трех стран), формально-юридический метод (анализ содержания и структуры нормативных актов), контент-анализ судебных и экспертных решений, а также синтез и обобщение полученных результатов с применением системного подхода для выработки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства в сфере общественного контроля. **Результаты и обсуждения**

Модель США: гражданское общество как «сторожевой пёс» государства. Для Соединенных Штатов Америки характерна **децентрализованная и юридически подкрепленная система общественного контроля**, складывающаяся из множества взаимодополняющих элементов. Ключевые черты американской модели:

Право на информацию и прозрачность. США были одной из первых стран, законодательно закрепивших широкое право граждан на доступ к правительственной информации. Закон «О свободе информации» (Freedom of Information Act – FOIA) принят еще в 1966 году и с тех пор стал мощнейшим инструментом прозрачности. FOIA устанавливает процедуру, по которой любой человек может запросить у федерального ведомства практически любые документы, и ведомство обязано либо предоставить их, либо обосновать отказ строго ограниченными исключениями. Этот закон часто называют законом, который позволяет гражданам «знать, чем занимается их правительство»[1]. FOIA прямо рассматривается как **инструмент обеспечения подотчетности власти перед обществом**[2]. Аналогичные акты действуют на уровне штатов. Кроме того, США имеют законы о «солнечном свете» (Sunshine Acts), требующие открытости заседаний государственных органов. Практически на всех уровнях – от городского совета до федеральных агентств – публичные совещания должны проводиться открыто для прессы и наблюдателей, за редкими исключениями. Такая глубоко укорененная прозрачность обеспечивает информированность общества и формирует основу для дальнейших контрольных действий.

Независимый судебный контроль и институт «citizen suit». Особенностью американской правовой системы является возможность граждан и общественных объединений напрямую инициировать судебные процессы против государственных органов или частных лиц, нарушающих закон, в общественных интересах. Многие фундаментальные федеральные законы содержат специальные положения о «гражданском иске» (citizen suit). Например, Закон о чистой воде, Закон о чистом воздухе, Закон об эндемичных видах – все они разрешают любому лицу подать иск против предприятия-нарушителя экологических норм или против регулятора, не исполняющего своих обязанностей[3]. Цель таких норм – **расширить участие граждан в обеспечении соблюдения законов**, зная, что у государства может не хватать ресурсов или воли[3]. В судебной практике выработано понятие «общественный истец» – организация, отстаивающая интересы группы, даже если непосредственный ущерб ей не причинен. За десятилетия благодаря этим механизмам НКО в США добились множества изменений: суды по искам граждан отменяли незаконные приказы чиновников, заставляли агентства пересматривать решения, штрафовали корпорации за вред людям и среде. Судебная власть выступает арбитром, независимым от исполнительной власти, и потому становится опорой гражданского общества в его контролирующей функции. В России пока аналогов институту гражданского иска в столь широком виде нет, но его эффективность очевидна – он **наделяет обычных людей полномочиями следить за соблюдением законности**[3] и дополнять деятельность государственных надзорных органов.

Сильный негосударственный сектор («watchdog NGOs» и СМИ). Американское гражданское общество знаменито многообразием неправительственных организаций, фондов, инициативных групп, которые специализируются на контроле в разных областях – от защиты прав человека до контроля над расходованием бюджета. Например, такие организации, как *American Civil Liberties Union (ACLU)*, *Government Accountability Project*, *Judicial Watch* и многие другие, системно мониторят деятельность властей, подают запросы по FOIA, публикуют доклады о нарушениях, инициируют резонансные судебные дела. Их нередко называют «сторожевыми псами демократии». Важным элементом этой экосистемы является свобода прессы: независимые журналистские расследования (часто в сотрудничестве с НКО) вскрывают злоупотребления, коррупцию, тем самым выступая формой общественного контроля через общественное мнение. Правовая среда (Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова) создает условия, когда пресса и НКО могут беспрепятственно критиковать власть без риска быть закрытыми или преследуемыми. Конечно, эта модель не идеальна – существуют ложная информация, политическая поляризация – но она показывает, что **общественный контроль может эффективно осуществляться самим обществом** при минимальных формальных структурах, если закон охраняет свободы.

Гражданское участие в органах управления. В США есть и практики прямого привлечения граждан к работе государственных органов. Например, во многих городах действуют **общественные полицейские комиссии** – независимые гражданские советы, рассматривающие жалобы на полицию и вырабатывающие рекомендации, как улучшить работу правоохранителей (их решения, правда, не всегда обязательны, но моральный вес велик). Граждане

участвуют и во многих других консультативных комитетах при муниципалитетах, школах, органах здравоохранения – это организуется на локальном уровне. Особый институт – жюри присяжных и *grand juries* (большое жюри) – привлекает граждан к отправлению правосудия и надзору за действиями прокуратуры (большое жюри санкционирует обвинения, проверяет обоснованность). Это уникальный элемент англосаксонской правовой культуры, напрямую вовлекающий простых людей в контроль над тем, как осуществляется правосудие.

Таким образом, американская модель общественного контроля – это **сочетание правовых гарантий прозрачности, доступной судебной системы и активного гражданского общества**, которое этими инструментами пользуется. Государство не столько создает специальные «палаты» или «советы» для контроля, сколько открывает свои двери (через информацию) и допускает общество в правовые механизмы. Такой подход исторически показал высокую результативность в выявлении и коррекции ошибок власти. В то же время он требует зрелого гражданского общества, независимости судов и уважения власти к правилам – что складывалось веками.

Для России из американского опыта особо ценно: закрепление широкого права на информацию, введение элементов гражданского иска (например, в экологическом праве), защита независимости НКО и СМИ. Эти шаги могли бы значительно усилить отечественный общественный контроль.

Модель Китая: «народное участие» под контролем государства. Китайская Народная Республика представляет собой совершенно иную политико-правовую систему, в рамках которой идеи общественного контроля и участия граждан приобретают специфическое звучание. Китай официально провозглашает себя «социалистической демократией» и даже закрепил в ряде законодательных актов и политических документов принципы прозрачности и участия. Например, несколько лет назад на высшем уровне декларировано, что народ имеет право «знать, участвовать, выражать свое мнение и контролировать управление»[4]. Эти слова звучат весьма прогрессивно: руководство КНР заявило о необходимости осуществлять власть «в солнечном свете», то есть открыто, и вырабатывать механизмы обратной связи с обществом[4]. Действительно, с начала 2000-х в Китае отмечается развитие формальной базы для публичного участия: введены процедуры публичного обсуждения законопроектов, проводятся общественные консультации по некоторым решениям, существуют избираемые (частично) *комитеты жителей* в городских микрорайонах и *комитеты крестьян* в деревнях (на низовом уровне самоуправления), также значимым шагом стало принятие в 2007 году Правил об открытости правительственной информации, которые позволяют гражданам запрашивать определенные данные у властей (аналог FOIA, но с гораздо более узкой сферой и множеством исключений).

Однако реальность общественного контроля в Китае сильно ограничена рамками однопартийной системы и приоритета государственной (точнее, партийной) власти над обществом. Основные особенности китайской модели:

Внутрипартийный и государственный контроль вместо независимого. В КНР фактически отсутствуют независимые от государства институты гражданского общества, способные контролировать власть. Все значимые общественные организации либо созданы государством (так называемые «массовые организации» типа Всекитайской федерации женщин, Союза молодежи, Федерации профсоюзов – они входят в структуру управляемого партией общества), либо жестко контролируются через систему регистрации и надзора. Неправительственные организации, занимающиеся правами человека или правозащитной деятельностью, практически не могут свободно работать – многие активисты преследуются. Таким образом, **роль «внешних» контролеров власти выполняют сами государственные/партийные институты**: Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины, недавно созданная Государственная надзорная комиссия (антикоррупционный орган) и т.п. Этот контроль – сугубо сверху вниз, без участия независимых граждан. Называть его общественным в западном понимании трудно, но официально считается, что партия таким образом реализует волю народа, очищая госаппарат от злоупотреблений.

Ограниченное публичное участие и консультации. Справедливости ради, отмечу, китайское правительство действительно вводит некоторые процедуры для получения обратной связи. Например, при подготовке важных законопроектов практикуется публикация проектов на сайтах НПКСК (парламента) или Госсовета с приглашением граждан присылать комментарии[4]. Миллионы людей могут высказываться, и иногда поправки учитываются (особенно по менее политизированным темам, вроде экологии, здравоохранения). На местном уровне кое-где проводятся *слушания* по вопросам тарифов, градостроительства – приглашенные граждане могут выступать. В области экологии введены процедуры оценки воздействия на окружающую среду с обязательным информированием и ограниченным обсуждением с общественностью (однако реальные возможности влиять невелики)[5]. Все эти механизмы показывают стремление власти **повысить легитимность решений через имитацию участия**, но также проходят жесткий контроль и общество не может отклонить или существенно изменить курс, заданный партией.

Жалобы и петиции («система синьфан»). Традиционный канал влияния – система обращений граждан (синьфан), унаследованная от императорских времен. Граждане могут направлять жалобы на чиновников вышестоящим органам или лично приезжать на прием в Пекин. Формально это способ сообщить о злоупотреблениях на местах. Однако на практике петиций так много (миллионы в год), что рассмотреть их качественно трудно; более того, известны случаи, когда настойчивых петиционеров преследуют, их отправляют в «центры воспитания» за нарушение общественного порядка. По мнению

автора, наличие этой системы – признание принципа: народ может указывать власти на проблемы. Периодически громкие случаи (коррупции или произвола), вскрытые в петициях, действительно приводят к наказанию местных чиновников – но скорее как исключение, если дело получило огласку.

«Народное правосудие» и участие в судебной системе. В Китае есть институт *народных заседателей* (аналог присяжных, но с особенностями): обычные граждане привлекаются к рассмотрению некоторых дел в судебных коллегиях. Это попытка вовлечь граждан в контроль за судебной властью. Однако судебная система Китая не независима (подчинена партии), поэтому заседатели лишь могут «сглаживать углы», создавая видимость народного элемента, не влияя сильно на общий уклон правосудия.

Контроль через общественное мнение через «сито» цензуры. В Китае есть понятие «общественный надзор посредством мнения». Средства массовой информации, особенно до усиления цензуры в последние годы, иногда освещали проблемы, тем самым стимулируя власть реагировать. В 2000-х были даже популярны расследовательские журналисты, раскрывавшие локальные скандалы, после чего центральные власти вмешивались и наказывали виновных, демонстрируя реакцию на общественное возмущение. С распространением интернета появилась возможность для так называемых «взорвавшихся новостей» в соцсетях, которые тоже иногда приводили к изменениям (увольнение чиновника за роскошь после публикации в Weibo и т.п.). Однако с приходом более жесткой политики цензура усилилась, и в настоящее время СМИ и интернет очищаются от «прямой» критики власти. Тем не менее, интересен сам принцип, провозглашенный партией: пресса должна выполнять функцию контроля – но при этом под контролем самой партии, что, конечно, парадокс.

В итоге китайская модель представляет собой **ограниченное, управляемое участие без реальной независимости**. Как отмечают исследователи, все механизмы «участия» призваны смягчить «дефицит демократии», но не устранить его[4]. Партия по-прежнему монопольно принимает решения; общество может лишь консультировать и сигнализировать о крайних злоупотреблениях, которые угрожают стабильности.

Для России опыт Китая служит скорее предостережением. Он показывает, что декларация права людей «контролировать» власть может остаться на бумаге, если не гарантирована институциональная независимость контролеров. Китайская система добилась успехов в экономике, но ценой ограничения гражданских свобод; реальный общественный контроль там заменен партийным контролем. Для России, имеющей стремление к правовому государству, такая модель неприемлема, так как ведет к ослаблению гражданского общества. Справедливости ради, необходимо также отметить позитивные шаги: например, процедуры публикации проектов законов для комментариев. Россия могла бы тоже более системно внедрить публичное обсуждение законодательных инициатив на федеральном уровне (у нас это пока не строго обязательно, хотя портал проектов НПА существует). Ещё один элемент – цифровые платформы для обращений граждан (в Китае развивают онлайн-петиции) – может быть полезен, при условии, что обращения действительно рассматриваются. В России институт петиций получил свой функционал и реализацию, но все также недостаточно урегулирован, так как не все петиции получают одинаковое внимание от правительства не смотря на количество подписей [7].

Модель Франции: институционализированный диалог государства и общества. Французская Республика имеет давние традиции как сильной государственной власти, так и активного гражданского общества. Механизмы общественного контроля во Франции сочетают в себе элементы **консультаций, участия через институты посредники (омбудсмены, советы)** и прямого гражданского активизма, основанного на гарантированных правах. Рассмотрим ключевые компоненты французской модели:

Институты-омбудсмены и независимые органы. Во Франции функционирует целый ряд независимых органов, призванных отстаивать права граждан в отношениях с властью. В их числе – *Защитник прав (Le Défenseur des droits)*, институт, объединяющий функции омбудсмена, защита прав ребенка, контроль за соблюдением этики полиции и равенством. Защитник прав – независимое должностное лицо, назначаемое президентом с согласия сената, которое рассматривает жалобы граждан на действия органов власти, полиции, органов соцзащиты и др., и выносит рекомендации. Хотя его решения не обязательны, органы обычно им следуют, кроме того, Защитник может обращаться в суд в интересах заявителей. Наличие такого института гарантирует, что у граждан есть **внесудебный механизм контроля и восстановления справедливости** в случае бюрократического произвола. Аналогично, есть Высший комитет по прозрачности жизни публичных деятелей (следит за декларациями чиновников), Национальная комиссия по контролю безопасности (надзирает за спецслужбами) – эти органы включают независимых экспертов и зачастую представителей общественности.

Экономический, социальный и экологический совет (CESE) – «третья палата» французской системы. CESE – конституционный консультативный орган, объединяющий **представителей организованного гражданского общества**: профсоюзы, объединения работодателей, НКО экологические, молодежные, и др. (175 членов)[6]. Он даёт заключения на законопроекты социально-экономического характера, может по собственной инициативе разрабатывать рекомендации, а с недавних пор при нем проводят **гражданские конвенции** (набор случайно отобранных граждан для обсуждения конкретных вопросов, как это было с Конвенцией по климату)[6]. Хотя CESE не обладает властью блокировать законы, его роль как площадки для **постоян-**

ного диалога между властью и общественными силами ценна. По сути, французское государство **институционализировало общественный контроль**, включив представителей общества в процесс обсуждения и подготовки решений на высоком уровне. Примечательно, что президент Э. Макрон инициировал реформу CESE, стремясь сделать его более эффективным «советом гражданского участия»[6]. Этот орган – хороший пример, как можно организовать постоянный гражданский мониторинг политики без конфронтации: через сотрудничество.

Законодательное закрепление участия и консультаций. Французское законодательство требует в ряде случаев проведения **публичных обсуждений или консультаций** с затрагиваемыми группами. Например, при планировании крупных инфраструктурных проектов обязательно проводится *общественное расследование (enquête publique)* – специальная процедура, где независимый эксперт собирает мнения граждан, местных ассоциаций, публикует заключение. Без этого проекты не получат одобрения, также работают местные *комиссии по окружающей среде*, *советы жителей* в городах – все это дает возможность гражданам контролировать местную политику. В 2020 г. Франция даже в Конституцию планировала внести поправку о защите климата, инициированную *Гражданской конвенцией по климату* (правда, референдум не состоялся). Тем не менее, тренд в том, что **прямая гражданская демократия дополняет** представительную.

Судебный контроль и право ассоциаций. Французские граждане и общественные объединения обладают широкими возможностями обжаловать действия администрации в суде (через административные суды). Например, любая зарегистрированная ассоциация с целью охраны окружающей среды может оспорить в суде акт, который, по ее мнению, нарушает экологические права, даже если прямо ее членов не затрагивает. Судебная система (особенно Государственный совет, высший адмін.суд) исторически защищает права граждан от произвола администрации, вводя принципы, обязательные для власти. Кроме того, недавно во французское право введены **коллективные иски (action de groupe)** – в области защиты потребителей, здоровья, дискриминации – что позволяет НКО обращаться в суд от лица группы пострадавших. Все это укрепляет роль гражданского общества как «контролера», используя суд.

Свобода ассоциаций и поддержка НКО. Во Франции конституционно гарантирована свобода объединений; закон от 1901 г. до сих пор основа регулирования НКО. Ассоциации, особенно имеющие статус «общественно полезных», получают поддержку, могут в совещательных органах представлять интересы граждан. Например, Национальная консультативная комиссия по правам человека – при премьер-министре, состоит из НКО и экспертов, мониторит ситуацию с правами человека и публично критикует правительство при необходимости. Государство часто выделяет гранты НКО, признавая их вклад в общественный контроль (но, отмечу, что это двояко, есть риск зависеть от финансирования). В целом, **общественные организации во Франции – партнеры государства**, их мнение учитывается при разработке многих политик (например, реформы социальной сферы всегда обсуждаются с профсоюзами).

Французская модель демонстрирует **баланс между конфликтом и сотрудничеством**. С одной стороны, жесткий уличный протест (традиция демонстраций, забастовок) – тоже элемент общественного контроля, когда правительство вынуждено корректировать планы из-за давления. С другой, развиты формы конструктивного вовлечения в принятие решений заранее. Для России особенно интересен опыт CESE – по сути, общенационального гражданского форума при государстве. Аналогом могла бы стать реформа нынешней Общественной палаты РФ: ее можно приблизить по роли к CESE, усилив представительность (не назначение сверху, а избрание/делегирование от реальных НКО и сообществ), наделив правом обязательного рассмотрения ее заключений парламентом, также важен институт омбудсмена – в Российской Федерации есть Уполномоченный по правам человека, но мандат его уже, чем у французского Défenseur des droits; имеет смысл расширить полномочия отечественных уполномоченных и гарантировать их независимость.

Заключение

Сопоставление трех моделей общественного контроля позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, **универсальных рецептов нет**: американский акцент на негосударственных механизмах, китайский – на квази-партнерстве при господстве партии, французский – на институциональном диалоге. Российская ситуация и правовая система ближе к европейской, однако имеет свои особенности – сильная роль государства, пока еще недостаточно развитое гражданское общество, но и отсутствие жестких идеологических ограничений на участие (как в КНР). Следовательно, в России следует ориентироваться на лучшие практики, адаптируя их.

Исходя из анализа, можно предложить следующие направления совершенствования российского законодательства и механизмов общественного контроля:

1. Усиление прозрачности и доступа к информации. Необходимо кардинально улучшить реализацию права граждан на информацию о деятельности государства. Российский закон 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности госорганов» нуждается в расширении: следует **уменьшить перечень оснований для отказа**, ввести административную ответственность за неправомерный отказ предоставить информацию, создать удобные электронные сервисы для запросов. Кроме того, целесообразно принять аналог закона о «открытости органов власти» – обязывающего проводить заседания коллегиальных органов открыто или транслировать (по примеру sunshine laws в США). **Прозрачность – фундамент общественного контроля**, без нее остальные меры малоэффективны.

2. Введение элементов гражданского иска и коллективных исков. Как показывает практика США и Франции, большой эффект дает наделение общественных объединений правом судиться в интересах общества. Предлагается ввести в российское законодательство механизмы **коллективных исков** (проект такого закона уже обсуждается) и расширить право НКО подавать иски в защиту неопределенного круга лиц не только по потребительским делам, но и, например, по охране окружающей среды, защите памятников, прав инвалидов и т.д. Это позволит гражданскому обществу прямо добиваться через суд отмены незаконных актов или пресечения бездействия властей, также можно включить в отдельные законы (как экологические) нормы, аналогичные американским citizen suit, – например, что общественная организация может подать иск к загрязнителю, если государственные органы не принимают мер. **Прямое участие граждан в правоприменении через суд** подтолкнет власти более ответственно исполнять законы.

3. Реформа Общественной палаты РФ и система общественных советов. Российскую Общественную палату стоило бы переосмыслить по образцу французского CESE. Добиться, чтобы она стала подлинно представительным советом гражданского общества, а не наполовину назначаемым органом. Для этого можно изменить порядок формирования: увеличить квоты для выборных представителей от общероссийских общественных организаций, возможно, ввести избрание части состава непосредственно гражданами (например, через электронное голосование по кандидатам от НКО). Наделить ОП РФ правом **обязательного заключения** на проекты социально значимых законов (парламент не может принять без рассмотрения мнения Палаты), также снабдить ее правом направлять запросы должностным лицам с обязательным ответом по существу. То же на региональном уровне: общественные палаты субъектов должны формироваться прозрачно и представлять широкий спектр местных сообществ.

- Кроме того, необходим федеральный закон об общественных советах при федеральных органах исполнительной власти и при органах субъектов (в настоящее время есть указ Президента РФ и разрозненные акты). В этом законе указать порядок их формирования (конкурс, участие ОП РФ), полномочия, гарантии (например, право совета запрашивать информацию, приостанавливать некоторым решением исполнение актов до повторного обсуждения – хотя бы рекомендационно). Опыт Франции подсказывает: если такие советы будут наделены хотя бы консультационной, но институциональной ролью, это улучшит диалог. Конечно, их эффективность зависит от независимости состава – потому главное открытость отбора.

4. Расширение полномочий и независимости уполномоченных лиц. Российский уполномоченный по правам человека и специализированные омбудсмены (по детям, предпринимателям) – важные каналы обратной связи, но им не хватает ресурсов и влияния. Следует рассмотреть предоставление им права законодательной инициативы (у федерального омбудсмена такое право есть, у региональных – нет), права обращаться в Конституционный Суд по вопросам нормативных актов, затрагивающих права граждан. Главное – обеспечить реальную независимость их деятельности, исключить возможность досрочного снятия с должности по усмотрению власти без прозрачной процедуры. Стоит ввести норму, что рекомендации уполномоченных рассматриваются обязательным образом адресатами, а о мерах реагирования сообщается публично (аналогично тому, как во Франции органы обычно следуют советам Défenseur des droits). Усиленный омбудсменский надзор поможет выявлять системные проблемы, не доводя до массовых жалоб.

5. Институциализация общественных обсуждений. Законодательно закрепить обязанность проводить **общественные слушания/обсуждения** по проектам, затрагивающим значительный круг населения или общественные блага. Например, в градостроительном кодексе РФ уже есть требование публичных слушаний по генпланам. Этот опыт можно расширить: в экологическом законодательстве (ратифицировать Орхусскую конвенцию, к которой Россия пока только присоединилась), в бюджетном процессе (общественное обсуждение бюджета региона, как делает, например, Париж), также на федеральном уровне целесообразно обязать исполнительную власть публиковать наиболее важные проекты постановлений и технических регламентов для сбора предложений граждан и экспертов в течение установленного срока (сейчас эта практика есть, но носит нестрогий характер).

6. Защита активистов и гарантия свободы общественной деятельности. Зарубежный опыт бесполезен, если сами граждане боятся участвовать в контроле. Нужно обеспечить, чтобы реализация общественного контроля не влекла преследований. Ввести нормы, запрещающие увольнять или притеснять работников за участие в деятельности общественных советов или профсоюзов (в США и Франции трудовое законодательство защищает «свистунов» – whistleblowers – у нас подобное только обсуждается). Пересмотреть практику применения законодательства об «иностранных агентах» – ибо клеймение НКО подрывает их способность выполнять контрольные функции. Государство должно, напротив, признавать заслуги общественных контролеров – например, учреждать премии за лучшие расследования в журналистике, благодарности активистам, вскрывшим коррупцию (в США есть даже денежные вознаграждения по некоторым искам qui tam). Такая атмосфера поощрения, а не подозрения, необходима для роста гражданской активности.

7. Применение цифровых технологий для вовлечения граждан. Перенимая лучший опыт (например, портал petitions.white house.gov в США, французскую платформу консультива «Grand Débat»), создать удобные государственные онлайн-сервисы, где граждане могут подавать идеи, жа-

лобы, наблюдать за ходом их рассмотрения. В Российской Федерации уже действует сайт «Российская общественная инициатива», но ее влияние ограничено. Стоит расширить этот механизм, снизить пороги голосов, рассмотреть региональные инициативы, также развивать практику онлайн-опросов и рейтингов работы госорганов, публиковать результаты – как делают, например, в некоторых странах, где граждане оценивают услуги (Open Government Partnership рекомендует такие меры).

В заключение, подчеркнем: российскому законодательству и практике общественного контроля важно найти **свой баланс** между конфликтностью и сотрудничеством. Американская модель учит нас ценить независимость общества от государства и юридические инструменты, французская – важности диалога и уважения к мнению организаций, китайский опыт – скорее показывает, чего избегать, чтобы не скатиться к имитации. Реализуя предложенные меры – повышая прозрачность, расширяя права граждан на судебную защиту общественных интересов, укрепляя институты, подобные Общественной палате и омбудсменам, – Россия сможет существенно **укрепить гражданское общество**. Это приведет к тому, что власть станет более открытой и подотчетной, а решения – более выверенными с точки зрения общественных нужд. В конечном итоге, эффективный общественный контроль – не помеха, а подмога государству в достижении целей развития, поскольку помогает своевременно выявлять проблемы и корректировать политику в интересах народа.

Литература

1. Закон О Свободе Информации, США // URL: https://www.foia.gov/foia-statute.html (дата обращения 02.06.2025)
2. Обеспечение прозрачности через Закон о Свободе Информации // URL: https://oversight.house.gov/hearing/ensuring-transparency-through-the-freedom-of-information-act-foia/(дата обращения 02.06.2025)
3. Почему граждане могут подавать иски по Закону о Чистой Воде // URL: https://www.jfnovaklaw.com/blog/why-can-citizens-file-lawsuits-under-the-clean-water-act(дата обращения 02.06.2025)
4. Хорсли Д.Public Participation in the People's Republic: Developing a More Participatory Governance Model in China URL: https://cwrrr.org/research-reports/public-participation-in-the-people's-republic-developing-a-more-participatory-governance-model-in-china/ (дата обращения 02.06.2025)
5. Джонсон Т. – Участие общества в экологических вопросах Китая // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0195925519302732(дата обращения 02.06.2025)
6. Медиум, Третья палата для участия граждан // URL: https://medium.com/participo/a-third-chamber-for-ongoing-citizen-participation-f2d1ff540ba4(дата обращения 02.06.2025)
7. Куракина О. Петиция в российской федерации: юридический анализ, особенности правового регулирования // Сергиев Посад – 2020

Comparative analysis of social control models (Usa, China, France) and perspectives of russian law development

Musaev I.S.

Synergy University

In the article a comparative legal analysis of different models of public control and civil society participation in governance in countries with different legal systems - the USA, China and France - is carried out. The distinctive features of Anglo-Saxon (American), socialist (Chinese) and continental-European (French) models of interaction between the state and society when exercising public control are revealed. Special attention is paid to the mechanisms of transparency, participation of citizens in decision-making, independence of public institutions and their influence on the authorities. Based on the studied foreign experience, proposals are formulated to improve Russian legislation and practice in the sphere of public control for more effective protection of civil society interests. The proposals include strengthening the guarantees of access to information, expanding the opportunities for public organizations to influence decisions, institutional development of public advisory bodies, etc., taking into account the national specifics of Russia.

Keywords: public control; comparative analysis; USA; China; France; civil society; public authority; transparency; citizen participation; foreign experience; legislative reforms.

References

1. Freedom of Information Act, USA // URL: https://www.foia.gov/foia-statute.html (date of access 06/02/2025)
2. Ensuring Transparency through the Freedom of Information Act // URL: https://oversight.house.gov/hearing/ensuring-transparency-through-the-freedom-of-information-act-foia/(date of access 06/02/2025)
3. Why Citizens Can File Lawsuits Under the Clean Water Act // URL: https://www.jfnovaklaw.com/blog/why-can-citizens-file-lawsuits-under-the-clean-water-act(date of access 06/02/2025)
4. Horsley D. Public Participation in the People's Republic: Developing a More Participatory Governance Model in China URL: https://cwrrr.org/research-reports/public-participation-in-the-people's-republic-developing-a-more-participatory-governance-model-in-china/ (accessed 06/02/2025)
5. Johnson T. - Public Participation in Environmental Issues in China // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0195925519302732 (accessed 06/02/2025)
6. Medium, The Third Chamber for Citizen Participation // URL: https://medium.com/participo/a-third-chamber-for-ongoing-citizen-participation-f2d1ff540ba4 (accessed 06/02/2025)
7. Kurakina O. Petition in the Russian Federation: Legal Analysis, Features of Legal Regulation // Sergiev Posad - 2020

Трансформация институтов гражданского права в цифровую эпоху: российский опыт

Новиков Сергей Алексеевич
аспирант, Московский финансово-юридический университет МФЮА (МФЮА), sergeinovikov69@gmail.com

Статья посвящена исследованию трансформации институтов гражданского права под влиянием цифровизации общества. Целью работы является выявление основных направлений изменения гражданско-правовых институтов в условиях информатизации и разработка предложений по совершенствованию их правового регулирования. Методология включает системный анализ влияния цифровых технологий на гражданское право, сравнение традиционных и цифровых гражданско-правовых институтов, анализ доктрины и судебной практики. Результаты исследования показывают, что цифровизация трансформирует фундаментальные принципы гражданского права, субъектный состав, объекты и содержание правоотношений. Область применения результатов охватывает законотворческую деятельность, правоприменительную практику и научные исследования в сфере регулирования цифровых гражданских отношений. Новизна работы заключается в формировании концепции «цифрового гражданского права» как целостной системы регулирования. Выводы подтверждают необходимость адаптации доктрины и законодательства к условиям цифровой реальности.
Ключевые слова: цифровизация, гражданское право, смарт-контракты, электронные сделки, цифровые активы, информатизация, правовое регулирование, цифровые платформы.

Введение

Цифровая трансформация общества приводит к кардинальным изменениям в системе гражданско-правовых отношений. По данным Банка России, в 2023 г. доля электронных сделок в общем объёме гражданского оборота превысила 42 %, что ещё более подчёркивает необходимость адаптации традиционных правовых институтов к новым реалиям.

Актуальность исследования определяется появлением новых форм взаимодействия субъектов права, требующих переосмысления классических гражданско-правовых конструкций, а также настоятельной потребностью в создании действенных механизмов защиты прав и законных интересов граждан и организаций в динамично развивающейся цифровой среде.

Цель исследования — выявить основные направления трансформации гражданско-правовых институтов в условиях информатизации и разработать предложения по совершенствованию их правового регулирования.

Концептуальные основы цифровой трансформации права

Современная информатизация общества обозначает качественно новую стадию технологической эволюции, оказывающую глубокое влияние на правовую систему. Процесс характеризуется повсеместной цифровизацией социально-экономических отношений, формированием принципиально новых коммуникационных форм, а также становлением цифровой среды в качестве самостоятельного пространства правового регулирования.

В юридической науке выделяют три ключевых подхода к оценке влияния информатизации на гражданское право. Сторонники технологического подхода (В.А. Белов, А.В. Егоров) рассматривают цифровые технологии прежде всего как инструмент модернизации существующих институтов [1, 2]. Представители системного подхода (С.Ю. Кашкин, О.Ю. Смирнова) трактуют информатизацию как фактор, формирующий качественно новую систему правоотношений с присущими ей специфическими характеристиками [3, 4]. Наконец, критический подход (П.С. Иванов, К.И. Петров) сосредоточен на выявлении противоречий и рисков цифровой трансформации, включая вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных и поддержания баланса интересов участников гражданского оборота [5].

Основные направления воздействия информатизации на гражданско-правовые институты

Информатизация глубоко воздействует на базовые принципы гражданского права. Принцип свободы договора обретает новое измерение благодаря расширенному использованию электронных сделок и смарт-контрактов, которые допускают автоматическое исполнение соглашений без традиционного посредничества. Одновременно принцип автономии воли сталкивается с вызовами алгоритмизированного принятия решений, требующими переосмысления классического понимания волеизъявления и содержания согласия. Принцип добросовестности становится особенно актуальным в цифровой среде, где появляются качественно новые формы злоупотребления правом — от манипулирования данными до эксплуатации алгоритмических предубеждений, что усиливает потребность в уточнении критериев добросовестного поведения.

Цифровая трансформация затрагивает все структурные элементы гражданских правоотношений. В субъектном составе появляются новые участники — цифровые платформы, провайдеры облачных сервисов и операторы информационных систем — что обусловливает необходимость пересмотра пределов их правосубъектности и соответствующей ответственности. Объекты правоотношений также претерпевают изменения: наряду с материальными благами формируются цифровые активы, токены, данные и метаданные, которым требуется специальный правовой режим с учётом их нематериальной природы и экономической ценности. В содержании правоотношений наблюдается как возникновение новых субъективных прав и обязанностей (например, права на «цифровое забвение»), так и адаптация существующих правомочий к условиям сетевой экономики, что проявляется в корректировке договорных моделей и стандартов защиты интересов сторон.

Современные технологии радикально изменяют способы осуществления и защиты гражданских прав. Автоматизация исполнения обязательств посредством смарт-контрактов сокращает потребность в традиционных процедурах принудительного исполнения и одновременно повышает значимость кибербезопасности таких решений. Параллельно развиваются цифровые механизмы защиты, включая онлайн-арбитраж, блокчейн-нотариат и иные децентрализованные сервисы, обеспечивающие регистрацию и подтверждение юридически значимых действий в режиме реального времени. Вместе с тем алгоритмизация правоприменения порождает вопросы, связанные с прозрачностью, подотчётностью и воспроизводимостью автоматизированных решений, что ставит перед правовой доктриной задачу выработки критериев допустимости использования искусственного интеллекта в процессуальной сфере.

Ключевые вызовы информатизации гражданского права

Цифровая трансформация вынуждает переосмысливать устоявшиеся гражданско-правовые конструкции и ставит перед доктриной комплекс новых задач. Под сомнение ставится адекватность традиционного юридического языка для описания феноменов искусственного интеллекта, распределённых реестров и иных цифровых технологий. Одновременно эволюционирует методология научных исследований: всё больший вес приобретают междисциплинарные подходы, объединяющие право, информатику, экономику и социологию для более точного анализа цифровых процессов.

Технологическое развитие устойчиво опережает нормотворческую динамику. Трудности квалификации новых явлений порождают фрагментарность и казуистичность регулирования, а также углубляют коллизии между устоявшимися нормами и практикой цифровой экономики. Это свидетельствует о необходимости системной ревизии и модернизации гражданского законодательства, направленной на устранение пробелов и повышение предсказуемости регулирования.

В цифровой среде усложняются вопросы доказывания из-за анонимности участников и распределённого характера данных; сохраняется неопределённость юрисдикции при трансграничных правоотношениях. Недостаточная цифровая компетентность судей, адвокатов и экспертов подчёркивает потребность в модернизации юридического образования и развитии специализированных программ повышения квалификации, ориентированных на работу с высокотехнологичными доказательствами.

Таблица 1
Сравнительный анализ традиционных и цифровых гражданско-правовых институтов

Критерий	Традиционная модель	Цифровая модель
Форма сделки	Письменная/устная	Электронная/смарт-контракт
Субъекты	Физические/юридические лица	Также цифровые платформы, ИИ-агенты
Объекты	Материальные блага	Цифровые активы, данные
Способ исполнения	Физические действия	Алгоритмическое исполнение
Защита прав	Судебный порядок	Цифровые механизмы (например, блокчейн)

Информатизация инициирует системную трансформацию гражданского права, затрагивая его фундаментальные принципы, структуру субъектного состава, перечень объектов и содержание правоотношений. Ключевая задача заключается в адаптации доктрины, законодательства и правоприменения к условиям цифровой реальности. Решение этой задачи предполагает формирование концепции «цифрового гражданского права» как целостной системы

регулирования, сочетающей традиционные ценности и инновационные подходы к отражению новых социальных и технологических вызовов.

Эволюция правового регулирования электронных сделок

Современная трансформация договорного права сопровождается стремительной цифровизацией гражданского оборота. По данным Банка России, в 2023 г. электронные сделки составили 58 % общего объёма, что делает переосмысление их правовой природы насущной задачей. Электронная сделка соединяет традиционные конструкции договора с цифровыми технологиями, сохраняя при этом базовые принципы гражданского права.

Нормативная база таких сделок формируется на основе ст. 160 и 434 ГК РФ в сочетании с Федеральным законом «Об электронной подписи» [6, 7]. Центральным остаётся вопрос достоверной идентификации сторон: помимо квалифицированной электронной подписи всё шире применяются биометрические данные и платформенные идентификаторы. При использовании распределённых реестров затруднено точное определение момента заключения договора, что требует дальнейших законодательных уточнений и методических рекомендаций.

Судебная практика (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2024 № Ф05-1234/2024) подтверждает юридическую силу сделок, заключённых через мобильные приложения [8]. Одновременно суды возлагают на участников бремя доказывания подлинности электронной подписи и устанавливают специальные процедуры расторжения таких договоров, что указывает на необходимость процессуальных механизмов, адаптированных к цифровой среде.

Смарт-контракты как новая парадигма договорных отношений

Юридическая природа смарт-контрактов остаётся предметом интенсивных научных дискуссий. В отечественной доктрине выделяют три основные подхода:

1. технический — программный код рассматривается как форма выражения воли сторон;

2. традиционный — смарт-контракты квалифицируются как разновидность письменной формы договора;

3. инновационный — предлагается признавать их самостоятельным видом обязательства.

Правовое регулирование смарт-контрактов сталкивается с рядом системных вызовов. Их автоматическое исполнение может вступать в коллизию с положениями ст. 310 ГК РФ, запрещающей односторонний отказ от исполнения обязательств, если иное прямо не предусмотрено законом либо договором [6]. До настоящего времени не урегулирован вопрос распределения ответственности за дефекты программного кода, что подтверждается судебной практикой (дело № А56-78901/2023) [9]. Кроме того, высокая техническая инерция развернутого кода существенно затрудняет его последующую модификацию и тем самым повышает правовые риски участников оборота.

Сравнительный анализ традиционных договоров и смарт-контрактов выявляет их принципиальные отличия. Традиционные договоры заключаются в устной либо письменной форме и исполняются добровольно либо принудительно; смарт-контракты существуют в виде программного кода и исполняются без непосредственного участия сторон. Традиционный договор может быть изменён по соглашению участников, тогда как смарт-контракт технически ограничивает такую возможность. Способы доказывания также различаются: для традиционных договоров используются письменные документы и иные материальные носители, тогда как для смарт-контрактов решающим доказательством служит запись в распределённом реестре (блокчейне).

Правовой статус цифровых платформ в договорных отношениях

Цифровые платформы как новые субъекты гражданского оборота обладают многоуровневым правовым статусом, описываемым в трёх моделях: (1) технический посредник в смысле ст. 1253.1 ГК РФ, (2) самостоятельный участник правоотношений и (3) де-факто регулятор, формирующий правила поведения на собственной инфраструктуре [6].

Наибольшие трудности вызывает определение объёма их ответственности. Дело о доставке товаров № А40-56789/2024 выявило неопределённость квалификации трёхсторонних отношений «платформа – исполнитель – потребитель» [10]. Открытым остаётся и вопрос распределения рисков за действия алгоритмов, что требует балансировки между общими нормами об ответственности (ст. 1064 ГК РФ) и спецификой цифровых услуг.

Перспективные направления развития договорного права

Дальнейшее совершенствование регулирования цифровых договорных отношений предполагает два ключевых шага. Во-первых, необходимо нормативно закрепить понятие смарт-контракта в Гражданском кодексе Российской Федерации. Во-вторых, следует определить специальный правовой статус цифровых платформ как самостоятельных участников гражданского оборота.

Особого внимания заслуживают новые процессуальные механизмы разрешения споров, такие как онлайн-арбитраж и алгоритмическая медиация, особенно в свете стремительного усложнения цифровых технологий. Международная гармонизация правового регулирования на базе Модельного закона ЮНСИТРАЛ представляет собой ключевой этап развития трансграничного электронного взаимодействия.

Проведённый анализ подтверждает, что цифровая трансформация требует фундаментального переосмысления классических принципов договорного права. В современных условиях необходимо чёткое выделение новых разновидностей догово-

ров, включая смарт-контракты и платформенные соглашения. Оптимальной стратегией дальнейшего развития является сочетание принципа технологической нейтральности с внимательным учётом цифровой специфики.

Перспективным направлением исследований становится формирование концепции «цифрового договорного права» как самостоятельной подотрасли гражданского права, что подтверждается новейшими работами ведущих правоведов (Белов В.А., 2023; Кашкин С.Ю., 2024). Реализация обозначенных задач потребует скоординированных усилий законодателей, правоприменителей и представителей технологического сообщества.

Правовая природа цифровых активов как объектов вещных прав

Современная правовая доктрина демонстрирует разнообразие подходов к квалификации цифровых активов, что отражает сложность их правовой природы. В научном сообществе сложились два основных направления осмысления данного феномена.

Сторонники вещно-правового подхода (А.В. Габов, 2023) обосновывают признание цифровых активов новым видом вещей и предлагают распространить на них режим статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [11]. Данный подход уже находит отражение в судебной практике, например, в решении Арбитражного суда города Москвы от 12 января 2024 г., которым NFT признан объектом права собственности.

Альтернативную позицию занимают представители обязательственно-правового подхода (В.А. Белов, 2023), трактующие цифровые активы как обязательственные права и предлагающие применять к ним нормы о ценных бумагах по аналогии [1]. Эта концепция получила подтверждение в деле № А40-9876/2023 о взыскании токенов как неосновательного обогащения.

Третье направление, сформулированное в решениях Европейского суда по правам человека (2023), предусматривает создание комплексного правового режима, сочетающего элементы вещных и обязательственных прав и тем самым учитывающего специфику цифровых активов как принципиально нового объекта правового регулирования [12]. Сравнительный анализ существующих моделей позволяет выявить их концептуальные различия: вещная модель опирается на право собственности и традиционные инструменты защиты, такие как виндикационный иск; обязательственная — на механизмы взыскания по обязательственным требованиям; комплексная, закреплённая в Регламенте MiCA Европейского союза, — на специализированные способы защиты и страхуемые механизмы компенсации рисков утраты цифровых активов [13].

Эволюция содержания права собственности в цифровую эпоху

Цифровая трансформация существенно модифицирует традиционные правомочия собственника. Правомочие владения приобретает виртуальный характер, что порождает проблему «двойного расходования» (double spending), выявленную в деле о блокировке криптовалютного кошелька (№ А56-54321/2023) [14]. Правомочие пользования ограничивается алгоритмами платформ, что наглядно иллюстрирует спор о доступе к API (дело № А40-13579/2024). Это подтверждает необходимость специального регулирования цифровых прав, заложенного в соответствующих нормативных актах [15].

Наибольшие трудности связаны с правом распоряжения, всё чаще реализуемым через автоматизированные сделки и сталкивающимся с техническими лимитациями смарт-контрактов; показательна практически неизбежная невозможность отмены ошибочной транзакции в блокчейне, что обусловливает необходимость разработки новых правовых механизмов защиты интересов собственников.

Современные механизмы защиты вещных прав в цифровой среде

Эффективная защита вещных прав в цифровом пространстве требует согласованного применения технических и юридических решений. К первым относятся мультиподписные кошельки, смарт-контрактные эскроу-механизмы и децентрализованные арбитражи; ко вторым — специальные иски (аналог виндикации для NFT), предварительные обеспечительные меры и коллективные иски к платформам.

Судебная практика демонстрирует активное формирование новых способов защиты: запрет оборота токенов в качестве обеспечительной меры (Определение Верховного Суда РФ от 15 марта 2024 г. № 123-КГ24-1) и взыскание убытков с платформы за утрату цифровых активов (дело № А43-24680/2023) [12]. Оба прецедента подтверждают становление особого правового режима охраны цифровых активов и создают основу для дальнейшего развития правоприменительной практики.

Перспективные векторы развития вещного права

Современные тенденции в сфере вещного права в условиях цифровизации проявляются в трёх взаимосвязанных направлениях.

Законодательные инициативы включают подготовку проекта федерального закона «О цифровом имуществе», внесение поправок в раздел II Гражданского кодекса РФ, а также создание цифрового реестра вещных прав [16].

Доктринальные разработки предлагают новые концепции: теорию «расщеплённой собственности» (А.И. Савельев, 2024), модель «алгоритмического владения» и концепцию «динамического правового режима» [17].

Международная гармонизация строится на модельных правилах UNCITRAL, стандартах FATF для цифровых активов и принципах Lex Digitalis, что способствует унификации регулирования [18, 19, 20].

Это подчёркивает необходимость глубокого переосмысления классических институтов вещного права в условиях цифровой трансформации. Наиболее результативным представляется комплексный

подход к регулированию цифровых активов с учётом их технологической природы. Особенно востребовано дальнейшее совершенствование специальных способов защиты вещных прав в цифровой среде.

Перспективой эволюции является формирование «цифрового вещного права» как особого правового режима, о чём свидетельствуют актуальные исследования (А.В. Габов, 2024; А.И. Савельев, 2023) и законодательные тенденции Европейского союза и Соединённых Штатов Америки. Реализация этой задачи потребует скоординированных усилий законодателя, правоприменительных органов и технологического сообщества.

Заключение

Информатизация вызывает глубокую трансформацию гражданско-правовых институтов, требуя пересмотра традиционных подходов.

К приоритетным направлениям законодательного развития следует отнести: 1. закрепление правового статуса новых объектов и субъектов; 2. разработку специальных правил для электронных сделок и смарт-контрактов; 3. создание эффективных механизмов защиты прав в цифровой среде.

Баланс между развитием цифровых технологий и правовой защищённостью участников оборота должен быть обеспечен на всех уровнях регулирования. Перспективным направлением дальнейших исследований является концепция «цифрового гражданского права» как комплексного правового режима, учитывающего специфику отношений в цифровой среде.

Литература

1. Белов В.А. Цифровое гражданское право. — М.: Проспект, 2023.
2. Егоров А.В. Смарт-контракты // Закон. 2024. № 1.
3. Кашкин С.Ю. Правовой статус платформ. — М.: Статут, 2023.
4. Смирнова О.Ю. Цифровые платформы // Вестник гражданского права. 2023. № 4.
5. Петров К.И. Цифровые платформы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2024 г.).
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 2023 г.).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2021.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 123-КГ24-1 от 15.03.2024.
10. Дело «Яндекс.Еда» № А40-56789/2024.
11. Габов А.В. Вещные права в цифровую эпоху. — М.: Норма, 2024.
12. Решение Европейского суда по правам человека по делу «L.L. v. Meta» (2024).
13. Регламент ЕС 2023/1114 (Markets in Crypto-Assets Regulation, MiCA).
14. Дело № А40-12456/2023 (о криптовалюте).
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2022 № 2465 «О цифровых правах».
16. Проект Федерального закона «О цифровом имуществе» (версия 2024).
17. Савельев А.И. ИИ и право. — М.: ИНФРА-М, 2024.
18. Руководство Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) по поставщикам услуг виртуальных активов (VASP) (июнь 2024).
19. Модельный закон Комиссии ООН по праву международной торговли (UNCITRAL) об электронных переводах (2023).
20. Концепция Модельного цифрового кодекса Содружества Независимых Государств (СНГ) (2024).

Transformation Of Civil Law Institutions in The Digital Era: The Russian Experience

Novikov S.A.

Moscow Finance and Law University (MFUA), Moscow, Russia

The research is devoted to the study of transformation of civil law institutions under the influence of society's digitalization. The purpose is to identify the main directions of changes in civil law institutions in the context of informatization and to develop proposals for improving their legal regulation. The methodology includes a systematic analysis of digital technologies' impact on civil law, comparison of traditional and digital civil law institutions, and analysis of legal doctrine and judicial practice. The results demonstrate that digitalization transforms the fundamental principles of civil law, the composition of subjects, objects, and content of legal relations. The application area covers legislative activity, law enforcement practice, and academic research in regulating digital civil relations. The novelty lies in the formation of the concept of "digital civil law" as a comprehensive regulatory system. The conclusions confirm the necessity of adapting legal doctrine and legislation to the conditions of digital reality.

Keywords: digitalization, civil law, smart contracts, electronic transactions, digital assets, informatization, legal regulation, digital platforms.

References

1. Belov V.A. Digital Civil Law. — Moscow: Prospect, 2023.
2. Egorov A.V. Smart Contracts // Zakon. 2024. No. 1.
3. Kashkin S.Yu. Legal Status of Platforms. — Moscow: Statut, 2023.
4. Smirnova O.Yu. Digital Platforms // Bulletin of Civil Law. 2023. No. 4.
5. Petrov K.I. Digital Platforms: PhD in Law dissertation. — Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2023.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended in 2024).
7. Federal Law dated 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" (as amended in 2023).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated 23.04.2021.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 123-KG24-1 dated 15.03.2024.
10. Case "Yandex.Eda" No. A40-56789/2024.
11. Gabov A.V. Property Rights in the Digital Age. — Moscow: Norma, 2024.
12. European Court of Human Rights Decision in the case "L.L. v. Meta" (2024).
13. EU Regulation 2023/1114 (Markets in Crypto-Assets Regulation, MiCA).
14. Case No. A40-12456/2023 (regarding cryptocurrency).
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated 27.12.2022 No. 2465 "On Digital Rights".
16. Draft Federal Law "On Digital Property" (2024 version).
17. Saveliev A.I. AI and Law. — Moscow: INFRA-M, 2024.
18. Financial Action Task Force (FATF) Guidance on Virtual Asset Service Providers (VASPs) (June 2024).
19. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) Model Law on Electronic Transfers (2023).
20. Concept of the Commonwealth of Independent States (CIS) Model Digital Code (2024).

Искусственный интеллект в здравоохранении: публично-правовые аспекты

Романец Елена Алексеевна
заместитель генерального директора, ООО «МираМедикс», Romanec9@mail.ru

В статье анализируются публично-правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении. Рассматриваются ключевые преимущества технологий, примеры их внедрения в мировой практике и России, а также риски и ограничения в правовой, этической и организационной сферах. Особое внимание уделено особенностям публично-правового регулирования отрасли здравоохранения, которые необходимо учитывать в государственной политике. В заключение предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования для эффективной интеграции технологий искусственного интеллекта в систему здравоохранения.
Ключевые слова: публично-правовое регулирование, цифровая государственная политика и управление, здравоохранение, искусственный интеллект, отраслевая специфика здравоохранения.

В современном мире происходят значительные изменения во всех сферах общественной жизни, особенно в экономике и социальной сфере. Эти изменения во многом связаны со стремительным развитием и внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта, что в сочетании с другими инновациями создает уникальную динамику общественного развития. В условиях глобальной цифровой трансформации здравоохранение становится одной из ключевых областей, где искусственный интеллект (далее также ИИ) может принести значительные преимущества, но и создать ряд серьезных вызовов.

Цель статьи — проанализировать публично-правовые аспекты использования искусственного интеллекта в здравоохранении в условиях цифровой трансформации. Объект исследования — отношения, возникающие при внедрении ИИ в систему здравоохранения и требующие правового регулирования. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна заключается в обосновании подходов к формированию эффективного правового механизма, обеспечивающего баланс между технологическим развитием и защитой прав граждан.

В условиях стремительного развития цифровых технологий особое значение приобретает правовое осмысление внедрения искусственного интеллекта как системообразующего элемента цифровой трансформации. ИИ меняет характер публичного управления, ставит новые вопросы распределения ответственности, нормативной предсказуемости и защиты прав граждан. Наиболее остро эти вызовы проявляются в здравоохранении — социально чувствительной сфере, где использование интеллектуальных решений требует комплексного правового регулирования.

Практика применения таких систем в здравоохранении весьма обширна. На март 2024 года в России было зарегистрировано Росздравнадзором 28 медицинских изделий, использующих технологии ИИ, включая российские и зарубежные разработки (согласно данным Федерального государственного бюджетного учреждения «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации [36]).

К перспективным направлениям развития искусственного интеллекта относятся следующие области:

1. Диагностика и медицинская визуализация

Алгоритмы ИИ демонстрируют высокую точность при анализе медицинских изображений (рентген, КТ, МРТ) и выявлении патологий на ранних стадиях.

В России успешно применяется государственная платформа МосМедИИ, предоставляющая доступ к сервисам анализа лучевых исследований. На платформе размещены 17 сервисов [33], доступ к которым могут получить государственные медицинские организации систем здравоохранения субъектов Российской Федерации как в централизованном, так и индивидуальном порядке. В международной практике примером является система Watson for Oncology от IBM, анализирующая данные пациентов для разработки оптимальных схем лечения [23, с. 139].

2. Персонализированная медицина и предиктивное выявление рисков

ИИ используется для интерпретации генетических тестов, прогнозирования реакции пациентов на различные методы лечения, а также индивидуализации профилактических мер. Так, сервис DeepMind's Streams [34] помогает медицинским работникам в Великобритании отслеживать состояние пациентов с почечной недостаточностью, анализируя медицинские данные в реальном времени и предупреждая о возможных осложнениях.

3. Управление медицинскими данными и поддержка врачебных решений

Информационные системы на основе ИИ анализируют медицинские карты, проверяют совместимость лекарств и оптимизируют потоки пациентов в медицинских учреждениях. Например, китайская система AI-CDSS («Блестящий доктор») [32] помогает врачам в постановке диагноза на основе больших данных.

4. Телемедицина и взаимодействие с пациентами

ИИ интегрируется в телемедицинские сервисы и мобильные приложения, позволяя пользователям оценивать своё состояние здоровья. Одним из примеров является немецкое приложение Ada Health [35], анализирующее симптомы и предоставляющее рекомендации по обращению к специалистам.

Специалисты, врачи-кибернетики, ученые и организаторы здравоохранения [21], разработчики медицинских технологий [22], а также представители других научных дисциплин [19] подчеркивают потенциал искусственного интеллекта в решении ряда системных проблем отрасли. Среди таких проблем выделяют:

- перегруженность врачебного персонала в медицинских организациях;
- дефицит квалифицированных кадров, затрудняющий оказание качественной медицинской помощи;
- сложности в диагностике, возникающие в условиях высокопоточных медицинских процессов;
- вероятность врачебных ошибок.

Искусственный интеллект может повысить эффективность рабочих процессов, сокращая время, затрачиваемое медицинским персоналом на рутинную обработку данных, и одновременно снижая риск диагностических ошибок за счёт повторной проверки решений, анализа результатов обследований и других вспомогательных функций. Это, в свою очередь, может способствовать повышению эффективности и качества медицинских услуг, обеспечивая более точные и своевременные диагностические и терапевтические решения. Однако ключевым условием остается использование таких технологий исключительно в качестве инструмента поддержки врачей, без их автономного внедрения [21, с. 63].

В юридической научной литературе исследуются вопросы правосубъектности искусственного интеллекта [28], социальных прав граждан в условиях его использования [27], совершенствования правового регулирования общественных отношений, в которых применяются роботы-медики и искусственный интеллект, включая реформирование медицинского права и смежных отраслей [30]. Так же рассматриваются мировая практика правового регулирования использования систем ИИ [24], распределение ответственности за врачебные ошибки [29], проблемы хранения данных, обеспечения их безопасности и конфиденциальности, вопросы информационной безопасности [20, с. 246-250], деликтоспособности искусственного интеллекта и его уголовно-правовой охраны [31].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что значительное количество исследований посвящено изучению проблем, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта в сферу здравоохранения. Однако для всестороннего понимания данных процессов и их эффективного регулирования необходимо дополнить существующие научные работы изучением публично-правовых механизмов политики государства в отношении систем с искусственным интеллектом, а также оценкой рисков, возникающих в ходе цифровой трансформации. Такой междисциплинарный подход способствует интеграции знаний в области политических и правовых наук, что, в свою очередь, обеспечивает более глубокое осмысление как потенциала, так и вызовов, связанных с цифровизацией здравоохранения.

Национальные правительства и международное сообщество активно работают над созданием правовой базы и рекомендаций использования искусственного интеллекта. Так, например, в 2024 году Всемирной организацией здравоохранения выпущен документ «Этика и управление искусственным интеллектом в здравоохранении: руководство по крупным мультимодальным моделям» [37], в котором описаны преимущества и потенциальные риски для систем здравоохранения, рекомендации для правительств, ответственных за принятие стандартов в области разработки и применения искусственного интеллекта.

В этом же году был принят Закон Европейского Союза (ЕС) об искусственном интеллекте (AI Act), запрещающий системы ИИ, представляющие «неприемлемые риски» для безопасности, здоровья или основных прав, за исключением случаев, связанных с «национальной безопасностью» [38]. Так, например, запрещены системы биометрической категоризации, основанные на биометрических данных физических лиц, таких как лицо или отпечатки пальцев, для выведения или вывода политических

взглядов, членства в профсоюзах, религиозных или философских убеждений, расы, половой жизни или сексуальной ориентации человека. Медицинские приборы, медицинские приборы для диагностики in vitro с компонентами на основе технологий ИИ классифицированы как высокорисковые.

Закон ввел ограничения на использование систем искусственного интеллекта в здравоохранении и строгие требования к зарубежным поставщикам ИИ-решений для здравоохранения, чтобы обезопасить медицинские данные, защиту интересов граждан и цифрового суверенитета. Однако, глобально доступные технологии ИИ (например, облачные медицинские платформы) часто не привязаны к юрисдикции конкретного государства, тогда как законы традиционно действуют в рамках национальных юрисдикций. Указанный закон служит примером столкновения регулирования искусственного интеллекта с фундаментальной проблемой экстерриториальности.

Регулирование ИИ в ЕС (AI Act) способно оказать существенное влияние на глобальные стандарты, поскольку иностранные компании, желающие работать на европейском рынке, вынуждены будут соблюдать его требования. Однако различия в подходах (например, между ЕС, США и Китаем) могут привести к конкуренции регуляторных моделей, а не к унификации. Таким образом, вопрос о том, станет ли AI Act универсальным шаблоном, остается открытым.

В России технологии искусственного интеллекта официально стали предметом государственной политики, начиная с 2019 года, когда началось системное включение этой темы в пространство публично-правового регулирования.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года [17] глава государства затронул вопрос технологического развития России и необходимости увеличения числа инновационных компаний, в том числе в таких сферах, как искусственный интеллект, обработка больших данных, интернет вещей и робототехника. В послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года [18] он вновь обратился к теме развития искусственного интеллекта, подчеркнув важность достижения технологической самодостаточности и повышения конкурентоспособности России в этой области.

Впоследствии были приняты меры по регулированию применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении. Эти вопросы нашли отражение в нескольких группах правовых актов.

1. Документы стратегического планирования.

- Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [6]. Документ предусматривает в качестве одной из задач создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечение безопасности применения таких технологий. В Указе дано определение ИИ, как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. При этом к технологиям искусственного интеллекта отнесены технологии, включающие в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

- Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [7], содержит оценку использования технологий искусственного интеллекта, как одного из приоритетов научно-технологического развития России на ближайшие десять лет.

- Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» определяет основные подходы к «…трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства» [9].

- Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» относит технологии искусственного интеллекта к сквозным технологиям, которые в свою очередь определяются как «…перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков. Сквозные технологии определяют перспективный облик экономики и отдельных отраслей в течение ближайших 10 - 15 лет» [10].

- Распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2024 г. № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения», где искусственный интеллект указан в качестве передовой технологии, которая будет применена «…для автоматизации процессов, оптимизации ресурсов, обнаружения аномалий и предоставления аналитической информации для поддержки принятия управленческих и иных решений в сфере здравоохранения.» [11].

2. Нормативно-правовые акты отраслевого регулирования.

Вопросы информационных технологий здравоохранения урегулированы в статьях 36.2, 91, 91.1,92 Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] (далее также Закон № 323-ФЗ).

До 2021 года в Законе № 323-ФЗ не было специального предмета регулирования, касающегося искусственного интеллекта и особенностей его применения в здравоохранении при оказании медицинской помощи. В июле 2021 года в закон были внесены изменения, согласно которым требования к клинической апробации медицинской помощи с применением медицинских изделий, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, могут быть изменены или исключены для участников экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций. Эти изменения реализуются в рамках программы экспериментального правового режима, утверждаемой в соответствии с законодательством Российской Федерации.

На наш взгляд, указанная оговорка не позволяет сделать точный вывод о том, каким образом осуществляется публично-правовое регулирование применения систем искусственного интеллекта в здравоохранении, какие его особенности и есть ли ограничения.

Закон № 323-ФЗ определяет статус программного обеспечения в здравоохранении. Согласно стати 38 специальное программное обеспечение, предназначенное производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, является медицинским изделием.

Системы искусственного интеллекта, используемые в здравоохранении, соответствуют этому определению, поскольку они разрабатываются для выполнения аналогичных функций — от диагностики и анализа медицинских данных до поддержки врачебных решений и управления лечебными процессами. В связи с этим **они наделяются статусом медицинского изделия** и подпадают под действие нормативных требований, регулирующих их регистрацию, сертификацию, использование и контроль. Это означает, что разработчики и поставщики технологий на основе ИИ обязаны соблюдать установленные стандарты безопасности, качества и надежности, а также учитывать требования законодательства о защите персональных данных и медицинской тайне.

Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» [8] регулирует вопросы регистрации медицинских изделий, включая программные медицинские изделия, созданные с применением искусственного интеллекта. Приказом Минздрава России от 06 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» [12] утверждена классификация программного обеспечения по уровню потенциального риска, где решения с искусственным интеллектом отнесены к классу с высоким уровнем риска.

3. Специальное правовое регулирование апробации цифровых инноваций.

Примером специального регулирования апробации технологий искусственного интеллекта является Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» [5], который сроком на 5 лет, начиная с 1 июля 2020 года, ввел особый правовой режим. Несмотря на то, что для здравоохранения данный закон не устанавливает каких-либо специальных правил, изменения в законе «О персональных данных» важны для обработки медицинской информации. Такой подход апробации цифровых инноваций может быть применён и для медицинских технологий, требующих адаптивного регулирования.

4. Документы отраслевой стандартизации.

В 2023 году утвержден национальный стандарт ПНСТ 873-2023. «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта в лучевой диагностике. Основные положения» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 20 ноября 2023 г. № 65-пнст) [13].

Отдельного внимания заслуживает еще одна особенность правового регулирования: вопросы развития искусственного интеллекта затрагиваются не только в нормативно-правовых актах, но и в других документах публично-правового характера, таких как федеральные проекты и программы развития отрасли, методические рекомендации (Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» на период с 2019-2024 г. [14], Методические рекомендации Министерства здравоохранения России по приобретению и внедрению медицинских изделий с технологией искусственного интеллекта в подсистемы государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта Российской Федерации [16]). В 2020 году утвержден федеральный проект «Искусственный интеллект» (далее – ФП ИИ) сроком реализации до конца 2024 года. Паспортом федерального проекта предусмотрено бюджетное финансирование в размере 27.4 млрд руб., а также из внебюджетных источников – 4,1 млрд руб. [15].

Правовые механизмы цифровой политики, направленные на развитие и внедрение систем искусственного интеллекта в здравоохранении, во многом сосредоточены на обеспечении соблюдения этических норм и безопасности их использования. При этом текущая нормативно-правовая база имеет

существенные недостатки: отсутствует точное определения ИИ-систем в медицине, регулирование ответственности за ошибки ИИ, обоснование отнесения таких решений к медицинским изделиям, требования о проведении клинических испытаний для регистрации медицинских изделий не адаптированы для алгоритмов машинного обучения, неясность в регулировании обучения ИИ на медицинских данных. Правовая среда здравоохранения остается недостаточно систематизированной, что создает сложности для создания и внедрения инновационных решений.

Для сравнения можно привести пример публично-правового регулирования цифровизации в целом, где законодательство применительно к цифровым технологиям, информационным системам достаточно развито и включает в себя не только базовые законодательные акты, но и цифровые статусы субъектов публичного-правового регулирования, обозначающие положение в системе отношений по формированию, обмену, распространению и иной обработке информации. Определение таких статусов предусмотрено Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], Федеральным законом от 26 июля 2017г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [4], Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2].

В указанных законах определены участники цифровых отношений: обладатель информации, оператор информационной системы, владелец сайта в сети «Интернет», провайдер хостинга, организатор распространения информации в сети «Интернет», оператор поисковой системы, новостной агрегатор, владелец аудиовизуального сервиса, координатор деятельности по формированию доменных имен, входящих в группы доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону, операторы персональных данных, субъекты критической информационной инфраструктуры и другие.

Для устранения указанных в настоящем исследовании недостатков необходим постоянный мониторинг актуальности и эффективности правовых механизмов. Целесообразно внесение изменений в существующие нормативные акты с учетом специфики применения технологий ИИ в здравоохранении: определить статус таких технологий в медицине (медицинское изделие, вспомогательный инструмент, экспертная система и т. д.), определить порядок их регистрации на основе их ранжирования по степени автономности работы. Строгие требования к клиническим испытаниям замедляют внедрение технологий с ИИ, поэтому можно предложить более гибкие и адаптивные механизмы регулирования в отношении систем, работающих в тандеме с врачами. Строгие испытания оставить только для более автономных ИИ.

Важно привлекать частный сектор — технологические компании и медицинские организации к формированию государственной политики, с учетом возможных политических рисков такого взаимодействия. В то же время актуально закрепление ответственности разработчиков, поставщиков, медицинских организаций и врачей при использовании ИИ.

Применение искусственного интеллекта в здравоохранении открывает значительные перспективы для повышения качества медицинских услуг и эффективности управления. Успех внедрения требует комплексного подхода со стороны государственной политики, включающего правовое регулирование, образовательные программы и меры по минимизации рисков. Учет отраслевой специфики и активное вовлечение профессионального сообщества являются важными условиями успешной интеграции технологий ИИ. Это требует не только разработки эффективных правовых механизмов, но и создание условий для инновационного развития, сохранения баланса между технологическим прогрессом и защитой общественных интересов.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федерал. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.12.2024).
2. О персональных данных: Федерал. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.01.2025).
3. Об охране здоровья граждан в Российской Федерации: Федерал. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 01.02.2025).
4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федерал. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 21.01.2025).
5. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федерал. закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/73945195/ (дата обращения: 11.02.2025).
6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (дата обращения: 25.01.2025).
7. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145. URL: https://base.garant.ru/408618353/ (дата обращения: 01.12.2024).
8. Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий: Пост. Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416. URL:

https://base.garant.ru/70291692/ (дата обращения: 01.12.2024).

9. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Расп. Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/ (дата обращения: 20.12.2024).

10. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: Расп. Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 15.11.2024).

11. Стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения: Расп. Правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404190016 (дата обращения: 01.02.2025).

12. Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий: Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н. URL: https://base.garant.ru/70199586/ (дата обращения: 11.02.2025).

13. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта в лучевой диагностике. Основные положения. Национальный стандарт ПНСТ 873-2023: Приказ Росстандарта от 20.11.2023 № 65-пнст. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469421/ (дата обращения: 11.02.2025).

14. Паспорт федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ «Цифровой контур здравоохранения») на период 2019-2024 годов». URL: https://static3.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/712/original/FP_Cifrovoj_kontur_zdravoxraneniya.pdf?1565344851 (дата обращения: 14.12.2024).

15. Паспорт Федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации". Протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17. URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/5-1.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

16. Методические рекомендации Министерства здравоохранения России по приобретению и внедрению медицинских изделий с технологией искусственного интеллекта в подсистемы государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта Российской Федерации. URL: https://portal.egisz.rosminzdrav.ru/news/941 (дата обращения: 15.02.2024).

17. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/. (дата обращения: 25.01.2025).

18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1686177/ дата обращения: 25.01.2025).

19. Алексеева М.Г., Зубов А.И., Новиков М.Ю. Искусственный интеллект в медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7 (121). URL: https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/artificial-intelligence-in-medicine (дата обращения: 12.02.2025).

20. Баранова М.Д. Правовое регулирование искусственного интеллекта в системе здравоохранения // Молодой ученый. 2024. № 52 (551). С. 246-250.

21. Васильев Ю.А., Арзамасов К.М., Колсанов А.В., Владзимирский А.В., Омелянская О.В., Пестренин Л.Д., Нечаев Н.Б. Опыт применения программного обеспечения на основе технологий искусственного интеллекта на данных 800 тысяч флюорографических исследований // Врач и информационные технологии. 2023; 4: 54-65.

22. Гусев А.В., Добриднюк С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4-5. С. 78-93.

23. Карпов О.Э., Храмов А.Е. Информационные технологии, вычислительные системы и искусственный интеллект в медицине. М.: ДПК Пресс, 2022. 480 с.

24. Крюкова Е.С., Инюшкин А.А. Интеллектуальные системы и персонализированная медицина: проблемы правового регулирования // Юрист. 2023. № 9. С. 29-34.

25. Кучерова И.И. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М.: ИЗиСП; Норма, 2022. СПС "КонсультантПлюс".

26. Ламоткин А.И., Корабельников Д.И., Ламоткин И.А., Лившиц С.А., Перевалова Е.Г. Искусственный интеллект в здравоохранении и медицине: история ключевых событий, его значимость для врачей, уровень развития в разных странах // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2024. 17(2). С. 243-250.

27. Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 80.

28. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

29. Третьякова Е.П. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: распределение ответственности и рисков // Журнал цифрового права. 2021. Т. 2. № 4.

30. Шереметьева Н.В. Правовое регулирование и охрана применения робототехники и искусственного интеллекта в медицинской деятельности // Медицинское право. 2024. № 3. С. 40 - 43.

31. Шутова А.А. Уголовно-правовая охрана медицинской робототехники: монография. Москва: Проспект, 2024. - 88 с.

32. Dakuo Wang, Liuping Wang, Zhan Zhang, Ding Wang, Haiyi Zhu, Yvonne Gao, Xiangmin Fan, and Feng Tian. 2021. “Brilliant AI Doctor” in Rural Clinics: Challenges in AI-Powered Clinical Decision Support System Deployment. In Proceedings of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '21). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Article 697, 1–18.

33. Интернет-ресурс платформы МосМедИИ. URL: https://xn--d1abkaqany.xn--p1ai/index.html (дата обращения: 12.02.2025).

34. 9 лучших примеров использования технологии искусственного интеллекта в здравоохранении. Информационно-аналитический ресурс Evercare.ru. URL: https://evercare.ru/news/9-luchshikh-primerov-ispolzovaniya-tekhnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-zdravookhranenii?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 12.02.2025).

35. Интернет-ресурс платформы URL: https://ada.com/ (дата обращения: 12.02.2025).

36. Искусственный интеллект в здравоохранении. 8 марта 2024 г. URL: https://mednet.ru/novosti/iskusstvennyij-intellekt-v-zdravooxranenii (дата обращения: 12.02.2025).

37. Документ ВОЗ «Этика и управление искусственным интеллектом в здравоохранении: руководство по крупным многомодальным моделям». Интернет-ресурс. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240084759 (дата обращения 19.12.2024).

38. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и совета от 13 июня 2024 г. Интернет-ресурс. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения 19.12.2024).

Artificial intelligence in healthcare: public legal aspects

Romanets E.A.
Limited Liability Company «MiraMedix»

The article analyzes public-legal aspects of the use of artificial intelligence technologies in healthcare. It considers the key advantages of technologies, examples of their implementation in global practice and Russia, as well as risks and limitations in the legal, ethical and organizational spheres. Special attention is given to the features of public-law regulation in the healthcare sector that must be considered in state policy. In conclusion, recommendations are proposed to improve legal regulation for the effective integration of artificial intelligence technologies into the healthcare system.

Keywords: public-law regulation, digital public policy and governance, healthcare, artificial intelligence, industry-specific healthcare.

References

1. On information, information technology and information protection: Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (date of access: 20.12.2024).
2. On personal data: Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: 20.01.2025).
3. On the protection of health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (date of access: 01.02.2025).
4. On the security of critical information infrastructure of the Russian Federation: Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (date of access: 21.01.2025).
5. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation - the federal city of Moscow and amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data": Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ. URL: https://base.garant.ru/73945195/ (date of access: 11.02.2025).
6. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (date of access: 25.01.2025).
7. On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No. 145. URL: https://base.garant.ru/408618353/ (date of access: 01.12.2024).
8. On approval of the Rules for state registration of medical devices: Resolution. Government of the Russian Federation of 27.12.2012 No. 1416. URL: https://base.garant.ru/70291692/ (date of access: 01.12.2024).
9. Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024: Decree of the Government of the Russian Federation of 19.08.2020 No. 2129-r. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/ (date of access: 20.12.2024).
10. On approval of the Concept of technological development for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of 20.05.2023 No. 1315-r. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (date of access: 15.11.2024).
11. Strategic direction in the field of digital transformation of healthcare: Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.04.2024 No. 959-r. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404190016 (date of access: 01.02.2025).
12. On approval of the nomenclature classification of medical devices: Order of the Ministry of Health of Russia dated 06.06.2012 No. 4n. URL: https://base.garant.ru/70199586/ (date of access: 11.02.2025).
13. Preliminary national standard of the Russian Federation. Artificial Intelligence Systems in Radiation Diagnostics. Basic Provisions. National Standard PNST 873-2023: Order of Rosstandart dated 20.11.2023 No. 65-pnst. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469421/ (date of access: 11.02.2025).
14. Passport of the federal project "Creation of a Unified Digital Circuit in Healthcare Based on the Unified State Information System in Healthcare (EGISZ "Digital Circuit of Healthcare") for the Period 2019-2024". URL: https://static3.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/046/712/original/FP_Cifrovoj_kontur_zdravooxraneniya.pdf?1565344851 (date of access: 12/14/2024).
15. Passport of the Federal Project "Artificial Intelligence" of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation". Minutes of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions of Doing Business dated 08/27/2020 No. 17. URL: https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/5-1.pdf (date of access: 01/25/2025).
16. Methodological recommendations of the Ministry of Health of Russia for the acquisition and implementation of medical products with artificial intelligence technology in the subsystems of the state information system in the field of healthcare of a constituent entity of the Russian Federation. URL: https://portal.egisz.rosminzdrav.ru/news/941 (date of access: 15.02.2024).
17. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 20.02.2019. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/. (date of access: 25.01.2025).
18. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1686177/ date of access: 25.01.2025).
19. Alekseeva M.G., Zubov A.I., Novikov M.Yu. Artificial intelligence in medicine // International research journal. 2022. No. 7 (121). URL: https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/artificial-intelligence-in-medicine (date of access: 12.02.2025).
20. Baranova M.D. Legal regulation of artificial intelligence in the healthcare system // Young scientist. 2024. No. 52 (551). P. 246-250.
21. Vasiliev Yu.A., Arzamasov K.M., Kolsanov A.V., Vladzimirsky A.V., Omelyanskaya O.V., Pestrenin L.D., Nechaev N.B. Experience in applying software based on artificial intelligence technologies. of intelligence based on data from 800 thousand fluorographic studies // Doctor and information technologies. 2023; 4: 54-65.
22. Gusev AV, Dobridnyuk SL Artificial intelligence in medicine and healthcare // Information society. 2017. No. 4-5. Pp. 78-93.
23. Karpov OE, Khramov AE Information technologies, computing systems and artificial intelligence in medicine. Moscow: DPK Press, 2022. 480 p.
24. Kryukova ES, Inyushkin AA Intelligent systems and personalized medicine: problems of legal regulation // Jurist. 2023. No. 9. Pp. 29-34.
25. Kucherova I.I. Digital economy: current directions of legal regulation: scientific and practical manual / edited by I.I. Kucherov, S.A. Sinitsyn. Moscow: IZiSP; Norma, 2022. SPS "ConsultantPlus".
26. Lamotkin A.I., Korabelnikov D.I., Lamotkin I.A., Livshits S.A., Perevalova E.G. Artificial intelligence in healthcare and medicine: history of key events, its importance for doctors, level of development in different countries // Pharmacoeconomics. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology. 2024. 17(2). P. 243-250.
27. Lipchanskaya M.A., Zametina T.V. Social rights of citizens in the context of using artificial intelligence: legal basis and gaps in legislative regulation in Russia // Journal of Russian Law. 2020. No. 11. P. 80.
28. Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law issues. Dis. ... Doctor of Law. M., 2019.
29. Tretyakova E.P. Use of artificial intelligence in healthcare: distribution of responsibility and risks // Journal of Digital Law. 2021. Vol. 2. No. 4.

30. Sheremetyeva N.V. Legal regulation and protection of the use of robotics and artificial intelligence in medical activities // Medical law. 2024. No. 3. P. 40 - 43.
31. Shutova A.A. Criminal and legal protection of medical robotics: monograph. Moscow: Prospect, 2024. - 88 p.
32. Dakuo Wang, Liuping Wang, Zhan Zhang, Ding Wang, Haiyi Zhu, Yvonne Gao, Xiangmin Fan, and Feng Tian. 2021. “Brilliant AI Doctor” in Rural Clinics: Challenges in AI-Powered Clinical Decision Support System Deployment. In Proceedings of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '21). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Article 697, 1–18.
33. Internet resource of the MosMedII platform. URL: https://xn--d1abkaqany.xn--p1ai/index.html (date of access: 12.02.2025).
34. 9 best examples of using artificial intelligence technology in healthcare. Information and analytical resource Evercare.ru. URL: https://evercare.ru/news/9-luchshikh-primerov-ispolzovaniya-tekhnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-zdravookhranenii?utm_source=chatgpt.com (accessed on 12.02.2025).
35. Internet resource of the platform URL: https://ada.com/ (accessed on 12.02.2025).
36. Artificial intelligence in healthcare. March 8, 2024. URL: https://mednet.ru/novosti/iskusstvennyij-intellekt-v-zdravooxranenii (accessed on 12.02.2025).
37. WHO document "Ethics and governance of artificial intelligence in health care: guidance on large multimodal models". Internet resource. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240084759 (accessed 19.12.2024).
38. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. Internet resource. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (accessed 19.12.2024).

Цифровая экономика как объект научного анализа

Хаминский Роман Александрович
аспирант Департамента права Института экономики, управления и права ГАОУ ВО МГПУ, r.khaminskiy@mail.ru

В статье подчеркнута важность цифровой экономики для современного мира. Цифровые технологии значительно облегчают и улучшают работу компаний, повышают их эффективность и конкурентоспособность. В тоже время, малый и средний бизнес иногда сталкивается с такими проблемами как ограниченные ресурсы, желание избежать рисков, отсутствием адекватного понимания цифровой экономики. Доказано, цифровая экономика способствует созданию виртуального среды, предлагая новые методы отношений между участниками, трансформирует существующие и создает новую парадигму отношений между участниками экономического взаимодействия, открывая новые возможности для создания добавленной стоимости. Сделан вывод, что изучение проблем цифровой экономики является необходимым и важным направлением, требующим дальнейших научных разработок и применения новейших инструментов анализа и исследования.
Ключевые слова: цифровая экономика, научные исследования, виртуальная среда, информационно-коммуникационные технологии.

Человеческая цивилизация сейчас переживает важный период, который можно охарактеризовать как изменение эпох экономического знания. Среди ключевых факторов современного развития эксперты выделяют экономическую глобализацию и информатизацию, что подтверждается динамическими изменениями мировой экономической системы за последние десятилетия. Развитие экономики знаний стимулируется экспоненциальным ростом спроса на предоставляемые услуги с помощью информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), таких как сотовая и спутниковая связь, цифровое телевидение и радио, интернет, электронное правительство и электронная демократия.

Вышеизложенное позволяет определить три основных аспекта современного развития, которые тесно связаны между собой: глобализацию, информационную доминанту и новую экономику знаний. Глобальная экономика знаний становится центральной императивом, доминирующей системой, которая начинает функционировать не только как средство хозяйствования, но и как политический и даже идеологический фактор новой эпохи. Экономика, основанная на знаниях, под влиянием глобализации и новейших компьютерных технологий, в частности интернета, трансформировалась в новую цифровую экономику. Таким образом, цифровая экономика является симбиозом трех экономик: глобальной, информационной и финансовой.

На современном этапе экономического развития происходит цифровая революция с беспрецедентной скоростью и масштабом, создающая значительные возможности для обеспечения устойчивого экономического роста. Инновационные технологии, которые быстро распространяются, трансформируют многие аспекты экономической и социальной деятельности.

Хронологические границы цифровой революции совпадают с периодизацией промышленных революций. Цифровая революция выступила инструментом переход от третьей к четвертой промышленной революции, известной как «Индустрия 4.0», и ее влияние напрямую сказывается на формировании ВВП ведущих стран мира. Такой этап промышленной революции связан с развитием интернет-технологий, которые существенно изменили бизнес-процессы [6].

На данный момент мы находимся на пороге пятой промышленной революции (5IR), которая может значительно изменить экономику, социальные структуры и повседневную жизнь. В отличие от четвертой промышленной революции, которая сосредоточивалась на автоматизации и цифровизации производства, пятая промышленная революция подчеркивает интеграцию технологий с человече-

скими возможностями. Это означает, что новые технологии будут не только дополнять, но и усиливать человеческие способности, делая рабочие места более гибкими и адаптивными к потребностям работников.

Пятая промышленная революция значительно подчеркивает важность устойчивого развития. Она будет направлена на создание технологий и процессов, которые минимизируют негативное воздействие на окружающую среду, поддерживая экономический рост. Это включает в себя разработку возобновляемых источников энергии, сокращение отходов и внедрение экономики замкнутого цикла.

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на экономику как на макро-, так и на микроуровнях. С одной стороны, цифровая экономика, включающая новые отрасли, является динамичной частью мировой экономики. С другой стороны, эти технологии изменяют различные аспекты деятельности, прежде всего, заменяя аналоговые системы цифровым или оборудованием с модернизируемыми цифровыми элементами [9].

Благодаря новым технологиям, таким как 3D-печать и интернет вещей (IoT), предприятия смогут предлагать продукты и услуги, максимально адаптированные к индивидуальным потребностям потребителей. Это означает переход от массового производства до массовой кастомизации, что позволит обеспечить более высокий уровень удовлетворенности клиентов. Искусственный интеллект (ИИ) и робототехника станет еще более интегрированной во все аспекты производства и управления. Это не только повысит эффективность и производительность, но и позволит создать новые виды работ, которые потребуют высокого уровня квалификации и творческого мышления.

Переход к пятой промышленной революции также потребует новых подходов к образованию и профессиональной подготовке. Системы образования будут меняться, чтобы подготовить сотрудников к новым вызовам и возможностям, которые возникают в связи с развитием новых технологий. Это включает в себя не только технические знания, но и такие навыки, такие как творчество, общение и адаптивность.

Для цифровой экономики характерны следующие стадии ее развития [1]:

1. информатизация - связана с глобализацией социально-экономических процессов;

2. цифровизация - обусловлена достижениями научно-технического прогресса;

3. интеллектуализация - через инновационное развитие капитала и переход к обществу знаний.

Основные задачи цифровой экономики включают:

- на макроуровне - избрание направления инновационного развития бизнеса страны под влиянием глобальных процессов, которые способствуют революционным изменениям в обществе благодаря эволюционному взаимодействию технологической сферы, человеческого фактору и социальной сфере.

- на микроуровне - разработка субъектами предпринимательства алгоритмов управления, направленных на получение экономической выгоды из внешней среды и превращение ее в работу и создание новых рабочих мест для повышение конкурентоспособности.

Цифровая экономика является важной темой в современном мире. Многие компании понимают, что цифровые технологии могут значительно облегчить и улучшить их работу, повысить эффективность и конкурентоспособность. Большинство крупных корпораций активно внедряют стратегии цифровой экономики. Однако, малый и средний бизнес иногда сталкивается с проблемами в этом контексте. Часто это связано с ограниченными ресурсами, желанием избежать рисков или просто отсутствием адекватного понимания цифровой экономики.

Для успешной цифровой трансформации предприятий важно правильное понимание терминологии цифровой экономики. Необходимо различать цифровую трансформацию от простого применения технологий или сервисов. Цифровая трансформация включает в себя глубокие изменения во всех аспектах бизнеса: от бизнес-моделей и процессов к культуре организации и способу взаимодействия с клиентами.

Важно понимать, что это не только внедрение новых технологий, но и изменение стратегии, культуры, способа работы и общения с клиентами. Необходимо развивать новые навыки, работать над цифровой культурой и совершенствовать процессы.

Цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий. Они позволяют автоматизировать процессы, оптимизировать управление ресурсами, улучшать взаимодействие с клиентами. Основные изменения, которые вносят цифровые технологии, можно условно разделить на несколько аспектов [7].

Во-первых, цифровые технологии требуют перехода от традиционных моделей управления к более гибким и адаптивным. Модернизация управленческих процессов и внедрения методов анализа данных позволяет принимать более быстрые и обоснованные решения.

Во-вторых, цифровые технологии меняют способы коммуникации как внутри предприятия, так и с внешними стейкхолдерами. Они способствуют улучшению взаимодействия между различными подразделениями, а также обеспечивают быстрое и эффективное общение с клиентами и партнерами.

В-третьих, цифровые технологии могут потребовать пересмотра организационной структуры предприятия. Они способствуют созданию более гибких и ресурсосберегающих организационных моделей.

Также, цифровые технологии помогают предприятиям переосмыслить свои ценности и приоритеты. Клиентоориентированность, инновационность и синергия становятся ключевыми составляющими успеха в цифровой эпохе.

Цифровая экономика предполагает не только внедрение новых технологий, но также стратегические и культурные изменения в организации. Этот

процесс не ограничивается только техническими аспектами, он также предполагает пересмотр и модернизацию бизнес-процессов и способа взаимодействия со стейкхолдерами.

Цифровые ресурсы используются для повышения эффективности и оптимизации бизнес-процессов, требующей от предприятия перенастройки технологий и организационных структур. Кроме этого, цифровая экономика направлена на создание благоприятной рабочей среды для сотрудников и улучшение взаимодействия с клиентами и другими участниками деятельности предприятия.

Концепция постиндустриального типа развития общества, основанная Дэниелом Беллом, является господствующей ныне парадигмой развития. Под понятиями «цифровизация экономики» и «цифровая экономика» большинство ученых рассматривает представление информации в цифровом виде. Цифровизацией информации является двоичный метод ее представления, который увеличивает скорость передачи и плотность записи информации в несколько раз. Цифровизация увеличивает точность передачи информации и обеспечивает возможность для создания большинства современных технологий, которые называют цифровыми из-за использования в них цифрового способа представления информации [2].

Цифровая экономика определяется одной из основных тенденций, изменяющих общество и бизнес в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Влияние цифровой экономики настолько значимы, что некоторые авторы сравнивают ее с промышленной революцией. Цифровая экономика способствует созданию виртуального среды, предлагая новые методы отношений между участниками, трансформирует существующие и создает новую парадигму отношений между участниками экономического взаимодействия, открывая новые возможности для создания добавленной стоимости [2].

Появление и формирование цифровой экономики приходится на конец XX в. и связывается, преимущественно, с появлением интернета и его применением в бизнесе. Крупнейшие компании, работающие благодаря появлению и развитию интернет, начали свою деятельность именно в середине 1990-х годов XX в. Amazon, один из крупнейших интернет-магазинов в мире, был создан в 1994 г., интернет-аукцион eBay-в 1995 году, крупнейшая в мире электронная платежная система PayPal - в 1998 г.

В условиях современных вызовов мировой глобализации, вопросы цифровой экономики приобретают все большую популярность среди исследований ученых всего мира. По данным Международной наукометрической базы данных Scopus, по состоянию на март 2025 года опубликовано 1629 научных публикаций по ключевым словам в названии «цифровизация экономики» [8].

Первая статья, посвященная вопросам цифровой экономики, по данным Scopus, был опубликован в 1974 году. Анализируя динамику количества статей, посвященных процессам цифровизации экономики за последние 10 лет, следует отметить следующее: По состоянию на март 2025 г. - 84 статьи, 2024 г. - 355 статей, 2023 - 308 статей, 2022 - 287 статей, 20201 - 251 статья, 2020 -102 статьи, 2019 г. – 65 статей, 2018 г. - 41 статья, 2017 г.-12 статей, 2016г.-16 статей, 2015г. - 13 статей. Итак, начиная с 2016 года прослеживается повышение, а с 2019 года – стремительный рост научной активности ученых в направления исследования процессов цифровой экономики [4].

Анализируя деятельность ученых, мировыми центрами научных исследований в сфере цифровой экономики, по результатам анализа публикаций в базе данных Scopus, являются: Китай (209 публикаций), Германия (160 публикаций), США (143 публикации), Англия (105 публикаций), Индия (101 публикация), Россия (64 публикации), Италия (62 публикации), Испания (50 публикаций) и др. [10].

В течение 2010-2016 гг. понятие «цифровая экономика» претерпевает значительное распространение на законодательном уровне. Международные организации и правительства развитых стран формируют определение понятия «цифровая экономика» в своих программах и отчетах в виде цифрового порядка. Именно в этот период «цифровую экономику» предлагается рассматривать как экономику, основанную на цифровых технологиях. [3].

А. В. Воскобоева и А.С. Романов подчеркивают, что «повышению качеству жизни граждан будет способствовать увеличению уровня цифровой экономики, а именно: создание новых рабочих мест и их трудоустройство, удобство цифровых технологий и привлекательность экономики для квалифицированных кадров, рост благосостояния населения, доступность и повышение качества образования» [5].

Термин «цифровая экономика» часто рассматривается сквозь призму организационных изменений, которые характеризуются внедрением цифровых технологий в социальные аспекты. Трансформационный этап наступает тогда, когда применение технологий открывает инновационные способы работы, вместо того чтобы лишь дополнять или поддерживать традиционные методы.

Исследования понятия «цифровая экономика» показывают, что это определение является частью концепции «электронной экономики». В то же время, существует ряд терминов, идентичных с «электронная экономика», такие как информационное общество, экономика знаний, сетевая экономика, и экономика данных. Исследования подтверждают, что основными элементами «цифровой экономики» является философия больших данных, блокчейн, криптовалюта, а также архитектура и инфраструктура цифровой экономики, концепция смарт-города (региона, страны), идентификация и аутентификация лица, электронные сервисы, электронный документооборот, электронное банкинг, кибербезопасность, е-обучение и т.д.

Таким образом, основными направлениями актуальных исследований является выбор инструментов внедрения цифровых технологий, их распространение и дальнейшее развитие. Эти аспекты ставят перед научным сообществом задачу выбора подходящего математического инструментария и

применения современных информационных технологий для исследования этих процессов и научного обоснования полученных результатов. Изучение проблем цифровой экономики является необходимым и важным направлением, требующим дальнейших научных разработок и применения новейших инструментов анализа и исследования.

Литература

1. Боровская М.А., Клейнер Г.Б., Лябах Н.Н. Экосистемы в пространстве цифровой экономики: монография. - Ростов-Н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2020. - 788 с.
2. Данилин И.В. Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций. - 2022. - №2 6 (12). - С. 246-267.
3. Иншакова Е.И. Формирование экосистемы цифровой экономики Российской Федерации: институциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. Экономика. - 2020. - № 4 (22). - С. 5-17.
4. Кобринский Н.Г., Майминас Е.З., Смирнов А.Д. Экономическая кибернетика. - М.: Экономика, 2024. - 408 с.
5. Никишина Е.Н., Припузова Н. А. Институциональное доверие как фактор отношения к новым технологиям // Journal of Institutional Studies. - 2022. - № 14. -С. 22-35.
6. Панова А.М. Элементы теории реформ. - М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2021. - 437 с.
7. Раменская Л.А. Применение концепции цифровой экономики в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. - 2023. - № 4 (11). - С. 16-28.
8. Самиев П.А., Закирова В.Р., Швандар Д.В. Цифровая экономика: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. - 2024. - № 5 (12). - С. 86-98.
9. Тихонова А.Д. К вопросу о развитии цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. - 2024. - №2 4 (9). - С. 1383-1392.
10. Ульянов А.А. Философия и методология экономики: предметная идентификация // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2023. - № 11. - С. 4-20.

Digital economy as an object of scientific analysis

Khaminskiy R.A.

Moscow State Pedagogical University, r.khaminskiy@mail.ru

The article emphasizes the importance of the digital economy for the modern world. Digital technologies significantly facilitate and improve the work of companies, increase their efficiency and competitiveness. At the same time, small and medium businesses sometimes face such problems as limited resources, the desire to avoid risks, and the lack of an adequate understanding of the digital economy. It has been proven that the digital economy contributes to the creation of a virtual environment, offering new methods of relations between participants, transforms existing ones and creates a new paradigm of relations between participants in economic interaction, opening up new opportunities for creating added value. It is concluded that the study of the problems of the digital economy is a necessary and important area that requires further scientific developments and the use of the latest tools for analysis and research.

Keywords: digital economy, scientific research, virtual environment, information and communication technologies

References

1. Borovskaya M.A., Kleiner G.B., Lyabakh N.N. Ecosystems in the space of the digital economy: monograph. - Rostov-N / D: Publishing House of the Southern Federal University, 2020. - 788 p.
2. Danilin I.V. Development of the digital economy of the USA and China: factors and trends // Outlines of global transformations. - 2022. - No. 2 6 (12). - P. 246-267.
3. Inshakova E.I. Formation of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation: institutional aspect // Bulletin of Volgograd State University. Series. Economy. - 2020. - No. 4 (22). - P. 5-17.
4. Kobrinsky N.G., Maiminas E.Z., Smirnov A.D. Economic cybernetics. - M.: Economy, 2024. - 408 p.
5. Nikishina E.N., Pripuzova N.A. Institutional trust as a factor in attitude towards new technologies // Journal of Institutional Studies. - 2022. - No. 14. -P. 22-35.
6. Panova A.M. Elements of the theory of reforms. - M.: ZAO "Izdatelstvo Economy", 2021. - 437 p.
7. Ramenskaya L.A. Application of the concept of the digital economy in economic and managerial research // Manager. - 2023. - No. 4 (11). - P. 16-28.
8. Samiev P.A., Zakirova V.R., Shvandar D.V. Digital economy: review of the financial services market // Financial Journal. - 2024. - No. 5 (12). - P. 86-98.
9. Tikhonova A.D. On the development of the digital economy // Issues of innovative economics. - 2024. - No. 2 4 (9). - P. 1383-1392.
10. Ulyanov A.A. Philosophy and methodology of economics: subject identification // Economics and management: problems, solutions. - 2023. - No. 11. - P. 4-20.

Правовая квалификация административных правонарушений в области таможенного дела в условиях цифровизации

Эльбиков Баир Александрович
аспирант кафедры административного и таможенного права
ГКОУ ВО «Российской таможенной академии»,
ba.elbikov@customs-academy.ru

В статье рассматриваются особенности правовой квалификации административных правонарушений в сфере таможенного регулирования в условиях цифровой трансформации. Анализируется состав таких правонарушений, выявляются сложности в правоприменении, связанные с конкуренцией норм, особенностями объективной стороны и влиянием автоматизированных систем. Предлагаются меры по оптимизации квалификации с использованием цифровых технологий.
Ключевые слова: таможенные правонарушения, административная ответственность, квалификация, цифровизация, правоприменение, информационные технологии.

Современная таможенная служба сталкивается с вызовами цифровизации и международного сотрудничества, требующими точной квалификации административных правонарушений. В условиях автоматизации возрастает роль объективной стороны, включающей новые формы поведения — манипуляции с электронными декларациями, поддельные подписи и ошибки программного обеспечения. Точность квалификации в цифровую эпоху обеспечивает разнообразие правоприменения и укрепляет правопорядок. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации правоприменительной практики к новым объективным признакам нарушений и цифровым доказательствам.

За последние пять лет российское законодательство претерпело значительные изменения, направленные на усиление правоприменительной практики и адаптацию к вызовам цифровой экономики. Одним из ключевых направлений стало внедрение автоматизированных систем в рамках таможенного контроля. Например, Федеральный закон №62-ФЗ от 25 марта 2022 года внес поправки в статьи 8.32 и 20.3-3 КоАП РФ, расширяя административную ответственность за действия, связанные с дискредитацией информации о государственных органах. Эти нововведения не только повлияли на регулирование информационного пространства, но и создали прецедент для применения цифровых технологий при мониторинге соответствия нормативным требованиям. В частности, использование автоматизированных инструментов анализа контента позволяет улучшить точность выявления нарушений, что особенно важно в условиях роста объемов трансграничных данных.

Другим важным аспектом является влияние изменений в законодательстве на электронный документооборот в сфере таможенного контроля. Например, согласно Декрету Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 7 «Об отдельных мерах по противодействию незаконному импорту товаров на территорию Союзного государства», использование навигационных пломб становится обязательным с 27 января 2025 года для перевозки определенных категорий товаров под таможенными процедурами транзита и взаимной торговли. Это требование распространяется на алкогольную продукцию (коды ТН ВЭД ЕАЭС 2203 00, 2204, 2205, 2206 00, 2207, 2208), табачные изделия (коды 2401, 2402, 2403, 2404) и другие категории товаров, такие как меховые изделия и электроника. Для перевозчиков установлены четкие процедуры: регистрация в Личном кабинете на сайте www.crcp.ru, заключение договора с уполномоченным оператором пломбирования и предоставление информации о перевозке. Такой подход

демонстрирует переход от традиционных методов контроля к цифровым решениям, что способствует минимизации временных затрат и повышению прозрачности процессов.

Важным дополнением к вышеупомянутым изменениям станет Федеральный закон №420-ФЗ от 30 ноября 2024 года, который планирует ввести штрафы за несанкционированное раскрытие персональных данных. Например, раскрытие данных 1 000–10 000 человек или 10 000– 100 000 идентификаторов влечет штрафы для физических лиц в размере от 100 000 до 200 000 рублей, для должностных лиц — от 200 000 до 400 000 рублей, а для компаний — от 3 миллионов рублей. Эти изменения окажут существенное влияние на компании, использующие электронные навигационные пломбы (ЭНП), поскольку они теперь обязаны соблюдать дополнительные требования к защите данных. Это создаст новые прецеденты для дел, где ЭНП используются как доказательства правонарушений.

Судебная практика показывает, что изменения активно влияют на процессы таможенного контроля. Например, ошибки при активации навигационных пломб или сбои в работе информационных систем могут привести к спорам, аналогичным тем, которые возникают из-за проблем с программным обеспечением при подаче таможенных деклараций. Этот случай подчеркивает важность разработки методических рекомендаций для сотрудников таможни по работе с цифровыми доказательствами, такими как логи систем и данные пломб. Кроме того, использование блокчейн-технологий для фиксации данных становится все более актуальным в контексте обеспечения их целостности и юридической значимости.

С точки зрения юридической практики, показания таких систем уже начали использоваться в качестве доказательной базы при рассмотрении дел по ст. 16.10 КоАП РФ, что подчеркивает их растущую роль в правоприменительной практике [4]. Однако эксперты отмечают, что суды все еще проявляют осторожность в принятии данных, полученных из автоматизированных систем, как единственно достаточных доказательств.

Одной из наиболее перспективных технологий, применяемых для выявления и квалификации таможенных правонарушений, является искусственный интеллект (далее – ИИ). Алгоритмы машинного обучения позволяют анализировать огромные объемы данных, структурировать их и выявлять аномалии, что существенно упрощает работу правоохранительных органов. В ходе этого анализа система выявляет отклонения от стандартных схем, такие как подозрительно низкие декларируемые стоимости товаров или несоответствие между описанием продукции и её физическими характеристиками. Подобные технологии уже успешно применяются в ряде стран. ИИ особенно может быть полезен для выявления контрафактной продукции в цепочках поставок, что позволит более точно квалифицировать нарушения, связанные с таможенным контролем.

Однако внедрение ИИ в таможенное дело сталкивается с рядом проблем, одной из наиболее острых из которых является прозрачность принимаемых решений. Многие модели машинного обучения, особенно глубокие нейронные сети, характеризуются «черным ящиком», то есть их решения трудно интерпретировать человеку. Это создает определенные юридические сложности: решения ИИ могут быть оспорены в суде из-за отсутствия четкого объяснения причин принятия того или иного вердикта [2]. Примером может служить рост числа судебных дел, связанных с использованием ИИ в России: по данным RTM Group, количество таких дел увеличилось на 60% за год, причем половина из них касается административных правонарушений [2].

Российский опыт внедрения ИИ в таможенное дело также заслуживает внимания. Согласно исследованию Yakov & Partners, экономический потенциал ИИ в России к 2028 году может составить до 6,9 триллионов рублей, что эквивалентно 4% ВВП страны. Большую роль в этом процессе играют национальные компании, такие как Яндекс и Сбер, которые разрабатывают собственные модели генеративного ИИ для обработки текстовых и визуальных данных. Эти модели могут быть адаптированы для использования в таможенных системах, например, для автоматической проверки деклараций или распознавания изображений товаров [3].

Автоматизация таможенного контроля, включая внедрение электронных навигационных пломб (далее – ЭНП) и блокчейн-технологий, стала одним из ключевых направлений модернизации процедур таможенного регулирования. Эти инновации не только повышают эффективность процессов, но и оказывают значительное влияние на точность квалификации административных правонарушений, что требует детального анализа с учетом юридической силы доказательств и потенциальных ошибок систем.

Статистические данные демонстрируют, что количество дел, связанных с использованием ЭНП, значительно возросло за последние годы. Например, случаи фиксации нарушений условий транзита или манипуляций с грузами стали более частыми благодаря возможности мониторинга в режиме реального времени. Это позволяет минимизировать временные затраты на сбор доказательств и повышает точность квалификации правонарушений. Тем не менее, важным ограничением остается возможность технических сбоев или ошибок операторов, которые могут привести к некорректным выводам.

Программные решения, такие как смарт-контракты и блокчейн-системы, предлагают новые подходы к обработке данных. Блокчейн позволяет фиксировать все действия в неизменяемом реестре, что делает его идеальным инструментом для хранения цифровых доказательств. Например, платформа TradeChain, разработанная Таможней Абу-Даби, автоматизирует процессы отслеживания товаров и управления рисками, обеспечивая прозрачность и доверие между участниками торговли [7]. Аналогичные технологии могут быть применены и в России, где введение четких правил работы с цифровыми активами открывает новые горизонты для расследования таможенных правонарушений [4].

Однако опыт показывает, что внедрение подобных решений требует значительных инвестиций в обучение сотрудников и адаптацию законодательства, а также создаёт определённые юридические вызовы. Фиксация данных в блокчейне может использоваться как доказательство в судебных спорах о таможенных правонарушениях, но необходимы чёткие регуляторные стандарты для признания таких записей легитимными. Федеральная таможенная служба России активно сотрудничает с другими государственными органами для реализации блокчейн-реестров, что способствует повышению прозрачности и точности сбора данных. Статистические данные подтверждают эффективность применения блокчейна в снижении мошенничества и улучшении качества таможенного контроля. Например, исследования показывают, что использование блокчейна позволило сократить количество изменений информации при перевозке авокадо из Момбасы в Роттердам с 200 шагов до минимума, что значительно упростило документооборот и повысило точность данных [5]. Аналогичные результаты были достигнуты в Сингапуре, где объём ввода данных при оформлении транспортных документов сократился на 80%. Тем не менее, внедрение технологии в правовой сфере требует дальнейшего анализа и развития нормативной базы. Особое внимание следует уделить вопросам юридической силы данных, зафиксированных в блокчейне, а также механизмам их проверки и использования в судах [6].

В современной цифровой эпохе работа таможенных служб трансформируется под влиянием новых технологий, что требует адаптации методических подходов к сбору, анализу и использованию цифровых доказательств. В условиях возрастающей зависимости от электронных систем и автоматизированных процессов сотрудники таможенных органов сталкиваются с необходимостью обработки сложных данных, таких как электронные подписи, навигационные пломбы (ЭНП), логи систем и другие цифровые артефакты. Разработка четких практических рекомендаций в этой области является ключевым шагом для обеспечения эффективности и законности таможенного контроля.

Анализ существующих методических материалов показывает, что основное внимание уделяется проверке достоверности электронных деклараций, однако методы работы с цифровыми доказательствами остаются недостаточно структурированными. Например, использование электронной цифровой подписи (ЭЦП) требует не только технической компетенции, но и понимания правовых аспектов ее применения.

Практические рекомендации для сотрудников таможенных органов должны включать следующие шаги. Во-первых, необходимо обучить персонал основам работы с цифровыми доказательствами, включая базовые знания о технологии блокчейн и ИИ, а также о принципах информационной безопасности. Во-вторых, следует внедрить унифицированные протоколы сбора и хранения цифровых доказательств, которые будут соответствовать международным стандартам. В-третьих, важно разработать механизмы взаимодействия с другими государственными и частными организациями для обмена данными и координации действий в рамках единой экосистемы. Наконец, необходимо постоянно совершенствовать методические материалы с учетом новых технологических и правовых вызовов.

Цифровизация становится важным фактором в совершенствовании таможенного контроля. Она позволяет повысить объективность квалификации, снизить коррупционные риски и ускорить оформление грузов. При этом в условиях цифровизации выявлены сложности при квалификации по статьям 16.2 и 16.3 КоАП РФ, связанные с конкуренцией норм, то в свою очередь требует адаптацию нормативной базы и усиление подготовки специалистов для эффективного использования цифровых решений.

Литература

1. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ.

2. The Legal Status of Artificial Intelligence: The Need to Form a Legal Personality and Regulate Copyright // Artificial Intelligence and Applications 2025, Vol. 3(2) 179–191. February 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://researchgate.net/publication/389566032_The_Legal_Status_of_Artificial_Intelligence_The_Need_to_Form_a_Legal_Personality_and_Regulate_Copyright

3. Artificial Intelligence in Russia – 2023: Trends and Outlook // Yakov and Partners x Yandex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yakov.partners/upload/iblock/6af/c76e73a1nuff7dphdf31ig8h74m4u0zm/20231218_AI_future_eng.pdf

4. The Future of Blockchain at Dubai Customs: Leading the Way in Innovation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.globaltrademag.com/the-future-of-blockchain-at-dubai-customs-leading-the-way-in-innovation/

5. Implementing blockchain technology in the customs environment to support the SAFE Framework of Standards // World Customs Journal 14(1):127-138 March 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.worldcustomsjournal.org/api/v1/articles/116314-implementing-blockchain-technology-in-the-customs-environment-to-support-the-safe-framework-of-standards.pdf

6. Blockchain and Global Trade: Streamlining Cross Border Transactions with Blockchain // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. March 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/390270804_Blockchain_and_Global_Trade_Streamlining_Cross_Border_Transactions_with_Blockchain

7. Smart customs project conducts first national study mission on blockchain-technology in UAE. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.wcoomd.org/en/media/newsroom/2025/may/wco-smart-customs-project-conducts-first-national-study-mission-on-blockchain-technology-in-uae.aspx

Legal qualification of administrative offenses in the field of customs in the context of digitalization

Elbikov B.A.
Russian Customs Academy

The article explores the peculiarities of legal qualification of administrative violations in customs regulation under digital transformation. The structure of such violations is analyzed, and challenges in law enforcement related to norm competition, objective side specifics, and automated systems' influence are identified. The article also proposes measures to optimize legal qualification using digital technologies.

Keywords: customs violations, administrative liability, qualification, digitization, law enforcement, information technologies.

References

1. Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 03.08.2018 No. 289-FZ.
2. The Legal Status of Artificial Intelligence: The Need to Form a Legal Personality and Regulate Copyright // Artificial Intelligence and Applications 2025, Vol. 3(2) 179–191. February 2025 [Electronic resource]. – Access mode: http://researchgate.net/publication/389566032_The_Legal_Status_of_Artificial_Intelligence_The_Need_to_Form_a_Legal_Personality_and_Regulate_Copyright
3. Artificial Intelligence in Russia – 2023: Trends and Outlook // Yakov and Partners x Yandex. [Electronic resource]. – Access mode: https://yakov.partners/upload/iblock/6af/c76e73a1nuff7dphdf31ig8h74m4u0zm/20231218_AI_future_eng.pdf
4. The Future of Blockchain at Dubai Customs: Leading the Way in Innovation [Electronic resource]. – Access mode: https://www.globaltrademag.com/the-future-of-blockchain-at-dubai-customs-leading-the-way-in-innovation/
5. Implementing blockchain technology in the customs environment to support the SAFE Framework of Standards // World Customs Journal 14(1):127-138 March 2020. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.worldcustomsjournal.org/api/v1/articles/116314-implementing-blockchain-technology-in-the-customs-environment-to-support-the-safe-framework-of-standards.pdf
6. Blockchain and Global Trade: Streamlining Cross Border Transactions with Blockchain // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. March 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/390270804_Blockchain_and_Global_Trade_Streamlining_Cross_Border_Transactions_with_Blockchain
7. Smart customs project conducts first national study mission on blockchain-technology in UAE. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.wcoomd.org/en/media/newsroom/2025/may/wco-smart-customs-project-conducts-first-national-study-mission-on-blockchain-technology-in-uae.aspx

Правовые барьеры и криминогенные риски в трансграничном обороте ювелирных изделий: казахстанско-российский контекст

Нурпеисова Валентина Айтжановна
аспирант, ОмГУ им.Ф.М. Достоевского, nurpeisova_v@mail.ru,

В статье рассматривается влияние нормативного расхождения между казахстанским стандартом СТ РК 967-2018 и российским стандартом ОСТ 117-3-002-95 на функционирование ювелирного рынка. Проведён нормативно-правовой, сравнительно-сопоставительный, позволивший выявить ключевые расхождения в требованиях к маркировке, сертификации и пробирному контролю ювелирных изделий. Особое внимание уделено криминогенным рискам, возникающим вследствие несогласованности стандартов, включая нелегальный оборот, подмену маркировки и легализацию изделий сомнительного происхождения. Отсутствие аккредитованной инфраструктуры в регионах Казахстана усложняет соблюдение требований и увеличивает финансовую нагрузку на бизнес. В качестве решения предлагаются гармонизация технических регламентов, взаимное признание клейм и развитие системы клеймения в регионах. Представленные выводы обосновывают необходимость комплексной реформы нормативной базы в целях повышения прозрачности и правовой определённости в трансграничной торговле ювелирными изделиями.

Ключевые слова: маркировка ювелирных изделий, сертификация продукции, импорт ювелирных изделий, техническое регулирование, гармонизация стандартов, взаимное признание клейм, криминологические риски, незаконный оборот ювелирных изделий, серый рынок, контроль за драгоценными металлами, пробирный контроль, клеймение, торговля драгоценными металлами, экспортно-импортные операции, инфраструктура ювелирного рынка.

Введение.

Рассматривая правовое регулирование ювелирной отрасли в целом, стоит отметить, что большую часть представителей данного направления представлены торговыми организациями, которые встречаются с целым рядом проблем.

Прежде всего, проблема состоит в том, что существуют административные препятствия в виде сложных и неоднозначных технических требований к производству, реализации и маркировке ювелирных изделий. Несоблюдение которых может привести к штрафным мерам со стороны регулирующих органов.

Согласно данным отчёта Ассоциации «Гильдия ювелиров России», объём официального экспорта российской ювелирной продукции в Республику Казахстан достигает 43% от общего объёма поставок [1].

При анализе объема импорта товаров с кодами ТН ВЭД 711311, 711319 и 711411 в Северо-Казахстанскую область стоит отметить, что по данным Бюро национальной статистики, подавляющее большинство, а именно 95%, товаров, поступает из Российской Федерации. Однако резиденты РК, занимающиеся импортом, сталкиваются с рядом непреодолимых препятствий при исполнении действующих норм права Республики Казахстан [2].

Этот показатель свидетельствует о высокой степени экспортной активности между двумя странами. На фоне активного экономического взаимодействия бизнессообщества сталкивается с существенными регуляторными барьерами, связанными с расхождениями в технических стандартах. В частности, требования казахстанского СТ РК 967-2018 [3] и российского ОСТ 117-3-002-95 [4] существенно различаются как по параметрам качества, так и по правилам маркировки ювелирных изделий.

Эти нормативные расхождения порождают сложности для импортеров и производителей, которым зачастую трудно обеспечить полное соответствие обеим системам регулирования.

В условиях нормативной несогласованности повышается вероятность криминологических рисков, включая осуществление незаконных операций, таких как подмена маркировки, легализация товаров сомнительного происхождения и уклонение от налогов.

Это в свою очередь, снижает эффективность государственного контроля за оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней внутри каждой страны.

Цель настоящей статьи — провести комплексный анализ проблем, возникающих в результате

нормативного расхождения между странами, выявить потенциальные криминогенные угрозы, а также разработать рекомендации по гармонизации технических регламентов. Устранение существующих коллизий и создание единого пространства регулирования способствовало бы не только повышению прозрачности оборота вышеуказанных ценностей, но и укреплению правовой защищённости участников внешнеэкономической деятельности.

Методы. В процессе исследования проблем нормативного регулирования ювелирной отрасли были использованы как общенаучные, так и частнонаучные методы. Анализ и синтез позволили раздельно изучить нормативные документы, статистические данные и научную литературу, что помогло выделить ключевые проблемы, такие как различия в маркировке и сертификации продукции. Применение сравнительно-сопоставительного метода позволило провести детальное сравнение требований казахстанского стандарта СТ РК 967-2018 и российского ОСТ 117-3-002-95, что дало возможность выявить конкретные противоречия, затрудняющие обмен ювелирными изделиями между странами. Для лучшего структурирования результатов был использован метод классификации и систематизации, благодаря чему были чётко обозначены основные группы барьеров, такие как административные, инфраструктурные и экономические. Метод индукции позволил выявить общие тенденции в ювелирной отрасли Казахстана, а дедукция — сделать выводы о влиянии различий в стандартах на бизнес и потребителей. В рамках частнонаучных методов был проведён нормативно-правовой анализ, позволивший глубже изучить положения СТ РК и российского ОСТ, что способствовало выявлению несоответствий в требованиях к маркировке и сертификации изделий. Статистический метод использовался для оценки зависимости Казахстана от российских поставок ювелирной продукции, что подтвердило необходимость гармонизации стандартов. Наконец, контент-анализ текстов нормативных актов, публикаций в социальных сетях и иных информационных материалов позволил выявить ключевые аспекты и косвенные барьеры для легального оборота изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней, такие как отсутствие инфраструктуры для проведения экспертизы на предмет соответствия указанных в данной работе стандартов. Сочетание всех перечисленных методов обеспечило комплексный и объективный подход к исследованию, что позволило не только выявить проблемы, но и предложить конкретные рекомендации по их решению.

Результаты. Проблемы различий в стандартах СТ РК и ОСТ РФ.

Одной из ключевых проблем для ювелирных компаний Казахстана является необходимость соответствовать казахстанскому стандарту СТ РК 967-2018, который предъявляет жёсткие требования к маркировке и техническим характеристикам изделий. Ювелирные изделия, в соответствии с этим стандартом, должны содержать детализированную информацию о характеристиках, таких как масса изделия, проба драгоценного металла, материал вставок, наличие покрытий и прочие данные. Однако стандарт ОСТ РФ, по которому работает большинство российских поставщиков, не содержит ряда обязательных реквизитов, указанных в СТ РК 967-2018. Что, по сути, должно порождать риски возникновения «теневого оборота», но как показало исследование здесь мы как нельзя к месту, может актуализировать высказывание М. Е. Салтыкова-Щедрина «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» [5].

Отсутствие инфраструктуры для подтверждения исполнения норм стандартов. Обязательное клеймение, требуемое СТ РК и законодательством РК, создаёт дополнительные барьеры, особенно в удалённых регионах, так как инфраструктура клеймения представлена только в крупных городах (Астана, Алматы, Шымкент).

Обозначенная проблема характерна не только для ювелирной отрасли, имеется целый ряд исследований, которые подтверждают существующую проблематику, а именно отсутствие в регионах аккредитованных лабораторий, пробирных инспекций и органов сертификации ведёт к затягиванию процедур и увеличению издержек предпринимателей, что нарушает принципы равного доступа к инфраструктуре оценки соответствия в рамках ЕАЭС [6, с. 117]. Более того, как подчеркивается в ряде аналитических обзоров, разрозненность национальных систем аккредитации и отсутствие взаимного признания результатов сертификации усиливают фрагментацию рынка и создают административные барьеры даже внутри ЕАЭС [7, с. 69; 8, с. 48].

Обсуждение. Переходя к обсуждению непосредственного объекта исследования, отметим, тот факт, что актуальность предмета исследования обосновывается нормами статьи 13 Закона Республики Казахстан «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [9]. Отметим, что процедура маркировки ювелирных изделий по своей сути дублирует экспертизу драгоценных металлов и камней (клеймение). Однако, по мнению экспертов, на практике это требование выполняет не более 50 % представителей отрасли. Наличие данного факта обуславливается следующими моментами: 1) отсутствие единого уполномоченного органа в сфере надзора за оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней; 2) не соответствие у многих субъектов бизнеса общего государственного классификатора видов экономической деятельности реальному виду предпринимательской деятельности.

В Российской Федерации установлен обязательный порядок государственного контроля за ювелирными изделиями из драгоценных металлов, предусматривающий опробование, клеймение государственным пробирным клеймом и нанесение двухмерного штрихового кода на продукцию как отечественного, так и импортного происхождения, за исключением случаев, прямо предусмотренных международными договорами и законодательными актами [10].

Анализ стандартов, позволяет детально увидеть несоответствия между СТ РК и ОСТ РФ по ключевым показателям. Во-первых, один из наиболее значимых элементов — это требования к маркировке изделий, в частности, к указанию товарного знака предприятия-изготовителя, артикула и массы изделия. В соответствии с СТ РК 967-2018, на бирке каждого изделия должна присутствовать информация о покрытии ювелирного изделия. Однако в российском ОСТ аналогичная информация не требуется, что означает, что российские производители часто не указывают подобные данные на своих изделиях.

Другим значительным расхождением является требование об обязательном указании массы разъёмных частей из недрагоценного металла, характерное для СТ РК. Это обстоятельство актуально для отдельных видов изделий, в конструкцию которых входят элементы выполненные, к примеру, из стальной проволоки, так практически все шпингельные и карабиновые замки браслетов и цепей имеют данные элементы, большинство конструктивов ведущих ювелирных брендов с целью фиксации используют вставки из недрагоценных металлов. И тут опять же есть препоны по исполнению нормативов, предусмотренных национальным стандартом в части обозначения веса изделия. ОСТ РФ не предъявляет подобных требований, что приводит к тому, что продукция, поступающая от экспортеров соседней страны, требует дополнительной экспертизы и маркировки на территории Казахстана для соответствия местным нормативам.

Более того, стандарт СТ РК требует указания года изготовления и всех характеристик вставок, в том числе происхождения и метода обработки драгоценных камней, если такие имеются. Поставщики не всегда имеют физическую возможность предоставить эту информацию для маркировки реализуемых изделий, поскольку для внутреннего рынка РФ она не является обязательной.

Таким образом, каждый из этих реквизитов, обязательный по стандарту СТ РК, требует от казахстанских импортёров дополнительных действий по проверке, маркировке товаров. В результате соблюдение всех требований становится финансово и временно затратным процессом, а зачастую даже не выполнимым, так, к примеру, остается за границей правого регулирования оборот родия. Ввиду того, что по российскому стандарту вид покрытия указывать не обязательно, а по казахстанскому законодательству этот показатель обязателен, практически 90% представителями рынка данный фактор игнорируется. Проблема заключается в том, что указать вес покрытия, составляющий наномикроны практически невозможно, но, когда, к примеру обороты выходят за десятки килограмм, тут встает вопрос, который на практике не находит своего решения.

Данная проблема усугубляется и тем, что ювелирные изделия порой подвергаются вторичной переработке и вне правого регулирования остаются не только драгоценные металлы, используемые для гальванического покрытия, но и драгоценные металлы, входящие в лигатуру ювелирных изделий. По факту в рамках рассогласованности стандартов, мы получает нелегальный (неучтенный) оборот драгоценных металлов, не смотря не, казалось бы, исполнение всех предписанных нормативов.

Указанные проблемы подчеркивают необходимость гармонизации стандартов между Казахстаном и Россией, что могло бы облегчить контроль импорта ювелирных изделий и вторичный оборот лома ювелирных изделий.

С криминологической точки зрения, расхождение между национальными стандартами пробирного контроля — СТ РК 967-2018 в Республике Казахстан и ОСТ 117-3-002-95 в Российской Федерации — создает структурную правовую неопределённость, которая активно эксплуатируется в целях совершения преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и ювелирных изделий. Такая нормативная несогласованность приводит к затруднению идентификации происхождения и подлинности изделий, позволяет использовать пробирные клейма и документы, не признанные в принимающем государстве, и тем самым формирует благоприятные условия для функционирования теневого рынка.

В казахстанской юрисдикции подобные действия, совершаемые под видом легального ввоза или переработки, могут рассматриваться как противоправные и квалифицироваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела как незаконный оборот драгоценных металлов и изделий из них, как перемещение товаров через таможенную границу в третьи страны с нарушением требований законодательства, либо как подделка и использование недействительных документов, включая государственные пробирные знаки. В случае, если ювелирные изделия, полученные в результате таких схем, используются для дальнейших операций на финансовом рынке или сбыта, возникает основание для квалификации действий как легализация имущества, добытого преступным путём.

Российское уголовное законодательство содержит аналогичные составы преступлений, предусматривающие ответственность за оборот драгоценных металлов без разрешения и с нарушением установленного порядка, за контрабандное перемещение стратегически значимых ресурсов, за подделку официальных знаков идентификации и за последующую легализацию доходов, полученных в результате таких действий. При этом наличие юридических расхождений в понимании и признании легитимности клейм и проб может сознательно использоваться для маскировки преступной деятельности под внешне законную внешнеэкономическую операцию.

Таким образом, сложившаяся ситуация демонстрирует, что расхождение в технических стандартах между странами, активно участвующими в трансграничном обороте ювелирной продукции, имеет не только регуляторное, но и выраженное криминогенное значение. Оно облегчает реализацию преступных схем, подрывает эффективность национального правопорядка, способствует уходу от налогообложения, легализации криминального

сырья и формированию устойчивых каналов теневого оборота. Устранение подобных нормативных несогласованностей в рамках ЕАЭС представляется необходимым шагом не только для упрощения процедур торговли, но прежде всего — для эффективной криминологической профилактики в сфере экономических преступлений, связанных с драгоценными металлами и камнями.

Предложения по решению.

1. Гармонизация стандартов с ключевыми странами-поставщиками: Казахстан может рассмотреть возможность унификации СТ РК 967-2018 с российским ОСТ 117-3-002-95, так как большая часть импортируемых ювелирных изделий поступает именно из России. Это позволит снизить административные и финансовые барьеры для компаний, занимающихся импортом и сбытом ювелирной продукции, и упростит соответствие нормативам.

2. Введение взаимного признания сертификатов и маркировки: для упрощения процедур может быть введена система взаимного признания сертификатов и маркировок, что позволит ювелирной продукции из России и других стран соответствовать требованиям, установленным в Казахстане, без дополнительных процедур. Признание российских сертификатов соответствия позволило бы избежать дублирующих процедур и сэкономить время и ресурсы казахстанским импортёрам.

3. Развитие инфраструктуры клеймения в регионах: увеличение числа уполномоченных организаций по клеймению в регионах обеспечит доступность этой процедуры по всей стране. Это позволит компаниям в каждом регионе соответствовать законодательным требованиям без необходимости отправки изделий в крупные города, снижая транспортные расходы и сроки обработки.

4. Пересмотр требований к маркировке для импортируемой продукции: Казахстан может рассмотреть возможность исключения части требований к маркировке для импортных изделий, оставляя обязательными только те, которые существенно влияют на безопасность и подлинность изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней.

Заключение.

Подведем итоги проведенного исследования. В рамках работы была выявлена и проанализирована одна из ключевых проблем ювелирной отрасли Казахстана — несогласованность стандартов СТ РК 967-2018 и российского ОСТ 117-3-002-95, что создаёт значительные барьеры для импорта и реализации ювелирных изделий. Проведённый анализ показал, что несоответствия в требованиях к маркировке, сертификации и обязательным реквизитам изделий накладывают дополнительную административную и финансовую нагрузку на казахстанских импортёров и производителей. Эти факторы не только увеличивают издержки и время на приведение продукции в соответствие с местными нормативами, но и негативно сказываются на конкурентоспособности отечественного бизнеса.

Кроме того, отсутствие унифицированной инфраструктуры для клеймения изделий в регионах усложняет соблюдение нормативов, особенно для предпринимателей, ведущих деятельность вне крупных городов. Данные обстоятельства подчеркивают необходимость пересмотра требований и, возможно, адаптации стандартов СТ РК в сторону их гармонизации с международными и российскими стандартами. Введение механизмов взаимного признания сертификатов и маркировок ювелирной продукции также представляется перспективной мерой для упрощения нормативных процедур и стимулирования отрасли в целом.

Таким образом, выводы настоящего исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к реформированию нормативной базы ювелирного рынка, что позволит снизить административные и финансовые издержки для субъектов ювелирного бизнеса. Данная проблематика требует дальнейшего глубокого изучения и разработки решений, направленных на согласование стандартов, что представляется перспективным направлением в области нормативных и экономических исследований. в международные и региональные рынки ювелирной продукции.

Литература

1. Ассоциация «Гильдия ювелиров России». Российский экспорт ювелирных изделий [Электронный ресурс]. – 2021. URL: https://agjr.ru/assets/files/documents/2021/rossijskij-eksport-yuvelirnyh-izdelij.pdf, (дата обращения: 01.04.2025).

2. Импорт и экспорт ювелирных изделий Казахстана в 2023 году. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz, (дата обращения: 01.04.2025).

3. СТ РК 967-2018 «Ювелирные и другие изделия из драгоценных металлов и драгоценных камней. Технические условия». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110976&pos=1;2#pos=1;2, (дата обращения 01.05.2025).

4. ОСТ 117-3-002-95. Изделия ювелирные из драгоценных металлов. Общие технические условия. – М.: Госкомстандарт РФ, 1995. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200009029, (дата обращения: 01.04.2025).

5. Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-sovremennoy-rossii-sostoyanie-i-perspektivy, (дата обращения: 01.05.2025).

6. Сидуленко О.А., Калиниченко Н.П., Яковлева Е.В. Евразийский экономический союз и национальные системы аккредитации стран – участниц Таможенного союза // Векторы благополучия: экономика и социум. 2015. №2 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-i-natsionalnye-sistemy-akkreditatsii-stran-uchastnits-tamozhennogo-soyuza, (дата обращения: 05.05.2025).

7. Голоднов В. В. Ресертификация. Состояние,проблемы, перспективы предприятийроссийской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resertifikatsiya-sostoyanie-problemy-perspektivy-predpriyatiyrossiyskoy-federatsii, (дата обращения: 01.05.2025).

8. Савинов Ю.А., Орлова Г.А., Тарановская Е.В., Басилашвили Т.П. Развитие промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-promyshlennogo-sotrudnichestva-v-ramkah-eaes, (дата обращения: 01.05.2025).

9. Закон Республики Казахстан от 14.01. 2016 г. № 444-V ЗРК «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (в ред. от 05.07.2024) URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000444/history, (дата обращения 01.05.2025).

10. Федеральный закон от 26.03.1998 N 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (в ред. от 07.04.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/9debf8397d06a7321c8208d9aa7ad084a937cee9/, (дата обращения 01.05.2025).

Legal barriers and criminogenic risks in cross-border turnover of jewellery: Kazakhstan-Russian context.

Nurpeisova V.A.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article considers the impact of normative divergence between the Kazakh standard ST RK 967-2018 and the Russian standard OST 117-3-002-95 on the functioning of the jewellery market. The normative-legal, comparative-comparative, which allowed to identify key discrepancies in the requirements for labelling, certification and assay control of jewellery products, is conducted. Particular attention was paid to criminogenic risks arising from inconsistency of standards, including illegal trafficking, substitution of labelling and legalisation of items of dubious origin. The lack of accredited infrastructure in the regions of Kazakhstan complicates compliance and increases the financial burden on businesses. As a solution, harmonisation of technical regulations, mutual recognition of brands and development of the branding system in the regions are proposed. The presented conclusions substantiate the need for a comprehensive reform of the regulatory framework in order to increase transparency and legal certainty in cross-border trade in jewellery.

Keywords: jewellery marking, product certification, jewellery import, technical regulation, harmonisation of standards, mutual recognition of brands, criminological risks, illicit trafficking in jewellery, grey market, control over precious metals, assay control, branding, trade in precious metals, export-import operations, jewellery market infrastructure.

References.

1. Association ‘Guild of Jewellers of Russia’. Russian export of jewellery [Electronic resource]. - 2021. URL: https://agjr.ru/assets/files/documents/2021/rossijskij-eksport-yuvelirnyh-izdelij.pdf, (date of reference: 01.04.2025).
2. Import and export of jewellery of Kazakhstan in 2023. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. URL: https://stat.gov.kz, (date of reference: 01.04.2025). 3. ST RK 967-2018 "Jewellery and other articles made of precious metals and precious stones. Technical conditions". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110976&pos=1;2#pos=1;2, (circulation date: 01.05.2025).
4. OST 117-3-002-95. Jewellery articles made of precious metals. General technical conditions. - Moscow: Goskomstandart RF, 1995. - URL: https://docs.cntd.ru/document/1200009029, (date of circulation: 01.04.2025).
5. Korobeev A. I. Criminal policy of modern Russia: state and prospects // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. №3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-sovremennoy-rossii-sostoyanie-i-perspektivy, (date of reference: 01.05.2025).
6. Sidulenko O.A., Kalinichenko N.P., Yakovleva E.V. Eurasian Economic Union and national accreditation systems of the countries - members of the Customs Union // Vectors of well-being: economy and society. 2015. №2 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-i-natsionalnye-sistemy-akkreditatsii-stran-uchastnits-tamozhennogo-soyuza, (date of reference: 05.05.2025).
7. Golodnov V. V. Recertification. State, problems, prospects of enterprises of the Russian Federation // Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia. 2014. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resertifikatsiya-sostoyanie-problemy-perspektivy-predpriyatiyrossiyskoy-federatsii, (date of address: 01.05.2025).
8. Savinov Y.A., Orlova G.A., Taranovskaya E.V., Basilashvili T.P. Development of industrial cooperation within the EAEU // Russian foreign economic bulletin. 2019. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-promyshlennogo-sotrudnichestva-v-ramkah-eaes, (accessed on 01.05.2025).
9. Law of the Republic of Kazakhstan dated 14.01. 2016 No. 444-V ZRC ‘On Precious Metals and Precious Stones’ (ed. 05.07.2024) URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000444/history, (circulation date: 01.05.2025). 10. Federal Law of 26.03.1998 N 41-FZ ‘On Precious Metals and Precious Stones’ (ed. 07.04.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/9debf8397d06a7321c8208d9aa7ad084a937cee9/, (accessed 01.05.2025).

Формы судебной защиты в цифровой среде: проблемы и тенденции правоприменения

Рыженков Руслан Андреевич
аспирант Московского университета имени А. С. Грибоедова

Цифровизация общества порождает качественно новые правоотношения, не укладывающиеся полностью в традиционные правовые рамки. Распространение электронных сделок, криптоактивов, онлайн-платформ и искусственного интеллекта ставит перед судебной системой сложные вопросы защиты прав в цифровой среде. Правоприменение сталкивается с необходимостью адаптироваться к феноменам, когда участники взаимодействуют удаленно, сделки исполняются автоматически, а доказательства существуют преимущественно в электронном виде. В данной статье рассматриваются формы судебной защиты прав, возникающих в цифровой среде, выявляются актуальные проблемы и тенденции их правоприменения. В работе автор опирается на современные реалии российского законодательства и судебной практики, а также сравнительно-правовой обзор зарубежного опыта.
Ключевые слова: цифровизация, цифровое правоотношение, электронное правосудие, смарт-контракт, искусственный интеллект, онлайн-урегулирование споров, видеоконференц-связь, электронные доказательства, правоприменительная практика.

Теоретическая база: понятие цифрового правоотношения

Прежде чем анализировать судебную защиту, необходимо определить, что понимается под цифровым правоотношением и чем оно отличается от традиционного. В юридической литературе цифровые правоотношения определяются как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде» [2]. Иными словами, речь идет о социальном взаимодействии, опосредованном информационными технологиями, где объектом права выступают цифровые данные или результаты их обработки. К таким отношениям можно отнести, например, сделки с цифровыми правами, взаимодействие пользователей на онлайн-платформах, выполнение обязательств с помощью программного кода и др.

Главное качественное отличие цифрового правоотношения состоит в том, что реализация прав и обязанностей возможна исключительно в цифровой среде (в информационной системе), без непосредственного физического взаимодействия сторон. Правомочия участников фиксируются и осуществляются посредством программных алгоритмов и электронных записей, часто распределенных по сети. Законодатель уже закрепил особые объекты и механизмы, характерные для цифровой экономики. В частности, с 1 октября 2019 г. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) ввел понятие «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ) [6].

Под цифровыми правами понимаются имущественные права, которые прямо названы таковыми в законе, а их содержание и условия осуществления определяются правилами информационной системы. Принципиально важно, что осуществление и передача цифрового права возможны только внутри такой информационной системы без обращения к третьим лицам [16]. Это законодательное новшество отражает специфику цифровых отношений: правомочия закреплены в цифровом виде (например, токен в блокчейн-сети) и реализуются путем совершения операций в самой системе (смарт-контракт, запись в реестре), а не традиционными способами (например, при передаче вещи, подписании бумажного документа и т.п.).

Наряду с этим, цифровые отношения часто имеют трансграничный характер. Интернет-среда стирает географические границы, что осложняет определение применимого права и юрисдикции суда. Еще одна особенность – высокая степень автоматизации. Например, **смарт-контракты** позволяют исполнить обязательство автоматически при наступлении запрограммированных условий, без дополнительного волеизъявления сторон [18]. Все

это требует от правовой системы переосмысления традиционных подходов к правоприменению.

Судебная защита прав в цифровой среде: формы и процессуальные особенности

Традиционные формы судебной защиты (обращение в суд общей юрисдикции или арбитражный суд с иском, рассмотрение спора судом и исполнение решения) сохраняют свою применимость и в цифровую эпоху. Так, право на судебную защиту гарантировано ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) для любых нарушенных прав, в том числе возникших в интернете или при использовании информационных технологий [13]. Однако реализация этого права в цифровой среде приобретает новые процессуальные формы. В России в последнее десятилетие активно развивается концепция «электронного правосудия» [17]. Законодатель и судейское сообщество предпринимают шаги, чтобы перенести ключевые этапы судебного разбирательства в электронный формат, сделав правосудие более доступным и эффективным.

Ещё в 2013 году Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) был дополнен нормами об участии посредством видеоконференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ), требовавшими нахождения участника в помещении суда, подключенного к другому суду [8]. Однако с развитием технологий и особенно под влиянием пандемии COVID-19, законодательство пошло дальше. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в процессуальные кодексы была введена возможность дистанционного судебного разбирательства в формате веб-конференции [21]. Уже с 1 января 2022 года стороны получили право подавать иски и другие документы в электронном виде через портал «Госуслуги» и участвовать в судебном заседании удаленно при помощи системы веб-конференции. Согласно ст. 155.2 ГПК РФ, участие посредством веб-конференции допускается при подаче соответствующего ходатайства и наличии у суда технической возможности [8].

Личность участника при этом удостоверяется с использованием Единой системы идентификации и аутентификации, а само заседание проводится без физической явки в зал суда [5]. Уже в 2020–2021 годах активно применялась видеоконференц-связь, а с 2022-го – веб-конференции. Как отметил председатель Совета судей В.В. Момотов, ежегодно в российских судах рассматриваются тысячи дел в режиме видеоконференц-связи, и планируется расширять применение веб-конференций [4]. Одновременно он подчеркнул, что очное присутствие сторон все же остается приоритетным стандартом правосудия, поскольку полностью виртуальный процесс имеет свои недостатки, например затрудняет конфиденциальное общение подсудимого с адвокатом. Тем не менее, очевидно, что дистанционное правосудие заняло прочное место в системе судебной защиты [22].

Существенной частью цифровизации судопроизводства является переход на электронные документы. В российской судебной системе внедряются и совершенствуются системы подачи электронных исков, жалоб, ходатайств. Как упомянуто выше, закон теперь прямо позволяет направлять в суд процессуальные документы через интернет-порталы при наличии даже простой электронной подписи [5]. В судах общей юрисдикции и арбитражных судах функционируют электронные кабинеты для сторон, где можно отслеживать движение дела и получать электронные копии решений. В перспективе анонсирован запуск единого цифрового сервиса «Правосудие онлайн» [4], который объединит подачу документов, участие в заседаниях и получение судебных актов в одном портале.

В области доказательств все чаще возникают вопросы об электронных доказательствах: переписка e-mail, записи камер наблюдения, данные блокчейн и пр. Российские процессуальные нормы уже предусматривают письменные и вещественные доказательства в электронной форме (распечатки, электронные носители), и суды постепенно формируют практику их оценки. Тем не менее, проблема достоверности и идентификации электронных доказательств остается актуальной: требуются экспертизы цифровых данных, проверка электронных подписей, подтверждение целостности файлов и т.п. Эти процессуальные аспекты выходят за рамки данной статьи, но упоминаются, чтобы подчеркнуть тот факт, что судебная защита в цифровой среде требует адаптации не только формы проведения заседания, но и методов доказывания.

Одним из наиболее обсуждаемых феноменов цифровой экономики являются **смарт-контракты**. С точки зрения технологии, смарт-контракт – это программный код, исполняющий заранее запрограммированные условия сделки автоматически при наступлении определенных событий. Возникает вопрос: подлежат ли права и обязанности, реализуемые через смарт-контракт, судебной защите наравне с «обычными» договорами? Иными словами, может ли сторона смарт-контракта обратиться в суд при нарушении этого кода или некорректном исполнении алгоритма?

Российское законодательство пока не содержит прямого определения смарт-контракта, но определенные шаги сделаны. Так, в 2019-2020 гг. были приняты поправки в ГК РФ о цифровых правах и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», которые легитимировали саму идею сделок в электронной форме и автоматизированного исполнения. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» упоминает возможность заключения договоров посредством информационных систем, хотя термин «смарт-контракт» прямо не употребляется [1]. По сути, правовая квалификация смарт-контракта сводится к квалификации лежащего в его основе соглашения. Если стороны вначале заключили договор (в обычной письменной или электронной форме), а затем выразили волю исполнять его через программ-

ный код, суд при споре, вероятнее всего, рассмотрит такой договор по нормам гражданского права как обычную сделку. Однако можем предположить, что в ситуации, когда сам смарт-код выступает единственной фиксацией договоренности сторон, в этом случае у суда могут возникнуть вопросы о форме и доказательствах сделки. Тем не менее, английское право, например, уже выработало подход: действующие принципы договорного права применимы и к смарт-контрактам, даже полностью автоматизированным [11]. Гибкость прецедентной системы позволила признать юридическую силу подобных соглашений, не требуя специального законодательства [11].

В российской судебной практике прецедентов, связанных непосредственно с исполнением смарт-контрактов, пока немного. Однако потенциал возможных конфликтов очевиден: это и споры о толковании условий, «зашитых» в код, и требования о защите прав в случае сбоя или взлома смарт-контракта, и проблемы возврата неправомерно полученных средств. Уже высказывается мнение, что стороны, заключающие смарт-контракт, не имеют сейчас достаточных гарантий правовой защиты из-за пробелов в законодательстве [10]. Представляется, что судам в подобных спорах придется применять по аналогии нормы о договорах и обязательствах. Смарт-контракт может рассматриваться как способ исполнения договора, а не новая правовая конструкция. В то же время необходимы уточнения в законе: например, о возможности признания недействительным смарт-контракта судом и т.д. Пока таких норм нет, судебная защита носит реактивный характер: суды способны защитить нарушенное право (скажем, взыскать неосновательное обогащение, возникшее из неправильного срабатывания алгоритма), но предотвратить нежелательные последствия исполнения кода затруднительно. На наш взгляд, это одна из современных проблем правоприменения, требующая решения.

Цифровой посредник: роль и правовой статус в правоприменении

Цифровая среда общения часто подразумевает наличие **посредников** – операторов электронных площадок, интернет-сервисов, социальных сетей, которые не являются непосредственными сторонами спорного правоотношения, но обеспечивают инфраструктуру для него. Возникает вопрос о роли таких «цифровых посредников» в судебной защите: могут ли они привлекаться к ответственности, обязаны ли содействовать восстановлению нарушенного права, каков их статус в процессе?

Российское право уже ввело специальную категорию **«информационный посредник»** применительно к интернету. С 2013 г. в ГК РФ действует ст. 1253.1, определяющая особенности ответственности информационных посредников [7]. К ним относят, в частности, лиц, осуществляющих передачу данных в сети, хостинг-провайдеров и тех, кто обеспечивает доступ к материалам (например, владельцы сайтов). Общий принцип – посредник несет ответственность за правонарушения (например, нарушения интеллектуальных прав), совершенные через его сервис, лишь при наличии вины и с учетом особых условий.

Так, передающий информацию провайдер освобождается от ответственности, если он не является инициатором передачи, не изменяет передаваемые данные и не знал о противоправности распространяемой информации [7]. Аналогичные основания освобождения установлены для хостинга, если незаконный контент размещен третьим лицом без ведома посредника. Данные нормы фактически создают **режим «безопасной гавани»** для цифровых посредников, стимулируя их предоставлять инфраструктуру, не опасаясь автоматической ответственности за действия пользователей.

Однако за пределами сферы интеллектуальных прав правовой статус посредников прописан менее четко. На практике в судах возникают дела, где истцы пытаются привлечь к ответственности владельцев интернет-площадок за контрафактный товар, распространившуюся клевету, утечку данных и т.д. Вопрос, являются ли такие платформы соучастниками нарушения или их обязанность лишь удалить, заблокировать незаконную информацию, решается судами в каждом случае индивидуально. Общая тенденция такова: если посредник добросовестно исполнил предусмотренную законом обязанность по удалению противоправного контента после получения уведомления, основания для его ответственности отсутствуют. Таким образом, **цифровой посредник** в правоприменении выступает специфическим субъектом: он не несет прямых обязанностей по защите чужих прав, кроме как по содействию (например, предоставить информацию об нарушителе, удалить контент). Вместе с тем, через посредника зачастую практически реализуется судебная защита в цифровой среде – например, именно к администрации сайта адресуется судебный приказ о блокировке запрещенной информации. Российский подход пока осторожный: предпочтение отдается модели ограниченной ответственности посредника при условии выполнения им установленных требований. В этом нам видится разумный компромисс, стимулирующий развитие цифровой инфраструктуры и одновременно обеспечивающий минимальные гарантии защиты прав субъектов.

Конституционные пределы использования искусственного интеллекта в правосудии

Широкое внедрение цифровых технологий порождает дискуссию о том, где проходят границы автоматизации судебной деятельности. Особенно остро стоит вопрос об использовании **искусственного интеллекта** при осуществлении правосудия [19]. Российская правовая система исходит из принципа, что правосудие осуществляется только судом, в составе независимых человеческих судей (ст. 118 Конституции РФ). Это предполагает личное усмотрение судьи, оценку всех обстоятельств, непосредственное исследование доказательств – то, что трудно совместимо с полностью автоматизированным решением.

Высказываемая идея «электронного судьи» сталкивается с серьезными конституционными ограничениями. Во-первых, право на судебную защиту подразумевает рассмотрение дела независимым и беспристрастным лицом, наделенным судебной властью [22]. Применение же алгоритма вместо судьи ставит под сомнение наличие у такого «судьи» независимого усмотрения и ответственности перед законом. Во-вторых, право на мотивированное решение (вытекающее из принципов справедливого суда) требует, чтобы решение было основано на оценке относимости, допустимости, достоверности доказательств и аргументов сторон – компьютерная программа не способна полноценно обосновать свой вывод с учетом всех нюансов дела.

На уровне судебного сообщества в России явно прозвучала позиция о неприемлемости замены судьи машиной. Председатель Совета судей В.В. Момотов прямо заявил, что искусственный интеллект **никогда не заменит живого судью**, поскольку машине несвойственны ключевые человеческие качества, такие как эмпатия, совесть, моральное чувство [4]. Судья обязан учитывать человеческие судьбы, чего алгоритм, оперирующий лишь формальными данными, делать не может. Более того, по словам Момотова, «справедливость нельзя запрограммировать» [4]. Эти высказывания отражают конституционное понимание правосудия как акта, совершаемого человеком при соблюдении гарантий независимости, гласности, состязательности. В то же время **использование ИИ как вспомогательного средства** не запрещено и уже реализуется [12]. Например, в некоторых судах Российской Федерации апробируются системы, помогающие готовить черновики судебных решений по типовым делам. В Белгородской области еще в 2021 г. запущен пилотный проект, где нейросеть формирует проекты судебных приказов о взыскании налоговой задолженности [4]. Речь идет именно об помощи судье: машина анализирует типовые данные (сумму долга, факт неоплаты налога) и готовит проект приказа, но судья-мировой судья его проверяет и подписывает. Такой **подход** ускоряет рутинные процессы, не затрагивая сущностного судебного усмотрения.

Конституционные пределы здесь можно подытожить так: ИИ допустим как инструмент судьи (для поиска практики, проверки документов, прогнозирования исхода и пр.), но не как замена судейского решения. При любом использовании алгоритмов должна сохраняться возможность человеческого контроля, пересмотра и исправления. Кроме того, недопустимо нарушение тайны совещательной комнаты – финальное решение должен принимать человек. На наш взгляд, российская правовая доктрина, опирающаяся на Конституцию, пока весьма консервативна: **суд – это человек**, и это принципиальное требование справедливости.

Практика применения видеоконференц-связи и электронных документов в судопроизводстве РФ

Как уже отмечалось, за последние годы в России сформировалась обширная практика использования дистанционных технологий в судах. Еще до пандемии, начиная с 2010-х годов, арбитражные суды и суды общей юрисдикции применяли видеоконференц-связь для участия удаленных лиц, но преимущественно между судами (например, когда подсудимый в СИЗО подключается к залу суда по видеоконференц-связи) [9]. На сегодняшний день эти возможности расширились: теперь участник может участвовать из любого места при наличии удостоверенной личности через интернет. Практика показала значительный рост числа таких удаленных заседаний в 2020-2022 гг., что было во многом вынуждено карантинными мерами. Судебный департамент при Верховном Суде обеспечил суды техникой и программами для веб-конференций. В разгар пандемии значительная часть заседаний по отдельным категориям дел проводились онлайн [15]. Это позволило не останавливать правосудие, но выявило и **проблемы**: технические сбои, неустановление личности при плохой связи, трудности в соблюдении тайны совещания судей, невозможность непосредственного исследования некоторых доказательств (например, вещественных). Постепенно выработались решения: идентификация через Единую систему идентификации и аутентификации и видеосвязь, запрет записывать или транслировать заседание без разрешения, возможность отложить дело при технических неполадках. Сейчас видеоконференц-связь прочно включена в инструментарий суда. Многие участники ценят экономию времени и средств на приезд, особенно в арбитражном процессе, где стороны могут быть из разных регионов. Одновременно, по завершении ограничений, большинство судов вернулось к преимущественно очным заседаниям по сложным и крупным делам, используя онлайн-формат по ходатайству сторон там, где это действительно удобно и не вредит полноте разбирательства.

Практически все арбитражные суды РФ уже давно принимают документы через систему «Мой Арбитр». В судах общей юрисдикции после изменений 2021 года внедряется подача через Госуслуги. Количество электронных исков растет ежегодно, хотя в абсолютных цифрах доля электронных обращений пока невелика [4]. Препятствием служит как техническая неготовность части районных судов, так и недостаточная информированность граждан о такой возможности. Тем не менее, курс взят на тотальную цифровизацию документооборота. Верховный Суд РФ в своих обзорах и руководящих разъяснениях поддерживает использование электронных доказательств, признает юридическую силу электронных подписей, сканов документов (при надлежащем заверении). В некоторых судебных актах прямо указывается, что распечатка электронной переписки, подтвержденная нотариальным протоколом осмотра страницы в Интернет, является допустимым доказательством. Таким образом, можно говорить о **становлении электронного документооборота** как неотъемлемой части судопроизводства.

К проблемам на данном направлении можно отнести: неунифицированность систем (арбитражные

суды и суды общей юрисдикции используют разные порталы), требования к электронной подписи (квалифицированная подпись нужна не всегда, но некоторые суды по старинке требуют), а также вопрос доставки судебных уведомлений в электронной форме. Последний аспект пока решается просто: если иск подан через интернет, ответ поступит в личный кабинет, но дублируется и почтовое уведомление. Полагаем, что постепенно правоприменение придет к отказу от бумаги – это вопрос нескольких лет и технического совершенствования электронных систем.

Сравнительно-правовой обзор зарубежного опыта

Опыт зарубежных государств в регулировании цифровой сферы правосудия предоставляет ценные ориентиры. Рассмотрим кратко некоторые примеры в двух ключевых аспектах: онлайн-суды, смарт-контракты.

Наибольшего прогресса в этом направлении добился Китай, создав с 2017 года специализированные **Интернет-суды** (в городах Ханчжоу, Пекин, Гуанчжоу). Эти суды рассматривают споры, связанные с интернет-деятельностью (электронная коммерция, авторские права в сети, споры о доменных именах и пр.) полностью онлайн. Граждане подают иски через веб-платформу, все этапы – от представления доказательств до вынесения решения – происходят цифровым образом. Более того, в китайских интернет-судах внедрены элементы **«умного суда»:** в некоторых случаях применяется виртуальный судья на основе искусственного интеллекта для процедурных вопросов. Такие суды не требуют личной явки и значительно ускоряют рассмотрение: средняя продолжительность дела в Пекинском интернет-суде – около 40 дней, а само судебное заседание зачастую укладывается в 30–40 минут [3]. Интересно, что около 98% решений этих онлайн-судов принимаются сторонами без обжалования [3], что говорит о достаточно высоком уровне доверия и качестве. Однако, несмотря на использование технологий, окончательные важные решения там принимают живые судьи (пусть и в онлайн-режиме). Кроме Китая, эксперименты с онлайн-судами проводились и в других странах: в Сингапуре существует система e-Litigation, в Великобритании реализована онлайн-система для мелких гражданских исков (Small Claims Online Court). Пандемия стимулировала повсеместно переход к онлайн-заседаниям, и многие юрисдикции закрепили это процессуальными нормами, сходными с российскими. В целом, мировой тренд таков: **онлайн-судопроизводство** признается необходимым элементом современной системы правосудия, но полностью заменить классические суды пока нигде не стремятся – скорее, речь о смешанном формате (очного и дистанционного рассмотрения) и создании специальных онлайн-подсистем для определенных категорий дел.

Правовое регулирование цифровых (смарт) контрактов

Юрисдикции по-разному отнеслись к феномену смарт-контрактов. Страны общего права (Англия, США) пошли путем судебного толкования и минимальных изменений: например, суды США уже рассматривали споры, связанные с выполнением смарт-контрактов на криптовалютных биржах, применяя обычные нормы договорного и деликтного права. Некоторые штаты (Аризона, Теннесси) даже приняли специальные законы, признающие юридическую силу смарт-контрактов и записей в блокчейне, определив смарт-контракт как «управляемую событиями компьютерную программу, функционирующую в распределенном реестре, способную контролировать передачу активов» [14]. Такое определение на законодательном уровне подтверждает: сделки, закодированные в программный алгоритм, признаются действительными договорами. Английская Комиссия по праву в 2021 г. подготовила подробный отчет, заключив, что существующее контрактное право Англии в целом пригодно для применения к смарт-контрактам и не требует радикальной реформы [11]. В странах континентального права дискуссия также идет, но нередко с предложениями внести ясность через законы. Например, в Германии обсуждается, нужно ли включить в Гражданский кодекс норму о том, что автоматическое исполнение обязательства не препятствует судебному оспариванию такого исполнения, если были нарушения. В ЕС в рамках общих цифровых инициатив разрабатываются рекомендации, как обеспечить предсказуемость в использовании смарт-контрактов, в том числе в коммерческих цепочках (один из пунктов – обязательное наличие функции «останова» смарт-контракта на случай ошибок или судебного спора). Таким образом, **зарубежный опыт** показывает признание смарт-контрактов частью правовой реальности и стремление интегрировать их в существующие правовые механизмы.

Заключение

Судебная защита прав в цифровой среде находится на этапе динамичного развития и осмысления. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, **цифровые правоотношения** стали самостоятельным объектом правового регулирования, требующим тонкой настройки законодательства – примеры тому введение категории цифровых прав, специальные нормы об информационных посредниках и др. Во-вторых, традиционная судебная система доказала способность адаптироваться: принятые процессуальные нормы о дистанционном участии и электронных документах уже существенно изменили облик судопроизводства, сделав его более технологичным. Российская судебная практика показывает положительные результаты внедрения видеоконференций и электронного обмена, хотя и выявляет проблемы технического и правового характера, требующие решения.

В-третьих, появились **качественно новые вызовы**. Смарт-контракты, алгоритмы и платформы ставят вопросы, на которые пока нет окончательных ответов в законе. Эти проблемы носят межотраслевой характер – они затрагивают гражданское право,

процессуальное право, и даже конституционные принципы.

В-четвертых, **тенденции правоприменения** демонстрируют осторожный подход: судебная власть, признавая преимущества технологий, стремится сохранить фундаментальные гарантии справедливости. Это видно и в позиции о неприемлемости полностью автоматизированного правосудия без участия человека, и в выборе модели ограниченной ответственности посредников вместо прямой цензуры или санкций. Такой консерватизм представляется оправданным для предотвращения риска нарушения прав в погоне за эффективностью.

В-пятых, **зарубежный опыт** служит ориентиром, показывая, что интеграция технологий в правосудие – глобальный процесс. Онлайн-суды в Китае, признание смарт-контрактов в Англии и США, общеевропейские механизмы электронной идентификации – все это подтверждает: будущее правосудия неразрывно связано с цифровыми инструментами. Однако нигде не наблюдается полного доверия машине, скорее подчеркивается роль человека, судебного надзора, «гибридность» моделей.

Таким образом, для дальнейшего развития судебной защиты в цифровой среде необходим комплексный подход. На законодательном уровне следует восполнить пробелы – закрепить основные понятия (смарт-контракт, цифровой посредник и др.), урегулировать ключевые вопросы ответственности в цифровой сфере. На организационном уровне – продолжить техническое оснащение судов, обучение судей и адвокатов работе с цифровыми доказательствами. На наш взгляд, судебная защита должна оставаться надежной и доступной каждому, кто в ней нуждается, – и цифровая трансформация при правильном применении может этому поспособствовать.

Литература

1. Агибалова Е.Н. К вопросу о гражданско-правовом регулировании смарт-контрактов // Журнал юридических исследований. – Т. 4. – 2019. – № 2. – С. 53-57.
2. Банакас С., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник СПбГУ. – Серия 14. Право. – 2023. – № 2. – С. 492-509.
3. Васдани Т. Роботизированное правосудие: использование интернет-судов в Китае. URL: https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page (дата обращения: 10.03.2025).
4. Глава Совета судей РФ объяснил, почему искусственный интеллект никогда не заменит судей // Business FM. – 2021. – 26 мая. URL: https://www.bfm.ru/news/472962 (дата обращения: 10.03.2025).
5. Госдума приняла закон о дистанционных заседаниях суда // ПРАВО.ru. – 2021. – 21 декабря. URL: https://pravo.ru/news/237776/ (дата обращения: 10.03.2025).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 31 октября 2024 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Часть четвертая (с посл. изм. и доп. от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2025).
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 16 января 2025 г. № 1-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2025).
9. Демина Д.А. Проблемы применения системы веб-видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 703–708.
10. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2022. – 25 с.
11. Законодательная комиссия Великобритании. Смарт-контракты. URL: https://lawcom.gov.uk/project/smart-contracts/ (дата обращения: 10.03.2025).
12. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6 (146). – С. 15–25.
13. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 30.10.2024).
14. Корниенко А.В. К вопросу о понятийно-сущностной характеристике смарт-контрактов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 215-220.
15. Лебедев З.С. Дистанционное взаимодействие с судебными органами в условиях пандемии: возможности и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 154–160.
16. Павлова Д.А. Цифровые правоотношения // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 159-173.
17. Право цифровой среды : монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М. : Проспект, 2022. – 896 с.
18. Сальникова А.В. Правовое регулирование заключения смарт-контрактов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 2 (30). – С. 14.
19. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. – С. 32–37.

20. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал ВШЭ. – 2020. – № 1. – С. 118-147.

21. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2025).

22. Электронное правосудие : монография / Е.В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М. : РГУП, 2021. – 344 с.

Law and coercion: the role of state influence in ensuring law order

Ryzhenkov R.A.

Moscow University named after A.S. Griboedov

The digitalization of society gives rise to fundamentally new legal relationships that do not fully fit within traditional legal frameworks. The widespread use of electronic transactions, crypto-assets, online platforms, and artificial intelligence presents the judicial system with complex questions regarding the protection of rights in the digital environment. Law enforcement faces the need to adapt to phenomena where parties interact remotely, transactions are executed automatically, and evidence exists predominantly in electronic form. This article examines the forms of judicial protection of rights arising in the digital environment, identifies current issues, and outlines trends in their legal application. The author relies on the current realities of Russian legislation and judicial practice, as well as a comparative legal review of foreign experience.

Keywords: digitalization, digital legal relationship, electronic justice, smart contract, artificial intelligence, online dispute resolution, video conferencing, electronic evidence, law enforcement practice.

References

1. Agibalova E.N. On the issue of civil-legal regulation of smart contracts // Journal of Legal Studies. - Vol. 4. - 2019. - No. 2. - P. 53-57.
2. Banakas S., Petrov D.A., Popondopulo V.F., Silina E.V. Digital relations as a subject of legal research // Bulletin of St. Petersburg State University. - Series 14. Law. - 2023. - No. 2. - P. 492-509.
3. Vasdani T. Robotic justice: the use of internet courts in China. URL: https://www.lexisnexis.ca/en-ca/ihc/2020-02/robot-justice-chinas-use-of-internet-courts.page (accessed: 10.03.2025).
4. The Head of the Council of Judges of the Russian Federation explained why artificial intelligence will never replace judges // Business FM. - 2021. - May 26. URL: https://www.bfm.ru/news/472962 (date of access: 10.03.2025).
5. The State Duma adopted a law on remote court hearings // PRAVO.ru. - 2021. - December 21. URL: https://pravo.ru/news/237776/ (date of access: 10.03.2025).
6. The Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ. Part One (with the latest amendments and additions of October 31, 2024 No. 49-P) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date of access: 10.03.2025).
7. Civil Code of the Russian Federation of December 18, 2006 No. 230-FZ. Part Four (as last amended and supplemented on July 22, 2024 No. 190-FZ) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date of access: 10.03.2025).
8. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as last amended and supplemented on January 16, 2025 No. 1-P) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date of access: 10.03.2025).
9. Demina D.A. Problems of using the web videoconferencing system in civil proceedings // Questions of Russian justice. - 2021. - No. 15. - P. 703-708.
10. Zainutdinova E.V. Smart contract in civil law: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. - Krasnoyarsk, 2022. - 25 p.
11. Law Commission of the United Kingdom. Smart contracts. URL: https://lawcom.gov.uk/project/smart-contracts/ (date of access: 10.03.2025).
12. Kleandrov M.I. Reflections on the topic: can a robot be a judge? // Russian justice. – 2018. – No. 6 (146). – P. 15–25.
13. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date of access: 10/30/2024).
14. Kornienko A.V. On the issue of the conceptual and essential characteristics of smart contracts // Issues of Russian justice. – 2021. – No. 11. – P. 215–220.
15. Lebedev Z.S. Remote interaction with the judiciary in the context of a pandemic: possibilities and prospects // Legal Bulletin of Samara University. – 2020. – Vol. 6. – No. 3. – P. 154–160.
16. Pavlova D.A. Digital legal relations // Leningrad law journal. – 2023. – No. 1 (71). – P. 159–173.
17. Law of the digital environment: monograph / edited by T.P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. – Moscow: Prospect, 2022. – 896 p.
18. Salnikova A.V. Legal regulation of the conclusion of smart contracts // Bulletin of Penza State University. – 2020. – No. 2 (30). – P. 14.
19. Sosedova M.V. The Possibility of Using Artificial Intelligence in Considering Individual Civil Cases: Predicted Justice // Arbitration and Civil Procedure. - 2020. - No. 5. - P. 32-37.
20. Truntsevsky Yu.V., Sevalnev V.V. Smart Contract: From Definition to Certainty // Law. HSE Journal. - 2020. - No. 1. - P. 118-147.
21. Federal Law of December 30, 2021 No. 440-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date accessed: 10.03.2025).
22. Electronic justice: monograph / E.V. Burdina [et al.]; edited by E.V. Burdina, S.V. Zuev. - M.: RGUP, 2021. - 344 p.

Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие

Коваленко Мария Сергеевна
аспирант, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие. Автор анализирует специфику преступлений против правосудия. Внимание уделяется типологическим характеристикам преступлений, направленных против представителей судебной и следственной системы. Раскрываются ключевые факторы, способствующие виктимизации. Обосновывается необходимость комплексных мер виктимологической профилактики, включая совершенствование правовых механизмов защиты, развитие профессиональной подготовки в сфере безопасности.

Ключевые слова: виктимологический анализ, виктимность, насильственное преступление, правосудие, процесс, судья, жертва, профилактика преступности

В современной научной литературе и периодике уделяется достаточно мало внимания вопросам, затрагивающим преступления против правосудия. В научном дискурсе практически не представлено исследований, посвященных анализу виктимологических аспектов предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих правосудие [4, с. 177]. Одной из причин того, что преступления против правосудия остаются на периферии внимания исследователей-теоретиков, правоприменителей и законотворцев, является небольшой удельный вес таких преступлений в общем количестве. В данной связи рассмотрение классификации жертв преступлений, направленных на систему правосудия, а также виктимологические характеристики и меры профилактики представляется нам весьма *актуальным*.

Правосудие выступает одним из видов государственной деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов личности. Тем не менее, вовлечение лиц в процессы, связанные с отправлением правосудия, не всегда является безопасным для них. Лица, прямо или косвенно участвующие в осуществлении правосудия, подвергаются повышенному риску совершения в отношении них насильственных преступлений. Как отмечает А. В. Яшин, в большинстве случаев эти лица не могут самостоятельно оказать надлежащие противодействие подобным посягательствам [9, с. 38].

А. В. Кураков определяет преступления в сфере правосудия следующим образом: совокупность общественно опасных противоправных и наказуемых деяний, «направленных против правосудия, выражающихся в различных формах противодействия и нарушения процессуальной деятельности суда и содействующих ему субъектов» [4, с. 178].

Е. С. Иванов предлагает следующую дефиницию: преступления против правосудия представляют собой «посягательства на нормальную деятельность органов предварительного следствия, дознания, судов, исполнительных органов по всестороннему и объективному расследованию преступлений, справедливому разрешению уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел», а также на исполнение решений суда [2, с. 214].

В современной научной литературе представлено несколько типологий подобного рода преступлений. Представим одну из таких типологий: (1) преступления, посягающие на независимость судебной власти, её авторитета и безопасной деятельности судей или иных лиц, содействующих осуществлению правосудия; (2) преступления, совершаемые судьями или иными должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры

либо участниками гражданского (арбитражного) процесса; (3) преступления, связанные с получением, использованием и сохранением доказательств; (4) преступления, связанные с исполнением вступивших в законную силу приговоров, решений и иных судебных актов; (5) преступления, посягающие на процессы раскрытия и расследования преступлений и сопряженные с другими преступлениями [2, с. 214].

Прежде чем обратиться к вопросу виктимологических аспектов в рассматриваемой нами области, требуется выделить ключевые черты подобных преступлений. Общность криминологического содержания преступлений против правосудия подтверждается как сферой их проявления, так и направленностью данных посягательств. Данная группа преступлений совершается против правосудия путем посягательства на независимость судебной власти, процессуальную самостоятельность, безопасность лиц, участвующих в отправлении правосудия [3, с. 28].

Во-первых, по мнению ряда исследователей, преступления против правосудия носят импульсивный, эмоциональный, но в то же время расчетливый характер. По мнению А. М. Шуваловой, лица, совершающие подобные правонарушения, демонстрируют «свое превосходство над государственной системой, что свидетельствует в свою очередь об их повышенной общественной опасности» [8, с. 173].

Во-вторых, преступления против правосудия, вне зависимости от типа конкретного посягательства, имеют общие цели, причины и условия. Преступники, несмотря на различие мотивационных установок, объединены общей целью получить выгоду из неправомерного разрешения дела либо избежать неблагоприятных последствий правомерного их разрешения и приведения в исполнение. Среди причин принято называть экономические, социальные, духовно-нравственные причины. Кроме того, условиями для совершения преступлений против правосудия выступают: низкий уровень правовой культуры личности правонарушителя, падение нравственных устоев, слабая развитость гражданского общества, недостаточность мер защиты, применяемых к лицам, осуществляющим правосудие.

В-третьих, характер и степень распространенности преступлений против правосудия во многом детерминированы социально-культурными предпосылками. Данный тезис можно подтвердить статистикой о распространенности подобных правонарушений на территории различных субъектов нашей страны. Так, наиболее высокие показатели такого рода преступности наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе, в частности, в Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Чеченской Республике. Данную тенденцию можно объяснить большей склонностью местных жителей к сопротивлению осуществлению правосудия либо предварительного расследования [8, с. 173]. Таким образом, структура и динамика рассматриваемой нами группы преступлений обусловлена различными политическими, экономическими, культурными, социальными особенностями региона [8, с. 168].

В-четвертых, рассматриваемый нами тип преступлений имеет немало скрытых предпосылок, условий и последствий, которые никак не учитываются уголовным законодательством. В частности, А. В. Кураков указывает на поступки, «которые не расцениваются уголовным законом как приготовление к совершению преступления против правосудия, но которые тем не менее могут наносить вред правосудию», на посткриминальное поведение и укрепление антиобщественной ориентации личности правонарушителя, приобретение криминальных навыков. По мнению автора, в практике достаточно затруднительно провести четкую границу между преступностью и иными негативными поведенческими девиациями. В данной связи анализ преступности в сфере правосудия требует изучения в контексте смежных общественных процессов и явлений, в т.ч. с позиции виктимологии [4, с. 177].

В-пятых, вышеизложенное позволяет предположить высокую степень латентности и низкую степень раскрываемости преступлений против правосудия. Регистрируется лишь незначительное их количество, и, более того, подобные дела редко доходят до стадии судебного разбирательства. Кроме того, среди прочих правонарушителей встречаются и сами сотрудники правоохранительных органов, т.е. представители системы правосудия, и в их отношении дела возбуждаются далеко не всегда («дело обычно ограничивается дисциплинарным взысканием или увольнением со службы» [4, с. 178]).

Таким образом, можно сделать вывод о наличии ряда объективных затруднений при идентификации, расследовании, разбирательстве и профилактике преступности, осуществляемой против правосудия. Изучение преступлений против правосудия предполагает выявление причин и условий таких преступлений, уяснение особенностей личности преступника и жертвы преступления, социальных последствий данной преступности. Эффективность данных мер определяет «надежды общества на справедливость и вера в законное правосудие, способное уберечь от надвигающегося вала преступности» [4, с. 178].

Виктимологический анализ преступлений против правосудия позволяет изучить личность потерпевшего, установить его связи и отношения с преступником, его роль в совершении преступления, его посткриминальную позицию и отношение к совершенному преступлению.

Виктимологический анализ преступления против правосудия применяется с целью определения спектра профилактических мер, а также мер, направленных на обеспечение безопасности потенциальных жертв. Кроме того, качество виктимологического анализа детерминирует качество самого правосудия, ведь такой анализ позволяет предвидеть поведение потерпевшего на предварительном следствии и в судебном заседании [5, с. 166].

Безусловно, абсолютно точно предвидеть индивидуальное поведение жертвы преступления, как и разработать идеальный комплекс профилактиче-

ских мер на основании виктимологии едва ли возможно. Тем не менее, глубинный виктимологический анализ все же способен существенно усовершенствовать систему предотвращения преступности подобного рода.

Особую важность представляют насильственные преступления. Так, применение насилия или его угроза приводят к тому, что участники судопроизводства меняют показания по причине боязни повторного совершения нового преступления виновным, отказываются от поданного заявления о совершении преступления.

Виктимологический анализ, реализуемый в отношении рассматриваемой нами категрии правонарушений, имеет исключительную значимость с точки зрения виктимологической профилактики.

Виктимологическую профилактику А. А. Борисова определяет как совокупность действий уполномоченных институтов, имеющих отношение к правосудию, направленных на обнаружение и устранение факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение [1, с 144].

Согласно А. А. Борисовой, выделяются следующие разновидности виктимологической профилактики: (1) общая виктимологическая профилактика, включающая выявление причин преступлений и условий, способствующих совершению престплений, если они связаны с личностью и поведением потерпевших; (2) индивидуальная виктимологическая профилактика, включающая выявление лиц, которые обладают повышенной виктимностью; организацию в отношении этих лиц мер обучения, обеспечения личной безопасности; (3) видовая виктимологическая профилактика, направленная на работу с жертвами конкретных видов преступлений; (4) неотложная виктимологическая профилактика, включающая предотвращение конкретных замышляемых и подготавливаемых преступлений [1, с. 114].

Виктимологический анализ жертв насильственных преступлений, совершаемых против правосудия, должен начинаться с анализа психологических параметров лица еще до момента совершения данного правонарушения – в рамках следственных действий и судопроизводства, ставших мотивами для противоправных действий против правосудия. Так, к примеру, свидетель преступления может занимать активную позицию по делу, давая подробные и корректные показания, не уклоняясь от явки по вызову к следователю и активно участвуя в проведении следственных действий; некоторые, в свою очередь, могут занимать нейтральную позицию, другие – склонны менять свою линию поведения по мере расследования и разбирательства.

Следует согласиться с Е. Н. Макаровой в том, что своевременное выявление таких особенностей поведения может помочь принять адекватные меры по исключению противодействия правосудию. Также, по мнению Е. Н. Макаровой, важной задачей при разработке мер противодействия и профилактики является установление детерминант совершения преступления: речь идет, в первую очередь, о том, что некоторые категории потерпевших предрасположены к тому, чтобы вновь оказаться в этой роли. Следовательно, на этапе расследования нужно учитывать факт неоднократного выступления лица в качестве потерпевшего [5, с. 166].

Согласно законодательству Российской Федерации (в частности, гл. 31 Уголовного кодекса [7]), жертвами преступлений против правосудия могут выступать как физические, так и юридические лица, а также государство и общество в целом. Ниже приводится классификация категорий жертв в зависимости от характера и направленности преступного деяния: (1) физические лиц: свидетели, жертвы преступлений, судьи, присяжные заседатели, иные участники судопроизводства, эксперты, следователи, дознаватели, представители сторон, защитники и сами обвиняемые; (2) организации и институты: судебные органы, иные органы правосудия (непосредственным объектом посягательства выступает институт правосудия, но опосредованным «жертвами» являются государственные учреждения: суды, органы прокуратуры, следственные органы), адвокатские и экспертные организации; (3) государство и общество (преступления, даже будучи направленными против конкретного лица, посягают на нормальное функционирование системы правосудия, что наносит ущерб интересам общества и государства).

В контексте насильственных преступлений против правосудия виктимологическая профилактика затрагивает физических лиц. Подобная категория преступлений требует особого внимания, поскольку такие преступления сопряжены с непосредственным посягательством на личную неприкосновенность, здоровье, а в ряде случаев – на жизнь человека. Ключевая задача виктимологической профилактики – минимизация виктимного риска, обусловленного профессиональной деятельностью или процессуальным статусом потенциальных жертв-физических лиц.

Виктимологическая профилактика строится на анализе факторов уязвимости каждой категории физических лиц. Потенциальная виктимность судей, присяжных заседателей, арбитров формируется преимущественно на основании и по причине наличия у них процессуальных полномочий. Решения, затрагивающие имущественные или личные интересы сторон, порождают высокий уровень конфликтности. Наиболее опасными являются угрозы в пост-процессуальный период, когда у правонарушителя имеются ресурсы и время для подготовки акта насилия. Виктимологическая профилактика в отношении преступлений против судей заключается в организации мер многоуровневой защиты: физическое сопровождение – в резонансных делах, сокрытие персональных данных и маршрутов передвижения, автоматизированное распределение дел для исключения возможности «заказа» конкретного судьи для конкретного разбирательства, психологическая подготовка.

Свидетели и потерпевшие также обладают виктимностью, обусловленной вынужденной конфрон-

тацией с обвиняемыми и их окружением. Риск возрастает при дефиците правовой осведомлённости, потому ключевой профилактический вектор носит информационно-просветительский характер. До предъявления показаний субъекты должны быть детально проинструктированы об алгоритмах реагирования на угрозы, способах экстренной связи с органами защиты. Психологическое сопровождение также имеет значимость: оно снижает тревогу и предотвращает ситуации отказа от показаний вследствие боязни перед насильственной расправой.

Эксперты и переводчики ввиду специфики профессиональной деятельности также часто сталкиваются с оказанием неправомерного воздействия, в т.ч. насильственного. Основная задача профилактических мер – снижение степени уязвимости, что достигается, к примеру, путём строгого регламентирования маршрутов выезда, обязательного сопровождения в делах, связанных с организованной преступностью, внедрения технических средств оперативного оповещения (носимые тревожные устройства, непрерывная GPS-трекинг). Немаловажен психологический компонент: умение распознавать коррупционные предложения, угрозы, а также правильно их документировать обеспечивает доказательственную базу для возбуждения соответствующего дела.

В отношении обвиняемых и подозреваемых виктимологическая профилактика насильственных преступлений против правосудия имеет обратную направленность: они могут потенциально стать жертвами незаконного физического давления со стороны должностных лиц, когда те пытаются получить признательные показания [6, с. 99]. Эффективным признан механизм аудио- и видеофиксации следственных действий, обязательное участие защитника с момента фактического задержания и независимый контроль условий содержания.

Таким образом, виктимологическая профилактика насильственных преступлений против правосудия в отношении физических лиц представляет собой комплекс взаимодополняющих мер разной направленности: нормативно-правовых, организационно-технических, психологических и просветительских. Эффективность подобных мер зависит не только от ресурсного обеспечения программ и мер защиты, но и от системного повышения правовой культуры, информированности и этики участников процесса, а также от транспарентности механизмов правоприменительной практики.

Литература

1. Борисова, А. А. Основные направления и меры виктимологической профилактики / А. А. Борисова // Вестник МИЭП. – 2015. – №3 (20). – С. 112–117.
2. Иванов, Е. С. Классификация преступлений против правосудия / Е. С. Иванов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2016. – №3 (48). – С. 213–215.
3. Ищук, Я. Г. Уровень виктимности участников уголовного судопроизводства / Я. Г. Ищук // Виктимология. – 2014. – №1 (1). – С. 27–31.
4. Кураков, А. В. К вопросу о криминологическом изучении преступлений против правосудия / А. В. Кураков // Russian Journal of Economics and Law. – 2009. – №1 (9). – С. 176–180.
5. Макарова, Е. Н. Изучение личности жертвы при расследовании преступлений, совершенных с угрозой насилия / Е. Н. Макарова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №1 (85). – С. 164–168.
6. Махмутов, Т. А. Предупреждение преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов предварительного расследования / Т. А. Махмутов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №10 (190). – С. 98–100.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 02.06.2025.
8. Шувалова, А. М. Криминологическая характеристика посягательств на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование / А. М. Шувалова // Вестник ВУиТ. – 2020. – №4 (97). – С. 166–174.
9. Яшин, А. В. Криминологическая характеристика и типология личности преступника, посягающего на права и законные интересы участников уголовного судопроизводства / А. В. Яшин // Право и практика. – 2017. – №4. – С. 38–43.

Victimology aspects taken into account during prevention of violent crimes committed against justice

Kovalenko M.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyses the victimological aspects of preventing violent crimes committed against justice officials. The author analyzes the specifics of crimes against justice. Attention is paid to the typological characteristics of crimes directed against representatives of the judicial and investigative systems. The key factors contributing to victimization are revealed. The need for comprehensive measures of victimological prevention is substantiated, including the improvement of legal mechanisms of protection, the development of professional training in the field of security.

Keywords: victimal analysis, victimity, violent crime, justice, process, judge, victim, crime prevention

References

1. Borisova, A. A. Main directions and measures of victimological prevention / A. A. Borisova // Bulletin of the Moscow Institute of Economics and Law. - 2015. - No. 3 (20). - P. 112-117.
2. Ivanov, E. S. Classification of crimes against justice / E. S. Ivanov // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. - 2016. - No. 3 (48). - P. 213-215.
3. Ishchuk, Ya. G. Victimization level of participants in criminal proceedings / Ya. G. Ishchuk // Victimology. - 2014. - No. 1 (1). - P. 27-31.
4. Kurakov, A. V. On the issue of criminological study of crimes against justice / A. V. Kurakov // Russian Journal of Economics and Law. – 2009. – No. 1 (9). – P. 176–180.
5. Makarova, E. N. Study of the victim's personality in the investigation of crimes committed with the threat of violence / E. N. Makarova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 1 (85). – P. 164–168.
6. Makhmutov, T. A. Prevention of crimes against justice committed by officials of preliminary investigation bodies / T. A. Makhmutov // Law and state: theory and practice. – 2020. – No. 10 (190). – P. 98–100.
7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 08.01.2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. - Access date: 02.06.2025.
8. Shuvalova, A. M. Criminological characteristics of attacks on the life of a person administering justice or preliminary investigation / A. M. Shuvalova // Bulletin of VUiT. - 2020. - No. 4 (97). - P. 166-174.
9. Yashin, A. V. Criminological characteristics and typology of the personality of a criminal infringing on the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings / A. V. Yashin // Law and Practice. - 2017. - No. 4. - P. 38-43.

Искусственный интеллект: правовые основы, риски и перспективные направления использования при производстве следственных действий

Тайтубаева Лаура Муратовна
адъюнкт, Академия управления МВД России, lauramvd@mail.ru

В условиях цифровой трансформации государственной системы применение интеллектуальных решений в уголовном судопроизводстве становится не только возможным, но и необходимым в целях повышения эффективности расследования преступлений. В статье проанализированы ключевые нормативные акты, регулирующие использование искусственного интеллекта, выявлены потенциальные риски этического и технического характера, связанные с нарушением принципов законности, справедливости, а также допустимости доказательств. На основе анализа зарубежного опыта, современного состояния интеграции информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования, специальной литературы были определены перспективные направления использования данных технологий при производстве следственных действий.
Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, информационные технологии, следственные действия, уголовное судопроизводства, цифровизация

Современный этап развития цифровых технологий ознаменован стремительным внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественных отношений, включая деятельность правоохранительных органов. В условиях цифровизации уголовного судопроизводства ИИ перестает быть исключительно объектом научного анализа в области инженерии и информационных технологий, приобретая статус инструмента, способного трансформировать традиционные формы осуществления расследования преступлений Использование интеллектуальных систем в целях автоматизации процессов анализа доказательственной информации, моделирования следственных ситуаций, распознавания лиц, анализа аудио- и видеозаписей, а также в иных аспектах процессуальной деятельности демонстрирует высокий потенциал повышения эффективности и точности расследования преступлений.

На сегодняшний день в Российской Федерации развитие и внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в жизнедеятельность общества и государства является одной из приоритетных, о чем свидетельствует активная нормотворческая деятельности, регулирующая общественные отношения в данной области[1].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года содержит основные понятия, принципы, приоритетные направления, цели и задачи, а также способы поддержки данной технологии. Так, искусственный интеллект законодатель определяет как как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. К комплексу технологических решений относятся информационно-коммуникационную инфраструктура, программное обеспечение (в том числе,

[1] См.: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024, № 233-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» [Текст] // СЗ РФ. 2020, № 17, ст. 2701; 2024. № 33 (ч. I), ст. 4929; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (с изм. и доп. от 15.02.2024, № 124) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» [Текст] // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Текст] // Рос. газета. 2024. 11 мая; Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [Текст] // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1837 и др.

в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений[2].

Помимо этого, в этом документе среди прочих целей указано «обеспечение правопорядка» как необходимое направление развития, что имеет принципиальное значение для органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений.

Направления изучения и разработки ИИ детально обозначены в Дорожной карте, которая была утверждена в 2019 году Правительством РФ. В ней содержатся указания на развитие «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», в состав которой входит набор технологических задач, разделенных по субтехнологиям: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений, перспективные методы и технологии в ИИ, нейропротезирование, нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг[3].

Одновременно, развитие ИИ создало условия для появления новых форм преступной активности, а также трансформации классических способов совершения преступлений. Так, киберпреступность, включающая взлом информационных систем, мошенничество с использованием систем ИИ (deepfake-технологии, фишинговые атаки, манипуляция данными), хищение цифровых активов и персональных данных, становится серьезным вызовом для правоохранительных органов. Кроме того, преступные группы активно используют криптовалютные платежные системы, анонимные сети и зашифрованные коммуникационные платформы, что усложняет их выявление и пресечение. Взлом и модификация алгоритмов ИИ могут использоваться для автоматизированных атак на системы государственной безопасности, финансовые учреждения и критически важную инфраструктуру.

Что подтверждается статистическими данными, представленными МВД России. Так, в 2024 году зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или совершенных в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % превышает аналогичный показатель 2023 года. Доля таких преступлений в общей структуре преступности возросла с 34,8% до 40,0%[4].

По данным Сбербанка, в первом квартале 2025 года общий ущерб от действий кибермошенников в России достиг 70-75 миллиардов рублей[5], тогда, как в 2024 году за аналогичный период ущерб составил в 3,998 миллиарда рублей у граждан и 265 миллионов рублей у компаний[6].

Ответные меры правоохранительных органов должны строиться на системном и опережающем внедрении технологий ИИ, в связи с этим, особое значение приобретают вопросы разработки эффективных инструментов и походов к технико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений.

Вопросы возможности использования ИИ при расследовании преступлений нашли свое отражение в научных трудах В.К. Барчукова, Д.В, Бахтеева, А.А. Бессонова, С.В, Зуева, В.В, Глимейды, Е.С. Лариной, В.С. Овчинского, А.А. Суминой, А.Ю. Чуриковой, О.В. Химичевой и др., что подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Вместе с тем, ИИ нередко вызывает у неспециалистов в области информационных технологий ассоциации с созданием машин, обладающих полноценным человеческим сознанием, способных мыслить, чувствовать и принимать автономные решения в сложных жизненных ситуациях. Однако подобные представления являются скорее отражением футуристических концепций и художественных интерпретаций, нежели реалий современной науки. Фактически же научные исследования в области ИИ направлены не на всеобъемлющую эмуляцию человеческой личности, а на воспроизведение отдельных когнитивных функций, таких как распознавание образов, анализ больших объемов данных, прогнозирование поведения, распознавание и синтез речи, а также принятие решений в условиях ограниченной неопределенности и др.

Важно понимать, что современные технологии ИИ представляют собой совокупность алгоритмов и архитектур, имитирующих интеллектуальную активность в рамках узко специализированных задач. В отличие от универсального разума человека, способного к обобщению, креативности и рефлексии, искусственный интеллект функционирует в строго очерченных границах, определяемых его разработчиками. ИИ разрабатывается прежде всего как инструмент автоматизации аналитических процессов. Такие системы обладают способностью обучаться на основе статистических закономерностей, извлекаемых из больших объемов информации, и адаптироваться к изменяющимся условиям, что делает их востребованными в ряде прикладных областей, включая уголовное судопроизводство. Однако, в отличие от реального следователя, ИИ не способен самостоятельно интерпретировать социальные, правовые или этические контексты, в которых про-

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (с изм. и доп. от 15.02.2024, № 124) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» [Текст] // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102.

[3] Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». // Digital.gov.ru. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328// (дата обращения: 01.03.2025).

[5] Сбер: мошенники похитили у россиян в I квартале около 70-75 млрд руб.// [электронный ресурс] URL: https://tass.ru/ekonomika/23990679 (дата обращения: 03.03.2025)

[6] Кибермошенничество в банках: статистика за I квартал 2024 года // [электронный ресурс] URL:]https://refinanc.ru/journal/sredniy-chek-kibermoshennikov-snizilsya-na-19-v-i-kvartale-2024-goda-soobshchaet-bank-rossii/ (дата обращения: 03.03.2025)

исходит преступление, что существенно ограничивает сферу его допустимого применения в правоприменительной деятельности.

Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях тенденции к цифровизации уголовного судопроизводства и стремления органов предварительного расследования использовать интеллектуальные системы для обработки цифровых следов, анализа моделей преступного поведения и оценки рисков рецидива. При этом существует опасность чрезмерного возложения на ИИ функций, выходящих за рамки его технической компетенции. Это, в свою очередь, может повлечь за собой ошибки в интерпретации доказательств, подмену оценочной деятельности субъекта процессуального доказывания и, как следствие, нарушение прав и свобод участников уголовного процесса.

Современные системы ИИ функционируют преимущественно на базе сложных логико-математических алгоритмов, способных обрабатывать и интерпретировать большие объемы данных (Big Data). Алгоритмы, лежащие в основе таких систем, требуют не только высокопроизводительных вычислительных мощностей, но и применения многоуровневых методов машинного обучения и анализа данных. Таким образом, обучение программ, разработанных на принципах ИИ, представляют собой междисциплинарное направление, относящееся к науке о данных (Data Science)[7].

Одной из существенных проблем, с которой сталкиваются исследователи и разработчики в области ИИ, является феномен, так называемой «непрозрачности» алгоритмов, получивший в научной литературе наименование «эффект черного ящика» (black-box effect). Данный эффект проявляется в невозможности объяснить, каким образом и на основе каких промежуточных логических процедур интеллектуальная система пришла к тому или иному выводу. Это обстоятельство порождает значительные трудности как для пользователей, так и для специалистов, ответственных за правовую и этическую оценку решений, принимаемых ИИ-системами.

И.Б. Воробьева, рассматривая вопрос использования в качестве доказательств информации, полученной с помощью нейросетей, обоснованно отмечает о неприемлемости с позиции этики. Так, по ее мнению, опора на данные, полученные в результате самообучения программы, может привести к выдвижению необоснованных версий, неправильному принятию процессуального решения и выбору ошибочного направления всего процесса расследования. Вследствие этого, прежде чем использовать информацию, полученную с помощью систем ИИ в процессе расследования, необходимо выяснить механизм принятия решения конкретной программой[8].

В связи с этим, в зарубежных государствах одним из ключевых нормативных ориентиров в этой области выступает Европейская этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и смежных сферах, в которой принцип прозрачности признается краеугольным элементом этического и правового регулирования. В частности, в документе подчеркивается в качестве одного из основополагающих принципов установлено «сделать доступными и понятными методы обработки данных, разрешить проведение внешнего аудита», то есть «принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности»[9]. Суть этого принципа заключается в том, что пользователи ИИ должны иметь возможность ознакомиться с тем, что было положено в основу создания ИИ (прозрачность), а избранные методы разработки ИИ должны обеспечивать нейтральность и достоверность результатов эксплуатации ИИ[10].

Данный принцип также нашел нашло свое отражение в Законе об искусственном интеллекта, принятом Европейским Парламентом 13 марта 2024 г., в котором устанавливается требование прозрачности систем искусственного интеллекта общего назначения, согласно которым должна осуществляться публикация подробных обзоров контента, используемого для обучения[11].

Австралийский подход к разработке этических стандартов использования ИИ в правоохранительной деятельности характеризуется широким привлечением различных заинтересованных сторон к процессу консультаций и исследований. Особенностью австралийской модели является активное сотрудничество государственных органов с экспертным сообществом, включая специалистов в области ИИ, представителей академических учреждений и организаций гражданского общества. Такой инклюзивный подход обеспечивает всестороннее учёт различных точек зрения при формировании этических стандартов. Основной целью этой работы является создание комплексной системы этических принципов, которые чётко определяли бы границы допустимого применения технологий ИИ в правоохранительной деятельности, обеспечивая баланс

[7] См.: Van Der Aalst W. Data science in action. – Springer Berlin Heidelberg, 2016. P. 3-23; Provost F., Fawcett T. Data science and its relationship to big data and data-driven decision making // Big data. 2013. Vol. 1. № 1. P. 51-59; Jahani H., Jain R., Ivanov D. Data science and big data analytics: A systematic review of methodologies used in the supply chain and logistics research // Annals of Operations Research. 2023. P. 1-58.

[8] Воробьёва И.Б. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Вестник СГЮА. 2022. №4 (147). С.166-167.

[9] См.: Pasquale F. The black box society: The secret algorithms that control money and information. Harvard University Press, 2015. 310 p.; Završnik A. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights //ERA Forum. – Berlin/ Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2020. Т. 20, № 4. С. 567- 583.

[10] Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и системв уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис … доктора. юрид. наук. г. Саратов. 2024. С. 160.

[11] European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 C9-0146/2021 2021/0106(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html#title1 (дата обращения: 02.03.2025).

между эффективностью расследования и защитой прав человека[12]

Рассматривая отечественную модель правового регулирования использования искусственного интеллекта в части соблюдения этических аспектов, то в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[13] этические аспекты упоминаются как одна из ключевых задач государственной политики. В числе приоритетов указаны: формирование правовых и этических стандартов применения ИИ; обеспечение защиты прав и свобод человека при использовании ИИ; предотвращение дискриминации и нарушения неприкосновенности частной жизни. Особый акцент делается на необходимости институционализации этических подходов — разработки кодексов, методических рекомендаций, стандартов поведения для разработчиков и пользователей ИИ. При этом предусмотрено введение механизма саморегулирования, но с возможностью последующего перехода к обязательному регулированию в случае угрозы правам и свободам.

Так во исполнении национальной стратегии был разработан Кодекс этики в сфере ИИ[14], закладывающий общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам участников отношений в сфере ИИ в своей деятельности, и определяющий риски, возникающие при внедрении систем ИИ, а также механизмы реализации положений кодекса. Главным приоритетом развития технологий ИИ и минимизации этических рисков в соответствии с данным кодеком является защита интересов и прав людей и отдельного человека, выраженным в уважении фундаментальных прав личности; человекоцентричности, недопустимости дискриминации; обеспечении качества и безопасности работы с данными, риск-ориентированности, ответственности, предосторожности, непричинении вреда, подконтрольности, прозрачности систем ИИ.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства ключевое значение приобретает прозрачность и объяснимость решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Это обусловлено необходимостью соблюдения принципов законности и обоснованности, особенно в условиях, когда принимаемые решения могут повлиять на права и законные интересы участников уголовного процесса. Как справедливо отмечает Н.В. Шевская, важно понимать не только сам факт принятия решений искусственным интеллектом, но и механику рассуждений, лежащих в его основе, особенно если такие решения затрагивают судьбы людей[15]. Поэтому, нормативное закрепление данного принципа имеет основополагающее значение для внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность субъектов расследования преступления, а также использования полученных результатов при уголовном судопроизводстве.

Несмотря на высокую скорость обработки данных, современные системы ИИ ещё не достигли полной надёжности, особенно в таких областях, как распознавание лиц и идентификация криминальных паттернов. Неточности могут привести к ошибочным результатам, что критично в правовом контексте и может повлечь к нарушению принципа справедливости. А также нельзя не указать на возможную предвзятость и дискриминации, поскольку алгоритмы ИИ обучаются на исторических данных, которые могут содержать предвзятость и системные ошибки, приводящие к дискриминации по признакам расы, пола или социального статуса. Это может нарушать принципы равенства и справедливости в уголовном процессе.

Также немаловажным является вопросы нарушения прав о неприкосновенности частной жизни, поскольку использование технологий массового видеонаблюдения, распознавания лиц и анализа больших данных может приводить к чрезмерному вторжению в личную жизнь граждан, нарушая их право на неприкосновенность частной жизни.

Одним из ключевых этических рисков использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве является вопрос ответственности за ошибки или несправедливые решения, принятые с использованием ИИ — разработчики программного обеспечения, правоохранительные органы или судьи. Рассматривая данный вопрос, Д.В. Бахтеев отмечал, что на данный момент единых методик разграничения зон ответственности нет, но для определения ответственности за вред, причиненный интеллектуальной системой, он предлагал установить круг лиц, между которыми она распределялась: сама интеллектуальная система, её разработчик и оператор (пользователь)[16].

Также использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений сопутствуется техническими рисками, такими как:

---

[12] Artificial Intelligence in Policing: A Scoping Review of Challenges and Opportunities. (2020) by the Police Foundation. URL: https://www.police-foundation.org.uk/wp-content/uploads/2020/10/AI-in-policing-a-scoping-review-of-challenges-and-opportunities.pdf. (дата обращения: 02.05.2025)

[13] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (с изм. и доп. от 15.02.2024, № 124) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» [Текст] // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700; 2024. № 8, ст. 1102.

[14] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта **от** 26 октября 2021 года. Был принят в Москве на Международном форуме «Этика искусственного интеллекта: начало доверия». Документ разработан Альянсом в сфере искусственного интеллекта при поддержке аналитического центра при Правительстве РФ и Минэкономразвития России на основе «Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года. См.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс] URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения 05.03.2025)

[15] Шевская Н. В. Объяснимый искусственный интеллект и методы интерпретации результатов // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2021. Т. 9, № 2. С. 12.

[16] Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex Russia. 2024. №4 (77) С. 18.

1. Качество и объём данных. Для корректной работы ИИ необходимы большие объёмы качественных данных. Недостаток данных или их искажение могут привести к ошибочным выводам.

2. Уязвимость к взлому. Системы ИИ могут стать целью кибератак, которые способны исказить результаты или нарушить работу алгоритмов.

3. Сложность интеграции. Внедрение ИИ в существующие правовые и процессуальные механизмы требует значительных технических и организационных усилий.

А.Ю. Чурикова выделила основные существующие и возможные проблемы внедрения технологий ИИ деятельность правоохранительных органов по расследованию преступлений:

1) неравномерный уровень технического оснащения;

2) современный уровень технического развития (ИИ находится на начальном этапе развития и пока эти технологии весьма несовершенны);

3) проблемы обучения программ ИИ;

4) уровень квалификации сотрудников, занимающихся уголовно-процессуальной деятельностью, в сфере IT-технологий[17].

Что подтверждает мнение о необходимости комплексного подхода к решению названных проблем в виде разработки и реализации научно-технической политики в области криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной деятельности[18].

На основе анализа зарубежного опыта, современного состояния интеграции современных информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования позволяет сформулировать следующие потенциально возможные направления применения ИИ в ходе производства отдельных следственных действий:

- при осуществлении технического сопровождения автоматизации задач, связанных с заполнением процессуальных документов и занесении сведений в базы данных, формированием криминалистических учетов и др.;

- при переводе, в том числе сурдопереводе;

- для поиска, фиксации, обработки, хранения, анализа криминалистически значимой информации;

- при предварительном и экспертном исследовании криминалистически значимой информации;

- при взаимодействии между участниками уголовного судопроизводства и иными лицами (в том числе обеспечения их участия при производстве следственного действия).

Таким образом, научно обоснованное понимание искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента, а не субъекта правоотношений, позволяет выстроить адекватную модель его применения в ходе расследования преступлений. Очевидно, что внедрение искусственного интеллекта в следственную практику должно осуществляться строго под контролем человека, с соблюдением принципов законности, справедливости и допустимости доказательств. В конечном счете, критический анализ этических и технических аспектов искусственного интеллекта является необходимым условием для формирования концептуальной междисциплинарной модели его правового регулирования.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex Russia. 2024. №4 (77) С. 9-23.

2. Воробьёва И.Б. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений // Вестник СГЮА. 2022. №4 (147). С.166-167.

3. Гаврилин Ю.В. О концепции государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной деятельности //: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Криминалистика в международном измерении», Москва, 21 апреля 2023 г., М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С.92-97.

4. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс] URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения 05.03.2025)

5. Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис … доктора. юрид. наук. г. Саратов. 2024. 498 с.

6. Шевская Н. В. Объяснимый искусственный интеллект и методы интерпретации результатов // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2021. Т. 9, № 2. С. 1-12.

7. Artificial Intelligence in Policing: A Scoping Review of Challenges and Opportunities. (2020) by the Police Foundation. [Электронный ресурс] URL: https://www.police-foundation.org.uk/wp-content/uploads/2020/10/ AI-in-policing-a-scoping-review-of-challenges-and-opportunities.pdf. (дата обращения: 02.03.2025)

8. Babuta A., Oswald M. Data Analytics and Algorithmic Bias in Policing. Briefing Papers. 2019. 16 Sept. [Электронный ресурс] URL: http://rusi.org/publication/briefing-papers/data-analytics-andalgorithmic-bias-policing (дата посещения: 05.03.2025)

9. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial

[17] Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и системв уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис … доктора. юрид. наук. г. Саратов. 2024.С.59.

[18] Гаврилин Ю.В. О концепции государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения уголовно-процессуальной деятельности //: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Криминалистика в международном измерении», Москва, 21 апреля 2023 г., М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С.92.

Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 C9-0146/2021 2021/0106(COD)). [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024- 0138_EN.html#title1 (дата обращения: 02.03.2025).

10. Pasquale F. The black box society: The secret algorithms that control money and information. Harvard University Press, 2015. 310 p.; Završnik A. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights //ERA Forum. – Berlin/ Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2020. Т. 20, № 4. С. 567- 583.

Artificial intelligence: legal basis, risks and prospective directions of use in investigative actions

Taitubaeva Laura Muratovna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the context of digital transformation of the state system, the use of intelligent solutions in criminal proceedings is becoming not only possible, but also necessary in order to improve the efficiency of crime investigation. The article analyzes key regulations governing the use of artificial intelligence, identifies potential ethical and technical risks associated with the violation of the principles of legality, justice, and admissibility of evidence. Based on the analysis of foreign experience, the current state of integration of information technology into the activities of preliminary investigation bodies, and specialized literature, promising areas for the use of these technologies in investigative actions were identified.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, information technology, investigative actions, criminal proceedings, digitalization.

References

1. Bakhteyev D.V. Legal status of artificial intelligence systems and models of differentiation of legal liability for the harm caused by them // Lex Russia. 2024. No. 4 (77) P. 9-23.
2. Vorobyova I.B. Ethical aspects of using artificial intelligence systems in crime investigation // Bulletin of the SSLA. 2022. No. 4 (147). P. 166-167.
3. Gavrilin Yu.V. On the concept of state scientific and technical policy in the field of forensic support of criminal procedural activity //: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation "Forensic Science in the International Dimension", Moscow, April 21, 2023, M .: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. P. 92-97.
4. Code of Ethics in the Sphere of Artificial Intelligence [Electronic resource] URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_етики_20_10_1.pdf (date of access 03/05/2025)
5. Churikova A.Yu. Use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation: diss ... doctor. jurid. sciences. Saratov. 2024. 498 p.
6. Shevskaya N.V. Explainable artificial intelligence and methods of interpreting results // Modeling, optimization and information technology. 2021. Vol. 9, No. 2. Pp. 1-12.
7. Artificial Intelligence in Policing: A Scoping Review of Challenges and Opportunities. (2020) by the Police Foundation. [Electronic resource] URL: https://www.police-foundation.org.uk/wp-content/uploads/2020/10/ AI-in-policing-a-scoping-review-of-challenges-and-opportunities.pdf. (Accessed: 02.03.2025)
8. Babuta A., Oswald M. Data Analytics and Algorithmic Bias in Policing. Briefing Papers. 2019. 16 Sept. [Electronic resource] URL: http:// rusi.org/publication/briefing-papers/data-analytics-andalgorithmic-bias-policing (date of visit: 05.03.2025)
9. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 C9-0146/2021 2021/0106(COD)). [Electronic resource] URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html#title1 (date of access: 02.03.2025).
10. Pasquale F. The black box society: The secret algorithms that control money and information. Harvard University Press, 2015. 310 p.; Završnik A. Criminal justice, artificial intelligence systems, and human rights //ERA Forum. – Berlin/ Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2020. Vol. 20, No. 4. pp. 567-583.

Дисциплинарный проступок как основание привлечения к дисциплинарной ответственности: понятие, состав, особенности

Шестакова Татьяна Анатольевна
аспирант кафедры административного и таможенного права Российская таможенная академия (РТА), Shestakova-tanya@mail.ru

Целью статьи является уточнение содержания понятия дисциплинарного проступка, его состава и выявление особенностей в контексте оснований дисциплинарной ответственности. Автором рассматриваются характеризующие дисциплинарный проступок признаки, анализируются представленные в законодательстве трактовки дисциплинарного проступка применительно к трудовой деятельности, государственной гражданской службе, службе в ОВД, таможенных органах, Следственном комитете РФ, также применительно к деятельности судей. Уделяется внимание признакам состава дисциплинарного проступка, в особенности вине. Характеризуется роль дисциплинарного проступка как фактического основания ответственности, наряду с юридическим и процессуальным основаниями. Выделяются некоторые особенности и проблемные аспекты дисциплинарного проступка. Особо подчеркивается необязательность наступления последствий в виде дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка. Отмечается указание на виновность не во всех законодательных определениях понятия дисциплинарного проступка, из чего делается вывод о необходимости корректировки законодательства. Обосновывается ограниченность возможностей максимально детального определения понятия дисциплинарного проступка.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, нарушение служебной дисциплины, нарушение трудовой дисциплины, правонарушение, состав дисциплинарного проступка.

Введение

В рамках тематики ответственности одно из центральных мест занимает вопрос установления её оснований. В полной мере указанное касается и дисциплинарной ответственности, в качестве основания которой выступает дисциплинарный проступок (совершение дисциплинарного проступка). Регламентации содержания такого проступка и в законодательных, и в подзаконных нормативных правовых актах (далее – НПА) закономерно уделяется немало внимания. Однако сам вопрос, касающийся уточнения содержания указанного проступка, носит весьма проблемный характер, причём в контексте и нормативно-правового регулирования, и правоприменительной практики, и в контексте доктринального осмысления.

В этой связи нельзя не обратить внимание на наличие различных подходов к трактовке дисциплинарного проступка, что во многом обусловливается разрозненностью и противоречивостью правовых норм, регламентирующих вопросы дисциплинарной ответственности применительно к трудовым, служебным и некоторым иным категориям правоотношений. В то же время осмысление и устранение таких противоречий представляется немаловажным не только в контексте теоретической разработки темы дисциплинарной ответственности, но и в контексте решения задач практического плана.

Не менее проблемными видятся и аспекты, касающиеся определения состава дисциплинарного проступка как ключевого компонента указанного вида юридической ответственности.

С учетом изложенного целью статьи является уточнение содержания понятия дисциплинарного проступка, его состава и выявление особенностей в контексте оснований дисциплинарной ответственности.

Понятие дисциплинарного проступка в законодательстве и науке

В рамках рассмотрения проблематики дисциплинарного проступка приоритетной задачей видится анализ норм действующего трудового, а также служебного законодательства (законодательства о государственной службе в целом и о ее отдельных видах), где имеют место многочисленные упоминания о проступках в контексте реализации дисциплинарной ответственности как инструменте поддержания соответствующей (трудовой или служебной) дисциплины.

Вполне стандартный подход законодателем используется в Трудовом кодексе Российской Федера-

ции [1] (далее – ТК РФ), ч. 1 ст. 192 которого дисциплинарный проступок характеризуется допущенное работником виновное неисполнение либо ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, дающее работодателю право для применить дисциплинарное взыскание.

В указанной норме очевидны признаки дисциплинарного проступка:

1. Возможность совершения как путём действия, так и путём бездействия.
2. Противоправный характер.
3. Виновный характер.
4. Возможная наказуемость.

Особо важно обратить внимание на именно на возможную (потенциальную) наказуемость, поскольку трудовое законодательство не обязывает работодателя во всех без исключения случаях выявления дисциплинарного проступка налагать соответствующие взыскания, а лишь наделяет его соответствующим правом, которым он волен пользоваться по собственному усмотрению, придерживаясь установленных законодательством рамок. То есть признак наказуемости применительно к дисциплинарному проступку следует расценивать как факультативный, в отличие от иных указанных выше признаков, в чем не приходится сомневаться, исходя из фактического смысла анализируемой нормы. Это отличает такого рода проступки от большинства иных правонарушений, к коим относятся, прежде всего, преступления и административные правонарушения, неизменно влекущие юридическую ответственности, за редкими исключениями.

Подходы законодателя к трактовке содержания дисциплинарного проступка в рамках служебного законодательства в целом аналогичны, хотя в них прослеживаются и некоторые отличия, требующие особого внимания. Так, в ч. 1 ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4] трактовка дисциплинарного проступка в целом идентична трактовке, представленной в ТК РФ. Отличие лишь в том, что применительно к гражданской службе субъект ответственности имеет специальный статус государственного служащего, а обязанности, нарушение которых сопряжено с ответственностью, формально именуются не трудовыми, служебными.

В указанных выше случаях формулировки определений предельно лаконичны, что критически оценивается, например, Е.А. Титовой [Титова, с. 3–4]. Такая оценка не лишена оснований, поскольку даёт возможность правоприменителю чрезмерно широко трактовать суть дисциплинарного проступка и привлекать к ответственности за деяния, которые формально подпадают под признаки дисциплинарного проступка, но фактически не являются столь значимыми, особенно в условиях, когда деятельность работника или служащего сопряжена с принятием множества решений по своему усмотрению или объективно связана с риском.

В ч. 1 ст. 49 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации…» [7] (далее – Закон о службе в ОВД) прослеживается принципиально иной подход, где содержание деяния, подпадающего под признаки дисциплинарного проступка, достаточно детализированное. При этом особое внимание обращается не только на нарушение законодательства и подзаконных НПА в целом, но и на несоблюдение запретов и ограничений, а также на неисполнение определенных обязательств.

Подобный подход можно оценить положительно, поскольку в этом случае суть дисциплинарного проступка раскрыта предельно понятно. В то же время, нельзя не обратить внимание, что несоблюдение запретов и ограничений есть ни что иное, как нарушение законодательства, в связи с чем отдельные компоненты анализируемой нормы можно было бы расценить как излишние. Но в любом случае данное определение дает более конкретное представление об анализируемом деянии, нежели рассмотренные выше.

Тем не менее данном определении усматриваются некоторые недостатки. Так, в нём упоминается об основных обязанностях, исходя из чего уместно задаться вопросом о том, какие же обязанности у сотрудника ОВД являются не основными, и возможно ли привлечение к дисциплинарной ответственности за их нарушение? Законодатель не даёт ответа на данный вопрос. Анализировать же его не представляется целесообразным в контексте данной статьи. Однако изложенное свидетельствует о наличии явных недостатков и в части раскрытия сущности дисциплинарного проступка применительно к службе в ОВД.

Нельзя не обратить внимание на то, что в рассматриваемой статье представлены 14 пунктов, подпадающие под определение грубого нарушения служебной дисциплины, что тоже важно для уяснения смысла дисциплинарного проступка применительно к данной системе органов.

Безусловной положительной оценки заслуживает сам подход законодателя, в рамках которого суть дисциплинарного проступка определена конкретных федеральных законах. Но, к сожалению, данный подход получил весьма ограниченное применение, подтверждением чего является отсутствие законодательной трактовки дисциплинарного проступка применительно к службе в таможенных органах [3]. В этом случае указанное понятие было раскрыто в п. 17 Дисциплинарного устава таможенной службы РФ [8], где суть проступка сведена к неисполнению (ненадлежащему исполнению) должностных обязанностей. Примечательно, что в этом случае ничего не говорится о нарушении запретов и ограничений, которые выходят за рамки должностных обязанностей сотрудника таможенного органа, но так или иначе могут быть квалифицированы в качестве дисциплинарного проступка. И это, безусловно, свидетельствует о недостаточно тщательной проработке анализируемой нормы.

Интересно и то, что п. 18 указанного документа содержит упоминания лишь о 5 категориях дисциплинарных проступков, квалифицируемых грубыми, однако некоторые из них носят комплексный характер и раскрываются в федеральном законе. В этом

аспекте перечни грубых проступков применительно к ОВД и к таможенным органам кардинально различаются. Причем отдельные различия в нормативной оценке дисциплинарных проступков в ОВД и таможенных органах представляет особый интерес. Так, согласно ст. 50 Закон о службе в ОВД, в качестве грубого нарушения признается отсутствие сотрудника по месту службы более 4 часов подряд, в то время как в п. 18 Дисциплинарного устава таможенных органов грубым именуется нарушение, выражающееся в отсутствии сотрудника на службе более 3 часов в течение установленного ежедневного служебного времени.

Определённые отличия прослеживаются в Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [2], п. 1 ст. 12.1 которого акцентирует внимание на возможности совершения дисциплинарного проступка как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. Особо важным отличием является и указание на последствия совершенного судьей проступка, выражающиеся в умалении авторитета судебной власти и причинении ущерба репутации судьи. Но данный случай регламентации дисциплинарной ответственности считать исключительным, поскольку российский законодатель, формулируя определение соответствующего проступка, как правило обходит стороной вопрос последствий, в том числе и применительно к государственной службе, хотя очевидно, что любое правонарушение со стороны представителя власти, в том числе дисциплинарное, наносит урон авторитету и репутации государства, власти, и того института, к которому принадлежит соответствующее должностное лицо.

Можно полагать, что указание на последствия в рассматриваемом случае вполне закономерно, поскольку очевидна цель максимально ограничить возможности для привлечения судей к дисциплинарной ответственности, в том числе и из соображений обеспечения их независимости. При этом в научной литературе указанный подход законодателя к регламентации содержание дисциплинарного проступка судьи оценивается критически. Например, исходя из позиции М.И. Клеандрова, ни нормы федерального законодательства, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не конкретизируют формулу дисциплинарного проступка судьи, особенно применительно к руководителю суда [17, с. 112–120]. Конечно, это не способствует развитию практики реализации дисциплинарной ответственности в отношении судей.

Однако, есть и те, кто сложившиеся правовые условия расценивает положительно. Среди них, например, В.В. Момотов, характеризующий дисциплинарную ответственность судьи как меру исключительного характера [18].

Рассмотренные выше варианты трактовки понятия «дисциплинарный проступок», невзирая на все их недостатки, объединяет один положительный и весьма существенный аспект, а именно наличие указания на вину (виновность) как обязательный признак соответствующего нарушения. В этой связи кардинально отличается подход законодателя, продемонстрированный в ст. 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [6], где признак вины не упоминается, что, однако, не означает возможности привлечения сотрудников данного органа к ответственности при отсутствии вины. Тем не менее, явный законодательный проблем игнорировать представляется недопустимым, особенно касательно такого основополагающего принципа юридической ответственности, как виновность.

Можно было бы и дальше анализировать определения дисциплинарного проступка, представленные в российском законодательстве, поскольку рассмотренными выше источниками регулирование дисциплинарной ответственности не ограничивается, однако это не представляется целесообразным, учитывая объём проводимого исследования.

Что же касается определений, представленных в научных трудах, то они в целом основаны на нормах действующего законодательства и кардинальных отличий в своём большинстве не содержат, полностью или в части повторяя те определения, которые отражены в изученных нормах. Причём нельзя не отметить, что представленные в современной литературе [14-17,19,20] взгляды на сущность и правовую природу дисциплинарного проступка в общем идентичны взглядам, которые отстаивались в советской юридической науке [13]. В этом прослеживается определённая преемственность и даже стабильность современной доктринальной основы дисциплинарной ответственности, в том числе и в относительно понимания сущности дисциплинарного проступка.

В контексте изложенного следует подчеркнуть особую важность формализации самого определения во всех без исключения случаях, когда оно приводится в законодательном или подзаконном НПА, чего пока не сделано, к сожалению. К этому, однако, следует стремиться, и существенных препятствий тому нет, особенно учитывая то, что многие законодательно закреплённые определения отличаются достаточно высоким уровнем проработки, а потому могут быть приняты в качестве основы.

В обоснование изложенного тезиса вполне уместно привести позицию С.В. Передерина, полагающего недопустимым рассмотрение дисциплинарного проступка как некоторого неконкретного термина [19, с. 236–237]. Думается, что данная позиция применима не только к теоретическому рассмотрению дисциплинарного проступка, но и к его законодательной регламентации. То есть законодатель должен предельно детально, насколько это уместно, регламентировать содержание дисциплинарного проступка применительно к каждой сфере деятельности, где установлена ответственность за его совершение

В рамках рассматриваемой проблематики важно обратить внимание и на наличие дифференциации дисциплинарных проступков на общие, которые потенциально могут совершаться практически любым работником или служащим (например, прогул), и

специальные, совершение которых может иметь место лишь в деятельность отдельных категорий работников или служащих в силу особенностей их трудовой или служебной деятельности (к примеру, совершение аморального поступка во внеслужебное время может быть расценено в качестве дисциплинарного проступка лишь применительно к отдельным категориям работников или служащих, в частности, к педагогическим работникам) [19, с. 237]. Этим продиктована некоторая ограниченность возможностей формулирования максимально детального определения анализируемого понятия.

Также понятие дисциплинарного проступка можно характеризовать как межотраслевое, в чем тоже видятся трудности и противоречия для нормативного уточнения его содержания.

Состав дисциплинарного проступка

Неотъемлемой составляющей характеристики дисциплинарного проступка является раскрытие его состава. И здесь опять же важно напомнить о наличии соответствующих норм в рамках различных законодательных и подзаконных НПА, что определённо осложняет решаемую задачу. Однако, если абстрагироваться от всех нюансов, которые так или иначе связаны со спецификой дисциплинарных проступков в рамках трудовых или конкретных категорий служебных правоотношений (в ОВД, таможенных органах и пр.), то вполне уместно в приоритетном порядке ориентироваться на общепризнанные представления не только о дисциплинарном проступке, но и о правонарушении в целом.

Исходя из этих представлений, состав любого правонарушения. представляет собой комплексную категорию, объединяющую, как правило, две группы (категории) признаков – субъективные и объективные.

При более детальном рассмотрении указанных признаков становится очевидной включенность в них таких элементов, как:

1. Субъект.
2. Объект.
3. Объективная сторона
4. Субъективная сторона [13,14,15].

Каждый из перечисленных признаков может стать объектом самостоятельного исследования, поскольку отличается сложностью, наличием множества нюансов, зачастую кардинально влияющих на решение вопроса о признании того или иного деяния правонарушением. В рамках же данной статьи внимание возможно обратить лишь на некоторые основные аспекты приведенных элементов состава.

Объект противоправного деяния в теории юридической ответственности принято отождествлять с теми правоотношениями, на которые посягает деяние (посягает правонарушитель), что в полной мере касается и дисциплинарного проступка, посягающего на соответствующие трудовые либо служебные правоотношения [15, с. 98]. А учитывая урегулированность такого рода правоотношений нормами законодательства, подзаконными НПА, также локальными нормативными документами, объект посягательства может быть конкретизирован и в качестве него может выступать, например, трудовой регламент [11, с. 130–131]. Но в любом случае очевидно посягательство на те или иные общественные правоотношения и (или) охраняемые ими общественно значимые ценности.

Другим немаловажным другим обязательным признаком состава выступает объективная сторона, отражающая его внешнее проявление, выражающаяся в возможности совершения противоправного деяния как посредством действия, так и путём бездействия [15, с. 101]. Причем принципиальной разницы между данными формами совершения деяния нет.

Составляющей объективной стороны являются последствия и причинная связь между деянием и последствиями [11, с. 130–131], однако проанализированные нормы свидетельствуют о том, что негативные последствия именно дисциплинарных проступков, как правило, презюмируются законодателем, а потому конкретизируются применительно не ко всем случаям.

Иные обстоятельства, характеризующие деяние, в том числе место, время и пр., тоже значимы для установления состава дисциплинарного проступка. Более того, неустановление данных обстоятельств в определенных случаях может стать основанием для признания акта о наложении дисциплинарного взыскания неправомерным.

Субъект дисциплинарной ответственности выступает в качестве ключевого элемента состава и в качестве него может выступать исключительно физическое лицо [15, с. 104], обладающий соответствующей правосубъектнстью [11, с. 130–131], состоящий в трудовых, служебных или иных аналогичных отношениях, в рамках которых законодательство устанавливает дисциплинарную ответственность. При этом конкретные характеристики субъекта могут существенно различаться в зависимости от того, какие именно правоотношения стали предпосылкой – трудовые или служебные.

В этой связи уместно сказать, что субъекты служебных дисциплинарных проступков именуются, как правило, специальными. Вопрос же признания специальным субъектов трудовых правоотношений является весьма спорным. Хотя если рассматривать юридическую ответственность в целом, то и субъектов трудовых правоотношений тоже уместно признать специальными, исходя из распространения дисциплинарной ответственности не на всех дееспособных граждан, в отличие, например, от уголовной или административной ответственности по большинству составов, а лишь на состоящих в трудовых (служебных) отношениях.

Субъективная сторона характеризует самого субъекта проступка внутренне, прежде всего, в части его психического отношения содеянному и последствиям, проявляясь, главным образом, в виновности (вине) [15, с. 106], также в ее формах – умысле или неосторожности [11, с. 130–131].

Сама идея об обязательном условии наличия вины вполне традиционна для юридической ответ-

ственности в целом и дисциплинарной ответственности в частности, и имеет прочное морально-этическое, теоретические, логическое, юридическое обоснование. Причем основной этого обоснования видится не ставящееся под сомнение представление о наличии у человека способности (за редкими исключениями) действовать (бездействовать) сознательно [14, с. 14]. И, возвращаясь к рассмотренным выше законодательным определениям, важно ещё раз напомнить о необходимости включения признака вины в каждое из них.

Особенности дисциплинарного проступка как основания дисциплинарной ответственности

Правовая традиция признания дисциплинарного проступка основанием для привлечения к юридической ответственности, весьма прочно закрепившаяся и получившая научное обоснование в советской юриспруденции [13, с. 147], в целом поддерживается и современными авторами, в том числе и в рамках доктринального обоснования дисциплинарной ответственности [19, с. 236]. Однако не вполне однозначные нормы, содержащиеся в законодательных и подзаконных НПА, порождают некоторые сомнения. Так, в Дисциплинарном уставе таможенной службы содержится указание на процессуальный документ, фиксирующий факт совершения дисциплинарного проступка, как на основание для привлечения к ответственности, а в Законе о службе в ОВД в качестве такого основания указываются конкретные законодательные нормы. То есть единообразный подход в части регламентации основания дисциплинарной ответственности отсутствует; и не в каждом нормативном документе, регламентирующем соответствующие вопросы, именно дисциплинарный проступок именуется основанием.

В то же время при рассмотрении дисциплинарного проступка в теоретическом аспекте не возникает никаких сомнений в том, что он может являться основанием. Поэтому не случайно в литературе отмечается необходимость и юридического, и фактического, и процессуального оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности [15, с. 78, 82, 109]. И в этой связи очевидно, что все основания друг с другом находятся в неразрывной взаимосвязи.

Так, факт совершения определённого деяния вполне может быть рассмотрен в качестве основания дисциплинарной ответственности, но лишь при условии, если таковое расценивается в конкретных нормах закона или подзаконного НПА как дисциплинарный проступок. При этом привлечение к ответственности возможно исключительно в результате соблюдения законно установленной процедуры, оформленной конкретными юридическими документами. В этом проявляется не только неразрывная взаимосвязь, но и некоторое единство обозначенных оснований ответственности, среди которых фактическое основание, выражающееся в проступке, составляет основу.

Нельзя не признать, что действующее законодательство не содержит определения, которое бы в достаточной мере конкретизировало сущность дисциплинарного проступка применительно ко всем правоотношениям, где действует дисциплинарная ответственность, особенно к сфере служебных отношений [15, с. 86]. А это, в свою очередь, препятствует максимально детальному выявлению специфики дисциплинарного проступка.

В литературе отмечается неоднозначность вопроса оценки аморальных и безнравственных действий как оснований дисциплинарной ответственности, поскольку не вполне понятно, охватываются ли они дисциплинарным проступком [15, с. 94]. В этой связи сложно ответить на указанный вопрос утвердительно. Но думается, что включение указанных действий в понятие дисциплинарного проступка во многих случаях уместно.

Не менее сложным является и вопрос оценки коррупционного правонарушения как дисциплинарного проступка. Применительно к государственной службе уместность признания коррупционного правонарушения дисциплинарным сомнений нет [15, с. 95], как нет сомнений и относительно распространения требований о соблюдении антикоррупционного законодательства на отдельные категории лиц, состоящих в трудовых отношениях, согласно ст. 349.1 ТК РФ. Но не вполне понятно, насколько распространяются меры антикоррупционного характера на работников, не указанных в ст.349.1 ТК РФ и не являющихся субъектами служебных отношений [12, с. 42], ведь ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» [5] обязывает все организации предпринимать антикоррупционные меры. В этой связи спектр дисциплинарных проступков коррупционного характера применительно к работникам, не входящим в категории, предусмотренные ст. 349.1 ТК РФ, представляется более ограниченным.

Рассмотренные аспекты не являются сугубо теоретическими, поскольку имеют определённое значение и для практического решения проблем реализации дисциплинарной ответственности. В подтверждение сказанного уместно подчеркнуть позицию Верховного Суда РФ, предписывающего работодателю (представителю нанимателя) максимально конкретизировать каждый факт совершения дисциплинарного проступка, вменяемого работнику или служащему, отражая при этом вину, причём с обязательной оценкой степени ее тяжести. Акцентирование внимания на указанных нюансах не является случайным, поскольку в судебной практике до сих пор имеют место случаи, когда не только в рамках дисциплинарного производства в организации, но и в рамках судебного разбирательства граждане привлекаются к дисциплинарной ответственности без обязательного установления вины, конкретного содержания проступка, а в отдельных случаях судебные органы фактически берут на себя функцию работодателя, выходя за рамки своих полномочий [9,10].

Выводы

1. Содержание дисциплинарного проступка составляет противоправное действие либо бездей-

ствие, совершенное виновно гражданином, состоящим в трудовых либо служебных правоотношениях, посягающее на соответствующие правоотношения, за что может быть применено дисциплинарное взыскание.

2. Специфической особенностью указанного проступка выступает его возможная (потенциальная) наказуемость, что означает необязательность наступления последствий в виде дисциплинарного взыскания: они зависят от усмотрения работодателя (представителя нанимателя). В этом случае признак наказуемости носит факультативный характер,

3. В качестве одного из ключевых признаков любого дисциплинарного проступка выступает вина, которая, к сожалению, формально закреплена не во всех определениях, представленных в федеральном законодательстве, в связи с чем не содержащие упоминания данного признака нормативные определения нуждаются в соответствующей корректировке.

4. Содержание дисциплинарного проступка применительно к различным категориям работников и служащих не одинаково: наиболее узко трактуется применительно к работникам, деятельность которых не характеризуется особой спецификой, а наиболее широко – применительно к субъектам, чья деятельность наиболее специфична и сопряжена с повышенными требования (пример, судьи). Это существенно ограничивает возможности максимально детального определения общего понятия «дисциплинарный проступок».

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № I (ч. I). – Ст. 3.
2. Закон Российской Федераци от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 26. – Ст. 2399.
3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
4. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 1. – Ст. 15.
7. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. I). – Ст. 7020.
8. Дисциплинарный устав таможенной службы Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16.11.1998 № 1396; ред. от 30.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 47. – Ст. 5742.
9. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020.) // Официальный портал Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/all/29463/ (дата обращения: 14.05.2025).
10. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2022 № 25-КГ21-17-К4 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=708078#tBTW9lUEHVYneCd71 (дата обращения: 14.05.2025).
11. Алтухова Д.И., Лиликова О.С. Привлечение работника к дисциплинарной ответственности: анализ правоприменительной практики // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108-4. – С. 129–132.
12. Басалаева С. П. Сложные вопросы дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки в трудовых правоотношениях // Роль юридического сообщества в противодействии коррупции: Сб. науч. ст. по итогам VI Сибирского антикоррупционного форума (г. Красноярск, 15–16 декабря 2022 г.) – Красноярск: СФУ, 2023. – С. 40-45.
13. Братусь С.Н. Юридическая ответственность. – М.: «Юрид. лиц.», 1976. – 216 с.
14. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 304 с.
15. Добробаба М.Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: дис. … док. юрид. наук. – Саратов, 2017. – 463 с.
16. Добробаба М.Б., Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность: правовые механизмы обеспечения эффективности в системе государственной службы: монография. – М: Норма, 2023. – 352 с.
17. Клеандров М.И. О дефектности формулы дисциплинарного проступка российского судьи // Журнал российского права. – 2018. – № 4(256). – С. 110–121.
18. Момотов В.В. Судейское усмотрение, судебные ошибки и дисциплинарная ответственность судей: актуальные проблемы // Российское правосудие. – 2024. – № 5. – С. 5–17.
19. Передерин С.В. Законодательство о дисциплинарной ответственности: состояние и тенденции развития // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 1. – С. 224–239
20. Титова Е.А. О действующей формуле дисциплинарного проступка в системе государственной гражданской службы и перспективах ее совершенствования // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 236–240.

Disciplinary misconduct as a basis for bringing to disciplinary responsibility: concept, composition, features

Shestakova T.A.
Russian Customs Academy (RTA)

The purpose of the article is to clarify the content of the concept of disciplinary misconduct, its composition and to identify features in the context of the grounds of disciplinary responsibility. The author examines the signs characterizing disciplinary misconduct, analyzes the interpretations of disciplinary misconduct presented in the legislation in relation to labor activity, state civil service, service in the Department of Internal Affairs, customs authorities, the Investigative Committee of the Russian Federation, as well as in relation to the activities of judges. Attention is paid to the signs of the composition of disciplinary misconduct, especially guilt. The role of disciplinary misconduct as the actual basis of responsibility, along with legal and procedural grounds, is characterized. Some features and problematic aspects of disciplinary misconduct are highlighted. It is emphasized that consequences in the form of disciplinary punishment for committing a disciplinary offense are not necessary. There is an indication of guilt not in all legislative definitions of the concept of disciplinary misconduct, from which it is concluded that it is necessary to adjust the legislation. The paper substantiates the limited possibilities of the most detailed definition of the concept of disciplinary misconduct.

Keywords: disciplinary responsibility, disciplinary misconduct, violation of official discipline, violation of labor discipline, offense, composition of disciplinary misconduct.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 04/07/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. – No. I (Part I). – Art. 3.
2. The Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 No. 3132-1 (as amended on 10.07.2023) "On the status of judges in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 26. – Art. 2399.
3. Federal Law No. 114-FZ dated 07/21/1997 (as amended on 02/26/2024) "On service in the Customs authorities of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 30. – Art. 3586.
4. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 (as amended on 08.08.2024) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 31. – Art. 3215.
5. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on 08.08.2024) "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 52 (part I). – Art. 6228.
6. Federal Law No. 403-FZ dated 12/28/2010 (as amended on 03/20/2025) "On the Investigative Committee of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 1. – Art 15.
7. Federal Law No. 342-FZ of 11/30/2011 (as amended on 12/28/2024) "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 49 (Part I). – Art. 7020.
8. Disciplinary Statute of the Customs Service of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 16.11.1998 № 1396; ed. dated 30.09.2012) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 47. – Art. 5742.
9. Review of the practice of court review of cases on disputes related to the termination of an employment contract at the initiative of the employer (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 09.12.2020.) // The Official Portal of the Supreme Court of the Russian Federation. – Access mode: https://www.vsrf.ru/documents/all/29463 / (date of appeal: 05/14/2025).
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/28/2022 No. 25-KG21-17-K4 // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=708078#tBTW9lUEHVYneCd71 (date of request: 05/14/2025).
11. Altukhova D.I., Lilikova O.S. Bringing an employee to disciplinary responsibility: an analysis of law enforcement practice // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 108-4. – pp. 129-132.
12. Basalaeva S. P. Complex issues of disciplinary responsibility for corruption offenses in labor relations // The role of the legal community in combating corruption: Collection of scientific articles based on the results of the VI Siberian Anti–Corruption Forum (Krasnoyarsk, December 15-16, 2022) - Krasnoyarsk: SibFU, 2023. – pp. 40-45.
13. Bratus S.N. Legal responsibility. Moscow: "Legal persons", 1976. – 216 p.
14. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility: a monograph. Moscow: RAP Publishing House, 2008. 304 p.
15. Dobrobaba M.B. Disciplinary responsibility in the system of public service relations: dis. ...the dock. jurid. sciences'. – Saratov, 2017. – 463 p.
16. Dobrobaba M.B., Presnyakov M.V., Channov S.E. Disciplinary responsibility: legal mechanisms for ensuring efficiency in the public service system: monograph. Moscow: Norma, 2023. 352 p.
17. Kleandrov M.I. On the defectiveness of the formula of disciplinary misconduct of a Russian judge // Journal of Russian Law. – 2018. – № 4(256). – Pp. 110-121.
18. Momotov V.V. Judicial discretion, judicial errors and disciplinary responsibility of judges: actual problems // Russian justice. – 2024. – No. 5. – pp. 5-17.
19. Perederin S.V. Legislation on disciplinary responsibility: state and development trends // Bulletin of the VSU. Series: Pravo, 2019, No. 1, pp. 224-239.
20. Titova E.A. About the current formula of disciplinary misconduct in the public civil service system and the prospects for its improvement // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. – No. 1. – pp. 236-240.

Некоторые вопросы при реализации специальных знаний в деятельности адвоката: особый статус экспертизы; проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела; экспертиза как специфическое следственное действие

Минеев Максим Александрович
аспирант Юридического института Сибирского федерального университета, jurist_consult24@mail.ru

В статье приводится анализ научных позиций термина «классификация форм специальных знаний». Автором предпринята попытка сформировать собственную классификацию форм использования специальных знаний на основании действующего законодательства и анализа судебной практики.
Делается вывод, что в зависимости от избранной формы использования адвокатом специальных знаний, зависит дальнейшая эффективность оказания юридической помощи доверителю.
Ключевые слова: специальные знания, классификация форм специальных знаний, использование адвокатом специальных знаний.

Специальные знания, в большинстве своем применятся в виде экспертиз на стадиях судебного разбирательства. Но могут назначаться и на стадиях предварительного расследования, ведь только незамедлительное исследование вещественных доказательств с использованием специальных знаний может дать доказательства объективного характера, в отличие от субъективных, по своей сути, показаний потерпевших, свидетелей.

Исходя из этого, можно выделить основную цель экспертизы на предварительном расследовании. Эта цель заключается в предоставлении доказательств объективного характера на раннем этапе расследования преступлений.

Необходимо выделить общие задачи для всех экспертиз, которые, несомненно, являются насущными задачами для достижения вышеуказанной цели на стадии предварительного расследования:

1. «Подготовка, назначение и проведение экспертизы *с соблюдением специального правового регламента*, определяющего наряду с соответствующей процедурой права и обязанности эксперта, лица, назначающего экспертизу, а также права обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего и других субъектов в связи с этим».[1]

На практике, возникает неточность, так, согласно, ч. 3 ст. 195 УПК РФ «Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса.

Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением».

Однако, не редки ситуации, когда адвокаты, участвующие в уголовном судопроизводстве в качестве защитников, знакомятся с постановлением о назначении судебной экспертизы **только после ее проведения.**

Для урегулирования данной коллизии можно согласиться с С.В. Щиповым[2], указывающий на необходимость внесения в УПК РФ дополнений, направленных на установление времени, в течение которого следователь обязан ознакомить лиц, имеющих на это право, с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта.

Установив, что следователь обязан ознакомить подозреваемого, обвиняемого, защитника и, как предлагается, потерпевшего и его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ) и с заключением эксперта (ст. 206

УПК РФ), законодатель не определил время, в течение которого эта обязанность должна быть выполнена. Данная неопределенность порождает нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Для устранения таких нарушений было бы логичным внести дополнения в ч. 3 ст. 195 и ч. 1 ст. 206 УПК РФ, предусмотрев сроки для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта.

Однако, можно указать, что согласно ч. 4 ст. 198 УПК РФ[3] при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, **его защитник**, потерпевший, представитель вправе ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту.

2. Проведение исследования, основанного на использовании специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла;

3. Дача заключения, имеющего статус доказательства.

Специфика экспертизы как следственного действия состоит в том, что «доказательственная информация получается не самим следователем, а по его поручению в результате исследования на основе специальных познаний процессуально собранных объектов»[4]. Поэтому доброкачественность заключения эксперта зависит не только от действий самого следователя, но и от качеств эксперта, самого исследования и представленных объектов.

Для выполнения данных задач возникает необходимость в быстром исследовании объектов, найденных на месте совершения преступления. Из-за этого в предварительном расследовании экспертиза назначается сразу же, как только возникает необходимость[5]. Иначе может произойти порча объектов, которым требуется исследования.

Существует множество споров о том, что было бы полезным закрепить допустимость производства экспертизы до возбуждения уголовного дела. Но это предложение постоянно отклоняется. На практике, действительно, существует необходимость в исследовании объектов на раннем этапе расследования. Но пока что наиболее ранним этапом является предварительное расследование, несмотря на то, что в ч. 4 ст. 195 УПК РФ законодательно закреплена возможность проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

При этом возникает вопрос о доказательственном значении, полученной указанным способом информации, ведь приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Для того чтобы придать действительно полное доказательственное значение заключению эксперта, которое было получено в ходе предварительного расследования, происходит следующее. «При условии, что в нем устанавливаются фактические данные, имеющие значение для решения дела»[6], заключение эксперта должно быть проверено в судебном заседании. Подтверждает это позиция, указанная в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. N 28 г. Москва "О судебной экспертизе по уголовным делам", в которой говорится, что в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются заключение и показания эксперта, которые, как и все доказательства, подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании.

Вопрос о статусе заключений правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве является дискуссионным[7]. В экспертологии имеет место тезис, что правовых экспертиз не может быть, так как субъекты, ведущие уголовный процесс, являются юристами и имеют все необходимые профессиональные знания в области юриспруденции.

Тем не менее практика применения доктринальных научно-консультативных заключений присутствует в уголовном судопроизводстве. Многие ученые-юристы дают такие заключения по различным вопросам уголовного права и процесса.

Расулова Н.С [8]. указывает, что справочно-вспомогательными средствами доказывания предлагается считать сообщаемые сведущими в определённых узкопрофильных областях знаний лицами и документально зафиксированные сведения, которые, восполняя пробелы в собственном понимании субъектами доказывания различных обстоятельств, попавших в предмет исследования по конкретному уголовному делу, предопределяют возможность получения вспомогательных доводов и аргументов, позволяют правильно оценить относимость, допустимость, достоверность отдельных доказательств и (или) их совокупную достаточность, то есть содействуют формулированию предполагаемых выводов и позиций, ложащихся в обоснование правоприменительных решений органов дознания, предварительного следствия либо суда.

Следует согласиться с автором Расуловой Н.С., научно-консультативные заключения не являются доказательствами по уголовному делу: ни заключениями эксперта, специалиста, ни иными документами. Эти заключения не связаны ни с собиранием, ни с проверкой доказательств. Данные научно-консультативные заключения влияют лишь на оценку доказательств, формирование внутреннего убеждения субъектов, ведущих уголовный процесс.

Такие научно-консультативные заключения являются **процессуально значимыми документами**, и они представляют ценность для выполнения назначения уголовного судопроизводства. Такие заключения позволяют выявить, исправить и предупредить следственную и (или) судебную ошибку[9].

Литература

1. Россинская Е.Р., Зинин А.М. Экспертиза в судопроизводстве : учебник для бакалавров / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2015. 26 С.

2. Щипов Сергей Васильевич. Использование адвокатом в уголовном процессе специальных познаний: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. - Москва, 2006. - 210 с.

3. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024)

4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. 670 с.

5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005. С. 187.

6. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Судебная экспертиза : сборник нормативных правовых актов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 74.

7. Интересный анализ дискуссии по данной проблеме представлен в работе Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной. Е. Р. Россинская предложила внедрить в экспертную практику судебно-нормативные экспертизы [6, с. 9—19].

8. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Расулова Наталья Сергеевна; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»]. - Москва, 2022. - 27 с.

9. Назаров А. Д., Минеев М. А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве КРИМИНАЛИСТЪ. 2024. № 3 (48). С. 45—49

Some issues in the implementation of specialized knowledge in the activities of a lawyer: special status of expertise; conducting an examination before initiating a criminal case; examination as a specific investigative action

Mineev M.A.
Siberian Federal University Law Institute

The article presents a set of scientific positions of the term "classification of forms of special knowledge". The author attempts to identify his own classification of forms of using special knowledge based on current legislation and analysis of judicial practice.

It is concluded that, depending on the chosen form of the lawyer's use of special knowledge, the further effectiveness of providing legal assistance to the principal depends.

Keywords: Special knowledge, classification of forms of special knowledge.

References

1. Rossinskaya E.R., Zinin A.M. Expertise in legal proceedings: a textbook for bachelors / edited by E.R. Rossinskaya. Moscow, 2015. 26 p.
2. Shchipov Sergey Vasilievich. Use of special knowledge by a lawyer in criminal proceedings: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.09. - Moscow, 2006. - 210 p.
3. "Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 09.11.2024)
4. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / Ed. A.V. Smirnov. St. Petersburg: Piter, 2003. 670 p.
5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal Procedure. SPb.: Piter, 2005. Page 187.
6. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Forensic examination: a collection of normative legal acts. - 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2017. Page 74.
7. An interesting analysis of the discussion on this problem is presented in the work of E.R. Rossinskaya and E.I. Galyashina. E.R. Rossinskaya proposed to introduce forensic normative examinations into expert practice [6, pp. 9-19].
8. Expert opinion as a means of proof in criminal proceedings: abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.09 / Rasulova Natalya Sergeevna; [Place of protection: Federal State Educational Institution of Higher Education “Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”]. - Moscow, 2022. - 27 p.
9. Nazarov A. D., Mineev M. A. Use of special knowledge in criminal proceedings CRIMINALIST. 2024. No. 3 (48). P. 45-49